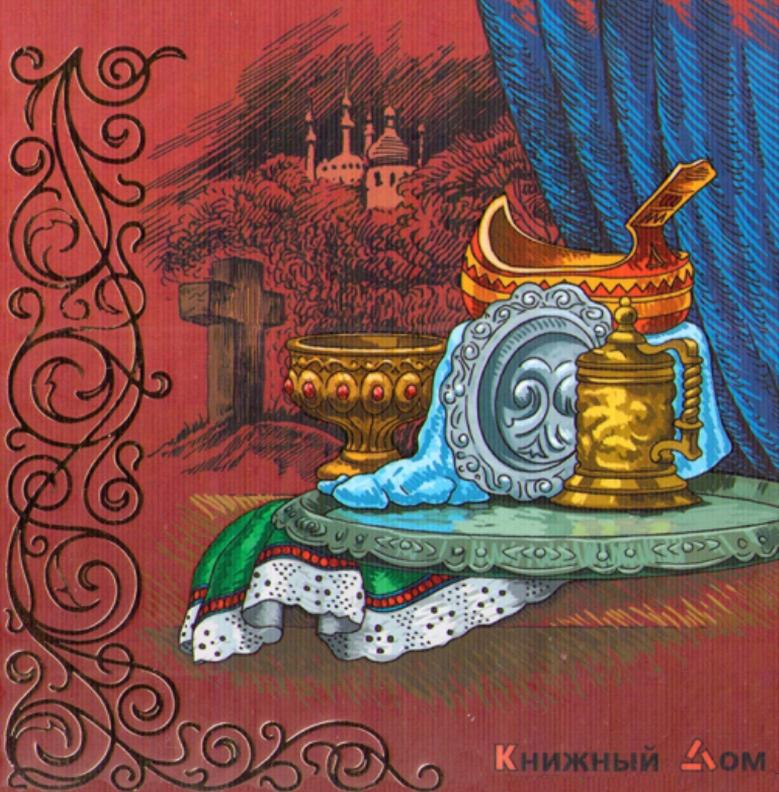

Александр Красницкий

В ТУМАНЕ ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Книжный Дом

В тумане тысячелетия //Книжный Дом, Минск, 2013
ISBN: 978-985-17-0529-6
FB2: , 17.04.2019, version 1.0
UUID: 863C1B11-71F5-4ABD-8F16-23E294EBCDD8
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Иванович Красницкий

В тумане тысячелетия (История России в романах)

Роман в увлекательной форме рассказывает об эпохе образования русского государства, о призвании варягов на Русь, об их взаимоотношениях со славянами, о многочисленных походах и сражениях. Автору удалось рассеять туман, окутавший далёкое прошлое, и предложить читателю собственную оригинальную версию происхождения призванных варягов.

Содержание

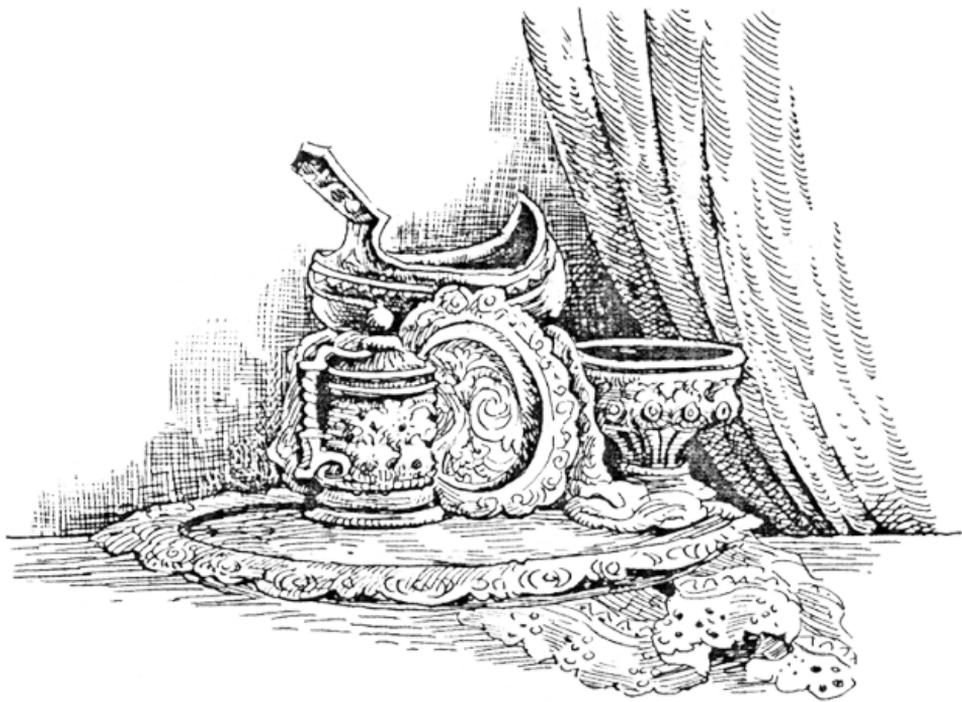
#1	0009
Вместо предисловия	0009
Часть I ИЗГНАННИК	0015
1. В солнечный день	0015
2. Первая искра	0024
3. Славянские ручьи и русское море	0034
4. Любовь тысячу лет тому назад	0045
5. После свидания	0060
6. В пучине Волхова	0065
7. Отец русских городов	0073
8. Народная вспышка	0081
9. Вече	0090
10. Осмеянный влюблённый	0101
11. Пир горой	0111
12. Асгард и Мидгард	0122
13. Любовь-горе	0130
14. Подарок-спаситель	0140
15. Тёмный замысел	0148
16. Завеса грядущего	0157
17. На Варяжке	0166
18. В объятиях смерти	0175
19. Старый норманн	0181
20. Милость неведомого Бога	0189
21. Вероломство	0196
22. Жрец Перуна	0207

23. Меж двух огней	0215
24. Радость и горе	0222
25. Коварство любви	0230
26. Прерванная свадьба	0238
27. Мнимый волхв	0245
28. Соперники	0257
29. В тишине ночи	0263
30. Две просьбы	0270
31. Судьба	0277
32. В пути	0287
33. Предсказание	0294
Часть II НА ПУТИ К СЛАВЕ	0301
1. Новая родина	0301
2. В Скандинавии	0309
3. Викинги	0316
4. Черты из жизни скандинавов	0329
5. Краса угрюмых берегов	0345
6. Через десять лет	0359
7. С викингом	0370
8. В морском просторе	0380
9. Набег	0388
10. Битва	0398
11. Смерть старого норманна	0406
12. Узник	0414
13. Рассказ Олофа	0424
14. В объятиях сирены	0436
15. На родимых берегах	0448
16. Встреча	0458

17. Освобождение	0466
18. Избранник Эфанды	0479
19. Вести с родины	0489
20. Братья	0497
21. Снова на Ильмене	0505
Часть III ИСПОЛНИВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ	
0514	
1. Перед грозой	0514
2. Опасная потеха	0525
3. Тинг	0533
4. Неурядицы	0543
5. Первый гром	0550
6. Гибель послов	0558
7. Сокол	0563
8. Отклик минувшего	0572
9. Смерть Велемира	0580
10. Названные братья	0589
11. Исполнившаяся мечта	0597
12. Пробудившийся богатырь	0604
13. После неволи	0613
16. Счастье Гостомысла	0622
15. «Земля наша велика и обильна»	0635
16. Томительное ожидание	0641
17. В родимый край	0651
18. «Привет тебе, солнышко наше!»	0661
19. Русь единая	0669
20. Княжья правда	0678
21. Судьба Вадима	0687

22. В Киеве	0694
23. Снова тревога	0698
24. Кровожадный волк	0705
25. Последняя вспышка	0714
26. Смерть Вадима	0723

В тумане тысячелетия

Вместо предисловия

Устой туман десяти с лишним миновавших веков скрывает от наших взоров прошлое. Велика и обильна матушка-Русь. Почти на беспредельном пространстве раскинулась она. С гордостью может воскликнуть каждый русский, что на его родине никогда не заходит солнце! И он будет прав, более даже прав, чем известный испанский монарх, произнёсший эту фразу. Но как началось русское государство, каким порядком соединились в одно целое-неразделимое все разрозненные между собой славянские племена, наконец, в самом ли деле призваны были «княжить и владеть» землями и славянскими племенами какие-то северные витязи — всё это до сих пор точно не установлено.

Особенно последнее.

С детства мы привыкли к мысли, что славянские племена, утомлённые междоусобицей, призвали к себе из далёкой Скандинавии троих братьев-варягов: Рюрика, Синеуса и Трувора, которые и положили начало единой державной власти на Руси.

Так, по крайней мере, говорят все наши историки, но чем ближе к концу XIX век, чем больше рассеивается туман, окутавший наше прошлое, тем всё чаще раздаются голоса, в корне опровергающие это основанное на предположениях мнение.

Не только опровергают, но и отвергают даже его!

В самом деле, можно ли с абсолютной точностью сказать в этом случае: да или нет!

Нельзя!

Очевидно, было с небольшим тысячу лет тому назад что-то похожее на передаваемое летописцами призвание варягов из-за моря, иначе преподобный Нестор не занёс бы в свою летопись такого рассказа. Но подлинников преподобного летописца не сохранилось, а кто может поручиться, что переписчики буква в букву копировали первый источник.

Напротив, вполне достоверным может казаться, что все позднейшие списки являлись скорее самостоятельным трудом, чем точной копией несторовской летописи. Труд преподобного Нестора несомненно вызвал подражателей, составлявших свою летопись и переписывавших в неё эпизоды из летописи печерского отшельника. Если бы нашёлся какими-либо судьбами подлинник, может быть, и тьма минувшего несколько осветилась бы...

Несомненно, однако, что в первые годы, а затем и далее, вплоть до святого Владимира равноапостольного, на Руси преобладало именно норманнское влияние. Все герои первой эпохи русского государства — Олег, Игорь, Святослав, даже Владимир Красное Солнышко до принятия христианства, это — норманны и по внешности, и по складу ума, и по своей жизни. Они именно — те «скандинавские» хищники, гроза только что складывавшихся тогда государств Запада, и такими нам представляют их и современники, и история.

Но что же было на самом деле?

Неужели же наши предки не нашли до-

стойного среди себя и обратились за море к варягам, которых они только что прогнали от себя (859-862 гг.)?

Кто знает?

Мы не берёмся вовсе разрешать этого щекотливого вопроса. Отвергать совсем призвания князей нельзя, но утверждать, что прогнанные только что иноземцы-разбойники званы были княжить и владеть землёй Русской, тоже и не хочется, и не соответствует новейшим данным по этому вопросу.

Наша цель — предложить читателям не мудрствуя лукаво рассказ о былых временах. Может быть, в нём найдётся много погрешностей (в чём мы не сомневаемся), но, приступая к чтению, надо помнить, что предлагаемый труд ни больше ни меньше как романтическое повествование, предназначенное для той свободной минуты, когда читатель отдыхает от трудов праведных. Этой мысли всё время и держался автор.

В интересах повествования приходилось иногда прибегать к источникам, которые считаются недостоверными некоторыми нашими историками (даже сами списки Нестора в

рассказах о Гостомысле Н. Карамзиным), но надеемся, что читатель не осудит.

Всякий роман есть не что иное, как род поэтического повествования, а поэзия — это вымысел, похожий на правду. Вот почему мы надеемся, что в рассказе о призвании варягов если читатель и найдёт несколько не те сведения, которые внушены ему на школьной скамье, то не посетует за это...

Кроме того, автор нисколько не отвергает самого факта призвания. Он говорит только, что были призваны «княжить и владеть» не иноземцы, а русские — славяне...

Может быть, это и так, но кто поручится, что не так?..

В тумане тысячелетия всякое может скрываться...

Затем ещё одно замечание.

Вполне понятно, что отделённые от нас тысячелетием предки наши говорили далеко не тем языком, каким они говорят в предлагаемом романе. Но опять-таки исключительно в интересах повествования автор передал разговоры их современным языком, не прибегая к затемняющим смысл речи архаизмам.

В остальном пусть строгим судьёй явится
сам читатель...

Часть I ИЗГНАННИК

1. В солнечный день

*Отраден солнца яркий свет, он душу
оживляет...*

Старинное стихотворение

То за чудный летний день!

Право, давным-давно уже не выдавалось такого денька на суровом севере. Над Ильменем вечно небо хмурится, бродят по нему грозные тучи, каждый миг буря зареветь готова, гром загрохотать, молнии засверкать.

А тут...

С выси поднебесной ярко, радостно веселое солнышко смотрит. Рассылает оно свои

лучи по поднебесью, заливают светом своим весёлым, радостным и поля, и дубравы, и Волхов старый...

Кто бы мог подумать, что с течением времени не только человек, но и природа сама меняется... И заметно меняется. Многими фактами доказано, что с небольшим тысячу лет назад на севере нашей необъятной матушки-России климат не таков был, каков он теперь.

В самом деле, в те времена глубокой древности, когда начинается наш рассказ, климат России был совсем другой. Пока дикие, непроходимые леса покрывали собой всю среднюю и южную полосу от севера до востока, климат южной России был куда благоднее нынешнего. На севере же России и в средней полосе между лесами и болотами было значительно холоднее, чем теперь.

Да что древние времена! Ещё в XVII веке виноград зрел в Киеве под открытым небом, а в южной России и представить себе никто из её обитателей не мог таких холодов, которые свирепствуют там в настоящее время.

Теперь климат нашей матушки-России

уравнялся. На юге сделалось холоднее, на севере теплее.

Прежде не то было...

Оттого-то так и радуется народ приильменский весёлому солнечному деньку. Редки они, такие деньки.

Особенно веселятся в роду приильменского старейшины Володислава, занявшего место на левом берегу Ильменя, вблизи Перыни-холма, где стоял, возвышаясь над озером и сушей, гигантский идол грозного славянского бога Перуна — бога-громовержца.

Могуч и богат этот род. Немногие роды приильменские сравняются с ним в могуществе, богатстве и многолюдий. Сколько у него пушных товаров заготовлено к приезду людей урманских — видимо-невидимо! Меха у него и довольствия разного на самом деле обилие такое, какое другим родам и во сне не снилось...

Не только богат и могуч, но и самостоятелен род Володислава. Ни от кого не зависит он. Даже к пятинам Новгорода не приписан, а уж на что этот последний усилился после того, как перенесли его со старого городища на

левый берег да стали в него съезжаться и весь, и мера, и кривичи, и мужи торговые из далёкой Скандинавии.

Родовой старейшина Володислав никого не боится, а с ним никого не страшатся и его родичи.

Вот и теперь поёт, играет родовая молодёжь, собравшись на лугу за своим селением... Молодёжь и тысячу лет тому назад была молодёжью, даже, пожалуй, ещё лучшей, чем теперь. Слышен искренний весёлый раскатистый смех, видны покрасневшие от игр и удовольствия лица, а порой зальётся, зазвонит и рассыплется звонкою трелью весёлая песня...

А солнышко ласково, приветно смотрит на развеселившихся под его лучами молодцов и девиц красных.

Даже старики вышли и греют на солнце свои болезненные кости. Сам Володислав с ними. Степенно, серьёзно ведёт он беседу, а сам нет-нет да и кинет любовный взгляд в сторону веселящейся молодёжи, где в числе других находится и единственный сын его Вадим.

— Слышал ли ты, княже, — говорит Воло-

диславу седой с обветренным лицом старик. — Прибыли к Новгороду из-за Нево люди неведомые, зовут себя норманнскими ярлами [1], и с ними варягов[2] великое число.

— Ох, слышал, отец Витимир, слышал... Что-то затевает этот новгородский посадник Гостомысл, торговлю ли, дело ли ратное — неведомо...

— А как бы за норманнскими варягами и наши с Варяжки не ушли...

— Что же? Пусть их идут... Без них у нас на Ильмене тише будет...

— Слышал ты, что и Гостомыслов племянник Святогор к солеварам с Варяжки при-мкнул?

— Слышал. Отчаянный он... Даром, что молод, а на медведя один на один ходит!

Володислав вздохнул.

Красив лицом, статен был его Вадим. Только в глубине души старик совсем не такого сына хотел иметь. Нельзя сказать, чтобы Вадим и трусом был, нет, он только характером совсем странный выдался. Хитры, ох как хитры были наши предки, но вместе с тем прямодушны они были. Хитры они были в охотни-

чьих уловках, в погоне за зверем, в борьбе с врагом, но зато в отношениях между собой и в отношениях с друзьями более открытых и прямодушных людей не бывало.

А Вадим совсем не таким выдался. С малых лет в нём замечали вероломство. Обмануть, хотя бы первого друга, надсмеяться над ним, зло ему без всякой причины сделать — на всё это был способен Вадим.

За это его не любили в роду и только ради отца многое от него сносили, да и то жалоб на обиды от чужих людей не было конца...

Знал это Володислав и глубоко сокрушался.

— А всё сильнее и сильнее Новгород становится, — продолжалась беседа. — Много народу в него прибывает.

— Ещё бы, его на просторном месте срубили, будет во все стороны шириться...

— Не то что там, на острове[3].

— Там-то не раздашь!

— Да нам что Новгород! Пусть его ширится. Мы здесь в лесу сидим, земли много, зверя в чаще видимо-невидимо, Ильмень-кормилец близко совсем.

В это время громкий женский крик прервал беседу. Ну лугу разом оборвались песни, смех, веселье.

— Что там ещё? — спросил Володислав, нахмутив седые брови.

На лугу, между тем, отчаянно отбивалась от старейшинского сына молодая красивая девушка.

— Нет, Вадим, нет. Ни за что! Пусти меня! — говорила она, стараясь вырваться из объятий юноши...

— Не пуцу, Любуша. Поцелуй! — пристаивал тот.

— Оставь, не тебе меня целовать, — упиралась ему в грудь она.

— Вот поцелую, — настаивал Вадим и протянул было губы к раскрасневшемуся лицу девушки.

Как раз в это время она с силой рванулась из его объятий, оттолкнув при этом.

Толчок был слишком неожиданный. Невольно Вадим выпустил девушку и, не удержавшись на ногах, упал.

Кругом раздался смех. Вадима, как известно, недолюбливали, потому не только подру-

ги Любуши, но и сверстники Вадима только порадовались его поражению.

— Хорош молодец... девка повалила! — слышались насмешки.

С искажённым от злобы лицом вскочил Вадим на ноги и кинулся к Любуше, но в это время между ним и ею сплошной стеной стали юноши и девушки.

— Оставь, княжич! Ты в гневе необуздан! — заговорили кругом. — Что тебе в ней?

— Да и я не для тебя! — раздался звонкий смех девушки. — Не для тебя, нет, не для тебя!..

И девушка опрометью бросилась к селению.

Все в роду знали, что Володислав хоть и строг, но справедлив, и не допустит никакой обиды — даже если обидчиком будет его родной сын.

Любуша и не думала жаловаться на Вадима, но тот, зная, как строг его отец, во избежание неприятности, кинулся со всех ног прочь, сопровождаемый громким смехом.

Такое тоже было в его характере.

Отбежав довольно далеко, он остановился

и жжал кулаки.

— Не для меня. Не для меня, — повторял он. — Знаю, для кого... Ох знаю! И не сносить ему головы. Клянусь в том Перуном.

Красивое лицо юноши было искажено злобой, глаза метали молнии, а лоб избороздили не свойственные его возрасту морщины.

В то время на лугу всё успокоилось, только прежнее веселье стало как-то тише, а беседа между стариками — оживлённее.

Толковали про Новгород, который всегда был бельмом на глазу у всех приильменских славян. Разговор от Гостомысла и намерений мудрого посадника перешёл к этой столице северной славянщины.

— Ох, посмотрите, не сносить нам от него, от Новгорода, головы, — толковали оживлённо старики. — Нельзя ему такой силы давать.

— Чего там! Много нас ведь на Ильмене. Да и не один Новгород срублен мужиками славянскими. Забыли, что ли, кроме Новгорода, ещё Киев, Смоленск, Чернигов есть, а кто из них сильнее?

Долго ещё продолжался спор между стариками на эту тему.

2. Первая искра

*Русь сильна единой державною властью.
Историческая фраза*

Особенным почтением все в кругу, даже сам Володислав, слушали древнего, высухшего от пережитых лет старика.

Это был Радбор, самый старший человек в роде Володислава. Долго жили тогда люди: никто из родичей не знал, сколько ему лет. Все, даже старики, помнили его седым и сторбленным.

Несмотря на ветхость и древность, память Радбор сохранил крепкую. Он живо помнил старину и любил рассказывать про неё. Как только выдавался тёплый денёк, выползал Радбор на солнышко подставлять своё высохшее тело под ласковые его лучи, грелся и нежился, а вокруг него в это время собира-

лись родичи, знавшие, что у Радбора всегда есть в запасе интересные рассказы про седую старину.

Так и теперь, когда повелась общая беседа, взоры всех обратились к Радбору. Все ждали, что он скажет, и всем интересно было знать, каково будет его мнение об ожидающихся событиях.

Когда в беседу вмешался Радбор, спор шёл о могуществе славян.

— Сколько нас по лицу земли рассеялось! — горячился высокий старик, подстарейшина в роде Володислава. — Разве по одному только Ильмену сидят роды наши? Куда ни пойдешь, от моря Варяжского и до Сурожского, и до Хвалынского морей, везде однородцы наши есть, всюду речь славянскую услышишь, везде одним богам кланяются.

— Так, так!

— Верно говорит! Много нас, сильны мы, — слышались одобрительные восклицания.

— Что и говорить! Вот хотя бы наши города взять! Чем не велик наш Новгород? Во всех странах, за всеми морями известен.

— Точно, везде известен! Мало, что ли, гостей[4] с разных стран сюда собирается торговать!

— А Киев-то!

— И Киев тоже! Родной он Новгороду.

— Да один ли Киев да Новгород в славянщине?

А Изборск у кривичей, а Смоленск. Сильнее-то народа славянского и нет нигде!

— Сильны мы, очень сильны! Что и говорить! — раздался слабый, дрожащий голос. — А всякий нас и обидит, и под пяту, коли захочет, положить может.

Это говорил Радбор.

Все в кругу с любопытством обратились в его сторону.

— Что же, отец? — слышались вопросы. — Скажи нам, почему это так?

— Да, отец, объясни нам, научи нас! Много ты на своём веку повидал, мудрость твоя известна всему Ильменю, так поведай нам, почему ты говоришь, что при всей силе нашей слабы мы, однако, и всякий, кто ни захочет, может нас покорить.

— Нас вот на Ильмени никто не покорял.

— Так на то вы и ильменские! Сюда и птица не всякая залетает, и зверь не всякий заходит, кто же вас сюда в полон брать придёт? Разбежитесь по дубравам — и нет вас. А вот кто посильнее, придут и заберут всех, и да-нюю обложат всех вас — все роды.

— Так мы прогоним их!

— Что ж, что прогоните! Сегодня прогнали, а завтра они опять придут и опять завладеют вами. А потому, что слабы вы, даже и на Ильмени, как все остальные.

Радбор, видимо, устал и замолчал, чтобы перевести дыхание.

— Вот живём мы, а как в самом деле живём-то? — снова заговорил он. — Правда, много нас на земле живёт, и все мы по одному говорим и одним богам кланяемся, а только беда наша в том, что нет между нами никакого согласия... Не живут в мире постоянном не только племена, но и роды даже. Всегда между нами бой смертельный идёт. Древляне с окольными полян, что по Днепру живут, обижают, вятичи до радимичей идут, дреговичи кривичей воюют, и всегда где-нибудь бой идёт, кровь льётся. И какая кровь-то? Брат-

ская! Ведь и древляне, и бужане, и полочане, и дреговичи, и лутичи, и мы, ильменские, — все родные братья, все от одного корня происходим, а вот от раздоров этих и беды на нас разные идут.

Старик снова замолчал.

Его слушали с затаённым дыханием, так как правдивость его слов была очевидна.

— Какие же беды, отец? — слышался робкий вопрос.

— Вот хотя бы с дулебами.

— Что такое с дулебами? Расскажи!

— Давно уже это было, так давно, что много поколений сменилось, а память, между тем, всё ещё свежа.

— Расскажи, расскажи, отец, что случилось в старинные времена с дулебами, мы же послушаем да поучимся. Опыт разуму учит!

— Слушайте же, если знать хотите... Пусть рассказ мой в прок идёт. Жили дулебы на своём Буге-реке, жили тихо, смирно, по зверя в леса ходили, рыбу ловили, никого они не трогали, только их самих иногда древляне дикие обижали. Братья-то Кий, Щёк и Хорив только что с Дуная пришли и на Днепровских горах у

полян сели. Никто и подумать не мог тогда, что будет здесь город великий и нашему Новгороду равный... Это он уже потом, спустя много-много времени так вырос!

— А Расскажи отец, как Киев-город построился, — раздался чей-то вопрос.

— Киев-то? Да много слышал я о Киеве разного. Чему и верить, не знаю. Каждый о Киеве по-своему толкует!

— А вот ты сейчас нам рассказал, что братья с Дуная пришли.

— Говорили мне так, когда я был в землях Полянских. Пришли три брата из далёких стран, что за Дунаем-рекой лежат, пришли они с дружиною сильной и осели на высотах киевских, благо поляне их добром пустили и боем на них не пошли... А осели они здесь с тем, чтобы с людей торговых, которые за Русское море в Византию ходили, дань собирать... Место-то там удобное! В обе стороны с гор далеко видно, кто чуть на Днепре появился, сейчас видно, а снизу если кто пойдёт, так пороги там, иначе, как волоком, и нельзя идти. Так и начали жить на высотах днепровских три брата, а с их старшего брата по име-

ни и городок Киевом был прозван.

— А по-другому как рассказывают об его основании?

— По-другому-то? А говорят, будто Кий, брат из трёх старший, просто перевозчиком был. Перевозил через реку, кому это нужно было, с одного берега на другой; около этого и кормился, а народу тут много переходило через Днепр, так много, что братьям и не справиться было. Люди задерживались, подолгу оставались тут, ну и чтоб время не терять, кто товары при себе имел, за торг принялся, а тут и мужи свейские, что из варяг в греки шли, тоже приставать начали, менять там, что у кого было, и пришлось осесть у ворот днепровских, осели и зажились, сперва селенье устроилось, а потом и город огородили...

— Ты бы, отец, про дулебов-то нам досказал, — вернул один из слушателей старика на прежнюю тему.

— Да, про дулебов! Вот ведь они какую беду вынесли.

— Какую, отец, какую? — раздались голоса.

— Пришли к ним мужи обрские, пришли с оружием и стали воевать дулебов; те народ

мирный, не ратный, не могли против них силы выставить, и победили их обры. А были они телом великие и умом гордые.

— Что же, данью обложили их обры?

— Данью одной, это ничего ещё было бы...

Не в первый раз племенам славянским дань платить! Привыкли они к этому. А обры всячески надругались над покорёнными. Вот тут и пострадали роды дулебские!

— Мучили их обры?

— И это бывало. А больше всего надругались они над жёнами славянскими. Страшно надругались... Вместо коней и волов они были у них!

Общий крик негодования прервал Радбора. Лица слушателей побледнели, глаза за сверкали. Сказалось родственное племенное чувство. Ведь дулебы, как бы далеко они ни жили от Ильменя, но всё-таки они, как выразился Радбор, были братьями им. Всякая обида, нанесённая им, гулко отдавалась во всех сердцах славянских! Тёкшая во всех славянских жилах одна кровь брала своё. Ссорясь и воюя между собой постоянно, славяне никогда этого не забывали, и при всякой дурной

вести из славянских племён, они готовы были кинуться за них на врага, но, увы, не было между ними объединяющего начала, единой власти, которой так сильна стала матушка-Россия в настоящее время.

— Как куда нужно поехать обрину, — продолжал свой рассказ старый Радбор, — сейчас приказывает он запрячь в телегу свою не волов и не коней, а жён славянских, садится сам, так и едет!

— И возили? — слышался вопрос.

— Повезёшь! Трёх-четырёх впрягали проклятые обрины!

— А мужи дулебские, что же?

— Слабы они были... Где же им одним против обров пойти, а древляне, им соседние, по своим лесам рассеялись. Поди, лови их там.

— И долго так обры издевались над дулебами?

— Ох, долго, и ничего с ними поделаться было нельзя, ибо сильны были.

— Как же избавились от обрского ига они?

— Сами боги на помощь им пришли. Пошла ходить по обрам болезнь страшная[5], кто ни заболит — все умирали, и дулебов

много здесь погибло, но они всё-таки остались, а обры так и перемерли, так что на земле дулебской ни одного обрина не осталось!

— И теперь на землях днепровских говорят, — заметил внимательно слушавший рассказа Володислав, — «погиб, как обры!».

— Это про тех, кто рода после себя не оставил, — добавил к его замечанию Радбор.

Некоторое время весь круг молчал.

— Вот к чему ведут несогласие и раздоры, — заговорил опять старик, — восстанет в землях славянских род на род, и не будет правды, а тут враг близко, ждёт он этого, нагрянет с грозой ратной и с родами славянскими делает, что только хочет! А они все спорят между собой, кровь льют!

— Как же быть-то?

— Сплотиться всем воедино... Выбрать князя, чтобы всеми делами верховодил, на врага водил и от врагов со своими дружинами оборонял. Да чтобы не было ни вятичей, ни радимичей, ни полян, ни древлян, а были бы они все славяне... Вот тогда мы и сильны будем. Не найдётся врага, который бы одолел нас! Сами всех и всё сокрушим, как вода из про-

рвавшейся запруды все затопим, и не погибнет славянство во веки веков!

— Прав старик, прав! — раздались голоса.

Первая мысль об единой державной, всё сплачивающей власти была заронена.

3. Славянские ручьи и русское море

Славянские ручьи сольются в русском море...

А. С. Пушкин

Если взглянуть на карту современной Европы, то непременно бросится в глаза огромная площадь, занимаемая нашей матушкой-Россией. В то время, когда начинается наш рассказ, славянские племена жили на большем, пожалуй, ещё пространстве, чем занимаемое Россией ныне. Они говорили на одном, всем им понятном языке, проникнуты были одним духом, образ правления у всех

был одинаковый — выборный, и религия, за немногими исключениями, одна и та же.

Широко во все стороны раскинулись земли, занятые русскими славянами, составлявшими ядро славянщины, — то русское море, в котором рано или поздно должны слиться остальные славянские ручьи...

Тысячу с небольшим лет назад, когда только что начало образовываться русское государство, большая часть страны была покрыта дремучими лесами и болотами. Между ними, как будто на островах, по возможности ближе к рекам и озёрам, жили отдельные славянские общины. Каждая из них управлялась своим старейшиной, но все эти общины составляли особые племена. В свою очередь, эти племена придерживались двух главных союзов: северного и южного.

Во главе первого стоял Новгород, во главе второго — Киев.

Такое первенствующее положение Новгорода и Киева в союзах славянских племён имело последствием то, что в них ранее, чем в других городах, развились торговля, гражданское устройство, просвещение. Здесь по-

явились первые поэты-летописцы, в них сохранялись народные предания, память о всех делах союза, в них, наконец, творились суд и расправа и сосредотачивалась общеславянская деятельность.

Может быть, по этим соображениям северные саги и называют Россию «Гардарикой», то есть страной, подвластной городу, а византийские историки и восточные писатели называют Киев, близкий и более знакомый им, столицей земель славянских.

Первенствующим поселением в северном союзе были славяне новгородские. Они занимали площадь, вдававшуюся клином на север по Волхову, к озеру Нево (Ладожскому), на юг область новгородских славян простиралась не далее реки Межи, на восток примыкала к рекам Тихвинке, Чадогаще, Молоте, за которыми жили финские племена, и, наконец, на западе граничила с Ижорой, или Ингерманландией, и Эстляндией — маамиссами (чудью).

Другим могучим славянским племенем были кривичи, занимавшие нынешнюю Витебскую, Псковскую, Тверскую, Смоленскую

губернии и часть Могилёвской. Они, кроме того, занимали верховья Днепра, Западной Двины и Волги.

Затем шли полочане — ветвь кривичей, жившие по берегам реки Полоты; дреговичи — между Припятью и Двиной, в нынешней Минской и Витебской губерниях, дулебы — в нынешней Гродненской губернии.

В южном славянском союзе главенствующее положение занимали тихие и кроткие поляне, населявшие нынешнюю Киевскую губернию и распространявшиеся по Днепру.

Далее, в лесах нынешней Волынской губернии жили древляне; по Бугу, впадающему в Вислу, — бужане. За бужанами к югу — волыняне; северяне — на берегах Десны и Семи, в губернии Черниговской; сулиги — на Суле, лютичи и тиверцы по Днестру, до Чёрного моря и Дуная; в губернии Подольской, части Галиции, Молдавии, Бессарабии — хорваты или Карпаты, одноплеменные с белохрватами, принадлежавшими к союзу польских славян и жившие в части Галиции, примыкавшей к губерниям Волынской и Подольской; радимичи — в Могилёвской и Смоленской губерниях,

по реке Сож; вятичи — по Оке, в губерниях Калужской, Тульской, Орловской.

Так разлилось русское море по лицу земли славянской. Им одним, русским славянам, удалось образоваться в крепкое, мощное государство с первых лет своего основания. Много бед претерпело оно в течение тысячелетней жизни, но не сломилось под ударами их, а напротив, окрепло верностью и преданностью своим обычаям, заветам старины и установленной по собственной воле и почину единодержавной власти. Живя под влиянием этих начал, Россия «достигла между народами исторического мира той степени, на которой с гордостью и любовью видим мы её ныне» [6].

Кроме чисто славянских племён, составлявших ядро славящины, непосредственную связь с ними имели, а затем целиком вошли в состав образовавшегося Русского государства племена: чудь, обитавшая на пространстве от Лифляндской губернии через Чудское озеро, верховья Плюссы и Луги до Невы и Ладожского озера, в северной половине Лифляндской, Эстляндской и северо-западной части нынешней Петербургской губернии; весь, жившая от

верховья Онеги через Бело-озеро, Шексну, Мологу, до Тверцы — в южной части Олонецкой, северо-восточной части Новгородской, половине Тверской и прилегающей к ней части Ярославской губерний; и меря, обитавшая в остальной, наибольшей части Владимирской и Московской губерний, занимая пространство по обеим сторонам Волги между Мологой и Унжой, и простираясь на юг через Клязьму до Москвы-реки и на север до водораздела между верховьями реки Костромы и Унжи и бассейном Северной Двины (Сухоны и Юга).

На юго-востоке ближайшими соседями русских славян были и находились в безусловной тесной связи с их судьбой козары, кочевья которых простирались от Крыма и низовий Днепра чрез нынешнюю Екатеринославскую, юго-восточные части Харьковской и Воронежской губерний и землю донских казаков до Нижней Волги, Саратовской и Астраханской губерний, а на юг до Кубани и Терека.

На западе соседствовали с русскими славянами их соплеменники, славяне вислян-

ские — поляки, и на северо-западе племя литовско-латышское, по всей вероятности, тоже однородное со славянами.

Два главных племени российских славян — славяне новгородские и киевские — стояли даже во времена глубокой древности на гораздо более высоком уровне развития, чем остальные славянские племена. Северные славяне, живя по соседству с враждебной Литвой и финскими племенами, волей-неволей должны были войти с ними в близкие и дружеские отношения, установившиеся, по всей вероятности, после долгих кровопролитных войн, в которых то одно, то другое племя попеременно выходило победителем. В северном союзе чудь, племя сильное и многочисленное, имело большое влияние в последующие времена; оно было постоянным союзником ильменских или новгородских славян во всех их битвах за независимость и принимало участие в делах государственных. Это впоследствии привело к тому, что чудь слилась со славянами и вошла в общий состав их племён.

Между собой два главных союза славян-

ских жили далеко не мирно. С одной стороны, не было крепкой власти, которая бы прочно соединила их, с другой — интересы их, в особенности интересы торговые, постоянно сталкивались. Кажется, именно это соперничество и порождало всегда неприязненные отношения между киевлянами и новгородцами. Все славяне торговали одним товаром, следовательно, встречаться им приходилось как конкурентам, а отсюда возникала и рознь между ними.

Казалось, сама судьба готовила ильменских (северных) славян к той роли, которую потом пришлось им сыграть в общем ходе исторических событий.

Славяне русские, и в особенности северные, всегда любили жить в больших селениях и деревнях. Это способствовало развитию у них начал демократии, усовершенствованию ремёсел и поддержанию духа общительности и соперничества. Малороссийские хутора и тогда, как и теперь, были неизвестны на севере. Вообще славяне были охотники до многочисленных собраний и терпеть не могли уединения. Нестеровы «игрища» на улицах и за се-

лениями существуют и поныне. Женщины пользовались полною свободой, принимали всегда участие в забавах и играх и даже первенствовали в них. До позднейших времён — татарщины — не в обычае было у наших предков запираить своих жён и дочерей в терема, напротив, они пользовались полною свободою.

Пища у наших предков была та же самая, что и теперь у простого народа — мещан, мелкого купечества, — но и в этом отношении славяне ильменские, северные, значительно разнились от своих южных сородичей. Кушанья одних были совсем не употребительны и даже неизвестны другим. На севере любимыми блюдами были щи, каша, пироги, холодное мясо, кисель, квас. На юге — борщ, вареники, пампушки, жареное мясо. На севере не умели и не умеют печь южного хлеба, паляниц, на юге не знали и не знают северных сак, калачей...

В одном только отношении сходились как будто наши предки: пиво и хмельной мёд варились везде, и на Ильмене, и на Днепре, и, как кажется, везде по одному рецепту — как

можно крепче, даже во времена глубочайшей древности.

Одежда северных славян всегда отличалась своим покроем от одежды южных.

Длинная одежда в старину употреблялась только почётными гражданами, а одежда простых славян была короткой, до колен: полушубки, полукафтаны и широкое исподнее платье. Нарядные шапки всегда были высокие. Покрой так называемой русской рубахи не употреблялся южными славянами. Русские древние сарафаны, кокошники, кички, повязки неизвестны и теперь на юге. Там женщины обёртывают голову холстом в виде тюрбана, а летом ходят в одном белье, надевая только поверх него панёву. Неизвестно, когда южные славяне стали брить бороду и голову, оставляя только чуб, но северные никогда не трогали волос ни на голове, ни на бороде, считая последнюю украшением мужа.

Наконец, даже сами жилища славян северных и южных значительно различались между собой. В общем смысле жилище одной семьи называлось «двором». Дом и все хозяйственные строения как в городах, так и в селениях

на севере носили название «избы», на юге — «хаты». Курная изба — это необходимая принадлежность севера, но нет никакого сомнения, что более зажиточные люди жили в городе в светлых и чистых покоех. Так как лучшее помещение избы обыкновенно называлось горницей, то по смыслу этого слова можем предположить, что находилось это помещение наверху.

Занятием северных славян главным образом были звериный и рыбный промысел, пчеловодство и затем уже земледелие. Южные славяне преимущественно занимались скотоводством, земледелием, пчеловодством, а звериной и рыбной ловлей не пренебрегали только в зимнее время. Кроме того, северные славяне, то есть ильменские, были прекрасными мореходами и торговцами, тогда как южные славяне до прихода норманнов в далёкие морские путешествия не пускались; у них, впрочем, городские жители занимались торговлей.

Южные славяне известны были как народ тихий, любящий музыку, песни, тогда как ничего по этому поводу о славянах северных

неизвестно.

Таково было «славянское море» в то время, когда начинается наш рассказ. Да простит нам читатель это отступление; оно было необходимо для пользы самого повествования... Надеемся, однако, что, прочтя эти строки, наш читатель будет иметь понятие о быте предков.

4. Любовь тысячу лет тому назад

*Старая, но вечно новая история.
И. Ф. Гёте*

О лодые сердца и тысячу лет тому назад бились так же, как и теперь... Точно так же затлевавшая в них искорка любви быстро разгоралась ярким пламенем, и это пламя охватывало разом всё существо, направляло в одну сторону все мысли, заставляло жестоко мучиться, страдать и затем испытывать ред-

кое наслаждение.

Только чувства в то время в человеческом существе загорались с большей силой, не стесняемые условностями приличий. Кто ненавидел, тот ненавидел пылко, всеми силами души, кто любил, тот любил беззаветно...

Теперь так не любят и не ненавидят... Времена изменились, и мы изменились вместе с ними.

Любуша, вырвавшись из объятий Вадима, быстро скрылась в селении, юркнула в избу своего отца Простена. Но там она пробыла очень недолго...

Солнце стояло ещё высоко. Сам старик Простен ушёл на Ильмень ловить рыбу, и потому последить за Любушей было некому.

Побывав в хижине и осмотрев, всё ли там в порядке, на тот случай, если отец вернётся с Ильменя, девушка выбежала со двора и, стараясь, чтобы её по возможности не заметил кто-нибудь, прокралась к небольшой речке, протекавшей за селением Володислава.

Здесь она через мгновение очутилась в лёгком челноке, уверенно оттолкнулась от берега. Несколько сильных взмахов веслом вы-

гнали челнок на середину, и он понёлся вниз по течению.

Девушка была несколько озабочена. Она то и дело оглядывалась, как бы ожидая, что кто-нибудь следит за ней, но кругом на берегах всё было тихо и спокойно. Только птицы заливались на все голоса в соседнем бору.

Речка змеёй извивалась среди крутых берегов, скрывалась в густом лесу, обыкновенно мрачном, но теперь весёлом, залитом лучами дневного светила. Быстро погоняя челнок, Любуша очутилась наконец в самой чаще леса. Густо покрытые листвой ветви столетних деревьев сплетались над речкой, образуя сплошной зелёный свод — очень уютный. Всё кругом было тихо, и эта тишина не пугала девушку.

Вдруг лесную тишину нарушил человеческий голос... кто-то неподалёку пел нехитрую мелодичную песню, которая, впрочем, произвела на Любушу заметное впечатление. Девушка вздрогнула, услышав звуки песни, и щёки её загорелись ярким румянцем, а в глазах засверкал радостный огонёк.

— Он. Ждёт он! — прошептала она и с удво-

енной силой нажала на весло. — Это его голос... Он поёт мою любимую песню...

Всё ближе слышалась песнь, и наконец Любуша ясно различила всплеск весел. Недолго думая, сильным и быстрым движением вогнала она свой челнок в самую гущу прибрежных кустарников, скрывших её окончательно пышной листвой. Всё это было делом нескольких мгновений, и когда на реке показался нос другого челнока, кругом всё было тихо, ничто не указывало на присутствие человека.

В челноке на корме стоял статный юноша. Он так же, как и Любуша, легко управлялся с веслом. Все отличительные черты славянского племени ясно в нём выразились. Густые русые волосы рассыпались по богатырским плечам. Смуглое от загара лицо с голубыми, как летнее небо, глазами, смотревшими кротко, добродушно, но вместе с тем несколько и хитро, обрамляла небольшая также русая бородка с мягкими, как шёлк, волосами.

Он был тоже очень молод, но физическая мощь так и сказывалась во всей его крупной богатырской фигуре. Мускулы на руках у него

так и вздувались при каждом движении, а через весь лоб прошла синяя жила, ясно видная даже при загаре.

Одет он был просто: прямо на рубаху была накинута козья шкура, ноги — тоже обёрнуты кожей. Очевидно, этому юноше, как и большинству наших предков, некогда было особенно заботиться о своей внешности. Главной красотой его были его крепость, мощь, лёгкость, а до всего остального ему не было ровно никакого дела. Казалось даже, что и мылся-то он ещё всего один раз в жизни[7]...

Он ловко остановил свой челнок и стал озираться вокруг.¹²

— Здесь ждатель обещала, — сказал он. — А вот нет её! Неужели обманет? Нет, не поверю я этому... Любуша, Любуша, ау!

— Ау, Святогор! — послышалось из густого кустарника.

— Здесь она, здесь! — радостно воскликнул юноша. — Но где же?

Взор его перебегал от одного прибрежного дерева к другому. Вдруг внимание Святогора привлекли надломленные ветви кустарника. Он быстро двинул челнок и со всего размаха

пустил его в гущу.

Когда челнок ударился в рыхлую землю, позади Святогора послышался смех.

— Поймай-ка! — громко крикнула Любуша, выталкивая свой челнок из кустарника на середину речки.

Пока Святогор освобождал завязший в земле челнок, она уже была далеко впереди. Парень скоро пустился вдогонку. Лес огласился звонким смехом. Но силы у гребцов были далеко не равны. В несколько взмахов весла Святогор настиг девушку, продолжавшую звонко смеяться.

— Ну постой! Не уйдёшь теперь. Моя! — говорил юноша, преграждая путь челноку Любуши.

— Да уж и так твоя... бери, — отвечала она, протягивая к нему руки.

— Моя, моя! Радость моя, любимая, — раздался нежный шёпот влюблённого. — Без тебя мне и жизнь не в жизнь...

— Так, Святогор, я тебе верю... Только скоро ли буду совсем твоей? Ох, чует моё сердце, что не бывать нашему счастью...

— Ну вот! Что же нам может помешать?

— Не знаю. Сердце — вещун... Порой, как подумаю, так вот и кажется: нечто грозное, страшное висит над нами, упадёт оно и нас раздавит. И так мне от этой думы тяжело станет, что и сама не знаю, где место найти...

— Оставь ты, голубушка, такие мрачные думы. Люблю я тебя и верю, что никакая сила разъединить нас не может...

— Ох, не говори, Святогор! Много везде злых людей. И мало ли что с тобой может случиться!

— Никого я не боюсь! И от зверя, и от человека оградить себя могу... верь мне и оставь свой напрасный страх.

Губы их слились в долгом нежном поцелуе...

Тут ветка хрустнула на берегу в кустарнике. Чуткий слух Святогора уловил этот звук. Но юноша тотчас же успокоил себя мыслью: «Должно быть, зверь прошёл по лесу».

А никаких зверей Святогор не боялся. На самого властелина дремучих лесов севера — медведя — ходил он один на один и всегда целым оставался. А тут если и прошёл зверь, то помельче медведя; и такого нечего было стра-

шиться.

— Так, моя Люба, не бойся ничего. Молись только усердно Ладо и Полелю, чтобы поскорее соединиться нам.

— Я и то молюсь... приношу жертвы доброй богине, но что же? вот уже вторая весна подходит к концу, как мы любимся, а всё-таки, Святогор...

— Что же делать, голубка! — прервал её юноша. — Приходится нам ждать... Не хочу я, чтобы ты нуждалась в чём-нибудь, когда мы соединимся. Не хочу также выпрашивать у дяди средства — выкуп за тебя вносить... Знаю я, добр Гостомысл, любит меня, дал бы он мне выкуп за тебя, да сам я никогда просить не решусь... Но теперь не долго уже нам ждать. Прибыли в Новгород люди свейские, у меня меха для них разные припасены, выменяю я на них выкуп за тебя, а нет — так уйду с ними за море, и когда вернусь оттуда гостем богатым, тогда, голубка... вот тогда и заживём мы с тобой!

— Ты, Святогор, уйти хочешь? Оставить меня? — с испугом спросила Любуша. — На кого же ты меня покинешь?

— Ох, Любуша, давно я думаю, да решиться как на это, не знаю... Будешь ли ты ждать меня?

— Нет, нет, Святогор! Я не пущу тебя. Слышишь? Не пущу... Не уходи... Кто знает, что может случиться за морем с тобой... А я без тебя умру с тоски. Я буду ждать тебя, ждать столько, сколько ты захочешь, только не уходи, Святогор.

Он с вниманием и любовью посмотрел на девушку.

— Ты не хочешь этого? Разве ты боишься, что без меня кто-нибудь другой займёт моё место возле тебя?.. Другой заставит тебя забыть меня! Вот, говорят, что Вадим, сын Володислава, не спускает с тебя глаз.

— Что ты! Что ты! — воскликнула Любуша. — Как ты только мог подумать! Не мил мне совсем Вадим. И глядеть мне на него даже противно, а ты...

Любуша пригорюнилась. Слова милого в самом деле обидели её. Она давно уже замечала, что Вадим равнодушен к ней, и со свойственным каждой женщине кокетством не отталкивала его от себя окончательно, но

и не давала ему вместе с тем никаких поводов надеяться на взаимность. Она даже не допускала мысли, чтобы Святогор ревновал её к Вадиму.

— Долго меня ждать придётся, право говорю. Займёт Вадим моё место в твоём сердце, — грустно вымолвил Святогор.

Воспоминание о Вадиме произвело на него неприятное впечатление.

Нельзя сказать, чтобы он был дружен с Вадимом. Напротив, между молодыми людьми давно была заметна антипатия. Может быть, сказывалась разность в их общественном положении. Вадим был богат, он был сын уважаемого родового старейшины могучего племени приильменских славян. Святогор, хотя и близкий родственник новгородского посадника Гостомысла, был ныне простой солевар, без роду, без племени, жалкий варяг, живший вместе с десятком других товарищей на грязной и мутной Варяжке, впадавшей в Ильмень.

Отщепенцами всех племён были эти варяги. Ничего за ними худого не велось, никто в недобром деле их упрекнуть не мог, а всё-та-

ки они необычными были людьми. Непожизётся какому молодцу в его племени, не захочет он покоряться старейшинской власти или обидит его чем старейшина, уйдёт такой молодец на Варяжку, никто там его не спросит, откуда он пришёл, что его сюда привело — всем, кто ни пришёл, места хватит, все желанными гостями будут...

Хорошо и привольно жилось таким молодцам на Варяжке, однако подолгу там никто не засиживался. Соберётся сотня-другая людей, поговорят они, потолкуют между собой, створятся и, недолго думая, садятся в ладьи и уплывают далеко-далеко вниз по течению Волхова.

Мало, очень мало кто из них возвращается...

Куда же уходят эти отважные солевары? Какой обетованный край их манит, куда они стремятся?

Далёк, далёк тот край! Далёк и неприветлив...

Много слышал про него Святогор. И того, что слышал, довольно было, чтобы разгорячить воображение юноши.

Если спуститься по бурливому Волхову, то будет за ним озеро Невы. Вечно волнуется оно, буйные ветры ходят по нему. Сам старый Ильмень славянский — лужица перед ним, не более. Но если по берегам как-нибудь пробраться на другой его конец и по небольшой, но широкой реке выбраться в другое море, то живёт там народ весь из железа и стали скованный. Норманнами, свейонами себя этот народ называет. Храбр он, и смерть для него не несчастье, а радость. Невелик этот народ, но весь мир его знает, весь мир полон славы его подвигов; короли британские дрожат перед ним, в потайные места скрываются, лишь только близ берегов забелеют в морском просторе паруса их быстроходных ладей.

И не одна Британия знает этих витязей. В разные далёкие страны ходят их лодки. Слышал Святогор, как один вернувшийся на Ильмень варяг рассказывал, что заплыли они с викингом своим удалым в такую страну, где люди цветом красные живут.

А не много на Ильмень возвращается потому, что одни на поле битвы погибают, другие навек среди норманнов остаются, а третьи ес-

ли и возвращаются, то лишь для того, чтобы товарищей набрать и с ними вместе опять к норманнам уйти. Только совсем старые да больные на Варяжке и остаются.

Давно, давно уже манит Святогора эта полная волнений боевая жизнь, этот край обетованный. Силы молодые сказываются. Не сидится ему в родных местах. Затем он и к солелварам на Варяжку ушёл.

Эх, кабы не Любуша, давно уже был бы он там, за морем... Только Любуша к родным местам и привязывает. Есть у него двое братишек-подростков, да им он не нужен — сами они теперь на ногах стоят, сами себе пищу добыть могут, если Гостомысл не приютит и не поможет. Они бы Святогора не остановили.

Да вот Любуша только...

Любит же он её... Всех она на свете для него милее и краше. В кого только выдалась такая красота! Весь Ильмень кругом обойти, а, пожалуй, другой такой не сыскать... И за что она только бедняка Святогора полюбила?..

Что Любуша его любит, Святогор это хорошо знает. Нет вот только у него выкупа за

неё, а старые обряды нарушать нельзя. Как отцы и деды жили, так и дети должны жить.

Но ничего! Святогор теперь уверен в любви Любуши и спокоен. Он одним этим сознанием счастлив. Однако всё-таки её ответа на вопрос с большим нетерпением ждёт.

— Нет, Святогор, этого не будет. Клянусь тебе! А ты всё-таки не уходи...

— Вспомни, Любуша, что я такое! Я бедный солевар-зверолов с Варяжки... Разве нет в твоём роде молодцев и краше, и богаче меня?.. Сколько ещё ждать мне той поры, когда накоплю я выкуп за тебя? А ты?.. Кто поручится, что ты ждать меня будешь?..

— Буду, Святогор, буду... не уходи только... Обо мне подумай. Отец у меня стар уже, а кроме отца, нет никого в семье у нас... Что со мной будет, если ты уйдёшь?

— А я ещё в варяги хотел, — в раздумье произнёс юноша.

— Нет, нет, я не хочу этого... Слышишь, не хочу!

Такому решительному приказанию Святогор противиться не мог, особенно после того, как оно подтверждено было долгим страст-

ным поцелуем.

— Ну хорошо! — сдался он. — Я не уйду... Только потом не пеняй на меня. Придётся ждать...

— Буду, только люби меня...

Обрадованная Любуша припала головкой к высокой груди возлюбленного. Тот с восторгом, ясно светившимся в его голубых глазах, смотрел на неё, не находя слов для выражения чувств. Это молчание влюблённых было красноречивее самых пылких слов. И зачем слова? Их глаза ясно выражали чувства, волновавшие сердца, и они без слов понимали друг друга...

Наконец влюблённым настала пора расставаться. День уже начинал клониться к вечеру. Ещё поцелуй, ещё клятва во взаимной вечной любви, и Любуша повернула свой челнок назад...

Долго-долго, пока совсем не стих в отдалении плеск воды под веслом, смотрел ей вслед Святогор.

Наконец и он погнал свой чёлн в другую сторону.

Когда он скрылся из виду, прибрежные ку-

старники раздвинулись, и среди них показалось искажённое обидой и злобой лицо Вади-ма.

— Так вот на кого она меня сменяла! — шептали его обескровленные губы. — Так нет же! Не бывать этому! Мне она достанется... и никому более!

5. После свидания

*Сердце томится тоскою,
С милой рассталися мы...
Народная песня*

Ока Святогор могучими взмахами весла гонит вперёд свой челнок, автор должен познакомить читателя со своим героем.

Тысячу лет тому назад люди были далеко не те, что теперь. Могучие дети природы выглядели богатырями сравнительно с теперешними слабыми, изнеженными, изнервничав-

шимися потомками. В то время, когда суровая природа являлась воспитательницей человека, юноши, молодые люди были все на подбор — молодец к молодцу богатыри.

Святогора мы видим одним из типичных представителей славянского племени.

По происхождению своему он принадлежал к знатному приильменскому роду, переселившемуся в Новгород, осевшему там и дававшему великому центру северной славянщины такого видного и мудрого правителя, каким был Гостомysl, посадник новгородский в то время.

Святогор приходился ему племянником.

Мало помнил он своего отца. С самого раннего детства находился Святогор вместе с двумя малолетними братьями на попечении Гостомысла, нежно любившего своих племянников.

Помнил Святогор, что отец его то появлялся в землях приильменских, то вновь исчезал неизвестно куда. Слышал мальчик, что он ходит за моря служить у гордых греков и варягов, и только тоска по родине время от времени заставляла его возвращаться в родные ме-

ста.

Говорили, что не совсем безопасно Святогорову отцу показываться на Ильмене — были у него какие-то старые счёты со старейшиной могучего приильменского рода, Володиславом, но какие — этого никто не знал...

Только однажды отец, позвав юношу-сына в дремучий лес, заставил его поклясться в вечной ненависти к Володиславову роду.

Юноша не понимал, за что он должен ненавидеть этих родичей, но клятву страшную — клятву Перуном — всё-таки дал.

Дать-то дал, а ненавидеть не мог... Не нашлось сил в его сердце возбудить ненависть к тем, среди кого жила Любуша...

Он ни слова не сказал о своей любви отцу, а когда вскоре пришло известие о смерти последнего, даже решил, что теперь он свободен от своей клятвы, и Перун не может мешать ему любить красавицу.

Но умер отец Святогора — остался дядя Гостомысл.

Он не был в прямой открытой ссоре с Володиславом. С первого взгляда даже казалось, что мир и полное согласие царят между при-

ильменским старейшиной и новгородским посадником. Но это только казалось.

Гостомысл ненавидел Володислава, и Володислав платил ему тем же. Новгородский посадник видел в приильменском старейшине крупного и могучего владыку, которому беспрекословно повиновался обширный род и к которому милостивы были жрецы...

А в это время Гостомысл задумал важное, серьёзное дело и не в его интересах было оставлять на Ильмене могучих владык...

Великое дело задумывал новгородский посадник, и только много-много лет спустя удалось ему привести это дело к страстно желаемому завершению...

Святогор не жил со смерти отца с дядей. Душны ему казались хотя и роскошные, да всё-таки тесные для широкой богатырской природы палаты новгородского старейшины. Стремился он на волю, на простор — туда, где на Варяжке осели свободные молодцы, порвавшие всякие узы со своими родами.

Да на Ильмене Святогор всё-таки и к своей Любуше был поближе...

Когда-то удастся пробраться из Новгорода

на берег великого озера славянского, а с Варяжки уходи, никто не спросит, куда и зачем пошёл.

Пристав к ильменским варягам, Святогор всё-таки не прервал связи с Гостомыслом, воспитывавшим его братьев. Изредка он бывал в Новгороде, беседовал с дядей, искренне любившим его, но всё-таки, даже в пылу важных бесед, так и тянуло его на берег Варяжки, к вольным, как птицы, товарищам...

Только вот сам он не был так волен, как птицы.

Ватага за ватагой молодцов уходили по Волхову за Нево, в суровую Скандинавию, где многих из них ожидала жизнь полная приключений, славная смерть в бою, и никак уходившие не могли сманить с собой Святогора.

Любовь незримыми, но прочными цепями приковала молодца к берегам ильменским.

Любить и знать, что любим, — это счастье. И Святогор был полон сознанием своего счастья.

Об этой любви никто не знал. Влюблённые тщательно скрывали свои чувства от других.

Знал Святогор, что не отдаст ему Володислав Любушу, но верил, что счастливый случай однажды соединит его с любимой навеки...

И теперь, расставшись с милой, он снова переживал всю сладость тайного свидания. Он даже принял решение посоветоваться на этот счёт с Гостомыслом и быстро гнал челнок, желая попасть к дяде до заката солнца.

6. В пучине Волхова

*Белой плачет кровью
О былых делах.
Грубер*

С тье речки близко.
Святогор быстро вогнал свой чёлн в устье и очутился на Волхове.

Глазам его представилась хотя и привычная, но, тем не менее, всё-таки чудная картина.

Направо, высоко на холме[8], виднелась гигантская фигура громовержца Перуна[9], за которым раскинулся непроходимый дремучий бор, куда никто из местных жителей не смел войти.

У русских славян не было заповедных рощ, дубрав в узком смысле этого слова. Входя в сношения с имевшими такие места германскими племенами, славяне, поклонявшиеся между прочими богами и рекам, не переняли этого верования. Только кое-где жрецы, заинтересованные, как и жрецы других народов древности, в строгом сохранении своих тайн, объявляли запретными дубравы, окружавшие холмы, где возвышались главные идолы. Никто под страхом смерти без разрешения или призыва жрецов не смел входить туда, а если кто попадал случайно, того жрецы, в устрашение другим, убивали их на месте.

Именно такой обширный бор был вокруг Перунова холма.

Далее за ним видна была позолоченная солнечными лучами даль Ильменя, спокойного в этот погожий день.

Прямо против речки, на острове, образуе-

мом истоком Волхова и. притоком Волховца, чернели мрачные остатки разрушенного «старого города».

В то время славянские города были не чем иным, как множеством построенных близко одна к другой и огороженных частоколами хижин. В каждом городе была более или менее обширная площадь для собраний и жертвоприношений. Улиц в том смысле, как это понимается теперь, конечно, не было. Хижины, или избы, строились как попало, — для общественных жертвоприношений как раз в середине города устраивалось особое возвышение, или курган. Это было как бы ядром города и потому называлось «городищем». Когда по какому-либо случаю требовалось собрать в город народ из ближайших селений — на самом высоком пункте городища зажигали огни.

Следы такого городища, или, вернее, предания о нём, существуют и теперь на островке при истоке Волхова из Ильменя. Там, может быть, и стоял древний Новгород до перенесения его на левый берег Волхова. Как и многие такие поселения, он назывался просто

«городом». Само название «Новый город» доказывает, что когда-то был и другой, старый, затем покинутый, город. А норманны, часто проходившие по Волхову в Ильмень, Новгород называли Гольмгардт, то есть Город на острове, тогда как вся Русь называлась у них Остергардт, то есть Восточный город.

Как бы то ни было, а и тогда уже от старого города оставался только курган да груды камней и перегнивших брёвен.

Вниз по течению Волхова, верстах в трёх от его истока, раскинулся на левом берегу Новый город, среди изб которого и тогда уже видны были крепкие стены детинца.

Новгород строился по общему плану тогдашних городов. Место было выбрано основателями как нельзя лучше: высокий холм, господствовавший над обоими берегами, как бы самой природой указывал, где должен был подняться «отец городов русских».

Холм этот крутым обрывом нависал над Волховом. Без помощи лестницы не было возможности взобраться на него. Лестницы же не представлялось возможным установить, ибо около самого обрыва река была особенно

глубока, так что по ней прямо к берегу могли подходить все суда, прибывавшие «из моря».

Эта сторона была наименее защищённой. Бояться нападения отсюда не приходилось, а потому и не приложено было особых стараний, чтобы оградить здесь город более прочным частоколом, как это было сделано с трёх других сторон.

Зато с других сторон частокол был действительно прочен; он надёжно укрывал от вражеского нападения, если бы таковое последовало.

Но новгородцы этого не боялись. Они отлично знали, что воевать их никто не придёт. Вот людей торговых много в этот центр славящины приплывает. Кривичи и весь — те даже свои «концы» имеют, где и живут постоянно; даже голубоглазая меря об этом просит, только вот дело-то за вечем... Пожалуй, им вече разрешит свой «конец» завести, так как пятны к ним приписывать не надо.

В одну сторону от детинца, по склону холма и по равнине, как радиусы от центра, расходятся «концы». Холмы так и кажутся как будто усеянными избами, тесно прижавши-

мися одна к другой.

А на самом Волхове, у берега, целый лес мачт. Отовсюду, через Ильмень и через Нево, собрались сюда на своих лёгких судёнышках торговые люди.

Вот и причудливые формами своими, с драконовыми головами на носу виднеются норманнские ладьи. Паруса на них приспущены. Тихо колышет их набегающий ветерок, покачивая ладьи на сердитых с зеленоватыми гребешками волнах Волхова.

Картина эта хорошо была знакома Святогору, но он и на этот раз залюбовался ею, не замечая, что быстрое течение Волхова выносит его на самую середину.

Вдруг взор его привлёк некий предмет, черневший на волнах. Юноша присмотрелся и скоро понял, что среди Волхова какой-то человек напрасно борется с быстринной. Совсем не обращая внимания на то, что утлый челнок его может легко опрокинуться на стремнине, Святогор поспешил к утопавшему на помощь.

— Эй! Кто ты? Подержись! — кричал он.

Святогор ясно видел, что несчастный изне-

мог от борьбы с сильным течением и что силы почти оставили его. Ещё бы несколько мгновений, и человек пошёл бы ко дну. Но Святогор подоспел вовремя. Он схватил обессилевшего утопавшего и хотел втащить его в чёлн, но в эту минуту судёнышко накренилось, черпнуло воды, и юноша не успел глазом моргнуть, как сам очутился в волнах.

Крик отчаяния вырвался из его груди. Он знал, что это место самое опасное в истоке Волхова, и редким попадавшим в него удавалось выплывать.

Однако Святогор не потерял присутствия духа. Он был не утомлён, и надежды терять ему не приходилось.

Поддерживая утопавшего одной рукой, Святогор изо всей силы загребал другой, стараясь поскорее выбраться со стремнины. Ни на одно мгновение не промелькнула у него мысль бросить несчастного и спастись самому. Юноша даже не успел разглядеть его лица и только расслышал слабый шёпот:

— Оставь меня, спасайся сам... не то оба погибнем...

Святогор не ответил, а только сильнее за-

работал руками и ногами, и сам чувствовал, что какая-то страшная сила так и тянет его ко дну.

Но им не суждено было погибнуть.

Уже изнемогая в борьбе с течением, Святогор заметил свой опрокинувшийся челнок, который волнами так и подгоняло к ним. Кое-как доплыл он вместе с потерявшим почти сознание незнакомцем до челнока, ухватился за него и благодаря этому смог перевести дух.

— Держись, отдохни, — сказал он. — Да вон!.. Нас заметили...

Несчастный, чувствуя близость спасения, не заставил себя просить и, собрав последние силы, тоже уцепился за челнок. Между тем к ним, прямо против течения, спешила лодка с несколькими людьми.

Только теперь разглядел Святогор спасённого им человека. Это был суровый норманнский воин с лицом, покрытым бесчисленными шрамами. Что это был норманн, Святогор узнал по его костюму, отличному от костюма его соотечественников.

— Кто ты? — спросил он.

— Норманнский ярл, Стемид, — ответил

спасённый.

В это время из Новгорода ясно донёсся звон колокола.

«Собирается вече, вряд ли увидаю я теперь дядю», — подумал Святогор, услышав колокол.

7. Отец русских городов

*Новгород — отец городов русских.
Летопись*

ечевой колокол в Новгороде громко и мерно звонил, созывая новгородцев со всех концов на площадь в детинце.

Звон его гулко разносился ветром во все стороны, будя заспавшихся, отрывая от дел заработавшихся.

Уже в то время своей планировкой Новгород резко отличался от других городов и селений славянских. В нём были довольно пра-

вильные улицы, и сам он в административном отношении разделён был на пять «концов».

Уже по одному этому названию частей древнего города можно судить, что если были «концы», то был и центр — середина, где они сходились. В этой середине находился сам город, по нынешним понятиям, крепость, защищающая и господствующая над всей остальной местностью. В случае нападения в город собиралось всё население «концов» — женщины, дети, старики, спасалось имущество. Там затворившиеся жители — мужи и их семьи — или «отсиживались» от дерзкого врага, или под предводительством своих тысяцких, сотников и десятников выходили на бой.

Управлялись Новгород и вся принадлежащая к нему область посадником, выбиравшимся на вечевом собрании обыкновенно из наиболее почётных и уважаемых граждан.

Пусть не думают, что новгородский посадник был чем-то вроде бургомистра вольных городов Запада. Если это и не был неограниченный повелитель — власть свою новгородский посадник разделял с вечем, — то, во вся-

ком случае, в тех делах, где не требовалось вмешательства веча, он мог распоряжаться безотчётно. Короче, тогдашний новгородский посадник, первый муж в Новгороде, был кем-то наподобие президента современной французской республики, только с гораздо большими правами и полномочиями.

После посадника самыми важными людьми в городе были управлявшие «концами» «старосты городского конца», из которых каждый имел своих помощников — подстарост, или «уличных старост», наблюдавших за порядком.

К каждому из новгородских «концов» была приписана ещё пятина, пятая часть новгородской области, разделённой по числу «концов» на пять пятин. Управлялась пятина своими старостами, но эти последние были подчинены старостам городских «концов», которые и управляли ими, отчитываясь за свои действия только посаднику да вече.

При посаднике, при старосте «конца» и старосте пятины были советы из наиболее уважаемых мужей. Все дела в них решались после всестороннего рассмотрения большин-

ством голосов. Пятинный совет, обсудив дело, представлял его на решение «малому вечу», или «сходке», после этого дело переходило к Старосте городского «конца», а если оно касалось общих выгод, то через посадника шло на «большое вече», право участия в котором имели все свободные новгородцы.

Мир, война, казнь свободного гражданина, изгнание его, новые налоги, обязанности службы — всё это бесповоротно решалось вечем. Этот образ правления для небольшого города был самый естественный. Для изобретения его нашим предкам не надобно было прибегать к опыту чужестранцев. Местные потребности и свойства самих славян подсказали его и утвердили в течение многих веков.

Высшим сословием в народе были «мужистепенные», занимавшие обыкновенно важные должности. Посадник всегда избирался вечем из числа мужей. Кто хоть раз был посадником Новгорода, Потуже на всю свою жизнь получал титул старшего посадника, тогда как находившийся в должности посадник назывался «степенным».

Я думаю, читателю небезынтересно узнать

происхождение этого слова, тем более, что оно до сих пор существует в нашем родном языке. И теперь «степенный» значит «важный, порядочный». Это эпитет человека, на которого всегда можно положиться. Несомненно, что слово «степенный» происходит от «степени». Но откуда же произошло слово «степень»? По всей вероятности, от «ступень». На всех вообще славянских вечеах устраивалось посредине площади возвышение, на которое всходили представители власти. На первой ступени помещались старосты, на следующей, выше старост, совет посадника, состоявший из степенных бояр, и, наконец, на самой высшей ступени, или степени, стоял сам посадник, управляя порядком на собрании.

Так как на ступенях вечевого возвышения стояли мужи, облечённые народным доверием, то ничего нет удивительного, что управляемый ими народ стал звать их «степенными», а когда ступень стала указанием на повышающее качество, то мало-помалу слово это изменилось в «степень». Таким образом, и за людьми, призванными к делам правления,

осталось прозвание «степенных».

Степенными назывались, как мы видим, бояре, составляющие совет посадника. Бывшие степенные бояре, уже удалившиеся от дел правления, назывались «старшими боярами». Богатые земледельцы, купцы в древности и вообще те, кто теперь носят название «зажиточных», в те времена назывались «житыми людьми», а сам народ разделялся, в свою очередь, на мужей и людей, или «людинов».

Мужами назывались вообще люди свободные, имевшие свою недвижимую собственность, собственные участки земли. Людины были тоже свободные, но недвижимой собственности у них не было, и они, платя известную подать или оброк, а иногда выполняя при мужах ту или другую обязанность, жили на землях последних.

Но иногда людины имели свою собственность, и в этом случае они брали чужие земли на откуп на правах известной подчинённости.

Последнее сословие составляли рабы — купленные или пленённые люди. Рабство все-

гда процветало между славянами. Во времена глубокой древности полуварварские племена наших предков ходили на лов людей так же, как на весёлую охоту. Эти пленённые люди и становились рабами — обыкновенно, то были иноплеменники.

По древнейшим законам наших предков, славянин не мог быть рабом славянина. Однако отдельные славянские племена редко жили между собой дружно. Между ними шли постоянные распри. Племя нападало на племя, победители уводили с собой побеждённых, заставляя их в течение того или другого срока обрабатывать землю, выполнять тяжёлые работы. Но всё-таки эти пленные единоплеменники — мы уже видели, что племенная связь была между всеми славянами, — никогда не звались рабами. По истечении известного срока им давали свободу, в плену же они пользовались правами членов семьи своего хозяина. Выйдя на свободу, эти пленники, в большинстве случаев, оставались свободными и получали название «чёрных» людей, которых впоследствии стали называть «смердами».

Но смерды были вполне свободное сословие. Они имели право переходить от одного земледельца к другому, однако права участия в общественных делах не имели, точно так же, как не имели права занимать какие-либо общественные должности.

Наконец, у северных полян было ещё одно свободное сословие — огнищане. К ним относились все свободные граждане, не имевшие особого звания, но жившие в своих хижинах на пустой земле. Это сословие соответствовало нынешним мещанам, а если принять во внимание, что при собрании податей семейства считались по домам, по числу огнищ, то станет вполне понятным и название «огнищане».

Все прочие подразделения сословий вошли в славянский быт гораздо позже, когда сформировалась единая государственная власть. В древности же у наших предков всё должно было быть по возможности просто, соответственно патриархальному быту народа.

Так и управлялись наши предки в эпоху перед преобразованием великого русского государства.

8. Народная вспышка

Живая власть для черни ненавистна.
А. С. Пушкин

а ло-помалу площадь новгородского детинца вся заполнилась собравшимся на звон вечернего колокола народом. Около высокого помоста, на который должны были взойти новгородские власти, волновалось целое море голов. Со всех сторон слышались шум, говор, раздавались крики, остроты, кое-где вёлся серьёзный разговор.

— О чём вече-то? — спрашивал величавый старик, по-видимому, давно не выходявший на свет божий, — Давно уже не созывал нас посадник... Сам, верно, хочет во всех делах верховодить!

— Чего ж, дед! Перестань ворчать. Кто не знает, что наш Гостомysl из умников умни-

ца...

— А всё-таки своим умом без приговора народного он никак поступать не может! Должен он знать, что народ мы вольный!..

— И то правда! — поддержали старика в толпе. — Мы его выбрали, чтобы делами он верховодил всякими, а нового ничего без нашей воли не начинал.

— Известно, не мы ему служим, а он нам!

— То ли при других посадниках было!

— Что и было-то? Чем вашим другим хвалиться-то? — нашлись у Гостомысла защитники. — При теперешнем посаднике только и подниматься начали!

— За всех нас он один думы думает, а мы за его спиной живём... За что его винить!

— Веча не уважает! — раздалось в ответ чьё-то энергичное восклицание.

— Не уважает, не уважает! Вон его из посадников! Не надо нам такого! — послышалось со всех сторон.

Недовольство Гостомыслом давно уже зрело среди новгородцев. Им всё казалось, что умный посадник уже много забрал себе воли, соединяет власть в одних своих руках, а этого

новгородцы переварить не могли. Не в их нравах было лишиться каких бы то ни было прав и преимуществ. Мужичи новгородские отлично сознавали значение Новгорода в северном славянском союзе, знали, что Новгород всегда служил средоточием, торговым центром всех живущих на севере племён, знали, наконец, что далеко-далеко за морями всё представление о славянстве заключалось исключительно в одном их Новгороде...

А тут вдруг один человек, поставленный ими на самую высокую ступень веча, замышляет захватить эту власть, которой они так гордятся, в одни руки!

— Нет, не бывать этому! Пусть лучше один Гостомысл погибнет, чем вся вольность новгородская.

— Вон! Вон его из посадников! — всё громче раздаются крики возбуждённой толпы.

Зловещий лязг железа к ним примешивается... За мечи уже взялись мужичи новгородские — «конец» на «конец» кровью идёт.

А вечевой колокол всё гудит и гудит, призывая к решению общих дел всех мужей новгородских.

Ещё бы одно мгновение, и площадь вечевая обогрилась бы кровью, но как раз в это время откуда-то, как будто из самых недр земли, раздался звучный мужской голос:

— Слушайте вы, мужи новгородские, и вы, людины, сюда собравшиеся! Слушайте, распри свои забудьте! Гостомысл-посадник со степенными боярами идут сюда решать дела вместе с вами!

Действительно, среди толпы народа со стороны хором, стоявших в некотором отдалении от вечевого помоста, произошло движение. Стоявшие там люди расступились перед рослыми молодцами-воинами, открывавшими шествие посадника на вече.

Дружина посадника была невелика. Не более семи пар прекрасно вооружённых дружинников шли впереди, молодецкато держа длинные копья. Головы их, по тогдашнему обычаю, были не покрыты, а по моде, перенятой от заезжих норманнов, были выбриты, так что спереди оставалась только одна длинная прядь волос — чуб. Бороды у некоторых из них также были сбриты, но большинство всё-таки оставались бородатыми. У пояса

каждого на широкой перевязи красовался большой меч, за рукоять которого каждый из них держался с самым бесстрастным видом.

Следом за дружинниками шли старосты всех «концов» Новгорода. Разодеты они были по-праздничному. На каждом из них поверх лёгкой тканой рубашки накинута была богатая парчовые кафтаны, привезённые сюда заезжими гостями из далёкой Византии. «Концевые» старосты имели все весьма важный вид и свысока оглядывали расступавшуюся перед ними почтительно толпу.

Далее, в группе старших и степенных бояр, шёл под руку с бывшим посадником Витимиром, седым уже стариком, плохо видевшим и почти ничего не слышавшим, сам степенный новгородский посадник Гостомysl.

Это был высокий, представительный старик лет шестидесяти на вид. Внешность его невольно внушала почтение. Он на полголовы был выше других степенных и старших бояр. В ясных голубых глазах угадывались редкие ум и энергия. Движения его были плавны и властны, а резкий, несколько отрывистый голос выказывал привычку повеле-

вать.

Только вид Гостомысла был печален и даже угрюм. Печать тяжкого горя легла на чело его с тех пор, как умер в земле чудской единственный любимый сын его, Словен, ради которого и принял он всю тяготу посадничества новгородского.

Не сиделось молодцу на родной сторонешке, на берегах великого славянского озера Ильменя. Как ни останавливал сына старик, не послушался Словен мудрого отца, отправился из Новгорода искать счастья в чужой чудской стороне за Пейпус-озером. Там и сложил он свою буйную голову...

Доходили до Гостомысла вести, что не даром побывал Словен в землях чудских, не даром он пролил там свою кровь, — говорили старику, что срубил он там город, который по его имени называли Словенском. Да что толку в этом?

Остался у Гостомысла, как память единая о сыне любимом, внук Избор. Живой, умный растёт мальчик — весь в деда-разумника и отца-храбреца.

Больше жизни, больше власти, больше се-

бя самого любит Гостомысл внука, для него он и в посадниках держится.

Есть у Гостомысла замысел тайный; никому он не поверяет его, ни с кем своими тайными мыслями не делится... При новгородских порядках опасно, если кто в думы такие проникнет.

Так и держит Гостомысл про себя этот замысел. Не о себе он думает — о своём любимце, внуке Изборе. Для него одного только и старается...

А тут вон чернь новгородская шумит, кричит: «Долой посадника!».

Посмотреть, что бы они без Гостомысла сделали!

До слуха его донеслись угрожающие крики враждебно настроенной толпы. Сохраняя внешнее спокойствие, он, однако, глядел по сторонам так грозно, что не одна рука в толпе потянулась к шапке, чтобы почтительно обнажить перед проходившим посадником голову.

Даже самые отчаянные крикуны приумолкли...

Неспешно подошло шествие к вечевому

помосту. Первыми взошли на него и заняли вторую от земли ступень «концевые» старосты, следующая, третья, — принадлежала старшим боярам, на четвёртой поместились степенные бояре и, наконец, на гладкую площадку помоста поднялись Гостомысл и дряхлый Витимир.

Таким образом, всему вечу ясно были видны все избранные власти Новгорода.

Посадские дружинники разместились вокруг помоста, держа шумевшую и напиравшую толпу в некотором отдалении.

Нижняя ступень оставалась пустой — она предназначалась для тех, кто хотел говорить с нею вечу.

На помосте никто не сидел — все стояли, даже сам немощный Витимир.

Едва только Гостомысл вошёл на помост, вечевой колокол перестал звонить.

— Мужи и люди новгородские! — зычным голосом начал один из степенных бояр. — Собрались мы сегодня, чтобы сообща решить дела разные, а больше для того, чтобы обсудить всем вместе предложение послов свейских, прибывших к нам из Нево-озера... Желаете ли

вы начать вече?

— Желаем, желаем, давно пора! — послышалось со всех сторон.

Гостомысл низко поклонился толпе, которая немедленно ответила ему тем же.

— Кто слово до веча имеет, выходи! — крикнул тот же степенный боярин.

Однако никто не вышел.

Это вече собрано было не народом, а самим посадником, и собрано внезапно, так что таких дел, разрешения которых требовал бы сам народ новгородский, не было.

Галдевшая и враждебно настроенная против посадника толпа, лишь только смолк вечерней колокол, разом притихла и обратилась в слух.

Все знали о прибытии в Новгород людей свейских, и всем было любопытно узнать о цели их прибытия.

Воцарилась тишина. Все взоры устремились на посадников.

9. Вече

Вече замолчало...

Груббер

Первым заговорил сам Гостомысл.
— Да будет известно вам, мужи новгородские и людины, — раздался его звучный приятный голос, — что прибыли к нам норманнские мужи. Ярл норманнский Фарлаф ведёт их, а с ним ярлы Стемид, Инглот, Руар и другие многие. А идут они путём торговым из Киева-городка, а через него они прошли от греков. Хотят теперь они с нами торговать и нам предлагают идти вместе с ними по городам нашим, пятинам и весям. Да отпустим мы с ними детей наших, пусть приучатся они доблестям знатным и делу торговому. А в случае, если согласия вашего на то не будет, то просят они пропуска свободного через Иль-

мень-озеро и через земли славянские, чтобы не задерживать дел их, а провожать везде с почётом, а где найдётся, и товары их на наши сменять. Что скажете? Как решите, так и быть!

Гостомысл вопрошающе смотрел на толпу.

— Что скажете? Как решите, мужи новгородские? — будто эхо, подхватили последние слова посадника «концевые» старосты.

— Пропустить их с почётом! — воскликнули из вечевигов.

— Чего и спрашивать! Не в первый раз идут через Ильмень-озеро мужи норманнские!

— Всегда пропускали, пусть и теперь идут!

— Нет, так прежде не делалось! — вдруг послышался оклик. — Почём мы знаем, как там они с нашим посадником сладились!

— А и в самом деле!.. Может, Гостомысл душой кривит, в свою пользу дело гнёт?

— Прежде гости, коли у нас торговать хотели, сами с поклоном приходили на вече, а тут вон как!..

— Не пропускать, если сами вечу не поклонятся!

Вече вмиг заволновалось. Недовольство Гостомыслом давало себя знать. Среди недовольных были самые отчаянные новгородские крикуны, для которых всякого повода было вполне достаточно, чтобы пошуметь да покричать. В общем прибытие норманнских купцов, пробиравшихся по обычному пути из варяг в греки, не могло даже быть особенно выдающимся событием. Норманны в Новгороде бывали слишком часто, чтобы из-за них могла возникнуть какая-либо смута. Но в этом случае крикуны новгородские просто воспользовались случаем, чтобы выразить своё недовольствие посаднику.

В толпе шёл оживлённый говор. Каждый прежде всего старался перекричать другого, внушить ему свою мысль. Тот оказывался правым, кто кричал больше. Увы, эта черта свойственна даже и до настоящего времени всем славянским народностям!

Гостомысл прекрасно знал своих сограждан. Он спокойно стоял и слушал их крики. Его намерением было дать накричаться вдоволь вечевикам и, когда они подустанут, снова завести речь о норманнском посольстве.

Но на сей раз дело зашло гораздо дальше.

— Долой Гостомысла из посадников! — снова раздался зловеший крик.

— Долой, долой! Больно много воли братья стал! — слышалось со всех концов.

Гостомысл вздрогнул и нетерпеливо махнул рукой.

— Это всё Велемир-жрец против тебя вече поднимает, — прошептал ему старший посадник, не столько расслышавший, сколько понявший по гулу, в чём дело. — Вот и ты мне ту же самую яму рыл!.. Знаю я...

Но степенный посадник, не слушая его, быстро спустился на нижнюю ступень и, выхватив из рук ближайшего дружинника копье, громко застучал древком о помост.

Это был знак, что посадник желает говорить с вечем.

Услышав стук, вечевики смолкли.

— Мужичи новгородские и людины! — громко, с оттенком негодования в голосе заговорил Гостомысл. — Вижу, что не угодил я вам, что даром называюсь посадником... Простите меня, делал я всё для пользы Новгорода общей, сколько разумения хватало, радел обо

всём, один за всех долгих ночей не спал, но не угодны, вижу, труды мои вам, кланяюсь вам, выберите вы себе другого посадника, а меня простите...

Никто из крикунов не ожидал такого скорого результата своих криков. В сущности, никаких серьёзных причин оставаться недовольным Гостомыслом не было ни у кого. Да и смелый, брошенный прямо в лицо вызов обескуражил многих. Все знали, что так быстро достойного преемника Гостомыслу найти трудно, а как ни мала была власть посадника, всё-таки являлся он лицом необходимым в общем строе управления.

Смущённая толпа замолкла, новгородцы не знали, что отвечать Гостомыслу, а он, спокойный и величавый, ждал решения, опершись на копьё.

Вдруг в это время горожане как-то разом заволновались. Среди них слышались громкие крики и неясный шум. Сразу же все отвлеклись от жгучего вопроса и повернули головы назад.

Через толпу вечевиков прямо к помосту, занятому новгородскими властями, проби-

рался норманнский воин в мокрой одежде.

Это был ярл Стемид, гость новгородский.

— Что с ним? Какое горе приключилось? Чего ему нужно от нашего веча? — закричали несколько человек.

В общем, все были довольны, что появление Стемида отвлекло вече от немедленного ответа на так прямо поставленный Гостомыслом вопрос.

Кроме того, Стемида в Новгороде знали многие. Для большей части торговых людей он был своим человеком. Поэтому теперь появление его на вече, да ещё в таком виде, заинтересовало многих.

Стемид, уверенно расталкивая толпу, направлялся прямо к вечевому помосту.

Не обратив внимания на то, что он своим появлением прерывает ход собрания, он быстро встал на ступень и что было силы застучал ногой о дерево.

— Мужи новгородские, люди и ты, посадник! — закричал он с ярко выраженным свейским акцентом. — Это что же стало твориться в вашей земле? Когда же это было, чтобы народ славянский посягал на жизнь своих

гостей? Разве теперь у вас всё по-новому пошло?

— Что случилось, говори! — загремело вече.

— А вот что! — начал Стемид. — Ещё в прошлый мой приезд сюда был в дружине нашей один воин, Рулав по имени, помнить его вы должны!

— Как же, помним. Говорят, что утонул он за Перынью, пожелав нарушить закон Перуна.

— И нам тогда так сказали... вот и поехал я к вашему жрецу Велемиру, чтобы у него узнать правду о Рулаве. Но вместо правды чуть не наткнулся на гибель...

Голос Стемида звучал грозно. Лицо его пылало гневом, рука судорожно сжимала меч.

Новгородцы знали, как опасно шутить с норманнами. Все они были прекрасно вооружены, искусны в деле ратном, и когда один раз между новгородскими смердами и норманнским дружинником вышла какая-то ничтожная распря, товарищи последнего, со своим ярлом во главе, вступились за него и едва не разнесли только что перебравшийся

на левый берег городок.

Хорошо проученные новгородцы не шутя побаивались своих буйных гостей и с тех пор не рисковали ссориться с ними, отлично зная, что норманны действуют дружно, руководствуясь правилом «один за всех и все за одного», тогда как у новгородцев даже и тогдашнего времени главенствовал принцип «моя хата с краю»...

Как это ни странно, но даже современные русаки, несмотря на опыт прошедшего тысячелетия, сохранили в себе многие начала, какими руководились отдалённые от них почти одиннадцатью столетиями предки...

Вот почему гневная речь Стемида произвела большое впечатление на расходившихся было вечевигов.

— Да кто тебя обидел? Поведай нам! — сказал ярлу Гостомысл.

— Велемир приказал меня утопить! — задыхаясь от возмущения, бросил Стемид. — По его слову меня бросили прямо в омут. Однако... я выплыл.

— Из-за чего это вышло у вас?

— Пойдите и спросите сами... А я этому

жрецу вашему отомщу! Клянусь Тором, отомщу! Слово норманна крепко!

Вече было смущено.

Гостомысл сразу сообразил, что настал удобный момент повернуть дело себе на выгоду.

— Дело твоё, именитый ярл, будет разобрано вечем сейчас. Пока же дай нам кончить своё... Недоволен мной народ новгородский, и пусть новый степенный посадник решит вашу распрю... Кланяюсь земно вечу! — спокойно поглядывал посадник в толпу. — И прошу отпустить меня. Не угоден я — пусть другой займёт моё место.

Гостомысл рассчитал верно. Боязнь буйных норманнов заставила одуматься вечевики. Они знали способность Гостомысла улаживать с соблюдением полного достоинства все подобные недоразумения и не решились пожертвовать им в трудную минуту.

— Нет, нет, оставайся! Не хотим другого! — заревела толпа.

— Не могу я никак... устал... прошу отпустить! — кланялся хитрый Гостомысл. — Довольно уже послужил я...

— Ещё послужи! Прости нас... Верим тебе. Во всём верим! Оставайся.

Гостомысл ещё некоторое время отказывался, но потом вслед за вече стали просить его остаться степенные бояре, к ним присоединились старшие, а затем — и старосты «концов».

После долгих уговоров посадник взял свой отказ назад. Это решение толпа встретила громкими криками восторга.

Толпа того времени соединяла в себе все обычные качества толпы вообще. Она легко воспламенялась, метко брошенное слово, как искра, попавшая в порох, вызывало взрывы её страстей, но вместе с тем достаточно было какого-либо ничтожного обстоятельства, чтобы повернуть течение мыслей в другую сторону, и за минуту перед тем толпа — кровожадный зверь сразу обращалась в тихого ягнёнка.

Так и случилось в тот день.

Вече успокоилось, и все восставшие незадолго до того против Гостомысла теперь готовы были отдать жизнь за него.

Умный посадник отлично понимал это.

— А как же нам быть с норманнскими гостями? Как вече рассудит? — несколько вкрадчивым голосом обратился он к народу.

— Пусть будет по-старому... как прежде было... Провожать гостей с почётом, пусть торгуют, где хотят, по всем городам и весям ильменским... Всё на твою волю, посадник!

Этого только и требовалось Гостомыслу. Он понимал, что всякие препирательства на вече жестоко разобидели бы норманнских пришельцев, и они и взяли бы сами силой то, что новгородцы не пожелали бы дать им добром.

Так или иначе, а приходилось улаживать дело.

— А с тобой, именитый ярл, мы поговорим об обидчике дома за чаркой старого мёда. Разрешает мне это вече?

— Разрешаем, разрешаем! — раздалось со всех сторон.

Гостомысл, а за ним и бояре низко поклонились народу в знак окончания вечевого собрания и чинно спустились с помоста.

Стеמיד шёл рядом с посадником, горячо объясняя ему свою обиду.

Вполне довольными и удовлетворёнными расходились с веча мужи и люди новгородские по своим «концам».

Собравшиеся было над головой Гостомысла грозные тучи разошлись.

10. Осмеянный влюблённый

*Любовь свободна, точно птица.
Из какой-то оперы*

адам долго не мог прийти в себя от охватившего его существо бешенства. В его мыслях разом смешались чувства злобы, ревности, мести к тому, кто осмелился похитить у него сердце Любуши.

Он невольно стал сравнивать себя со своим счастливым соперником.

Оба они были молоды, сильны, полны жажды жизни и утех. Что же до того, что по своему положению они были различны? Ва-

дим был сыном старшины богатого и могучего рода, испокон веков поселившегося на ильменском берегу за заповедной рощей. Силён был этот род. Много, много было в нём красивых, статных юношей, много удальцов было, что и на медведя страшного один на один ходить не боялись, а на играх весёлых всегда первыми были. И девушек-красавиц в роде — не сосчитать! Из других родов каждый бы юноша почёл за счастье взять себе в жёны девушку из приильменского рода; сколько раз по-древлянски «умыкать» пробовали, да не выдавали Вадимовы сверстники своих красавиц.

Да, красивы девушки в Володиславовом роде, все как на подбор выдались. Но краше всех для Вадима любимая дочка старика Простена — Любуша. От одного её взгляда у молодёжи голова кругом идёт, только вот сама она строга очень — ни на кого не хочет ласково взглянуть, как будто огонь сладкой любви не коснулся ещё её сердца.

С Вадимом же она особенно холодна. А он ли ещё не богат, он ли не пригож! Совсем не то что вот этот Святогор...

И что только девушки в нём находят?

Что же, что он племянником приходится новгородскому посаднику Гостомыслу? Дядя-то и сам на посадничестве неизвестно... прочно ли сидит? В Новгороде не один его род, а более десятка родов живут...

Спорить с ними долго не придётся... Люб посадник — и верховодит; а не понравился или другой кто к родам подслужился, живо прогонят мётлами за ограду.

Не велик человек новгородский посадник. А племянник его и того меньше.

За что только могла его полюбить красавица Любуша? Ради его любви Вадимову любовь отвергла, а ведь это обида кровная.

На кого сменяла — на солеvara с Варяжки!..

Ох, эти солевары... Осели они на этой речонке и знать никого не хотят! Как будто род какой независимый. Всех к себе пускают, всех без разбору принимают! Изгонят кого из достойного рода, к ним на Варяжку такой отщепенец идёт — идёт и знает, что отказа не будет... всем им там приют найдётся.

И чего это смотрят родовые старейшины

на негодников: давно бы их нужно с лица земли стереть, а то живут ведь и красных де-вушек к себе переманивают...

Будь Вадим на отцовском месте, давно бы разорил он проклятое гнездо.

Да и теперь он ни за чем не постоит, сокрушит эту так неожиданно выросшую между ним и Любушей преграду.

Сам жив не будет, а сокрушит, его слово — слово старейшинского сына — твёрдо.

— Да, да! — стуча от злости зубами, повторял Вадим. — Никому я тебя не отдам. Облюбовал давно тебя, моей ты и будешь или ничьей; лучше на месте положу я тебя своими собственными руками, а не отдам.

Старейшинский сын трясся и поводил во все стороны глазами, как бы отыскивая что-то, от него спрятанное. Он ожидал, что Любуша вернётся сюда, и тогда он выскажет ей всё, что у него накопилось на сердце.

Но Любуша не возвратилась. Только вдали слышен был её звонкий голос. Довольная и счастливая объяснением с любимым человеком, более всего довольная тем, что отговорила его от поездки за счастьем в неведанные

страны, девушка распевала песню, восхваляющую златокудрого Леля.

— Догнать её надо. Всю правду от неё самой узнать! — вдруг решил Вадим. — Пусть она сама мне скажет, что осмеливается пренебрегать мною. Посмотрим, решится ли она мне ответить...

Отыскав спрятанный в прибрежных кустарниках лёгкий чёлн, юноша быстро погнал его вверх по течению, стараясь нагнать девушку.

Любуша, не подозревая за собой погони, тихо перебирала веслом. Она вся была погружена в свои заветные думы, в мечты, которыми наполнилось сердце.

Девушка верила в любовь Святогора, бывшего в её глазах не иначе как сказочным героем. Что же, что он сирота, что же в том, что он беден?.. Разве сам старик Простен, отец Любуши, богаче? Только и кормится тем, что ловит в Ильмене рыбу, а Святогор и на зверя ходит...

Только бы не ушёл он от неё с заезжими норманнами... Горд он очень, ни у кого ничего не хочет просить — даже у дяди, новгород-

ского посадника... Близкие, родные ведь, а Святогор — нет! Сам всего добиться хочет!.. Да и не в ладах он, кажется, с Гостомыслом...

А что как уйдёт он с норманнами? Тогда от Вадима совсем не будет проходу... И теперь вот липнет, тогда же совсем пристанет!

Не стоит только Святогора беспокоить — он бы поучил Вадима, как к чужим невестам льнуть... Святогор от родового старейшины Володислава не зависит ни в чём... Варяг он. Недаром с дядей разошёлся, братьев малых оставил; на Варяжке все удальцы-молодцы собрались, один к одному. Сам жрец Велемир с Перыни им не страшен, так Володислава ли Святогору бояться?..

Громкий гневный оклик прервал думы Любуши.

Перепуганная девушка оглянулась и наткнулась взглядом на искажённое злобой лицо Вадима.

— Ты, княжич, здесь? — удивилась она.

— Да, здесь, за тобой! — ответил тот.

— Что тебе нужно от меня?

— Тебя!

— Меня? Ты ошибся, Вадим. На что я тебе?

— Мне любви твоей нужно. Слышишь? Любви... Знай же, что я люблю тебя... как никто, совсем никто. Даже твой Святогор так тебя не любит...

Любуша с изумлением и даже с испугом подняла глаза на Вадима:

— Зачем ты говоришь мне это, княжич?

— Затем, что я мучаюсь, страдаю. Я ночей не сплю из-за тебя. Ах, Любуша, Любуша! Сжался надо мной, полюби меня. Мой отец богат... Со временем ты будешь княжной! Разве мало тебе за любовь? Скажи, чего ты хочешь?

— Нет, Вадим, ты оставь этот разговор. Я не вольна в своём сердце...

— Ты его любишь! — вскипела кровь в сыне Володислава. — Я всё слышал...

— Нехорошо подслушивать... За это тебя и твой отец не похвалит!

— Пусть, мне всё равно!.. Слышишь, всё равно... Из-за тебя я всё готов забыть. Полюби меня...

— Я уже сказала тебе, что не вольна в своём сердце. Если ты слышал мой разговор со Святогором, значит, ты должен меня пони-

мать. И потому, прошу тебя, оставь бедную девушку, иначе я буду вынуждена просить отца, чтобы он пожаловался на тебя старейшине.

— Пусть... Но ты должна принадлежать одному мне. И никому другому!..

Вадим был единственным сыном у своих престарелых родителей. Явился он на свет, когда и отец, и мать его перешли уже в тот возраст, в котором менее всего можно ожидать детей. Поэтому понятно, что малютка сразу же стал баловнем семьи. И старик Володислав, и жена его души в сыне не чаяли. За ним ухаживали, ни в чём не отказывали ему. Вадим никогда не знал иной заботы, кроме удовлетворения своих прихотей; никакого труда — кроме погони за удовольствиями, порой даже не свойственными ни его возрасту, ни положению как сына старейшины, ни тогдашней простоте нравов. С малых лет у него было всё, и вдруг теперь он услышал решительное «нет!» от девушки, для которой, по его мнению, его любовь, его предложение должны бы были явиться счастьем.

Этого Вадим не в силах был перенести.

— Да, ты будешь принадлежать только мне. Никому другому! — вскрикнул он и сильным взмахом весла подогнал свой челнок к челноку Любуши, а сам, бросив весло, поднялся на ноги, желая схватить девушку.

Та как бы предугадала его движение и, ловко гребнув веслом, очутилась несколько впереди. Не ожидавший этого Вадим потерял равновесие, челнок качнулся под ним, и юноша очутился в воде.

Звонкий смех девушки огласил берега.

— Так-то лучше! Охладишься! — крикнула она.

Вадим беспомощно барахтался в воде, стараясь ухватиться за борт челнока. Но напрасно: вёрткое судёнышко ускользало из его рук.

— Любуша, спаси! — вскричал перепуганный Вадим.

— Ничего, здесь мелко. Не потонешь! — отвечала та, по-прежнему звонко смеясь. — Так тебе и нужно! Хорошо ещё, что я добрая сегодня, никому не скажу. Не то засмеют.

К отрицательным качествам Вадима принадлежала также трусость. Он был злобен, хитёр, коварен и вместе с тем... труслив. Те-

перь, очутившись в воде и не чувствуя под ногами дна, он перепугался не на шутку.

— Да помоги же! — отчаянно крикнул он.

Любуша на этот раз оказалась добрее. Она попридержала челнок Вадима, и это дало ему возможность ухватиться за борт.

— Ну, теперь выкарабкивайся сам! — сказала она. — Да в другой раз не лезь к чужим невестам. А теперь прощай! Помни, никому не скажу об этом... Пожалею.

В несколько взмахов весла она очутилась далеко впереди Вадима и скоро скрылась за поворотом речки.

Вымокший старейшинский сын дрожал всем телом. Когда он почувствовал, что счастливо избежал опасности, злоба снова проснулась в нём.

— Отомщу! За всё отомщу! — скрипел зубами он. — А ты помни: будешь моей или умрёшь...

Кое-как ему удалось поймать весло. Он снова пустился было в погоню за Любушей, но настигнуть её уже не удалось.

Целую ночь не мог Вадим заснуть. Только по временам впадал он в забытие, и тут ему

представлялась Любуша в объятиях ненавистного Святогора.

Скрежеща зубами, Вадим вскакивал со своего ложа и, грозя кулаком невидимому врагу, шептал:

— Отомщу! Убью...

11. Пир горой

*Заходили чарочки по столику.
«Аскольдова могила»*

Оромы Гостомысла, точно так же, как и все постройки того времени, отличались от нынешних особенной простотой, отсутствием архитектурных украшений. По внешнему виду они походили на чистенький домик современного нам провинциального городка. Окна были маленькие, с слюдой вместо стёкол. Они не отворялись, как теперь, а опускались или поднимались. Внутрь вела простая тесо-

вая дверь, недавно только навешанная на петли, завезённые сюда издалека иноземными купцами. В большинстве же других новгородских домов двери были приставные или опускные и вместо замка подпирались изнутри толстым колом. Но Гостомысл, а за ним и многие из его бояр уже познакомились со многими благами западной цивилизации и жили не совсем по старине. Так, внутри хоромы Гостомысла совсем не гармонировали со своей простой внешностью. Они были разубраны коврами, тяжёлыми медвежьими шкурами с большой претензией на роскошь. В главной горнице, служившей обыкновенно посаднику для приёма наиболее дорогих и именитых гостей, стояли длинные дубовые столы, покрытые привозными скатертями. Вдоль столов — широкие лавки. На стенах развешаны были турьи рога, шитые колчаны, мечи, луки, боевые топоры. Всё кругом сияло безукоризненной чистотой и опрятностью.

Когда Гостомысл и Стемид в сопровождении старого Витимира, степенных и старших бояр и «концевых» старост вошли в горницу, там уже ожидали начальники норманнского

отряда, прибывшего недавно в Новгород, ярлы Руар и Инглот, и старший из них Фарлаф — седой старик с испещрённым многими шрамами лицом и кривой на один глаз.

Они громко приветствовали появление хозяина.

Наскоро объяснил им Гостомысл, что новгородское вече вполне согласно на все их предложения и разрешает им свободную торговлю во всех с новгородских пятинах, а также и во всех попутных весях.

— Вот это хорошо! — крикнул Фарлаф. — Не с пустыми руками прибудем мы на родину. Думаю, много мехов прикопилось за это время...

— Ещё бы! На пути вашем все звероловы живут, да в землях Полянских и у древлян немало нашлось для вас дорогих мехов.

— Поляне что? — скривился Руар. — Знаю я их... На мужей не похожи. Наши женщины храбрее их.

— Что так?

— Не меч у них главное, а свирель да гусли!

— Ну?

— Верно!

— Верно, верно! — поддержал Руара Инглот. — Вот послушайте, что византийцы рассказывают про славян...

— Говори, говори.

Инглот отпил полкубка крепкого мёда и начал рассказ:

— Поймали как-то раз ромеи, — давно это было, пожалуй, и дедушки наши ещё не жили, а просто так рассказ из уст в уста идёт, — троих каких-то чужеземцев в земле своей греческой... Верно, думали, соглядатаи пришли вызнать слабые места столицы Византии. В то время хан аварский на Византию шёл, народу с ним — видимо-невидимо; так и те трое, похоже, принадлежали к его дружинам... Схватили их ромейские воины, привели как соглядатаев к своему начальнику, оглядывают их — что за диво!.. Ни мечей, ни секир у них нет. Сами они все народ здоровый, плечистый, а ничего в них нет такого, чтобы хоть сколько-нибудь о воинах напоминало. Думали, что припрятано у них где-то оружие, стали досматривать. Так, рассказывают, просто со смеху византийцы чуть не померли... Вот

так воины грозного хана аварского! Вместо мечей — у них гусли подвешены были; вместо секир — кифары... Таким воинам разве на баб под окна воевать ходить, песнями да прибаутками улащивать их, а не на ратном поле с врагом биться!

Инглот, а за ним и другие норманны, разразились громким смехом, которому вторили и новгородцы. К общему разговору не присоединились Гостомысл да Фарлаф, оживлённо беседовавшие между собой, да Стемид ещё, глядевший на пирующих мрачнее осенней ночи.

— Что же с ними было потом? — любопытствовали.

— Отвели их ромеи, как чудо какое, к самому императору, — продолжал воодушевившийся всеобщим вниманием Инглот. — Тот спрашивает их: «Кто вы?» — «Мы — славяне, — отвечают. — Живём далеко-далеко отсюда, на самом дальнем конце Западного океана». — «Как попали сюда?»

Не стали они перед византийским императором таиться и прямо ответили: «Прислал к нашим старейшинам хан аварский разные

дары и потребовал от нас людей ратных, чтобы примкнули к его дружинам и вместе с нами на вашу Византию войной пошли. А мы люди тихие, простые, с оружием управляться не умеем, никогда войны не знали, и нет железа в нашей стране! Только играем мы на гусях и ведём жизнь спокойную, мирную — без ссор и кровопролития! Так и не могли мы дать аварскому хану ратных людей. Наши старейшины послали нас к нему сообщить такой ответ, он же нас стал держать у себя как пленников. Но ушли мы от него к вам, зная ваши доброту и миролюбие!»

Рассказчик замолчал и снова отхлебнул из кубка мёда.

— Как же византийский император поступил с ними? — спросили заинтересованные слушатели.

— Что же ему с ними делать было? Подивился на них, на их силу, рост, стать, угостил и отправил восвояси!

— Вот и поляне такие же!

— Именно такие.

— Не то что соседи их, древляне!

— Те — зверь-народ!.. Со зверьми живут и

сами зверям ничем не уступят!

— Радимичи с вятичами тоже им не уступят!

— И северяне такие же!

— Вся-то страна, кроме полян, на один лад.

— Как они себе жён-то друг у друга умыкают!

— А что?

— Да так сойдутся где-нибудь на лужайке, и тащит себе парень девку, которая понравится... Так потом и живут, у кого их две, у кого их три.

— Вот у полян этого не бывает никогда, все только с одной бабой живут и друг друга ни в чём не обижают!

— А что? Их Киев лучше нашего Новгорода?

— Куда же лучше? Против вашего Новгорода во всей земле славянской другого нет!

— Пойдите-ка! — воскликнул тут Руар. — Когда ходил я в Византию, про Киев такой слышал рассказ!

— Давай-давай, послушаем...

В предвкушении интересного все в горнице смолкли.

— Мы вот теперь, норманны, веруем в Одина, вы — в Перуна, а есть народы, хотя бы византийцы, веруют они в неведомого Бога, Который сотворил одним словом Своим и небо, и землю, и всех людей...

— И нас тоже?

— Византийцы говорят, всех! — важно ответил Руар. — Этот неведомый Бог послал на землю Своего Сына, чтобы примирить всех людей между собой, а люди Его взяли да распяли... Вот после Него остались ученики — те, которые первыми Ему поверили, что Он Сын Божий. Эти ученики стали ходить по разным странам и всем про своего Бога говорить. Одни люди им верили, другие нет. Только теперь многие в этого Сына Божьего веруют... Один из учеников, Андреем его ромеи называют, взошёл на те горы, где теперь Киев стоит, оглядел он всё кругом — народу тогда там не было никакого... Но всё-таки этот ученик Бога христиан (так называют тех, кто верует в Сына неведомого Бога), — продолжал Руар, — предсказал, что вера в его Учителя укрепитя здесь, и встанет тут город великий.

— И я слышал про христианского Бога! —

вдруг возвысил голос Стемид, осушивший уже не одну стопу вина. — Не могу я только допустить, чтобы врагам, как Он приказывает, прощать можно! Месть, беспощадная месть — вот сладкое чувство, данное нам богами. С ним никакое сравниться не может. Ни один норманн не простит врагу обиды. И я не прощу, ничего не прощу вашему старому козлу Велемиру.

Эта неожиданная речь прервала мирную беседу. Со всех сторон посыпались вопросы. В ответ на них Стемид рассказал, что он явился на Перынь к Велемиру-жрецу требовать выдачи старого своего приятеля Рулава, исчезнувшего после посещения жрецов, распустивших слух, будто он утонул, возвращаясь один поздней ночью по быстрому Волхову в Новгород. Стемид не поверил этому рассказу, стал требовать у старого жреца отчёт. Тот же, оскорбив его, приказал схватить. Норманн, обладавший немалой физической силой, вырвался из рук уцепившихся было за него прислужников жреца и, спасаясь, кинулся в Волхов, надеясь выплыть.

— В море было тонул — но спасся. А тут бы

конец мне пришёл, кабы не один славянский юноша... какой-то Святогор по имени... — рассказывал Стемид.

— Святогор! — воскликнул Гостомысл. — Уж не сын ли это моего покойного брата?

— Может быть, и он. Позови-ка молодца. Отблагодарю его при всех, — просил Стемид.

Гостомысл трижды ударил в ладоши. Явился слуга. Ему отдано было приказание отыскать немедленно Святогора и привести к дяде.

Пока искали молодца, разговор вернулся к прежней теме.

В пылу его норманны, осушившие уже немало кубков со старым мёдом, расхвастались своим происхождением.

— Все скандинавы прямо от небожителей происходят! — объявил во всеуслышанье Руар.

— Будто? Как же это так? — усомнились новгородцы.

— Так. Все свободные скандинавы возводят свой род к лучезарному Одину!

Эти слова были встречены недоверием новгородских мужей.

Сами они, не очень ещё давно вышедшие из первобытного состояния, никогда над своим происхождением не задумывались. Подобные отвлечённые вопросы никогда не интересовали наших предков, точно так же, как и теперь мало интересуют их потомков. Поэтому слова Руара в одно и то же время и произвели впечатление на собравшихся у Гостомысла новгородских мужей, и возбудили в них любопытство, к которому примешивалась немалая доля недоверия.

После продолжительных уговариваний удовлетворить любопытство новгородских мужей решился словоохотливый Инглот.

Он, как заправский бард, пересказал содержание одной из самых поэтичных саг Скандинавии, в которой передавалось древнее предание о происхождении земли и населяющих её людей.

Читатель, может быть, не посетует, если и мы приведём её на следующих страницах...

12. Асгард и Мидгард

*In navo fert animus mutatas dicere
formas...*

Овидий. De origine mundi

Бло такое время, — говорил Инглот, — когда не было совсем земли, на которой мы живём, которая нас носит и питает... Смертному не исчислить, не понять, когда это было... Но знаю я, а со мной и все скандинавы, что в то время, когда не было земли, её место занимал безобразный свирепый великан Имир, вечно враждовавший с всеобщим отцом, источником света и всего живого Альфадуром.

Ужасен был враг Альфадура, безобразный Имир. Из смеси мрака и света, воды и огня, холода и жары произошёл он. И жил он, вечно враждуя с небом, пока наконец Альфадур не решил вступить с ним в последнюю реши-

тельную борьбу.

Не под силу казалась борьба светлomu небожителю. Долго он думал и наконец создал себе двоих помощников — Одина и Локке (солнце и огонь), которым и поручил борьбу с ужасным Имиром.

Один и Локке, в свою очередь, произвели гремющего Тора, и Тор первый вступил в бой с охранявшими Имира великанами мрака.

Долго — бесконечное, непостижимое для смертных время — длилась эта борьба, пока наконец не побеждены оказались великаны, и светлый Один не убил безобразного Имира.

Из тела ужасного великана он, лучезарный, и создал землю... кровь Имира превратилась в моря, из костей его нагромоздились на созданной земле горы, зубы превратились в камни, а волосы в леса; череп Имира покрыл всё собою и образовал свод небесный, который мы поныне видим над собой.

Ничто не пропало из безобразного существа... Даже мозг Имира, брошенный в воздух, превратился в облака.

Так создалась земля.

Но она была мертва. Никаких признаков

жизни не было на ней... Прекрасное создание Одина не удовлетворяло его, и он обратился к светлому Альфадуру с просьбой дать земле жизнь.

Смилоствивился всеобщий отец и дал земле жизненное дерево Иггдрасиль, корни которого проходят по всему миру и ветви осеняют небо, и млекопитающую жену Адумбли, а от них началась на ней жизнь.

Так стала жить земля, она была прекрасна и скоро сделалась супругой и матерью богов.

Но, кроме Имира, были ещё и другие — не истреблённые Тором — великаны. Они взяли брови своего верховного главы и из них вокруг образованной земли возвели стену Мидгард, за которой поселили созданную ими из ясеня и ольхи первую чету людей — Аска и Эмблу.

Боги, в свою очередь, среди Мидгарда — жилища людей — создали Асгард, который и стал постоянным местом их пребывания.

В самой середине мира возвышается это Жилище богов. Там, в высоте, в вечной зелени, восседают светлые асы, никогда не отказывающиеся от общения с размножившимися-

ся, как песок морской, потомками Аска и Эмблы.

С высоты Асгарда смотрит Один на дела людей. Оттуда выезжает он на битвы свои против коварного изменника Локке, страшного волка Фенрира, вестницы злополучия Ангербоде и обвинившейся вокруг всей земли змеи Йормунгудур на своём восьминогом коне Слейпнире.

Велик светлый Один, бог богов. Он для храбрых создал в Асгарде чертог Вальгаллу. Только истинно храбрые, кончившие свою жизнь на поле битвы, попадают в этот чертог, куда ведут 540 дверей. Райские наслаждения ждут храбрецов. Без забот в постоянных пирах продолжают они там свою жизнь. Чудные девы валькирии прислуживают им и подают в часы отдыха напитков, от которого заживают все раны...

Увлёкшийся рассказом Инглот, а за ним и все его слушатели, не заметили, как в горницу вошёл Святогор. Не желая мешать рассказчику, юноша скромно стал у двери и прислушался к его словам. Мало-помалу рассказ увлёк и его. С глазами, блистающими от вос-

торга, слушал он Инглота, который рассказывал.

— Но в глубине земли, в области Гелла Нифльгейм, есть другой чертог! — продолжал рассказчик. — Это мрачный и ужасный Элднир, чертог страдания. Ложе, на котором возлежит сын коварного противника асов, Гелл, это Кор — болезнь, стол перед ним — Гунгр, или голод. Прислуживают Геллу противные Ганглати, что осначает упущение, и Гангель — лень. И отсюда исходят на род людской все бедствия...

— Но ты говоришь про богов. Где же люди? — спросил один нетерпеливый слушатель.

— Постойте, я вернусь ещё к богам — асам...

Было такое время, когда потомки Аска и Эмблы, паны, населявшие Мидгард, вступили было в борьбу с асами. Долго велась эта борьба и кончилась тем, что асы смешались с ванами, а от них уже произошли все смертные, теперь населяющие землю...

— Вот вам и про людей. Не правы ли мы, что ведём своё происхождение от богов?

— Ты закончил, норманн? — спросил один из пирующих. — Но что же, в вашем Асгарде только одна Вальгалла и есть, где находят себе приют воины?.. Что же остаётся для тех, кто не изведal в жизни ратных дел?..

Инглот, очень довольный этим вопросом, усмехнулся:

— И тех, о которых говоришь ты, не забыл светлый Один. Кроме Вальгаллы, есть ещё в Асгарде Гладгейм — чертог радости, Витольф — чертог дружбы, Глазор — роща, в которой на деревьях растут золотые яблоки, и, наконец, Ида — долина, где асы судят всех смертных, назначая им, смотря по их делам, пребывание в том или другом чертоге Асгарда или отсылая их в мрачный Нифльгейм. Но всё-таки Вальгалла — главнейший из всех чертогов. Каждый муж должен стремиться попасть туда, вот почему всякому из нас смерть страшна не на поле битвы, а дома, на ложе...

— Что же храбрецы, попавшие в Вальгаллу?

— Там их ждут вечные наслаждения, которые на земле невозможны... Валькирии слу-

жат им. Вместе с асами пьют герои мёд, всегда доставляемый вечно дающими лозами — лозами этого чертога. Едят вкусного вепря, который, хотя каждый день подаётся им, никогда не убывает... Только светлый Один никогда ничего не ест, он лишь пьёт чудное вино. Но асы, наслаждаясь блаженством вместе с достойнейшими из смертных, сами не забыли и землю. Удовольствия не только асам, но и смертным доставляет мудрый скальд Браги; у жены его Идуны есть яблоко, которого отведают асы, когда начинают стареть, и лишь только отведают, молодость возвращается к ним...

— Что же, Один не имеет никого — ни жены, ни детей? — любопытствовали новгородцы.

— Супруга его — Земля, а сильнейший из сыновей его — Тор. Непобедимый Тор ездит по воздуху на военной колеснице. Он держит в железной рукавице тяжёлый молниеносный молот Мьёльнир, машет им, и в грозу мы слышим его страшные удары по черепу Имира. Этот сын Одина постоянно странствует, наблюдая за всем миром, везде ищет исполни-

нов. В битве с кровожадным волком Фенриром он лишился руки. Он желает мира, тогда как неукротимый однорукий Тир разжигает между людьми войну.

Рассказ Инглота прервало порывистое движение Стемида. Ярл так быстро вскочил с места, что со стола покатались несколько кубков. И все обратили на него внимание.

— Вот, вот кто уберёт меня от смерти в пучине вашей реки! — пылко воскликнул норманн, обнимая невольно смутившегося Святогора. — Какой молодец! Завидую тебе, посадник, что у тебя такой племянник... А тебе моя благодарность... ещё раз убеждаюсь я в том, что суждено мне умереть на поле битвы.

Норманны наперебой протягивали смущённому юноше руки для пожатий. Гостомысл с удовольствием глядел на племянника.

«Если бы не было у меня Избора, — думал он, — для него бы я стал делать своё великое дело сплочения всех родов славянских под одной рукой...»

13. Любовь-горе

Грядущие годы таятся во мгле.
А. С. Пушкин

а зделённая на маленькие, управлявшиеся сами по себе королевства, Скандинавия была в то время истинной владычицей более близких к ней морей. Её бесчисленные витязи, стеснённые в пределах своего отечества, постоянно стремились в неведомые страны. Одни прямо с пиров, собрав дружины, отправлялись в набеги на берега Франции, Британии, другие же искали добычи менее опасным путём — через торговлю. Всегда хорошо вооружённые, смелые, они не боялись долгого и опасного пути по малоизвестным странам северных и южных славян. Узнав, что на пути есть такие крупные центры славящины, как Новгород, Киев, эти норманн-

ские витязи пускались в далёкий путь налегке, захватив с собой только оружие. На пути они скупали, а зачастую просто отнимали у местных жителей пушные товары, которые и везли в далёкую Византию, или возвращались обратно на родину. Сменяв в стране франков или в Британии свою добычу на предметы роскоши, оружие и прочее, они, отягчённые плодами своей предприимчивости, возвращались в родные фиорды.

К последней категории норманнских витязей-купцов принадлежали и прибывшие в Новгород к Гостомыслу ярлы Фарлаф, Инглот, Руар и Стемид.

С ними возвращалась из далёкого пути небольшая, но прекрасно вооружённая и дисциплинированная дружина, под охраной которой им никто не был страшен.

Теперь они шли на свою далёкую родину из Византии с тяжело нагруженными судами. Норманны хотели запастись мехами, так как рассчитывали на их большой спрос в ближайшей к ним Британии, с которой они имели оживлённые торговые сношения.

Кроме того, им хотелось отдохнуть на по-

следней стоянке, прежде чем пускаться в путь по бурному Неву, который в ту пору года был особенно грозен.

Поэтому они с большим удовольствием приняли предложение Гостомысла погостить в Новгороде.

Хитрый посадник не без задней мысли сделал это предложение. Он рассчитывал, что пока в Новгороде присутствуют норманны, будет возможность укрепиться во власти. В этих видах он всеми силами старался угождать северным гостям. Пирь в посадском доме не прекращались, как не прекращались они в самой Вальгалле. Мёд лился рекой.

Вкусные яства не сходили со столов. Под влиянием этого даже Стемид как будто начал забывать про нанесённую ему обиду.

За это время Стемид, а за ним и другие его товарищи, успел подружиться с племянником Гостомысла — Святогором. Славный юноша привлёк к себе их симпатии.

— Вот бы нам такого! — качал головой Руар. — Славный бы из него вышел варяг!

— Да я и так варяг! — улыбаясь, отвечал Святогор.

— Ну какой! Просто солевар ты, как все здесь тебя называют. Варяг наш — не то!

— Что же он?

— Наш варяг — свободный воин!

— Верно! — поддержал товарища Инглот. — Всякий чужеземец, кто к нам приходит, да к викингам, а нет и к самим конунгам в дружину попадает, — всех варягами зовут по-вашему?

— Уже и по-нашему!

— Именно так! Много вас, славян, у нас. Языка они нашего не знают. Все, как приходят, варягами себя зовут. И пошло — что ни чужеземец, то варяг... По ним и море наше названо Варяжским[10].

— И много наших там? — заинтересовался Святогор.

— Говорю, много... Есть такие, что и в третьем, и в четвёртом поколении живут, — мы зовём их россами.

— Храбрый народ! — похвалил россов Руар. — Все молодцы один к одному — крепкие, рослые, здоровые.

— И новгородских много?

— Этих больше всех... Из вашей стороны

так и валят. Сам, думаю, знаешь, как твои солдаты к нам рвутся.

Разговоры эти велись всё чаще. Пылкие рассказы норманнских витязей распалили воображение молодца. После бесед с ними долго не мог он заснуть. В воображении его рисовались картины привольной, полной бурь и тревог жизни в далёкой Скандинавии. То слышался ему призывный крик викингов, созывающих на бой своих воинов, то отчаянные вопли побеждённых, бегущих толпами с поля брани. В грёзах эти сцены битв так живо рисовались Святогору, что он как бы сам себя видел то в рядах норманнских дружин, то на борту лёгкого, остроносого корабля викингов, смело бороздящего воды неведомых бурных морей.

Между тем норманны не теряли времени даром. Руар и Инлот поочередно объезжали раскинувшиеся по берегам Ильменя и впадающих в него рек селения, где скупали меха. Фарлаф вёл торг с наезжими купцами из кривичей и мери. Только Стемид постоянно оставался дома.

Храбрый ярл всё ещё не мог простить на-

несённой ему главным перынским жрецом Велемиром обиды.

Исчез его старинный товарищ Рулав, исчез загадочно, так что и следов после него не осталось. Рассказам о том, что он случайно утонул, Стемид не верил, зная по собственному опыту, что значит случайность, после беседы с жрецами Перуна.

«Отомстить им надо! Но как? — ломал ярл голову. — И за свою обиду, и за гибель товарища, чтобы наперёд они знали, как шутить с норманнскими воинами».

Эти мысли не давали Стемиду покоя.

Вместе с тем он всё более привязывался к Святогору. Племянник Гостомысла положительно стал его любимцем. Норманн помнил, с какой самоотверженностью кинулся юноша в Волхов, чтобы спасти от смерти человека, которого он даже не знал.

«Увезти бы его с собой!.. На Росслагене теперь старый Бела конунгом. Он любит такой народ. Да и нужны они ему — ведь у него почти все варяги. Вот бы обрадовался старик, если бы ему такого молодца доставить!»

Руар и в особенности Инглот разделяли

симпатии своего друга к молодому славянину.

Святогор со своей стороны платил им тем же.

Однако время шло.

Между Фарлафом и Гостомыслом начались какие-то таинственные переговоры. Подолгу, чуть не до рассвета засиживались за беседой новгородский посадник и его гость. О чём говорили они, никто — даже ближние люди Фарлафа — не знали.

Мехов у норманнских витязей накопилось уже много. Но они всё медлили с отъездом в Скандинавию. Да и Гостомысл старался по возможности отсрочить их отъезд.

Новгородцы за долгое пребывание норманнов свыклись с ними, а иные даже сдружились. Руар и, в особенности, Инглот, весёлый и всегда готовый рассказывать что-нибудь занимательное из своих походов, были дорогими гостями в каждом доме.

Но время шло.

Норманны наконец стали собираться в далёкий путь. Даже Стемид как будто позабыл о своём пропавшем друге.

Понятно, что знал об их сборах и Святогор.

— Вот шёл бы с нами, сам настоящим варягом сделался бы! — искушал Фарлаф, тоже от души полюбивший Святогора.

— Нет, нельзя! — вздыхал тот.

Он молчал о том, почему именно нельзя. Но рассказы норманнов глубоко запали ему в сердце.

«Сходить бы с ними да потом вернуться сюда и зажить с Любушей!..» — мечтал он.

Он заметил, что в последнее время Любуша стала очень задумчива и грустна. Не раз он подмечал, что глаза её заплаканы, но причины её горя он постичь не мог. Сама же девушка ничего не говорила возлюбленному.

Вместе с тем, в редкие, правда, встречи Святогор не раз замечал мрачный взор Вадима, что останавливался, как бы невзначай, на нём.

«Чего это он?» — недоумевал Святогор.

Дядя Гостомысл стал относиться к юноше ласковей, и тот, заметив эту перемену в обращении, сам мало-помалу начал сближаться со стариком.

Однажды он даже решил поведать ему

свою сердечную тайну.

Многих усилий, долгой борьбы с самим собой стоило это юноше. Ему всё почему-то казалось, что дядя будет непременно против этого союза.

Предчувствие не обмануло его.

Святогор говорил с Гостомыслом со всем пылом влюблённого. Доводы, приводимые им, казались ему неопровержимыми...

С замирающим сердцем ждал он ответа.

Гостомысл выслушал племянника внимательно, не перебивал его, но когда тот закончил, покачал головой:

— Нет... если ты спрашиваешь меня и признаешь над собой мою волю, то знай, что никогда не разрешу тебе этого!..

— Отчего же?

— Я дал слово твоему отцу заботиться о тебе, беречь тебя, как родного сына. Поэтому и не даю тебе разрешения, и имею на это причины.

— Какие же, Гостомысл, скажи?..

— Много горя должна причинить тебе эта девушка...

— Горя?.. Откуда ты это знаешь? Ты нико-

гда ни о чём подобном не говорил мне.

— Не говорил раньше, скажу теперь, так как должен предупредить... Когда ты родился, твой отец и я гадали о твоём будущем. Хочешь узнать, что мы узнали через гадание?

— Я жду...

— Самое большое горе в жизни будет тебе через девушку, которую впервые полюбишь... Глубока будет твоя сердечная рана, и во всю остальную жизнь не заживёт она...

Святогор усмехнулся.

— Что же! Если и горе, так из-за неё. Вместе с ней я готов ко всему...

— Я оберегаю тебя, — холодно молвил Гостомысл. — Исполняю клятву, данную твоему отцу... Знай, что я не только никогда не дам тебе своего согласия на брак с девушкой из рода Володислава, но если ты решишься поступить против моей воли, буду изо всех сил препятствовать тебе... Прими лучше мой совет: забудь эту девушку и выкинь из сердца свою любовь!

Слова эти были сказаны так, что Святогор не осмелился перечить дяде, но в душе всё-таки решил, что, несмотря ни на какие мрач-

ые предсказания, жить он без Любуши не может...

14. Подарок-спаситель

Цель оправдывает средства.

Известное изречение

«

К

какое горе может причинить мне Любуша? Что за странное предсказание!» — размышлял Святогор после решительного разговора с дядей.

Он стал припоминать свою прошлую жизнь, своё детство.

Матери он своей не помнил, отца же видел так редко, что черты его теперь очень смутно всплывали в памяти. С малых лет он жил у дяди Гостомысла, чуть не годами не видя отца. В то время Гостомысл был совсем маленьким человеком — подстаростой в одной из пятин, приписанных к «концу» уже перешедше-

го в то время на новое место Новгорода.

Гостомысл всегда любил племянника, обещававшего сделаться в юношеском возрасте образцом славянской красоты.

Только когда являлся отец, образ жизни Святогора изменялся коренным образом. Целыми днями рыскали они вместе по полям и дубравам. Святогор быстро развивался и в юношеском возрасте не обманул надежды Гостомысла.

Благодаря странствованиям с отцом в юноше развилась необыкновенная страсть к свободной, привольной жизни и настолько привилась, что Святогор не променял её на душные посадничьи палаты, когда вече выбрало Гостомысла в посадники. Сколько раз дядя ни предлагал Святогору остаться у него, просьба эта мало действовала. Святогор предпочитал жизнь в лесу и на озере. Только изредка, в самых исключительных обстоятельствах, забредал он в Новгород в гости к дяде.

Куда исчез его отец, Святогор этого не знал. Знал он только одно: что между отцом и старым Володиславом давно существовала вражда. Но вследствие ли её исчез отец Свято-

гора с лица земли славянской — никому не было известно.

Гостомысл же молчал, не открывал тайны племяннику. Тем не менее тот инстинктивно чувствовал если не ненависть к Володиславу, то, по крайней мере, сильную неприязнь.

«Уж не по этой ли причине и запрещает мне дядя стать мужем Любуши? — размышлял он, расставшись с Гостомыслом после решительного разговора. — Любуша же из Володиславова рода!»

Эта мысль навела Святогора на долгие раздумья.

«Что же нам, если была вражда между отцом и Володиславом! Мало ли чего случается! Любуша или её отец, старый Простен, в этом не виноваты. Вряд ли её любовь может причинить мне горе... Что она может дать, кроме счастья? А я ради этой любви всем пожертвую. Ушёл бы я с норманнами в варяги за море, и если бы вернулся когда-нибудь сюда, на Ильмень, то вернулся бы славным витязем. Только не оставлю я Любушу, не уйду от неё никогда. Пусть погибну здесь... Лучше смерть с ней, чем жизнь без неё!..»

Такие думы не давали покоя молодому богатырю.

— Эй, Святогор! Пойди-ка скорее сюда! — раздался поблизости голос Стемида.

Юноша обернулся и с улыбкой пошёл на зов добродушного норманна.

Тот же, ласково улыбаясь, подманивал его к себе.

— Ну что же ты? С нами? — спросил он.

Святогор покачал головой.

— Отчего?

— Не могу, Стемид! Родину бросить жалко!

— Перестань глупить... Пойдём!

— Рад бы, да не могу...

— Верно, девица какая приворожила? Оставь... Много их впереди у тебя будет... Такие ли красавицы у франков есть!

Но Святогор молчал, грустно улыбался в ответ ярлу.

— Что ж, твоё это дело! Как знаешь... А вот хочу я тебе подарок сделать — настоящий норманнский.

Стемид вытащил откуда-то, по всей вероятности, заранее приготовленную кольчугу и развернул перед глазами юноши.

— Нравится?

— Как не нравиться! Такой рубашки, пожалуй, во всей славянщине нет...

— Верно, что не сыщешь... Испытанная уже. Калёные клинки ломались! Вот тебе я её и дарю.

Святогор, обрадованный таким знаком внимания, не знал, как и благодарить норманна.

— Надень-ка! Посмотрю на новом друге старого...

Кольчуга живо была надета. Она оказалась как раз впору.

Стеמיד долго любовался на свой подарок.

— Ты мне жизнь тогда на Волхове спас. А кольчуга меня много раз от стрел и мечей вражеских оберегала — и тебе такую же службу сослужит... Носи!

Стеמיד как в воду глядел: кольчуге его скоро пришлось сослужить Святогору немалую службу.

Поздно вечером, распрощавшись с друзьями-норманнами, очень довольный подарком Стемида, оставил Святогор посадничьи хоромы. Дядя оставлял его у себя, но юноше хоте-

лось побыть одному. Отговорившись тем, что на озере поставлены верши, он ушёл и скоро уже шагал по одному из новгородских «концов», направляясь к Волхову, где у него был оставлен чёлн.

Светила тускло луна. Город спал уже крепким сном; даже спущенные на ночь собаки молчали.

Юноша совсем уже был близко от берега; ещё несколько шагов, и он ступил бы в свой чёлн. Вдруг какая-то фигура преградила ему дорогу. Не успел Святогор опомниться, сообразить в чём дело, как внезапно возникший перед ним человек взмахнул рукой, и он почувствовал сильный удар в левую сторону груди и затем скрежет стальных колец.

Подарок Стемида спас юношу. Направленный прямо в сердце нож только скользнул по кольчуге и сломался у самой рукояти.

Прежде чем Святогор успел взглянуть в лицо презренного покусителя, тот, громко вскрикнув, быстро скрылся за строениями.

Юноша хотел было пуститься за ним в погоню, но потом махнул рукой. Святогор понял, что только благодаря кольчуге остался

цел; поднимать же шум, будить «концевых» старост и подстарост он не пожелал.

— Попался бы мне днём! — погрозил он вслед злодею. — Расправился бы я с тобой!..

Однако этот случай натолкнул его на новые мысли. Святогор понял, что у него есть враги — и враги, готовые даже пойти на убийство. Подлые враги, не гнушающиеся убийством из-за угла...

«Хотелось бы мне знать, кто это!» — раздумывал Святогор, спускаясь к челноку.

Вскоре он был уже в полной безопасности — на середине Волхова.

Между тем нанёсший ему удар человек опрометью бежал совсем в другую сторону. Он скоро выбежал за город. Здесь, стараясь держаться в тени окраинных построек, поджидал его всадник.

— Что? — прозвучал в ночной тишине тревожный вопрос.

— Он заколдован, княжич! — едва переведя дух, отвечал убийца. — Нож не берёт его. Сломался!

Всадник злобно вскричал:

— Жив? Ты промахнулся, презренный

смерд!

— Нет же, говорю! Я ударил верно... Не моя вина, если он заколдован. Нож мой сломался, как сгнившая щепка!

— Что же теперь делать?

— Против колдовства нужно действовать колдовством. Следует заговорить нож, только тогда твоя воля исполнится...

— Я не знаю такого человека.

— Есть такой в наших местах. Поможет тебе болгарский кудесник Мал.

Говоривший вскочил на коня, и оба всадника умчались во тьму.

15. Тёмный замысел

*Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною.*

А. С. Пушкин

Ока в посадничьем доме шли споры да велись переговоры с норманнами, старейшинский сын Вадим задумывал страшное дело. Он как будто оставил на это время Любушу со своими ухаживаниями, и девушка вздохнула свободно, воображая, что счастливо избавилась от назойливого ухажёра.

Не тут-то было!

Вадим только на время отложил исполнение своих намерений. Неудачу в любви он всецело приписывал Святогору и прежде всего решил именно его устранить со своей дороги.

Была мрачная ночь. После коротких суме-

рек землю славянскую окутала тьма. Всё на Ильмене спало. Даже Новгород заснул, и из города не доносилось ни малейшего шума.

В эту ночь через густой тёмный бор, раскинувшийся за весью Володислава, пробирался всадник. Умный конь, всхрапывая и прядая ушами, осторожно шёл по узкой тропинке. Всадник бросил поводья на шею коня, предавшись чутью животного. Он беспокоился лишь об одном — как бы не удариться головой о низко опустившуюся ветку.

Он, очевидно, спешил. Похоже, только крайняя необходимость заставила его выбраться в эту ночь из дому. Чем дальше в лесную чащу пробирался конь, тем сильнее сплетались ветви деревьев, и лес высокой стеной поднимался перед всадником.

«Что это, никак я сбился с дороги? — подумал Вадим (это был он). — Не может быть. Слишком хорошо мне указывали путь к старому Малу. Именно здесь должна стоять его избушка».

Блеснувшая на небе зарница на мгновение осветила мрачную прогалину, на которой остановился Вадим. Высокие столетние сосны

гордо поднимали свои зелёные макушки. Старейшинский сын ясно различил три из них, одиноко стоящие среди прогалины.

— Здесь, здесь! Вот и сосны, о которых мне говорили, — радостно прошептал он и быстро соскочил с коня.

Привязав скакуна к толстому суку ближайшего дерева, Вадим вышел на середину прогалины и, приложив ко рту руку воронкой, закричал, что только было силы:

— Мал! Старый Мал! Мал, проснись и выйди ко мне. Я стою здесь, у трёх сосен, и жду тебя. Ты мне нужен, Мал. Ты знаешь волю богов, я пришёл к тебе узнать её... Ты должен мне поведать её! Выйди, Мал! Явись, старый Мал!

Но никто не ответил Вадиму на его призыв. Только могучее эхо разнесло громкий крик, вторя ему во всех уголках дремучего леса.

— Мал, приди! — повторил ещё громче Вадим.

Он уже начинал терять терпение. Ему стало казаться, что его обманули, сообщив, что здесь, в этой лесной чащобе, живёт славный

кудесник Мал — выходец из стран болгарских. Все прибрежные земли Ильменя были полны славой этого кудесника. Мало кто его видел, но те, кому повезло, уходили с полной уверенностью, что Мал — любимец богов и по силе своих прорицаний не уступит, пожалуй, и самому перынскому жрецу Велемиру.

«Только Мал мне и может помочь», — решил однажды Вадим и, разузнав дорогу к хижине болгарского кудесника, при первом же удобном случае помчался туда.

Долго он призывал к себе Мала, но лес попрежнему оставался безмолвным. Даже разбуженные громкими криками Вадима птицы, попривыкнув к ним, замолкли и перестали летать в ночной тьме.

Вадим, не слыша никакого ответа на свои призывы, пришёл в отчаяние. Больше всего его смущало то, что придуманный им верный план мести и уничтожения врага не удавался — Мал не хотел выходить из своей берлоги.

Начинало уже светать. Сквозь чащу деревьев видно было, как заалел небосклон. П слышалось щебетание ранних птичек, подул прохладный лёгкий ветерок, этот первый

вестник наступающего Дня.

Вадим, постояв в раздумье, решил было уже отправиться восвояси.

— Мал! Выйди! — ещё раз крикнул он.

Тут вдруг, заметив зашевелившиеся ветви деревьев, Вадим задрожал всем телом.

Росший по окраинам лесной прогалины кустарник несколько раздвинулся и пропустил какое-то существо, весьма мало походившее на человека.

Оно было согнуто в три погибели и благодаря палке, на которую опиралось, казалось неким трёхногим диковинным зверем. Длинная грива седых волос спускалась по плечам и спине почти до самой земли. Лица под высокой, с острым верхом шапкой и волосами не было видно. Только одни глаза светились почти юношеским блеском.

Это и был Мал — кудесник болгарский.

Увидя его, Вадим перепугался. Появление этого страшного существа, которого он незадолго перед тем так страстно желал видеть, наполнило теперь его душу ужасом. Он весь дрожал, как в лихорадке, а страшный Мал подходил всё ближе и ближе.

— Добро пожаловать, княжич! — прохрипел кудесник. — Заждался ты меня, да ничего это, другие и ещё дольше ждут старого Мала. Только для тебя одного вышел я так скоро... Знаю я, как рвётся на части твоё сердце молодое, знаю, чего ты ждёшь от меня, всё знаю... Не утаишь ты от меня ни одной думушки своей сокровенной. Что же стоишь? Чего дрожишь, как лист древесный осенью? На смерть идти не боишься, а тут тебя человек обыкновенный пугает... Эх, эх! Не такие молодцы на родине моей в славном Ателе-городе. Так-то!.. — Мал пристально посмотрел на смущённого и перепуганного Вадима и громко захохотал.

— Кто ты, страшный старик, скажи? — вскричал юноша.

— Кто я? А зачем это тебе знать, гордый старейшинский сын? Сам ты должен был знать это, прежде чем ступить на здешнюю прогалину и вызвать меня. Да, впрочем, скажу я тебе... Далеко-далеко отсюда, на большой реке у моря Хвалынского[11], стоит славный Атель[12]. Чтобы попасть в него, через много племён пройти нужно. Болгары, узы, печене-

ги путь смельчаку преграждать будут, и если только не родился под звездой счастливой, забелеют его кости в степях печенежских... Оттуда и я родом. Ханам казарским я верным слугою был и в их земле постиг премудрость кудесническую. Всё постиг я, и дорого мне стало это... Видишь, теперь я какой? А ведь когда-то и мой стан был так же прям, как и твой, и моё сердце билось любовью к красным девицам. Ох, давно, давно это было. Согнулся стан мой, крепости нет в руках моих, ноги не держат, без клюки ходить не могу. Умер я телом, в прах, в тлен превратился. Зато духом живу. Умерло тело, проснулся дух. Всё я постиг на белом свете, всё знаю; и ход светил там, на небе, мне известен, и тайна жизни и смерти, и будущего... Умею и думы читать чужие, и знаю, чьё сердце чем бьётся. Знаю, зачем ты пришёл ко мне. Хочешь, скажу, не дожидаясь, что ждёт тебя в грядущем?

Вадим с волнением слушал отрывистую речь кудесника. Оторопь охватила всё его существо. Ему казалось, что какая-то невидимая сила заставляет его слушать Мала, приковывает к месту.

— Хочешь, хочешь? — приставал тот, пристально смотря своими маленькими, сверкающими глазками на юношу.

— Скажи, — тихо проговорил тот, не будучи в силах оторвать своего взгляда от страшного старика.

— Нож, острый нож принёс ты на врага злого наговорить, — прошептал Мал. — Так наговорить, чтобы он прямо в сердце ему впился, разом тебя бы от недруга избавил... Так?

— Так! — кивнул Вадим.

— Хорошо!.. Согласен я. Призову я духов, мне покорных, заставлю служить их тебе, и падёт твой враг. Да, падёт! Что мне! Да прольётся кровь ваша!.. Убивайте друг друга, лейте кровь свою же. Меньше вас станет. Быть может, и порадуется тогда сердце старого Мала.

Колдун залился тихим смехом, от которого задрожало всё его старое тело.

— Так пойдём же, пойдём ко мне, — схватил он за руку юношу, — пойдём. Но прежде чем нож тебе заговорить, будущее я тебе покажу. Узнай, что ждёт тебя в тумане грядуще-

го. Узнай и помни, того, что увидишь, не избежать тебе. Рано или поздно исполнится оно над тобою.

Он потащил Вадима через кустарник.

Густые заросли отделяли эту прогалину, на которой происходил их разговор, от другой, небольшой. На ней, под низко нависшими ветвями елей и сосен, стояла жалкая лачуга Мала. Ни дверей, ни окон не было. Низкое и узкое отверстие вело внутрь. Даже Мал должен был согнуться, чтобы пройти через него, а высокому Вадиму пришлось пробираться внутрь ползком.

Удушливый запах гари и каких-то трав стоял в лачуге. Вадим чуть не задохнулся, попав в неё. Мал заметил это.

— Не прогневайся, сын старейшинский, — сказал он. — Убоги мои палаты, но ты сам, незванный, пришёл в них.

Он раздул едва тлевший посреди лачуги уголёк.

Вспыхнул костёр, и тут только Вадим мог разглядеть внутренность странного жилища. Со всех сторон глядели на него, раздвинув беззубые челюсти, человеческие черепа. В од-

ном углу бился чёрный, как смоль, слепой ворон. Пол лачуги кишел ужами, ящерицами. Вадим едва смог подавить в себе чувство гадливости, но, взглянув на Мала, он вдруг удивился...

Перед ним был вовсе не дряхлый, сторбленный старик. Стан кудесника выпрямился, клюка валялась далеко от него. Он казался сразу помолодевшим на много-много лет.

— Ты хотел знать своё грядущее, я покажу тебе его, не страшись только, — громко проговорил он.

16. Завеса грядущего

Грядущего годы таятся во мгле...
А. С. Пушкин

Вадима вдруг закружилась голова от внезапно Западно распространившегося по лачуге одуряющего запаха какой-то едкой травы.

Огонь в костре разом вспыхнул. Повалил из него густой дым, который сперва тянулся по потолку, а потом, не находя себе выхода, наполнил всю лачугу. Наконец дым спустился так, что окутал собой совершенно фигуру болгарского кудесника. Теперь Вадим перестал совсем различать окружающее. Слепой ворон отчаянно захлопал крыльями, мечась из угла в угол.

Юноше показалось, что земляной пол лачужки уходит у него из-под ног, и сам он проваливается в какую-то бездну. Он широко взмахнул руками, как бы ища точку опоры, и почувствовал, что схватился за чью-то горячую руку.

— Смотри, — раздался у него над самым ухом голос старого кудесника.

Точно какая-то завеса упала разом, и перед Вадимом открылась страшная картина.

Обширное поле всё было сплошь устлано трупами. Куда ни взглядывал юноша, всюду виделась кровь и кровь. Видны были походя по костюму на славян ильменских ратники. Кто из них обезглавлен, у кого из широких ран на груди бьёт ручьём горячая кровь,

некоторые только ранены; одни вздрагивают ещё в предсмертной агонии, другие корчатся в страшных муках, а над полем так и реют, так и реют хищные птицы.

Вдали видно зарево разгорающегося пожара...

Что это? Местность, как будто, Вадиму очень знакомая, много-много раз виданная.

Юноша напряжённо стал вглядываться в открывавшуюся перед ним картину, стараясь припомнить, где он видел её.

Нет, такую, разорённую, опустошённую, он эту местность никогда не видел, а напротив, видел цветущей, весёлой.

Вадим узнал, наконец, и это покрытое трупами поле, и эти останки сгоревшего селения.

Это — его родные места!..

Вот и бесконечная гладь Ильменя чернеет вдали сквозь просвет просеки.

Но кто же пришёл на неё войной, кто выжег цветущее селение Володислава, кто усеял это поле трупами?

— Старик, старик, покажи мне виновника этого, — судорожно сжимая руку Мала, прошептал Вадим.

— Погоди, сейчас увидишь, — отвечал кудесник, — смотри внимательно, он немедленно явится перед твоими очами!

Густой клуб дыма застлал и поле, покрытое трупами, и развалины сгоревшего селения.

Когда дым несколько рассеялся, Вадиму представилось новое видение...

То же поле, но только с другой стороны. Зарева пожара уже не видно, только тела убитых навалены грудой. В этом месте, очевидно, происходила самая жаркая сеча... Видит Вадим, что здесь не всё ещё умерли, есть и живые, и вот один, лежавший дотоле неподвижно, человек с широкой зияющей раной на груди приподнялся и мутным взором обвёл вокруг всё поле, как бы умоляя о пощаде.

Вадим взгляделся в него и вдруг задрожал.

В этом несчастном, оставленном на поле битвы, он узнал самого себя! Неужели такая участь ждёт его? Неужели он именно так погибнет, не успев отомстить врагам?

Ещё пристальнее, ещё напряжённее стал вглядываться юноша в эту рисовавшуюся в дыму картину, и вдруг его внимание было

привлечено как бы отдалённым лязгом оружия, доносившимся до его слуха. Он видел, как беспомощный двойник его тоже повернул свою окровавленную голову в том направлении, откуда доносился звон.

По полю шли несколько закованных с ног до головы в железо людей. Такое вооружение Вадим видел и раньше, поэтому легко узнал в этих людях грозных норманнов. Один из них, шедший впереди, высокий, рослый и богато вооружённый, судя по тому почтению, с которым относились к нему остальные, — главный начальник, повернулся, и Вадим узнал в нём своего заклятого врага, Святогора.

— Вот виновник всего. Всего и твоей гибели, раздался прямо над его ухом шёпот Мала.

— Так никуда же не уйдёт он от меня! — громко воскликнул обезумевший юноша и, вырвавшись из рук кудесника, кинулся вперёд, на своего воображаемого врага.

Дым разом охватил его. У юноши подкосились ноги, и он без чувств рухнул на пол лагуны.

Очнулся Вадим уже на свежем воздухе. Утро совсем уже наступило. Солнце ярко сия-

ло на небе, кидая с небесной выси свои золотые лучи на лесную прогалину. Лёгкий, отраднй ветерок с приятным шелестом пробегал по деревьям, разнося повсюду утреннюю прохладу.

Юноша с усилием поднял голову — она была тяжела и нестерпимо болела, как после сильного угара, в висках шумело, в глазах ходили зелёные круги, её тело было как будто свинцом налито...

— Что со мной? Где я? — прошептал Вадим и огляделся вокруг.

Невдалеке от него стоял, опершись о клюку, кудесник Мал.

— О! — простонал старейшинский сын. — Зачем, зачем ты, кудесник, показал мне всё это? К чему лишние муки, лишние страдания?..

— Ты сам пожелал, сам и вини себя, — покачивая головой, ответил Мал, — я не мог ничего изменить.

— Неужели же я кончу так, как видел это в дыму?

— Такова воля богов!

— Нет, нет, не хочу... Я не за тем к тебе при-

шёл, чтобы смущать себя разными твоими колдовствами. Слышишь? Не за тем. Ты должен был заговорить мне нож на моего врага! Исполнил ли ты это?

— Увы, нет.

— Как, старик! — вскричал в неистовстве Вадим. — Презренный обманщик. Как ты смел послушаться меня?

— Я повинуюсь только высшей силе, человеческая же для меня ничто, — совершенно спокойно сказал Мал. — Ты мне приказывать не можешь!..

— Так я заставлю тебя, иначе ты не доживёшь до того времени, когда тень этой сосны прямо падёт на землю...

— Попробуй!

Вадим, забыв себя от бешенства, кинулся было на старика, но вдруг точно какая-то неведомая сила оттолкнула его назад. Мал стоял спокойный и недвижимый, только взгляд его живых пронизательных глаз был устремлён на старейшинского сына. В этом взгляде было что-то, что заставило Вадима опомниться и в бессилии опустить руки...

Так прошло какое-то время.

— Что же ты, гордый старейшинский сын, не заставляешь старого Мала выполнять твои приказания? — заговорил наконец кудесник. — Чего ты испугался? Начинай. Видишь, здесь никого нет, кроме нас двоих. Ты можешь быть уверен, что за смерть старого Мала отомстить будет некому.

— Прости! — чуть не с рыданиями вымолвил Вадим.

— Теперь ты чувствуешь, что не всё в воле человека и не везде поможет сила. Знай же, есть и нечто другое, более могущественное, чем сила богатырей. Это — таинственная сила. Не многие владеют ею, и я в числе этих немногих.

— Отец, отец, молю тебя, исполни, что прошу, — упал Вадим на колени перед Малом. — Заговори мне нож, я увидел своё будущее и уверен, что если я уничтожу врага, то не погибну так, как видел это там.

Мал покачал головой.

— Я уже сказал тебе, юноша, что есть иная, таинственная сила, против которой не человеку бороться. Избранники её всегда останутся целы и невредимы... Ничего не может по-

вредить им. Твой враг принадлежит к их числу. Напрасно я пытался исполнить твою просьбу — нет, мои чары бессильны. Я не могу заговорить твой нож на Святогора, его бережёт сама судьба!

— Так нет же! — вскочил на ноги Вадим. — Я и без заговоров сумею обойтись! Напрасно я послушался лживых советов и обратился к тебе, жалкий старик, ничему из твоих волхвований не верю я! Слышишь? Не верю! И ты, может быть, скоро услышишь, что твой избранник судьбы будет лежать бездыханным у моих ног.

Он быстро вскочил на отдохнувшего коня и, кинув уязвлённый взгляд на Мала, стрелой умчался с лесной прогалины.

Старый кудесник, глядя ему вслед, только качал головой...

17. На Варяжке

Лихой конь быстро вынес Вадима из чащи и, почуяв, что всадник бросил повод, помчался вперёд по едва заметной тропинке.

Вадим совсем не замечал, куда несёт его конь. В сердце его кипела злоба, мучили отчаяние, ужас.

Предсказания старого кудесника Мала казались ему невероятными, несбыточными. Ему в первую минуту пришла мысль, что всё это ужасный, тяжёлый сон, но и эта мысль несколько не успокоила юношу: совсем независимо от самого себя, от своего сознания, Вадим в глубине души всё-таки верил этому сну...

А лихой конь мчался во весь опор.

Среди деревьев показался просвет. Ещё несколько мгновений, и чаща осталась позади.

ди. Тут только Вадим пришёл в себя.

Юноша огляделся вокруг. Позади шумел и покачивал своими зелёными макушками дремучий лес, а впереди, совсем близко расстиралась гладь великого озера славянского — Ильменя.

Почувствовав свободу, конь понёс старейшинского сына в сторону, совсем противоположную той, с которой въехал в лес Вадим, отыскивая накануне логовище болгарского кудесника.

Ильмень был довольно спокоен. Изредка всплёскивались на его всё-таки покрытой рябью поверхности зелёные гребешки, но он показался Вадиму таким необъятно великим, что юноша невольно пришёл в отчаяние.

Действительно, положение его стало тяжёлым. Нечего было и думать вернуться обратно в лес, потеряна была тропа, да и сторона эта была совсем незнакома старейшинскому сыну.

Он рисковал бы заблудиться, если бы решил отыскивать дорогу обратно через лес. Ехать вдоль озера со стороны Новгорода было неудобно — мешали деревья, подступавшие к

самой воде. Оставалось одно: объезжать Ильмень с противоположной стороны, то есть воспользоваться путём долгим, но достаточно лёгким.

А между тем Вадим чувствовал, что силы его были на исходе. Голова страшно кружилась, в висках стучало, он едва держался на ногах.

«Что же, погибать, что ли?» — промелькнула страшная мысль, и Вадим почувствовал, что его всего обдало холодом.

Мысли мешались в голове у юноши, словно какой-то туман окутывал его. Вдруг что-то как будто ударило его в темя; Вадим почувствовал, что ему не хватает дыхания, покачнулся и тяжело рухнул с коня на расстилавшийся у его ног зелёный ковёр травы.

Солнце ярко светило с безоблачного неба.

Когда Вадим несколько пришёл в себя, он смутно расслышал совсем близко шум голов. Много людей говорило разом. Слышались смех, брань, бряцанье железа, лай псов. Порой среди хаоса звуков вдруг прорывалась звонкая весёлая песня.

«Где я? Что со мной?» — подумал Вадим и

попробовал открыть глаза.

Но веки его были необыкновенно тяжелы, а во всём теле чувствовалась гнетущая вялость.

— Лежи, лежи уж, — послышался над ним грубый мужской голос, — отлежишься, сам встанешь.

— Да не голоден ли он? — раздался другой голос.

— А вот встанет, тогда и накормим.

Вадим сделал над собой усилие и открыл глаза:

— Пить, — простонал он чуть слышно.

Несколько рук тотчас потянулось к нему с ковшами, полными холодной чистой воды.

— Где я? — прошептал Вадим, утолив жажду и приподнимаясь на локтях.

С удивлением огляделся он вокруг. Впереди, как и перед тем, когда он потерял сознание, расстилалась неоглядная ширь Ильменя. Только вокруг него теперь суетились и копошились люди. Все они были молоды, крепки, сильны. Одежды их были в лохмотьях, лица загорелые, зато каждый имел оружие, какое и в Новгороде являлось редкостью: тяжёлые се-

киры, мечи, луки с полными стрел колчанами виднелись у всех. Очевидно, это оружие не новгородское, а выменянное у заезжих норманнов.

Вадим заметил, что находится на отлогом берегу неширокой, но быстрой речки. На песке разложены были рыболовные снасти, далее у шалашей дымились костры, на которых что-то варилось в огромных, самодельной работы посудилах.

«Да где же это я? Неужели на Варяжке?» — уже подумал Вадим и тут же убедился, что он находится именно среди тех, кого глубоко ненавидел и презирал, — среди славянских варягов.

Он вспомнил, что упал с коня где-то там, у дубравы, и понял, что истома, волнение, усталость, перенесённый в избушке Мала ужас так повлияли на него, что он вторично за это утро потерял сознание...

Теперь страх снова овладел Вадимом.

Он действительно находился на Варяжке.

Юноше было известно, что здесь очень и очень недолюбливали его род...

— А мы думали, было, что ты и не отды-

пишься, — громко смеясь неизвестно чему, заметил рослый варяг, принимая из рук Вадима ковш. — Пласт-пластом лежал ты...

— Кабы остался там, так на самом деле бы не отдышался! — подтвердил другой. — Благодарю Перуна, что наши молодцы далеко сегодня на ловлю забрались да отдохнуть задумали вон там на бережку!

Говоривший указал в ту сторону, где чернел дремучий лес, в глубине которого жил болгарский кудесник.

— Ты как попал-то туда? Не из здешних ведь сам! Почитай, к нашему Малу колдовать ездил? — посыпались со всех сторон вопросы.

— Нет, так просто, в лесу заблудился, — неизвестно для чего скрыл истинную причину своего появления здесь Вадим.

— А то много новгородских к Малу ездят! А ты также из Новгорода?

— Нет! Не новгородский я!

— Так из какого же рода?

Эти расспросы были Вадиму очень неприятны, но на этот раз он не счёл нужным скрывать и ответил прямо:

— Из Володиславова!

И тотчас же раскаялся в своей откровенности.

Лишь только он назвал свой род, как среди окружавших его молодцов послышались далеко не дружелюбные выкрики.

— Из Володиславова? — покачал головой говоривший с Вадимом варяг. — Не любят нас в этом роду! Сильно не любят! Что только мы им такое сделали? Своих не трогаем, а так бы нас, кажется, со света и сжили ваши...

— Не знаю я... Я ничего, — пролепетал не на шутку перепугавшийся Вадим. — Мне вы не мешаете.

— А уж кабы мы знали, что он из Володиславовых, так и подбирать бы не стали, — довольно громко сказали двое молодцов, в которых Вадим по этому признал принёсших его на Варяжку рыболовов.

— Мы вот здесь живём мирно, — продолжал первый варяг, — ловим рыбу, зверя бьём, а что мы ушли из родов ваших, так до этого никому дела нет. Мы все сами по себе... Здесь поживём, соберётся ватага, и уйдём мы за Нево, к северным людям, вот у вас и спокойно будет.

— Добрые люди, окажите мне милость, — перебил говорившего Вадим, — не держите меня здесь, перевезите через Ильмень к родичам!

— Нет, и не проси об этом! — слышались голоса. — Вон какие тучи над Ильменем собираются, гроза будет...

Вадим в изнеможении снова опустился на землю. Он ушёл тайком и предчувствовал, какой переполох может произвести в доме отца его исчезновение. Не боязнь, однако, в этом случае преобладала в его душе; он думал, что Любуша останется без его пригляда; а кто знает, как воспользуется этим Святогор?..

Старейшинский сын в эту минуту забыл и о мрачном предсказании Мала, и о собственной слабости; снова муки ревности делали его несчастным и жалким.

— Как, неужели же никого не найдётся среди вас, кто бы перевёз меня? — с отчаянием в голосе воскликнул он, оглядывая мрачные лица варягов, окружавших его плотной стеной.

— Если угодно, княжич, так я могу услужить тебе, — раздался вдруг звучный голос.

— Святогор! — воскликнул чуть не с ужасом Вадим.

— Да, я, княжич, неужели ты боишься мне довериться?

— Нет, нет, я готов идти с тобой! — теперь уже с радостью воскликнул Вадим. — Пойдём. Я вполне готов идти.

— Но ведь это сын Володислава! — угрожающим тоном произнёс один из варягов. — Оставь его, Святогор, не стоит он того, чтобы ты ради него рисковал своей жизнью. Гляди, какие тучи на небе!..

— Ничего, я знаю Ильмень! — возразил ему Святогор. — Я не боюсь грозы!..

Он сам спешил на тот берег Ильменя, в надежде повидать свою возлюбленную.

Никакое мрачное предчувствие не шевельнулось в его душе. Он знал, что Вадим не особенно расположен к нему, но всё-таки был далёк от мысли, что оказывает услугу своему заклятому врагу.

18. В объятиях смерти

Е объятной водной пустыней раскинулся среди своих низких берегов старый Ильмень. С середины его зоркий глаз ещё кое-как заметит далеко-далеко на горизонте тоненькую чёрточку — берег, но с одного края на другой ничего не видно. Плещут только мутные валы с зеленоватыми гребешками, и постоянно плещут бурливее Ильменя и озера, пожалуй, нет...

Так, по крайней мере, думали в то время.

Действительно, морем казался местным славянам их старый Ильмень — он ведь и тогда был таким же старым, как и сама земля. Залёг он в низкие свои берега, среди лесов дремучих, залёг и бурлит день и ночь, пока суровый мороз не наложит на него свои ледяные оковы. И тогда он, особенно ближе к вес-

не, нет-нет да и разбушуется. Недаром не одни только реки да речонки в него свои воды несут, есть и подземные ключи, что славное озеро славянское питают. Напоят они его своей водой досыта, почует старик свою силу, встрепенётся, взломаёт лёд; но хитёр и силён мороз, не даёт до весны разгуляться ему, снова сокрушит его порыв могучий и уложит силу молодецкую под покров ледяной...

А как подойдёт весна-красна — ну, тут уже никому не справиться с Ильменем-молодцом. Разбушуется он, разбурлится, переломает лёд рыхлый и снова, как феникс из пепла, восстанет грозный, величавый, могучий.

Страшен Ильмень в бурю...

Нет почти у него высоких берегов. Нечему защитить его от порыва ветра. Весь он как на ладони. Ветру — гуляй не хочу.

И ветер гуляет.

Налетит — разом зеленоватыми гребешками вся поверхность Ильменя покроется, валы, один другого выше, так и вздымаются и брызжут пеной, со дна же песок, трава так и поднимаются, потому что не глубок Ильмень и волны легко песок на поверхность выносят.

Горе неопытному пловцу, что в бурю рискнёт на озеро выйти. Не миновать ему гибели. Где же слабому человеку с разъярённой стихией справиться! Закрутят его валы грозные, опрокинут утлое судёнышко, захлещут его водой — нет спасения.

Вот и теперь нависли над Ильменем тучи чёрные, грозовые, низко совсем плывут они но поднебесью. День они затуманили, солнце скрыли. Однако всё кругом тихо, зловеще тихо. Даже Ильмень сам затаился, как будто готовится к нападению грозного, могучего врага, с которым вот-вот в бой вступить придётся. Только всё больше и больше зеленоватых гребешков на его поверхности взбивается.

Зеленеет старик от злости, что ли?

Но что это за едва заметная точка среди озера чернеется? Ведь она как будто даже движется? Уж не челнок ли какой спешит к берегу до бури добраться?

Так и есть — челнок...

Двое смельчаков на нём.

Это Вадим и варяг Святогор.

Их челнок, на котором они осмелились выйти в озеро, был самой первобытной кон-

струкции — просто выдолбленный и обожжённый потом ствол гигантского дуба. Однако это неуклюжее судно всё-таки легко скользило по поверхности всё ещё зловеще-спокойного Ильменя.

Оба пловца с тревогой посматривали на покрывавшееся тучами небо.

— Не уйти до бури, — произнёс наконец один из них, сидевший на корме челнока. — Сейчас поднимется ветер...

— Почём знать, Вадим, — отозвался другой, — теперь и до берега недалеко, как-нибудь да доберёмся.

— Нет, Святогор, смотри.

Как раз в эту минуту налетел шквал. Ильмень как будто только этого и ждал. Сразу загуляли по нему валы, догоняя друг друга. Сильный порыв ветра рассеял было тучи, но потом они снова сомкнулись — и стало над озером ещё мрачнее и темнее.

— Держись! — крикнул опять Вадим.

Новый шквал, за ним другой, третий. И вдруг со всей своей страшной силой заревела буря.

Один другого выше вздымаются валы. Чел-

нок то с быстротой молнии взлетает на самый гребень их, то опять опускается в водную бездну.

Нечего и думать о сопротивлении разбушевавшейся водной стихии, у погибающих и не мелькала даже мысль о спасении, они только старались по возможности отдалить страшную минуту, нисколько не сомневаясь, что сама по себе она близка и неизбежна.

Несмотря на весь ужас положения, злобно по-прежнему глядит на Святогора старейшинский сын. Его чёрные глаза так и мечут молнии.

Он как будто позабыл о грозившей опасности только и думает, что о своём враге. Вспоминается ему предсказание Мала.

Думает, что для него не поехал бы смелый варяг, и ревнивые мысли снова волнуют его.

Вот теперь Святогор спешит к Любуше, а то бы он и не взялся перевозить Вадима через озеро... Молод он, да Ильмень-озеро отлично знает; понимал, что буря будет, а всё-таки пошёл...

— Князь Вадим, — прервало размышления молодого человека радостное восклицание

Святогора, — гляди, берег близко!

— Где? — быстро поднялся с сиденья на корме Вадим.

Действительно, совсем близко от них, за бегущими валами, виднелся окутанный туманом берег. Слышен были даже шум деревьев в дубраве.

— Слава Перуну! — воскликнул снова Святогор и вдруг громко, тревожно закричал: — Держи челнок!

Не успел Вадим осознать всей грозившей им опасности, как громадный вал, что лёгкое пёрышко, поднял челнок сбоку, ударил в его борт, и вслед за тем среди рёва бури раздались два отчаянных крика.

Опрокинутый челнок понёсся к берегу.
Он был пуст...

19. Старый норманн

а берегу Ильменя, недалеко от того места, где из него вытекает Волхов, на много-много вёрст кругом раскинулась заповеданная жрецами роща. Вековые могучие дубы, прямые, как стрелы, сосны, раскидистые ели выросли в ней на свободе. Рука человека не касалась их, а своих ли постоянных обитателей — лёгкой векши, хитрой лисицы, неуклюжего медведя — страшиться дремучему бору?

А человек, это самое слабое и вместе с тем самое могущественное из созданий, сюда, в эту глушь, зайти не решится.

Свято хранят свои тайны служители Перуна, не допустят они сюда, в эту рощу, грозному богу посвящённую, ни князя родового, ни воина славного, ни человека простого.

Нет никому доступа в заповеданную ими

рощу — кто бы ни был он, лютая смерть ждёт ослушника. Грозен Перун, требует крови он человеческой, и горе тому роду или племени, которое призыва жрецов не послушает и назначенную жертву не выдаст.

Вот у самого истока Волхова, на холме высоком стоит идол грозного бога. Из дерева истукан сделан, и сделан-то как! Грубо, неуклюже, и подобия человеческого не узнать в нём, а чтут его все славяне приильменские, и свято чтут — высшим из богов его считают, и за всякое своё прегрешение кары тяжкой от него ждут.

Когда появился этот истукан на холме, никто не помнит. А служители Перуна молчат, ни одним словом не обмолвятся, только для жертвоприношений время от времени созывают они народ славянский и пред истуканом приносят свои кровавые жертвы.

Но Перун велик и ужасен только для славян. Только они одни почитают своего грозного бога, страшатся проникнуть в заповеданную рощу, подойти без разрешения его служителей к холму, на котором высится его истукан.

В самой глуши рощи, на берегу шумящего бурного Ильменя, в чаще, куда и жрецы Перуна не заходят, поселился человек...

Лесные великаны сплелись своими могучими ветвями над его шалашом, их листва совсем закрывает убежище смельчака, кругом высокая трава по пояс, не кошенная веками, также скрывает его в те моменты, когда он выходит на вольный воздух.

Стар с виду этот одинокий обитатель заповедной рощи. Высок он ростом, широк в плечах, лицо его, посеревшее от палящего зноя и холодных ветров, покрыто глубокими шрамами, длинные седые усы как бы двумя змеями свешиваются на богатырскую грудь, а серые глаза смотрят весело и задорно.

Лишь только над Ильменем разразилась буря, старик вышел из своего шалаша. Мрачно и тихо в лесу. Там, где-то далеко-далеко, грохочут несмолкаемые раскаты грома, разрывает покрытое чёрными тучами небо молниями, воет без усталости ветер, а здесь же всё спокойно. Птички только приумолкли да попрятались в гущину листвы, а лесные великаны при каждом новом порыве ветра только

слегка покачивают своими зелёными макушками, не пропуская вниз на землю крупных капель ливня.

В эту бурю скромный обитатель заповеданной рощи чувствовал себя гораздо безопаснее, чем в самый яркий летний день. В бурю сюда не забредёт никто. Там, на Перыни, жрецы заняты у своего истукана и им не до того вовсе, чтобы забираться в эту глушь, а никто другой, кроме жрецов, сюда и шагу не сделает...

Старик, продравшись сквозь чащу сросшихся кустарников, выбрался на самый берег разбушевавшегося озера.

Стоит он и смотрит в покрытую пенящимися волнами водную даль. С наслаждением вдыхает полной грудью сырой воздух, прислушивается к раскатам грома, с блаженной улыбкой смотрит на прорезывающую тучи молнию, и вспоминается старику другая, более близкая, более дорогая сердцу картина.

— Войте ветры, грохочи ты без умолку, грозный Тор! Старый викинг не раз лицом к лицу, грудь с грудью встречался с вами! — воскликнул он наконец. — Знаю я вас, много,

много я видел вас на своём веку, и не на такой жалкой лужице, а в грозном, могучем море. Сколько я раз с моими викингами ходил в набеги, — знает про то меч норманнский и далёкая Британия... Короли франков дрожат перед нами... Нет никого равного по силе и храбрости сынам светлого Одина. Сама смерть для них не страшна. Ждёт их светлая Вальгалла, убежище храбрых...

Старик скрестил могучие руки, поник головою на грудь и, глядя на разбушевавшееся озеро, снова заговорил сам с собой:

— Думал ли старый Рулав, что ему, храброму витязю, придётся на склоне своих дней скрываться в земле этих трусливых — шума битвы не слыжавших народов, знающих не меч, а песни? Видно, недостоин я светлой Вальгаллы, видно, прогневал Одина... Но нет, я спас свою жизнь не для того, чтобы умереть здесь, в этой лесной глуши! Нет, старый Рулав услышит ещё шум кровавой битвы, услышит победный крик товарищей, много ещё врагов уложит его секира, надо только выбраться из этих проклятых лесов. Но как выбраться? Одному? Да и пока доберусь я до родимых фиор-

дов, много раз меня убить могут, остаётся только ждать счастливого случая...

Старый норманн погрузился в глубокую думу.

Вдруг он приподнял голову, весь выпрямился и напряжённо устремил свой взор на озеро.

Отчаянный человеческий крик, смешавшись с рёвом бури, дико прозвучал и тотчас же замолк, заглушённый воем ветра.

Рулав отскочил назад и скрылся в чаще прибрежного кустарника.

Прошло немного времени; норманн, не покидая своего поста, продолжал следить за озером. С шумом обрушился и расхлестнулся по прибрежному песку один, другой, третий вал, рассыпался и откатил назад, оставив на отмели два человеческих тела.

«Э-э, да я, кажется, знаю этих молодчиков, — подумал Рулав. — Этот высокий, чёрный, кажется, сын родового старейшины, Вадим, а другой, который его, как милого друга, в своих могучих объятиях держит, — Святогор с Варяжки. Так и есть. Как он попал сюда?»

Снова налетел вал и обдал обоих молодых людей, лежавших на отмели, своими брызгами.

«Живы они или нет? — думал Рулав. — Жаль и того, и другого, оба молодцы, особенно этот — Святогор. Он мне давно уже нравился, этот мальчик... Будь он в наших дружинах, давно бы уже близким лицом к хёвдингу стал, а здесь что он? Все на него смотрят с пренебрежением. Варяг он и только».

Рулав вышел из своей засады и, осторожно ступая по мокрому песку, подошёл к лежавшим без движения юношам.

— Вот как схватились, — бормотал он. — Святогор этого княжича держит так, что и живому не удержать... Вот молодец!

Налетевший пенистый вал заставил старого норманна несколько отступить назад.

— Что же с ними делать? — рассуждал Рулав. — Опять в озеро спустить, что ли? Ведь если здесь их тела найдут, то и до моего шалаша доберутся... Мне тогда не сдобровать. Ищут эти проклятые жрецы меня. Жизнь им моя понадобилась. Вот какие. Старого норманна в жертву Перуну принести хотели, да

нет, не из тех я, так я в руки не дамся. Родился свободным и в Вальгаллу не рабом войду!

Говоря это, Рулав не спускал глаз с юношей. Он попеременно, как бы сравнивая их, взглядывал то на одного, то на другого. На Святогоре глаза его останавливались чаще, чем на Вадиме. Старика привлекали могучие формы юноши, державшего в крепких объятиях своего товарища по несчастью...

— Ну, довольно, однако, — воскликнул Рулав. — Ступайте, откуда пришли, пусть вас Ильмень вынесет в другое место, где найдут вас ваши родичи, а здесь вы только мне мешаете.

Он поднял было тело Святогора, но в то же мгновение опустил его на песок.

Из крепко сжатых губ юноши вырвался слабый стон, ресницы зашевелились, губы задёргались нервно.

— Жив, — проговорил норманн, — он жив... Нет, не решусь я в таком положении поднять руку на слабого, беззащитного. Норманны с беззащитными не воюют. Но как же быть? Оставить их тут — тогда их захлестнёт волна. Разве оттащить их подальше? А что,

как вдруг они очнутся? Ведь они могут выдать меня? Ну да будь, что будет... Из-за Вади-ма я стараться не стал бы. Знаю я их, этих старейшинских сыновей. Если бы он один был, не задумался бы я его назад в озеро спустить, а Святогора жалко. Ради него только и оттащу их, а там пусть что угодно с ними случится.

Рулав, напрягая все силы, отволок по отмели тела обоих юношей и положил их на такое место, куда не достигал прибой. Потом он, ещё раз взглянув на Святогора, поспешно скрылся в гуще кустарника.

20. Милость неведомого Бога

*Просите и дастся вам.
Святое Евангелие*

азразившаяся внезапно буря так же внезапно и стихла. Ветер перестал завывать, разорванные тучи быстро уплыли вдаль, выгляну-

ло солнышко и залило ярким, весёлым светом и успокоившееся озеро, и прибрежный кустарник заповеданной рощи.

Роща в мгновенье вся оживилась и наполнилась массой звуков. Затрещали в воздухе стрекозы, защебетали выпорхнувшие из густой листвы птички, дятел принялся за свою бесконечную работу, словом, всё как будто воскресло, ожило. Только два тела, которые Рулав оттащил в кустарник, по-прежнему были неподвижны...

Уж не ошибся ли старый норманн, заметив признаки жизни в Святогоре? Может быть, огляделись его старые очи? Не услышался ли он, приняв слабое завывание ветра за стон, вырвавшийся из груди юноши?..

Нет, не ошибся он... Ни очи, ни слух не изменили ещё старику.

Всем телом вздрогнул вдруг Святогор и открыл глаза... Первые мгновенья юноша не мог даже сообразить: где он находится, жив ли он или на другой замогильный мир смотрят его очи?.. Как странно кружится у него голова, какая тяжесть чувствуется во всём теле... Нет, он жив! Кругом всё знакомые места — вот

плещет Ильмень в своих низких берегах, вот и чайки носятся над его успокоившейся поверхностью.

Жив, слава Перуну!

Взор Святогора остановился на безжизненном теле его товарища. Новая забота! Старейшинский сын доверился ему, не побоялся вместе с ним пуститься в челноке по бурному озеру, и вдруг теперь он мёртв... Что скажет его род? Что скажет старик-отец Вадима, Любуша, наконец?.. Никто из них не поверит, что Святогор сделал всё, что мог, только бы спасти Вадима от неминуемой смерти. Погибая сам в волнах разбушевавшегося Ильменя, он, захлёбываясь мутной, грязной водой, нырнул вслед за опускавшимся на дно Вадимом, поймал его, лишившегося уже чувств, крепко-крепко схватил и не выпустил из своих могучих объятий даже тогда, когда и сам потерял сознание...

Никто не поверит этому... Вот он — труп Вадима.

Но, может быть, он ещё жив? Может быть, и он только потерял сознание и ещё можно его вернуть к жизни?..

Эта мысль озарила Святогора, придала ему силы и заставила забыть свою собственную слабость. Он быстро вскочил на ноги, наклонился над Вадимом и, поспешно разорвав одежду на груди, приник ухом к сердцу. Прошло несколько томительных минут. Как ни чуток был Святогор, как ни привык он различать каждый шорох, биения сердца всё-таки не было слышно.

Он уже стал терять надежду...

Что про него подумают, что скажут про него, когда он вернётся один и передаст в род Володиславов страшную весть о гибели единственного сына родового старейшины? Как будет убиваться его старуха-мать!

Да и никто не поверит, что он, спасшись сам, не смог спасти товарища, которого сам же вызвался перевезти через озеро...

Не поверят, скажут, что бросил Святогор Вадима на погибель.

Он ли ещё не старался?

Ведь он вплоть до последней минуты не выпускал его. Только уже на суше разжались его руки. Но поверит ли этому кто?

Любуша, может быть, и поверит. Она зна-

ет, что её Святогор не в состоянии бросить погибающего. Лучше сам погибнет, а доверившегося ему спасёт...

Не даром уже Святогор раскаивался даже, что помышлял уйти с норманнами за море. Оно, пожалуй, и теперь не поздно, Фарлаф опять почему-то отъезд свой отложил. Только теперь Святогор окончательно решил: не уйдёт он за море, не оставит милой Любуши.

Что там за морем? В разговоре с возлюбленной он теперь и о своих друзьях норманнах забывал... Чего там, в самом деле, в далёкой чужой стороне за морем счастья неведомого искать, когда оно своё тут, в родимых местах — совсем близко — находится...

Только вот как же теперь?

Неужели на всю свою жизнь оставаться опозоренным?

И как он решился, зная седой, грозный Ильмень, пуститься по нему перед самой бурей?..

Святогор с тоской взглянул на распростёртое тело старейшинского сына. Он уже не сомневался, что Вадим мёртв, и, придя к этому убеждению, в первый раз огляделся вокруг.

Где это он?

Да никак он в заповеданной роще, в роще, посвящённой громовержцу Перуну!

Так и есть... Как же они сюда попали? Ведь каждому, кто в эту священную рощу ступит, смерть грозит. Горе дерзкому! Служители Перуна такого поругания их святыни не допустят. Ничья нога по священному лесу ступать не должна, иначе — разгневаётся грозный бог и нашлёт страшные бедствия на все племена славянские.

Потому так строго и охраняют служители Перуна священную рощу.

А что такое Перун-то, в самом деле?

Знает Святогор, что у норманнов не Перун вовсе, а Один. Он куда могущественнее славянского бога. А то вот ещё что рассказывали: есть народы, которые в неведомого Бога веруют. Сходил на землю Единый Сын этого Бога. Он совсем не то, что Перун или Один, заповедал любить зсех. Он наказывал и за каждое зло добром платить. А как это сделать? Нельзя этого совсем... Меня обидели, и я за это отмстить должен; на мести весь свет держится; дай только обидчикам волю, житья от них не

будет, кто сильнее, тот и прав. А Тот, Единый Сын неведомого Бога, обидчикам прощать велел, убить Себя Сам дал злым людям; и когда Его эти злые убивали, Свою смерть им простил.

Добрый Он, кроткий, говорят, был, никого никогда не обидел. Одним словом Своим мёртвых воскрешал, а славянский Перун этого сделать не может...

Разве попросить Его, чтобы вот Он теперь в беде помог? Про воскресших по Его слову мёртвых верные люди сказывали. Быть может, Он Святогору и окажет милость Свою.

Долго задумываться Святогор не любил.

— Единый Сын неведомого Бога! — воскликнул он, опустившись около Вадима на колени. — Я слышал о Тебе, Ты был добр и милостив, окажи теперь милость Свою бедному варягу. Говорят, что Ты велел прощать обиды врагам Своим; обещаю Тебе простить зло врагу моему заклтому, сделай только, чтобы Вадим, сын старейшины, воскрес!

В благоговейном ожидании поник молодой варяг головою. Он ждал чуда и в то же время сомневался в нём.

Вдруг он выпрямился, глаза его широко раскрылись от изумления, он глядел на Вадима и не верил себе.

Потом он жадно приник к левой стороне его груди.

Казалось ему, что Единый Сын неведомого Святогору Бога совершил чудо. Молодой варяг ясно слышал, как билось сердце старейшинского сына.

21. Вероломство

*Бойся друзей, а враги не страшны.
Поговорка*

Вадим пребывал в глубоком обмороке. Он долго ещё приходил в себя, но теперь Святогор был счастлив, бесконечно счастлив. Возвращение к жизни старейшинского сына снимало с него всякое подозрение в недобром умысле. Он мог, как прежде, смело явиться в

селение, мог прямо глядеть всем в глаза, не боясь никакого укора.

Юноша приписывал случившееся исключительно тому Богу добра и прощения, к которому прибегнул в своём несчастий.

«Верь мне, Сын невидимого Бога, я сдержу свой обет, — думал он, с восторгом глядя в небо. — Я знаю теперь, что Ты сильнее, милостивее нашего Перуна, и если бы я был тогда, когда Тебя убивали злые люди, я бы сумел заступиться за Тебя».

Потом он занялся Вадимом и что было силы стал растирать его закоченевшие члены. Труды его увенчались успехом. Вадим скоро открыл глаза. Однако он был настолько слаб, что идти ещё не мог.

— А ведь придётся переночевать здесь, куда же тебе идти? — заметил Святогор, передавая ему все подробности их почти чудесного спасения из бездны бушующего Ильменя.

Вадим слушал его рассеянно; казалось, преданность Святогора его нисколько не тронула. Он даже позабыл поблагодарить его за своё спасение. Только последние слова несколько расшевелили его.

— Как здесь оставаться? — воскликнул он.

— А то что же?

— Но ведь ты знаешь, какое это место?

— Знаю, да только жрецы Перуна пока здесь нас не найдут, а ты тем временем оправишься, и мы благополучно выберемся отсюда.

— Нет, нет, этого нельзя, никак нельзя.

— Да почему же? Ведь я же тебе говорю: мы спрячемся так, что никто нас не увидит здесь.

— Да ты знаешь ли, почему это место так строго охраняется? Знаешь ли, почему этот лес считается заповеданным?

— Нет, не знаю. А почему?

— Этот лес — жилище страшного волхва...

— Я что-то слышал про него, — задумчиво произнёс Святогор, — но что именно — не помню теперь, пожалуй.

— Много-много лет тому назад, ещё мой покойный дед совсем мальчиком был... Он мне после о волхве и рассказывал... Поселился в этом лесу волхв, разные чудеса он делал: и зверем лесным, и птицей оборачивался; колдовал он сперва, а потом всех, кого в лесу

ни находил, пожирал... В бурю на самой лёгкой ладье на Ильмень он спускался, и все, кого он в бурю на Ильмене заставлял, его добычей делались... Много страху он на окрестные роды нагнал — все его боялись и в реку из Ильменя идти не смели... Вот и поставили наши жрецы кумир Перуна на холме; с тех пор волхв удалился от истока реки и поселился где-то здесь, в другом уголке леса.

— Что же, он и теперь жив? — перебил Вадима Святогор.

— Говорят, и теперь... Многие, особенно в бурю, видали, что иногда вот около этого места над лесом заметен дым... Сидит, верно, проклятый, и жертв своих стережёт.

— Так его ты и боишься?

— Я ничего не боюсь... Страх мне неизвестен, — хвастливо сказал Вадим. — Только всё-таки я здесь не останусь...

— Твоё дело! Но как же мы выберемся отсюда?

— Придумай способ. Ты эти места лучше меня знаешь. Только бы поскорее уйти отсюда.

— Но ты совсем идти не можешь!

— Нет, я пойду, я ничего, — попробовал было приподняться Вадим, но тотчас же, обессиленный, опустился на траву.

Тут сказались и слабость, и перенесённое волнение.

— Вот видишь, куда же ты пойдёшь? — сказал Святогор. — Останемся здесь пока до вечера, а волхва своего ты не бойся. Право, его страшиться не надо, и он, и Перун бесильны, они простые деревянные истуканы и ничего больше!

— Что ты говоришь! — с ужасом воскликнул Вадим. — Ты богохульствуешь, ты перестал верить в могущество Перуна!

— Сознаться тебе, не перестал, но перестаю. Вот с тобой я убедился, что все наши боги — ничто перед тем Богом, в которого веруют некоторые народы.

— Что же это за Бог?

— Великий Бог! — с убеждением произнёс Святогор и рассказал Вадиму всё, что ему было известно о воле Единого неведомого Бога, поведал ему и о своём обращении к Нему, и о чуде, которое, по его мнению, совершил этот Бог, воскресив сейчас Вадима...

Старейшинский сын слушал рассказ Святогора о христианах, но отец его так близко стоял к жрецам Перуна и Вадиму так часто приходилось беседовать с ними, что ко всем иным верованиям он относился с большой неприязнью.

— Э, полно! — отозвался он на рассказ своего товарища. — Зачем нам искать другого бога, когда у нас есть свой, мы должны поклоняться тому, чему поклонялись наши отцы... Лучше подумай, как нам выбраться отсюда, мне во что бы то ни стало надо быть дома...

— Эх, княже! Да и мне нужно в вашем селе-нии быть: Любуша, я думаю, ждёт меня не дожждётся, — вырвалось у Святогора невольное признание.

— Любуша? — сверкнул глазами Вадим. — Зачем?

— Узнал ты мою тайну! — воскликнул юноша. — Не пошёл бы я с тобой по озеру, если бы сам к Любуше не спешил... Люблю я её, и она меня любит. Пуще дня светлого, пуще жизни своей я её люблю... вот что!

Глаза Вадима при этом невольном признании загорелись мрачным, зловецим огонь-

ком. Лицо его потемнело, синяя жила на лбу налилась кровью и вздулась.

Однако он совладал с собой и ничего не сказал в ответ Святогору. Тот же совсем не заметил перемены, произошедшей в лице товарища, так он был погружен в свои думы и мечты о счастье.

— Вот бы только выкуп достать! — мечтал вслух Святогор. — Возьму я Любушу в жёны, и проживём мы с ней довольные, друг другу любые. Что в жизни лучше взаимной любви может быть, что больше, чем счастье знать, что и для тебя на земле другое сердце бьётся... Испытал ты, княже, сладкое чувство любви? Если испытал, значит, по себе почувешь то, что я теперь чувствую...

Вадим угрюмо молчал.

«Никогда... Никогда Любуша не будет твоей. Я сам её люблю и никому не отдам. Моей, только моей будет, ничьей больше», — хотел было крикнуть он сопернику, но удержался; только брови его ещё ниже надвинулись над глазами да лицо сделалось темнее ночи...

— И спешу я к ней теперь! — продолжал между тем Святогор. — Есть у меня для неё ра-

достные весточки... Скоро и на нашу сторону солнышко заглянет... Да что с тобой, Вадим! Недужится, что ли?..

— Нет, ничего! — отвечал старейшинский сын, отводя глаза.

В мозгу его чёрные мысли роились. Гневом кипел он на спасшего его варяга, похитившего у него любовь красавицы Любуши. Гнев этот и чёрные мысли породил.

Страшное дело замыслил Вадим...

Оттого-то он прямо в глаза Святогору глядеть не может и свои очи от его очей отводит.

Мрачный вид Вадима обеспокоил его спутника. Он приписывал его усталости, только что перенесённому волнению, но далёк был от каких бы то ни было подозрений.

Вдруг взгляд Святогора упал на мокрый песок, где ясно отпечатались человеческие следы.

— Гляди-ка, князь, это что такое? Мы здесь не одни, кажется, — показал он следы Вадиму.

Тот тоже взглянул и вздрогнул всем телом.

— Мы пропали! — воскликнул он с испугом. — Никто не смеет, кроме жрецов, сту-

пить сюда. И следы оставил не кто иной, как тот страшный волхв.

— Волхв? — побледнел в свою очередь и Святогор. — Ты так думаешь, княже? Но откуда же взялся он? Ведь о нём сколько уже лет ничего в наших краях не слышно...

— Ничего не значит! Он живёт в этом лесу, это говорил мне старый Велемир, жрец Перуна. Да и кому же здесь более быть, как не ему, этому страшному волхву! Надо бежать, бежать.

Забыв о своей слабости, Вадим вскочил на ноги.

— Веди, веди меня вон из этого проклятого леса, — закричал он Святогору, тоже заметно взволнованному и испуганному. — Это ты нарочно завёл меня сюда, проклятый варяг. Ты хочешь во что бы то ни стало погубить меня.

Святогор с нескрываемым изумлением устремил взор на старейшинского сына.

— Что ты, Вадим? Зачем мне желать твоей гибели? На что мне нужна твоя смерть?.. Я погибал вместе с тобой и в страшную смертную минуту не оставил тебя. А ты... Подумай сам.

— Ты ненавидишь, меня, и ты должен стать виновником моей гибели!.. Ты знаешь, что я души не чаю в Любуше и поклялся, что она будет моей... Так нет же! Слышишь, моей она будет, моей! Не ты меня, а я тебя сотру с лица земли. Сам виноват, не становись мне поперёк дороги.

Святогор не переставал удивляться. Он стоял и слушал бессвязную речь Вадима и не сразу понял её. Признание старейшинского сына было для него полной неожиданностью. Он недолюбливал Вадима за гордыню, за заносчивость, но никогда его не считал соперником в любви.

— Ты не веришь нашему Перуну, ты преступаешь его заветы, потому ты и не побоялся ступить в это страшное место! — задыхаясь от волнения, говорил Вадим. — Ты послушный раб страшного волхва, потому-то ты и не страшишься его. Ты завёл меня сюда, чтобы отдать ему на растерзание... Нет, не удастся тебе это, презренный варяг. Умри прежде сам!

И прежде чем Святогор успел опомниться, его вероломный спутник выхватил из-за пазухи острый нож и как зверь кинулся к

нему...

Молодой варяг инстинктивно вытянул вперёд обе руки, но не успел оборониться, и Вадим с диким, яростным воплем вонзил нож в левую сторону его груди.

Как подкошенный рухнул Святогор на траву. Удар был рассчитан верно. Вадим, вытащив нож из раны, поднял руку, чтобы поразить ещё раз своего соперника.

— Умри, умри! — говорил он. — Никогда не будет Любуша твоей.

Он уже хотел опустить руку, вооружённую ножом, как вдруг сам дико вскрикнул.

Прямо на него, озарённая яркими лучами заходящего солнца, двигалась фантастическая человеческая фигура...

Поражённому испугом вероломному убийце казалось, что две змеи выползают изо рта странной фигуры, что глаза её блещут, как раскалённые уголья, а распростёртые руки готовы принять и задушить его в своих объятьях.

— Волхв, перынский волхв! — в ужасе воскликнул Вадим и, выпустив из рук нож, кинулся бежать в лес.

22. Жрец Перуна

Вадим долго-долго бежал без оглядки... Ему казалось, что этот страшный волхв, так неожиданно появившийся перед ним в тот самый миг, когда он только что обагрил свои руки кровью спасшего его человека, гонится за ним по пятам.

Ветви густо разросшихся деревьев задевали Вадима, и ему чудилось, что это чьи-то цепкие руки хватают его... Ветер шелестел листвой, и в этом шелесте убийце ясно слышались злобные голоса, и лес ему казался весь наполненным ими.

Вадим бежал всё дальше и дальше, ели и сосны своими ветвями кололи ему лицо, но он не чувствовал боли, не замечал, что по лицу его струится из ран тёплая кровь...

Наконец юноша почувствовал, что дыха-

ние у него спирается и бежать он более не в силах. Как подкошенный рухнул он на траву, ожидая, что вот-вот страшный волхв настигнет его и разорвёт в клочки.

Вдруг ему послышались невдалеке человеческие голоса.

«Всё, всё кончено, — мелькнула мысль в голове старейшинского сына. — Гибель моя неизбежна, старый кровожадный волхв настиг меня...»

А голоса раздавались всё ближе.

— Ясно слышен был чей-то крик здесь поблизости, — различил знакомый голос Вадим. — Крик этот был не криком дикого зверя, а поражённого насмерть человека.

— Вот и трава здесь помята... Сучья на елях поломаны.

— Значит, я не ошибся...

— Ищите, все ищите, обойдите всю роццу из края в край, — различил Вадим старческий голосок, который одновременно заставил и задрожать его, и обрадовал. — Найдите ослушника велений нашего бога и приведите его к нам. Мы посмотрим, кто этот дерзкий, осмелившийся нарушить заветы Перуна...

Ступайте, ищите. Я буду ждать вас на этом месте...

Прошло несколько томительных, показавшихся необыкновенно долгими Вадиму мгновений. Он ещё глубже забился в траву в надежде, что люди, голоса которых он так ясно слышал, пройдут мимо, не заметив его.

По голосам Вадим ясно узнал служителей Перуна, а в распоряжавшемся поисками старике признал верховного жреца Велемира.

Юноша знал, что его ждёт, и потому появление жрецов перепугало его не менее, чем преследование страшного волхва. Как ни дружен с его семьёй Велемир, как ни уважает его отца, старейшину, всё-таки он не преступит заветов и жестоко, может быть, даже смертельно, накажет ослушника.

Вдруг Вадим услышал совсем близко от себя шорох. Чья-то нетвёрдая нога ступала по сухим, с треском подламывающимся сучьям. Вот уже кто-то остановился рядом с ним, и Вадим почувствовал, как чья-то рука коснулась его плеча.

— Кто бы ты ни был, приказываю тебе встать, — услышал он над собою голос Велеми-

ра. — Покажи лицо своё и дай увидеть того, кто осмелился нарушать волю Перуна и попрасть дерзкою ногою священную рощу...

— Велемир, прости! — не своим голосом воскликнул юноша, приподнимаясь с земли.

Пред ним стоял высокий, весь седой старец. На груди его, покрытой белыми как снег одеждами, лежала длинная седая борода. Лицо, изборождённое.

— Выслушай, отец, умоляю тебя, — робко вымолвил Вадим. — Я скажу тебе всю правду.

— Нечего мне слушать. Я сейчас созову всех верных Перуну, и мы поступим с тобой, как велит закон. Ты осмелился нарушить завет, и грех твой падает на твою голову.

Суровый старик поднёс руки ко рту, готовясь закричать что было сил, но Вадим ухватил его за край одежды и заговорил просительно:

— Не зови, отец, дай мне сказать тебе правду, при других я не скажу. Помедли... Ты всегда успеешь осудить меня!..

— Ну, говори, — согласился наконец Велемир. — И горе тебе, если ты солжёшь. Перун покарает и тебя, и род твой. Говори скорей,

пока не пришли сюда служители Перуна.

— Я с варягом Святогором переплывал озеро, — начал торопливый рассказ Вадим. — Ты знаешь, отец, какая разразилась буря, мы выбивались из сил, борясь с волнами. Вдруг огромный вал опрокинул наш чёлн и затем выбросил нас на песчаную отмель этого берега.

— Если это было так, то вы и должны были оставаться на ней, призывая к себе на помощь, а не забираться сюда, где скрыты сокровенные тайны божества...

— Я так и поступил, отец...

— Однако ты здесь. Где же этот дерзкий варяг?

— Выслушай дальше. Собравшись с силами, я хотел сделать так, как говоришь ты, хотел даже устроить плот, чтобы перебраться на нём по Ильменю в другое место, но этот Святогор... знаешь ли, он отказался от Перуна, он не верит более в его силу, могущество и долго мне говорил о каком-то другом, неведомом Боге.

— Отступник!.. Смерть его ждёт за это преступление! — с гневом воскликнул Веле-

мир. — Где он, где? Не скрывай его. Горе тебе, если ты его осмелишься укрыть.

— Он уже наказан за своё отступничество... В тот миг, когда он произносил хулы на великого Перуна, вдруг явился из чащи страшный перынский волхв, о котором ты столько раз нам рассказывал...

— Волхв, ты говоришь? — с видимым недоверием произнёс жрец. — Ты сам его видел?

— Да, отец, сам... Страшен он на вид. Ростом он не меньше молодой сосны... Всё тело его обросло густыми волосами, вместо глаз у него раскалённые угли, а из уст вились змеи... Он с воплем кинулся на нас.

— И что же? — спросил Велемир.

— Он схватил на моих глазах отступника Святогора и разорвал его на несколько частей... Я в страхе бежал сюда, пока не упал на этом месте. Теперь тебе известно всё, суди меня, как знаешь.

Вадим замолчал, с тревогой глядя на служителя Перуна; тот стоял, с видимым смущением ударяя о землю своим жезлом...

— Волхв, волхв, — повторял он, — кто же это может быть? Кто проник в это охраняемое

место?

И затем, спохватившись, что сказал слишком многое, чего не должны бы слышать посторонние уши, он взглянул на Вадима и произнёс:

— Если всё правда, что ты говоришь, Перун помилует тебя... Если тебе удалось избежать страшного волхва, ты достоин жизни. Но горе тебе, если это не подтвердится... Где ты видел перынского волхва?

— Пусть идут по оставленным мною следам, и достигнут слуги Перуна того страшного места!

В это время стали один за другим собираться младшие жрецы, с удивлением глядевшие на хорошо им знакомого старейшинского сына.

Велемир заставил Вадима повторить свой рассказ.

— Пойдёмте же туда и посмотрим, прав ли этот юноша, — сказал жрец, когда Вадим закончил. — Веди нас.

Они тронулись и вскоре достигли той отдели, на которую выбросила буря двоих юношей.

— Вот, вот, смотрите, тут что-то есть! — раз-
дались в толпе младших жрецов восклица-
ния.

Велемир жестом остановил их и подошёл
сам к тому месту, где на песке валялась ка-
кая-то груда.

— Это одежда Святогора! — воскликнул Ва-
дим.

На песке были видны отпечатки ног, кое-
где он был пропитан кровью, трава кругом
была помята, грубая одежда Святогора также
была вся в крови.

— Нет более сомнения! — воскликнул
жрец. — Этот юноша прав, страшный перын-
ский волхв снова появился в наших местах!..

Он приказал осмотреть весь прибрежный
кустарник — там никого не было.

Ничто в лесу не напоминало о присут-
ствии человека...

23. Меж двух огней

Есть, что в Перынской роще снова появился страшный волхв, быстро пронеслась по всем родам, жившим на берегах Ильменя.

Память об этом чудовище была ещё жива в народе. Целые легенды ходили среди ильменских славян о волхве. Засел он у истока большой многоводной реки, вытекающей из Ильменя, и много-много лет сидел там, не пропуская никакого судёнышка из озера в реку.

Только это давно было... Ничего не слышать уже сколько времени о перынском чудовище.

А вот теперь этот страшный волхв и на суше появился... Что-то будет? Уж не грозит ли родам славянским какая-нибудь беда?

Первую весть о появлении волхва разнесли повсюду перынские жрецы.

— Пойдите и возвестите всем родам славянским о том, как наказывает наш Перун отступников, — приказал им Велемир. — Усомнился Святогор в его силе, в его могуществе, и вот как он грозно покарал его. Так будет и со всяким, и пусть память об этом не изгладится вовеки. Пойдите и передайте повсюду рассказ Вадима, бывшего свидетелем этого происшествия.

И жрецы разошлись по всему побережью Ильменя, передавая рассказ старейшинского сына, причём, конечно, каждый из них разукрашивал его так, как подсказывала ему его фантазия.

В род, где старейшином был Володислав, отец Вадима, Велемир решил отправиться вместе с юношей.

— Только уважение к твоему отцу избавляет тебя от наказания за дерзость, — объявил старый жрец Вадиму. — Но ты должен принести очистительные жертвы.

Юноша с почтением приложился к его высушенной руке и удалился во внутренние покои, отведённые ему Велемиром для отдыха.

Никакое чувство сожаления к погибшему

Святогору не шевельнулось в его душе. Он считал себя и раньше правым, а теперь, когда даже сам старый жрец Перуна уверился в том, что молодой варяг сделался жертвой чудовища, Вадим забыл окончательно и думать о судьбе соперника...

Все мысли избежавшего так счастливо опасности Вадима были заняты теперь только Любушей.

«Моя она теперь, моя! Никто не посмеет стать мне поперёк дороги. И скоро, очень скоро я назову её своей женой... Проклятый варяг отвёл ей глаза, он заставил её полюбить себя, но теперь всё кончено: Святогор умер, и колдовство с его смертью более не будет иметь силы...»

Переменив наскоро перепачканные и вымокшие одежды, кинулся Вадим на ложе и скоро заснул.

Старый жрец Велемир, между тем, бодрствовал.

«Что это всё может значить? — думал он, расхаживая по светёлке. — Какого там волхва мог видеть Вадим? Правда, жил когда-то в этих местах дерзкий, смелый разбойник, гра-

бил всех без разбору, кто только из Ильменя в Волхов спускался, да ведь это когда было? Я уже давно своим годам счёт потерял, а этого разбойника мой дед, тоже жрец Перуна, своими руками убил... И с тех пор о нём ничего не слышно... Это ведь мы его в кудесники да волхвы произвели, чтобы нам победу Перуна над ним прославить, а на самом деле он простой человек был, ни больше ни меньше. Такого же это там Вадим видел и кто этого солёвара убил — уж не сам ли Вадим? Ведь он на это способен. Надо узнать всё подробно...»

Велемир призвал нескольких жрецов и приказал самым тщательным образом обыскать ещё раз весь лес.

«Хорошо ещё, что Вадим такую сказку придумал, а то бы мне да и всем нам плохо было бы... Володислав — старейшина богатый, вся Перынь наша чуть ли не одними его жертвами держится... Как казнить его сына? Ведь он всех нас сокрушить мог. Весь его род слепо ему повинуется, и Перынь разнесли бы, прикажи он только. А не казнить Вадима нельзя было бы, не придумай он такого оправдания... Тогда другие бы роды поднялись, и тоже нам

не лучше было бы... Слава нашего Перуна пошатнулась бы, вместе с тем и нам, жрецам, нечего было бы делать... И Святогора жаль. Всё-таки он Гостомыслу племянник, и хотя не велик человек, посадник буйного Новгорода, а всё-таки и с ним ссориться нельзя, и у него свои приверженцы есть... Впрочем, со Святогором всё уже кончено... Жалей, не жалей, а его к жизни не вернёшь. Кто с ним покончил, Вадим или тот, кого он за волхва принял, всё равно, теперь надо подумать, как Гостомыслу горестную весть передать».

Размышляя так, Велемир приказал уведомить новгородского посадника о несчастье с его племянником.

Весть о гибели Святогора, однако, опередила посланника. Когда тот явился в Новгород, там все уже знали о случившемся.

Знал об этом и Гостомысл.

Он любил Святогора, но был настолько умён, что не дал посланному заметить волновавших его чувств.

Тот передавал рассказ о гибели Святогора и о чудесном спасении Вадима от ужасного волхва, украшая его всевозможными подроб-

ностями, отчасти внушёнными ему самим Велемиром, отчасти и выдуманными во время дороги от Перынского холма до Новгорода.

Рассказ явился сильно прикрашенным. Фантазия посланца была богатая, и он так разошёлся, что Святогор уже оказался прямо-таки поглощённым на глазах всех служителей Перуна свирепым волхвом...

Гостомысл не поверил сразу тому, что сообщили ему о гибели его племянника.

— Это все жрецы с Перыни народ мутят! — вскричал он, выслушав известие. — Ну какой там, в самом деле, волхв появиться мог! Просто они схватили Святогора, и если я не поспею ему на помощь, они убьют его!

Он приказал подавать ладью и, быстро собравшись, отправился из Новгорода вверх по Волхову в то место, где близ истока на высоком холме стоял идол Перуна.

Наступала уже ночь, когда он добрался до Перыни. Здесь он к большой досаде своей узнал, что жрец Велемир вместе с Вадимом и несколькими жрецами уехали в Володиславов род.

Гостомысл стал спрашивать служите-

лей и рабов Велемира о своём племяннике. Все они в один голос подтвердили ему рассказ, которому он было не поверил. Один из младших жрецов, знавший хорошо Святого-ра, сказал ему, что узнал окровавленную одежду его племянника. Это передавалось с такими подробностями, что в гибели Святого-ра и сомнения быть более не могло...

Теперь в Перыни Гостомыслу нечего было делать, и он, опечаленный, взволнованный, вышел из жилища жрецов, направляясь к пристани, где ждала его ладья.

Двое жрецов провожали новгородского старейшину. Оба они видели его грусть и глубоко сочувствовали ему.

Вдруг в нескольких шагах от пристани какая-то фигура перерезала дорогу Гостомыслу, и, прежде чем он опомнился, рядом с ним появился человек.

Гостомысл отшатнулся было, но подошедший быстро наклонился к его уху и прошептал что-то, заставившее старейшину вздрогнуть.

Между тем сопровождавшие его жрецы заметили человека около старейшины и, думая,

что ему грозит опасность, быстро кинулись ему на помощь. Но когда они подбежали, человек уже исчез.

Кто это был такой, Гостомысл жрецам не сказал. Не сказал посадник также, что сообщил ему этот так внезапно появившийся вестник.

24. Радость и горе

Род Володиславов известие о всём происшедшем с Вадимом пришло прежде, чем юноша успел вернуться под родимый кров. Слова жреца, явившегося сюда по приказанию Велемира, произвели смятение. Из всех хижин повысыпали люди. Мужчины, которые в этот день не были в лесах на охоте, побросали чинить ловушки и неводы, готовить стрелы и толпой собрались около хором Володислава, куда прошёл посланный Велемира.

Женщины сбежали сюда ещё ранее, обсуждая на разные лады возвещённый случай.

В хоромах тем временем жрец, перед которым уже поставлено было обильное угощение, передавал свой рассказ матери Вадима. Сам старый Володислав, серьёзный и важный, сидел на гладко оструганной лавке, второй раз слушая с большим вниманием рассказ.

Богумила, мать Вадима, плакала от изумления.

— Один он, один из семерых остался, — говорила она сквозь слёзы. — Шестерых уже нет, одного медведь заломал, двоих злые люди загубили, трое без вести пропали, он только, соколик мой, надежда моя, остался.

— Надо благодарить Перуна, — важно ответил жрец. — Это он совершил чудо, защитив твоего сына от свирепого волхва.

— Его только, его, батюшку, благодарить приходится. Он Вадима моего милого от смерти неминуемой избавил. Да что же ты, Володислав, проси служителя Перуна откушать нашего угощения.

— Только откуда этот волхв появиться

мог? — высказал своё мнение Володислав. — Никто о нём не слыхивал.

— Как не слыхали? — вступился жрец. — Сколько раз тебе наш отец, Велемир, об нём говорил.

— Так ведь он говорил о том, что было...

— А то, что было, и вперёд быть может, — важно заявил жрец. — Но что это за шум под окном?

Действительно, собравшаяся у хором Володислава толпа настоятельно требовала, чтобы жрец Перуна вышел и повторил свой рассказ.

— Родичи собрались, тебя зовут, — пояснил жрецу Володислав.

Тот с видимым неудовольствием выбрался из-за уставленного яствами стола и пошёл на крыльцо.

— Говори, — раздались сотни голосов. — Что случилось, как явился волхв, где наш Вадим?

Жрец откашлялся и начал рассказ. Говорил он медленно, растягивая слова, но все слушали, затаив дыхание.

— А отступника Святогора в мелкие клочья изорвал волхв, вот и одежда его в крови

была смоченная, — говорил служитель Перуна. — Только всего и нашли мы на том месте, куда нас Володиславов сын, Вадим, привёл, — одежду.

Не успел он докончить этих своих слов, как в толпе послышались громкие рыдания.

— Это Любуша, Святогорова невеста! — пояснили Володиславу, обратившему внимание на этот плач.

— Она? Пусть, бедная, плачет. Может быть, горе слезами выйдет, — с сочувствием заметила Богумила.

Рыдания не прекращались. Около Любуши тотчас же собрались её подруги и принялись утешать её.

— Не плачь, уймись, — говорили они. — Слезами горю не поможешь. Святогора плачем к жизни не вернёшь.

— Ох, подруженьки! — утирая слёзы, говорила Любуша. — Я одна в его смерти повинна. Ко мне он спешил, обещал в этот день непременно быть и с отцом условиться.

— Что же поделаешь теперь? Да оно и лучше! Слышишь — Святогор твой от нашего Перуна отступился, перестал веровать в него...

— А всё-таки любила бы я его.

— Его? Отступника?

— Что же сердцу любящему за дело, отступник он или нет — всё равно. Да и что мне за дело до Перуна!..

— Эй, девушка, замолчи! — нашёл нужным вмешаться жрец. — Не смей произносить хулы на Перуна. Вот если бы отец Велемир услышал!.. Ох, последние дни наступают, слабеет вера, падает, а вместе с ней и народ погибает.

Никто не обратил особенного внимания на эти слова.

Вся молодёжь в роду Володислава была на стороне Святогора, девушки же прямо сочувствовали Любуше, в сердечную тайну которой многие из них были посвящены.

Это касалось молодёжи. Старики же и пожилые были взволнованы той частью известия, которая относилась к появлению перынского волхва.

Все они чувствовали в нём какую-то ложь, понимали, что рассказ о гибели Святогора далёк от истины, но высказать этого не решились.

Велемир всё-таки был сила. Но как бы то ни было, Святогора жалели.

Поэтому все родичи и отнеслись с таким сочувствием к горю Любуши.

Она же, бедная, продолжала громко рыдать, не будучи в силах совладать с собою.

Вдруг толпа заволновалась вся сразу, как один человек. Все повернули головы по направлению к лесу и напряжённо глядели туда. На опушке леса один за другим показалось несколько всадников.

— Кто-то едет к нам, — произнёс старейшина Володислав, тоже обративший внимание на эту группу.

— А я скажу тебе, кто, — вмешался примолкший было жрец, — едет к тебе, княже, отец Велемир, служители Перуна с ним и среди них твой сын, Вадим. Встретить готовься гостей дорогих.

— Сын Вадим, ненаглядный мой! — воскликнула Богумила и кинулась с крыльца навстречу всадникам.

С глубоким почтением расступился народ пред старым жрецом Перуна в то время, как обрадованная мать со слезами радости на гла-

зах обнимала дорогого ей сына.

— Привет вам, — важно и степенно проговорил Велемир, когда с помощью нескольких жрецов ему удалось сойти с коня, — привет и радость, старейшина славянский, дому твоему, и вы радуйтесь.

Он простёр над благоговейно склонившей головы толпой свои руки.

— Я слышу здесь плач, — продолжал он, зорко оглядываясь вокруг. — Кто горюет там, где должны быть только радость и веселье?

— Это плачет невеста погибшего Святогора, — наклонясь к уху Велемира пояснил Володислав. — Успокой её. Она тебя послушается.

— Подойди сюда, горюющая дочь моя! — громко позвал Любушу старый жрец. — Подойди и поведай нам о своём горе.

— Он умер, он погиб, мой Святогор. Как же не горевать мне! — всё ещё не могла сдерживать рыданий Любуша. — О, великий Велемир! Ты угоден Перуну. Он всегда тебя слушает. Попроси его теперь, чтобы он вернул мне дорогого моего Святогора.

Вадим, стоявший несколько поодаль, с ис-

кажённным злобой лицом слушал эти стоны девушки. В душе его снова поднималась буря, и он едва сдерживал себя, чтобы не вступить в разговор.

— Забудь его, дочь моя! — торжественно сказал старец. — Он — великий грешник! И Перун справедливо покарал его, сохранив жизнь достойному. Святогор — ослушник и хулителъ нашего божества.

— Он? Святогор? Кто сказал это?

— Вадим был свидетелем, как он поносил Перуна.

— Вадим? — воскликнула Любуша и с ненавистью взглянула на сына старейшины.

Тому сделалось неловко под её пристальным, вызывающим взглядом, и он низко опустил голову, не смея смотреть в глаза Любуши.

— Как бы то ни было, а я велю тебе перестать горевать! — снова раздался голос Велемира. — Пойди в дом твой, омой лицо и прими участие в общем веселии. Милость Перуна посетила дом этот, и горюющих быть не должно в этом роде. Ступай и повинуйся.

Сказав это, Велемир опёрся на руку Воло-

дислава и, поддерживаемый старейшиной, вошёл в его хоромы.

25. Коварство любви

Прошли несколько дней. Всё это время горько плакала Любуша. И напрасно давала она разные обеты Перуну — милый друг её не возвращался.

В первые дни девушка никак не могла увериться, что дорогой ей человек погиб и больше она никогда его не увидит. Ей всё казалось, что и жрец, и Вадим говорили неправду, и вот-вот её Святогор снова, здоровый и невредимый, явится к ней...

Но время шло. Волей-неволей пришлось бедной Любуше согласиться, что ей сообщили правду — нет более в живых её возлюбленного Святогора.

Горюет Любуша, зато доволен и весел Ва-

дим.

Всё удаётся ему, как он задумал. И чего это наболтал ему выживший из ума Мал?.. Напугал его только напрасно... Хорош же этот любимец судьбы!.. Нет, не уйдёт теперь Любуша от старейшинского сына... Преграда между ним и неприступной девушкой рушилась, и нет теперь сомнения, что скоро, скоро она будет принадлежать ему.

Что же? Ведь он любит её не меньше Святогора... Все девушки в роду ей позавидуют, только вот чего это сама она как будто внимания на него не обращает? Ну, поплакала по милому и довольна. Чего же ещё? Не век же, в самом деле, плакать!

Однажды Любуша вышла под вечер на лужайку, что раскинулась за селением. Памятно ей это место: столько раз она здесь со Святогором встречалась, здесь он первый раз сказал ей, что одну её любит и до смерти любить будет... И как недавно это было!.. Ещё лето только наступило, едва ещё первые цветы из-под снега показались, когда сказал вот на этом самом месте Святогор ей первое «люблю»... А теперь — конец всему... Не увидит она

больше Святогора, не увидит...

Погруженная в печальные думы, стояла Любуша, устремив взор в себя.

Наступал уже вечер. Последние лучи заходящего солнца золотили макушки деревьев. С луга начал подниматься туман, замолкло кругом щебетанье птах, последние тени густо ложились на засыпавший мало-помалу луг.

Любуша ничего этого не замечала — так погрузилась она в свои думы.

Вдруг позади её послышался шорох, и в ту же минуту она почувствовала, как чьи-то руки охватили ей стан.

— Любуша, милая! — услышала она страстный шёпот. — Не пугайся, я это!

Девушка вырвалась из объятий и быстро оглянулась'.

Позади неё, весь покрасневшийся от волнения, стоял Вадим. Глаза его сверкали, губы дрожали; юноша был сам не свой.

— Любуша, — говорил он. — Пстой, не беги! Позволь мне сказать то, что давно уже храню я в своём сердце... Выслушай меня, ради всего тебе дорогого!

— Что тебе нужно от меня, княжич? —

оправилась от испуга девушка. — Разговаривать здесь наедине нам негоже. Если хочешь сказать мне что-нибудь, пойдём домой, и там я выслушаю тебя...

— Нет, погоди! Ты здесь меня выслушай... Знаю я, что горюешь ты, и знаю, по кому... Но вот что: веришь ли ты мне, что люблю я тебя, люблю так, как никто никакую женщину не любил?.. Истосковался я по тебе, измучился. И нет мне ни на миг покоя...

— Нет, Вадим! Не говори со мной так. Ты пугаешь меня, мучишь. У меня и без того сердце разрывается на части, а ты ещё тоски подбавляешь. Перестань, Вадим! Забудь меня... Мало ли есть девушек в родах славянских?

— Много их, сам знаю. Но из всех только ты одна мне любя. Слышишь? Только ты! И я возьму тебя во что бы то мне ни стало.

— Прости, княжич, я не могу быть твоей.

— Что же, противен я тебе?

— Нет, не противен... не лежит только к тебе моё сердце... Чего бы ни говорил ты, а мне с собой не совладать.

— О, Любуша! — простонал Вадим. —

Сжался...

— Не знаю, что ещё и сказать тебе. В сердце ведь никто не волен. Оно для нас всех — властелин. Бороться с ним мы не можем...

— Но, Любуша, скажи хотя бы одно слово в утешение. Дай хотя бы надежду на будущее. Мне без тебя жизнь не мила.

— Что в будущем — не знаю. Его только боги могут знать. Говорю я лишь про настоящее...

— Стало быть, в будущем ты меня всё-таки не отвергнешь? — с живостью воскликнул старейшинский сын.

— Думай, как хочешь. А я всё сказала!

И, вежливо поклонившись Вадиму, девушка быстро пошла по направлению к селению.

Вадим остался один на лугу. В душе у него бушевала злоба. Отказ Любуши и в очередной раз оскорбил его, и разжёл в нём ещё большую страсть. Причиной этого отказа сын старейшины продолжал по-прежнему считать Святогора.

«Ты и мёртвый становишься мне поперёк дороги... Но нет! Ты умер. И всё с твоей смертью кончено. Сумел я побороть тебя живого,

справлюсь и с мёртвым, проклятый колдун. Будет Любуша моей! И ждать мне не придётся долго... Зачем мне ждать? Разве отец мой не самый богатый из приильменских старейшин? Разве Велемир, верховный жрец Перуна, не близкий друг моего отца?.. О, погоди, гордая девушка! Посмотрим ещё, кто из нас сильнее!..»

У Вадима быстро созрел план действия. Он нашёл способ покорить гордую Любушу. С ней одной ему только и приходилось бороться. Вадим был вполне уверен в согласии отца. Ни одна семья славянская не отказалась бы принять к себе такую красавицу и умницу, какой была Любуша. Мать, до безумия любившая Вадима, тоже была всецело на его стороне. О старике Простене, бедном родиче, промышлявшем ловлей рыбы, и думать не было нужды. Разве посмеет он отказаться от чести породниться с семьёй богатейшего старейшины?

Итак, всё дело было за Любушей.

Но теперь хитрый Вадим знал, как поступить. Случайно мелькнувшая мысль озарила его ярким светом. Недолго думая, юноша по-

спешил домой и велел работникам как можно скорее приготовить ему любимого коня.

Не отвечая на расспросы матери, пожелавшей узнать, куда вдруг собрался сын, Вадим рысью умчался из родного селения. Заметили многие, что взял он направление на Перынь. Но зачем он поскакал туда — решительно никто не догадывался.

Проскакав несколько десятков вёрст, Вадим остановился у перынского холма и приказал какому-то жрецу немедленно отвести его к Велемиру.

Все знали старейшинского сына, знали, что отец его дружен с Велемиром, и потому немедленно сообщили верховному жрецу о приезде Вадима.

— Мир тебе, сын мой! — приветствовал юношу Велемир, внимательно вглядываясь в его лицо. — С чем приехал? Верно, что-нибудь особенное привело ко мне? Известно, что молодых к нам, старикам, не затащить и силой!

Проницательный старик ясно увидел в лице Вадима признаки волнения.

— Дело есть к тебе, отец! — кивнул Вадим. — Душу свою хочу открыть и помощи

твоей и Перуна просить буду...

— Говори, я рад тебя слушать! — Велемир знаком выслал из горницы всех посторонних.

Когда они остались вдвоём, Вадим с пылкостью начал свою речь. Долго он говорил о чём-то старому жрецу. Тот очень внимательно и серьёзно слушал. Когда юноша замолчал, Велемир погрузился в глубокое раздумье.

— Иди с миром, сын мой, и жди спокойно! — наконец молвил старик. — Иди и надейся... Я готов просить за тебя нашего бога и думаю, что услышит он просьбы своего верного слуги!..

— О, благодарю, благодарю тебя, отец! — обрадовался Вадим.

— Но помни, что ты обязан принести Перуну обильные дары и жертвы. И не забудь также всё, что ты сказал мне. Будь уверен в старом Велемире — я помогу...

Ободрённый, успокоенный, счастливый и уверенный в грядущем успехе, юноша оставил старика.

Долго раздумывал после его ухода старый жрец.

— Да, он когда-нибудь станет родовым кня-

зем, — шептал Велемир. — Надо сделать то, что он просит. Тем более, что это совсем не трудно... А если это не удастся, то пускай лучше умрёт эта девушка, чем пойдёт смута в славянских родах.

Призвав к себе одного из младших жрецов, Велемир послал его за Простеном, отцом Любуши.

26. Прерванная свадьба

То говорил старый Велемир отцу Любуши, осталось неизвестным. Только домой Простен вернулся тихий и смущённый... Даже Любуша заметила его смущение и с тревогой поглядывала на отца.

Простен угрюмо молчал, временами вздыхая и почёсывая по своему обыкновению затылок. Очевидно, его тяготила какая-то мысль, но он не знал, как начать тяжёлое

объяснение.

Любуша, видя угнетённое состояние любимого отца, не знала что и думать. Посланный Велемира приходил в её отсутствие, и куда уходил Простен, Любуше не было известно.

Однако явно печальный вид отца и на неё нагнал грустное настроение. Она чувствовала приближение некой новой неизбежной беды. И терялась в догадках: откуда нагрянет она?

— Батюшка! — прервала она наконец тягостное молчание. — Что с тобой? Отчего на лице твоём я вижу тайную печаль? Скажи мне, поведай причину... Одни мы с тобой на белом свете. Матушка давно в сырой земле лежит, братья поразбрелись. Только я у тебя и осталась... Почему же ты таишься от меня?

Простен был очень рад, что дочь сама начала тяжёлый для него разговор. А этот разговор, он знал отлично, будет для Любуши очень и очень неприятным... Старик всем сердцем любил дочь, удавшуюся в его умершую красавицу-жену, и огорчать её Простену не хотелось, хотя дело было такое, что в крайнем случае он не задумался бы прибегнуть и к родительской власти, которой дети славян

всегда повиновались беспрекословно.

Простен в этом случае выбирал, как говорится, из двух зол меньшее. Он предпочитал видеть Любушу, может быть, и несчастной, но всё-таки живой...

— Что же ты молчишь, батюшка? — нежно ласкаясь к старику, говорила Любуша. — Скажи мне, что тяготит тебя?

— Ох, дочка! Не знаю, как и сказать! Пожалуй, радоваться нам нужно, вот что! — начал издалека Простен. — Великий Перун оказывает нам свою милость...

— Какую, батюшка? Не томи, брось загадки...

— Умер вот твой Святогор... Пожрал его страшный перынский волхв, снова появившийся в наших местах, наказал его за отступничество.

— Полно, батюшка, перестань! Прости, что перечу, только какой, в самом деле, Святогор отступник?.. Никогда он им не был, просто это жрецы обнесли его перед народом.

— Ну уж это нам всё равно... Одно лишь верно — умер Святогор, и ждать его тебе больше не приходится...

— Так что же, батюшка?

— Вот и вышло от Перуна нашего, через служителя его Велемира, повеление, чтобы тебе как можно скорее замуж идти.

Любуша побледнела. Она ждала всякого удара судьбы, только не такого. Смутно она сообразила, что тут без вмешательства Вадима не обошлось.

— За кого же, батюшка? — едва нашла она в себе сил задать вопрос, хотя уже предвидела ответ.

— Да видишь ли, дочка... — замялся отец. — Гадал жрец Велемир, и вышло у него, что должна ты по велению божества стать женой сына нашего старейшины.

— Вадима? — вскрикнула девушка.

— Да, его! — кивнул Простен. — Такова воля Перуна.

— Батюшка, пожалей меня, пощади, не губи ты мою жизнь! Не буду, не буду я женой постылого...

— Нет, Любуша! Как я сказал, так и будет. Поверь, не зла — а добра тебе желаю...

Громкие рыдания дочери стали ему ответом.

— Ну не плачь же! Подумай только! Ведь это счастье твоё. Чем Вадим не жених тебе? И молод он, и пригож собой, и богат, всех богаче. Чего же ещё!

— Не люб он мне, вот что! — сквозь слёзы ответила девушка.

— Ну, это ничего! Сейчас не люб, потом полюбится. А нам, дочка, пора к свадьбе готовиться...

Долго-долго после этого разговора плакала Любуша, но слёзы горю её несколько не помогли.

А несколько дней спустя сам Володислав явился в скромную хижину отца Любуши.

Тихо беседовали они между собой, потом девушку позвали, и тут Любуша узнала, что судьба её решена.

— Кланяйся, благодари, Любуша! Делает тебе старейшина Володислав великую честь — просит тебя стать женой его сына Вадима, — объявил отец.

Любуша в ответ лишь залилась слезами.

— Это она от радости, княже, — пояснил Простен, хотя сам отлично понимал причину горьких слёз дочери.

— Ну, рад, очень рад! — милостиво произнёс Володислав. — Ты в моей семье, Любуша, всем будешь довольна... дочерей у меня нет, да и сын только один... Перестань плакать, успокойся. Я к тебе Вадима пошлю... Пойдём ко мне, Простен, поговорить надо...

Старики удалились.

Не прошло и нескольких минут после их ухода, как возле плачущей Любуши очутился Вадим.

— Любуша, милая, — говорил он, приближаясь к девушке. — Видишь! Сам Перун своей волей нас соединяет! Мы суждены друг другу... Перестань плакать. Забудь его... Я тебя горячо-горячо любить буду...

Любуша вытерла слёзы.

— Да, княжич, — тихо кивнула она. — Против судьбы не пойдёшь... Ты одолел меня — слабую, беззащитную... Что делать! Женой твоей поневоле я буду, но любить тебя... не полюблю никогда!

— Полюбишь, Любуша. Я тебя заставлю полюбить... Ну, улыбнись же, радость моя.

Однако Любуша не улыбнулась. Слишком велика была её скорбь. Напрасно молил Ва-

дим у неё хоть одно ласковое слово, хоть один добрый взгляд...

Потянулись дни — бесконечно длинные для влюблённого Вадима и быстрые, как мгновения, для Любуши, скорбящей по своему милтому; девушка всё-таки никак не могла смириться со своей участью.

Но вот и день свадьбы настал.

Задолго до него стали собираться в селение гости. В хоромах Володислава всё уже приготовлено было к приёму молодой невестки.

Вот наконец и брачный день наступил. Сам Велемир прибыл в род Володислава. Готовились обильные жертвы. И всё было готово к совершению обряда.

Толпы народа заняли обширный луг перед селением, где Велемир собирался совершить обряд. Радостный жених давно уже ждал прибытия своей невесты.

Вот и Любуша показалась, окружённая подругами...

Вдруг... как раз в это время в толпе, окружавшей жертвенник, произошло некое смятение. Разом заволновалась толпа, слыша-

лись крики:

— Остановитесь! Остановитесь!

Какой-то человек, совсем не в праздничной одежде, протолкался вперёд.

— Любуша, остановись! — воскликнул он. — Разве ты забыла свою клятву?

Все оглянулись на дерзкого.

Это был Святогор...

27. МНИМЫЙ ВОЛХВ

а, это был действительно Святогор...

Он был бледен, лицо его осунулось, под глазами виднелись тёмные круги, но всё-таки он был жив.

В этом никто не мог сомневаться!

Как же он спасся?..

Старый Рулав, оттащив тела обоих юношей от отмели, где их захлёстывали волны, сам спрятался в гущу кустарника. Любопыт-

ство подстегнуло старого норманна посмотреть тайком, что будет с юношами, когда они очнутся и увидят себя в роце Перынского холма.

К тому же Рулав был в некотором роде философ и в данном случае рассуждал так: «Вот не суждено погибнуть этим молодцам, и они не погибли. Ору днём же их спасения Один выбрал меня... Я оказал им немалую услугу, стало быть, со временем когда-нибудь и они мне окажут услугу. Почём знать, на что они мне могут пригодиться. Этот Вадим способен укрыть меня от жрецов, а со Святогором можно набрать дружину из его товарищей и вместе с ними уплыть к берегам родной Скандинавии.. Судьбы Одина неисповедимы. Может быть, он и послал мне сегодня такой случай, чтобы я воспользовался им».

Размышляя так, старик внимательно наблюдал за всем происходящим на берегу.

Он видел, как очнулся Святогор и с каким вниманием ухаживал он за Вадимом.

«Славный мальчик! — думал норманн. — В рядах наших дружин он был бы могучим и храбрым берсерком. А здесь его мало ценят».

Рулав заметил, как горевал Святогор, отчаиваясь в спасении своего товарища, и довольно отчётливо расслышал его смиренную просьбу к Единому Сыну неведомого ему Бога.

«Гм! Ведь и я про этого Бога не раз слышал. Это Бог христиан, — рассуждал старик. — Что же? Он хороший, милостивый; только вот не понимаю совсем, как это Он заветствует любить Своих врагов? Я знаю, что многие христиане так именно и поступают... Помню я одного. Забрёл он к нам в наши родные фиорды, долго и кротко говорил он нам, и хорошо так говорил, а мы, собравшись вокруг, слушали... И так хорошо говорил нам тогда этот христианин, что многие седые витязи прослезились, когда он начал рассказывать про мучения на кресте их Бога... После просил нас уверовать в Него. Только зачем нам это, когда у нас есть и Один, и Тор, и злобный Локки, и светлый Бальдр. С ними мы родились, с ними и умереть должны! Жаль только, что наш священник — не доглядели мы — убил этого христианина, а то бы мы ещё послушали его в часы отдыха...»

В таких размышлениях время летело неза-

метно. Рулав не покидал своего наблюдательного поста и скоро увидел, как очнулся Вадим.

Последовавший затем разговор и ссора заинтересовали его ещё более.

«Что теперь будет?» — подумал он.

Заметив, что Вадим кинулся с ножом на своего спасителя, Рулав позабыл даже о собственной безопасности и кинулся на помощь жертве старейшинского сына, но было уже поздно — нож Вадима поразил молодого варяга.

— Преступный убийца, — загремел норманн и выскочил из своей засады.

Он-то и показался Вадиму страшным перынским волхвом. Его длинные усы в расстроенном воображении убийцы представились двумя змеями, а изорванная шкура козы, наброшенная на плечи шерстью вверх, придавала ему так перепугавший старейшинского сына вид нежити.

— Беги, подлый трус! — гремел вслед Вадиму Рулав. — Беги, трусливая коза, иначе старый норманн расправится с тобою по-своему...

Подгонять Вадима не приходилось.

Он и без того бежал, как перепуганная мышь.

Рулав, кинувшись к Святогору, прежде всего постарался остановить кровотечение:

— Это ничего, пустяки! Старый Рулав знает толк в ранах и всегда сумеет отличить рану, за которой следует смерть, от пустяковой царапины. Нож не глубоко вонзился. Пустяки! Всё пройдёт, только бы кровь унять.

Ему удалось довольно скоро остановить кровотечение и даже наложить повязку на рану, для чего он должен был разорвать часть одежды Святогора...

«Теперь самое главное, как его укрыть и самому укрыться, — подумал Рулав. — Этот негодник поднимет тревогу, и мы попадём в руки жрецов. Не знаю, как ему, а мне — точно несдобровать!»

Оглядевшись вокруг, старик радостно воскликнул: он увидел прибитый волнами к берегу челнок — тот самый, на котором переплывали Ильмень Вадим и Святогор.

— Вот и средство найдено! — весело воскликнул он. — Есть теперь на чём выбраться

из этой проклятой чащобы.

Быстро перевернув опрокинувшийся челнок, Рулав вычерпал из него воду, а потом со всей осторожностью, на какую только был способен, перенёс и уложил на дно судёнышка всё ещё не пришедшего в себя Святогора.

Затем он поспешно отплыл, правя к истоку Волхова. Здесь он приютился у правого безлюдного берега, желая дожидаться ночной темноты. Между тем Святогор пришёл в себя.

— Что это? Сон я вижу? — простонал он.

— Какой там сон! Не во сне, а наяву твой Вадим ножом тебя пырнул! — отозвался норманн.

— Рулав! — воскликнул Святогор, узнавая старика.

— Конечно, он! Будь мне благодарен. Только пока лежи спокойно. Молчи, сейчас придумаем, что нам делать. Не шевелись, а то ещё опять кровь пойдёт.

— Но что случилось?

Рулав рассказал Святогору кратко обо всём происшедшем.

— За какого-то там вашего волхва меня этот негодник принял, — сообщил он в кон-

це. — Где только укрыться нам?

Зоркие глаза норманна различили вдалеке приближавшийся к Перынскому холму парус.

— Чья-то ладья идёт. Как бы нас здесь не заметили, — в раздумье молвил он.

Святогор через силу приподнял голову и взглянул вдаль, где уже ясно были видны и парус, и сама ладья.

— Это Гостомысл, мой дядя! Его предупредить бы. Он нас обоих спрячет.

— Правда. Это хорошо, — порадовался Рулав. — У него мы будем в полной безопасности.

...Начинало уже темнеть, когда Рулаву удалось подкрасться к шедшему в ладье Гостомыслу и шепнуть ему о судьбе его племянника.

В ту же ночь Рулав и снова лишившийся чувств Святогор были перевезены в Новгород и скрыты в хоромах посадника.

Здесь Святогор и Рулав были в полной безопасности. Никто, даже сам Велемир, не осмелится бы, несмотря на всю свою власть над приильменскими славянами, искать беглецов в посадничьем доме, где они, кроме того,

были под охраной сильной норманнской дружины.

Радостна была встреча старых друзей — Рулава и Стемида. Оба они всеми силами старались сохранить равнодушную важность, но это им не удалось, и в конце концов старики, как молодые пылкие влюблённые, кинулись друг другу в объятия, а когда разошлись, на глазах у того и другого была заметна влага.

На радостях даже о Велемире оба позабыли. Только когда прошли первые восторги, на голову старого жреца так и посыпались проклятия, причём в этом никто из норманнов не уступал друг другу.

Нечего говорить, что и остальные ярлы и дружинники примкнули к ликованию старых друзей и вместе со Стемидом радовались возвращению Рулава, которого все они давно уже считали погибшим.

За общим ликованием они и не заметили озабоченного лица Гостомысла.

Новгородский посадник прекрасно понимал, что ему придётся повести из-за Святого-ра с Велемиром борьбу — причём борьбу не на живот, а на смерть.

Трудно было предположить, чтобы хищный жрец Перуна легко отказался от своей жертвы. Уже ради сохранения одного только своего достоинства должен был он потребовать казни Святогора как оскорбителя грозного божества. Гостомысл прекрасно понимал, что рано или поздно спасение Святогора будет известно всем, и тогда-то Велемир, пользуясь своей неограниченной властью, начнёт немедленную борьбу с ним.

Всею душой любил новгородский посадник своего племянника, но было ещё нечто другое, что для него являлось, пожалуй, самым дорогим на свете.

Это «нечто» была власть.

Не для себя он берег её, не для себя её жаждал. Нет, мудрый Гостомысл готовил будущее для своего любимого внука Избора. Ради него он и дорожил этой достигнутой властью и не задумался бы, чтобы только сохранить её в своих руках, пожертвовать всем на свете, даже Святогором.

Но всё-таки родственное чувство заставляло его искать средства для спасения племянника. Гостомысл изоцрял свой ум, чтобы

отыскать такое средство, и наконец ему показалось, что он нашёл его.

«И чего лучше! Норманны скоро уходят. Старый Бела всегда был моим другом. Он не откажется приютить Святогора! — мелькнуло в голове Гостомысла. — А там будет видно!»

Мгновенно составился план, и Гостомысл сейчас же приступил к его исполнению.

Прежде всего он сообщил свою мысль Стемиду, и тот пришёл в восторг, когда услышал предложение Гостомысла взять Святогора с собой в далёкую Скандинавию.

— Только не пойдёт он! — с грустью покачал головой ярл.

— Почему?

— Сам знаешь, не раз мы звали его... Всегда он отказывался.

— Это прежде было. А теперь Святогор пойдёт, что оставаться на Ильмене ему нельзя.

— Хорошо, если бы так!

— Об этом не беспокойся, я сам уговорю его.

Норманнам, почти уже приготовившимся к отправлению в далёкий путь, снова пришлось отложить отъезд. Рана Святогора не

была смертельна, но кровотечение весьма ослабило его, и силы юноши восстанавливались медленно.

— Ты должен уйти с Фарлафом, — объявил Святогору дядя, когда юноша оправился настолько, что потрясение не могло вредно подействовать на него. — Ты сам понимаешь, что здесь тебе не сносить головы.

— Уйти? Нет! — упрямо отвечал Святогор. — Я не оставлю Любушу.

— Забудь о ней! — настаивал Гостомысл. — Разве не исполняется предсказание?

— Предсказание? Какое?

— О том горе, какое она принесёт тебе. Она уже принесла его.

— Горе? Но вместе...

— Вместе! — усмехнулся Гостомысл. — Это вряд ли! Пока ты лежал здесь, борясь со смертью, твоя Любуша стала невестой Вадима.

Сказал это Гостомысл и сам тут же понял, что в данном случае ему лучше было бы помолчать.

Юноша побледнел, как полотно, и, забыв о своей слабости, вскочил с ложа.

— Не может быть! Она моя! — не своим го-

лосом вскричал он.

Перепуганный Гостомысл попробовал было успокоить племянника. Не удалось ему это. Волнение охватило всё существо Святогора. Даже Стемид и Рулав, призванные Гостомыслом, не могли убедить юношу успокоиться хоть немного.

Новгородский посадник был сильно встревожен. Вспышка негодования, овладевшая Святогором, могла привести к весьма печальным последствиям. Обезумевший от горя Святогор мог натворить много неприятностей своему дяде.

Так оно и вышло на самом деле.

Несмотря на все меры предосторожности, предпринятые Гостомыслом, Святогор в туже ночь исчез из посаднических палат и явился в род Володислава как раз в то время, когда Любуша готовилась стать женой другого.

28. Соперники

Вадобное шествие было нарушено...
С громким криком радости кинулась Любуша к Святогору. Побледневший от злости, волнения, неожиданности, Вадим схватил было её за руку, но она с несвойственной женщине силой вырвалась.

Толпы расступились, давая Любуше дорогу.

— Ты жив! Ты вернулся! — повторяла Любуша, плача теперь уже от радости на груди у Святогора.

— А ты?..

— Меня заставили... Сказали, ты умер... воля Перуна...

— Кто этот дерзкий, осмелившийся нарушить обряд? — раздался голос Велемира.

Старый жрец, конечно, узнал Святогора, но

не хотел подавать виду.

— Отец, что же это! — кинулся к нему растерявшийся Вадим. — Ведь ты обещал мне!

— Знаю я, — ответил ему старец и снова возвысил голос: — Кто этот дерзкий?

— Это Святогор-солевар, — ответили из толпы.

— Святогор? Но ведь он умер! Вы знаете, за хулу, возводимую на Перуна, он был растерзан перынским волхвом.

— Нет, не им я был растерзан! — выступил вперёд Святогор, крепко обнимая одной рукой Любушу. — А ты, отец, спроси: чей след остался у меня на груди?..

Он распахнул рубаху и показал подживавшую рану.

Велемир вопросительно взглянул на Вадима, до крови кусавшего себе губы.

— А если не знаете, его спросите. Только скажет ли он? — гремел Святогор, указывая пальцем на старейшинского сына. — В бурю по Ильменю плыл я с ним вместе. Страшная была буря... Наш челнок опрокинулся. Он на дно пошёл... так, о себе не заботясь, я нырнул за ним и вместе с ним на берег был вынесен

валом. Без меня он погиб бы... А что же он в награду за это сделал? На меня коварно напал и поразил ножом.

— Правда это, Вадим? — строго обратился старец.

— Да, правда! — ответил тот, успев совладать со своим волнением. — Но у меня на это были причины.

— Какие? Ты должен назвать их!

Толпа, собравшаяся на лугу, смолкла, ожидая ответа. Святогор, не знавший за собой никакой вины, спокойно и с презрением смотрел на своего соперника. Любуша отвернулась от Вадима. А старый Володислав угрюмо нахмурил седые брови.

— Он стал поносить великого Перуна! Из уст его сыпались хулы нашему грозному богу, — уверенно заговорил Вадим. — Тогда я не стерпел и вступился за честь божества... Кто бы из всех, здесь собравшихся, поступил иначе?

— Так ли это, Святогор? — обратился к солевару жрец.

— Нет, нет, клянусь Перуном, ничего этого не было! — воскликнул тот. — Я сказал ему,

что Любуша любит меня, и тогда он бросился на меня с ножом.

— А перынский волхв?

— В заповедной роще не было волхва... того, кого он принял за него, был простой человек.

— Простой человек? — вскричал Велемир. — Ты лжёшь! Ничья нога не ступает в Перынской роще. Только мы, посвящённые в тайны божества, имеем право входить в неё... Никто из всех родов приильменских не осмелится нарушить священную волю богов.

— Это был не славянин, — возразил Святогор.

— Но кто же?

— Норманн Рулав!

— Рулав? Наш раб, обречённый в жертву богам! Не может этого быть! Ты лжёшь нам...

— Не лгу. Рулав жив и может подтвердить всё то, что я говорю теперь...

— И ты говорил с ним? Ты не схватил его и не привёл к нам, как должен был это сделать?

— Он спас мне жизнь, и иначе я не мог поступить.

Велемир, услышав ответ, скрестил на груди руки и погрузился в думы.

— Отец, — прошептал ему на ухо Вадим. — Я скорее убью её, чем отдам солевару... Не моя, так и ничья...

— Погоди, — ответил жрец и повернулся к жертвеннику.

Прошло некоторое время в напряжённом молчании. Все ждали решения жреца. Даже Святогор, всё ещё державший Любушу в своих объятиях, смутился, не зная, что будет с ним дальше.

Наконец Велемир обратился к народу:

— Слушайте вы все! Слушай, Святогор! Через меня сам Перун говорит с вами... Решение его неизменно. Святогор, не иди против воли наших богов, покорись им и исполни то, что тебе сейчас возвещу я... Оставь Любушу. Пусть брачный обряд её будет совершён с Вадимом!

— Никогда! — пылко воскликнул Святогор.

— Лучше умру, чем, когда он жив, стану женой другого! — поклялась девушка.

— Слышите вы, что он говорит? Разве не ясно теперь, что прав Вадим? Перед нами отступник от Перуна, дерзающий ослушиваться его велений...

— Смерть ему! — воскликнули в толпе

приятели Вадима.

— Пойдите! — остановил их жрец. — Любуша, ты знаешь волю бога. Не противься ей, оставь Святогора, стань женой Вадима...

— Нет, нет, не будет этого! Святогора одного люблю, и ничьей женой, кроме его, не буду.

— Если ты не согласишься, Перун требует тебя в жертву, и ты умрёшь...

— Лучше умру! — воскликнула Любуша.

— Вместе умрём, — прошептал ей Святогор. — Только не бойся, я сумею спасти тебя...

— Тогда возьмите же их, служители Перуна, — приказал Велемир. — В цепи их закройте, как отступников и послушников, оба они будут принесены в жертву.

Несколько младших жрецов кинулись к влюблённым.

— Нет, этого никогда не будет! — вскричал Святогор. — Прощай пока, Любуша! Не бойся ничего, я спасу тебя!..

И с страшной силой оттолкнув от себя нескольких подбежавших к нему жрецов, молодой солевар отскочил назад.

Сочувствовавшая ему толпа плотно со-

мкнулась и скрыла его в своих рядах.

— Держите его! — закричал Велемир.

Но было уже поздно: Святогор скрылся в лесу.

29. В тишине ночи

Служители Перуна тесным кольцом окружили Любушу в то время, как другая их часть погналась за Святогором.

Собравшийся народ не принимал в этой несправедливости никакого участия. Действовали только жрецы да охранявшая Велемира стража. Все остальные не желали помогать служителям Перуна.

Любуша, гордая и смелая, стояла в кругу жрецов. Она теперь уже не плакала. Напротив, глаза её светились неподдельной радостью. Девушка знала, что возлюбленный её жив, и была вполне счастлива.

К ней подошёл Велемир, сопровождаемый толпой жрецов и приближённых. Среди них, в числе первых, был неудачливый жених Любуши — Вадим.

— Любуша! — обратился верховный жрец. — Оставь гордыню! Покорись воле богов, возвещённой через меня, и стань женой Вадима!

— Женой Вадима? Вероломного убийцы? Нет, отец, никогда... Его руки — вот эти — обагрены кровью.

— Если Вадим поступил так, то он был прав... Мы верим ему и говорим, что всякий поклоняющийся Перуну должен поступить точно так же. Отступники всегда наказывались смертью.

— Он сам бежал, как последний трус, испугавшись обыкновенного человека... Какой же он муж, глава семьи? Святогор не убежал бы...

— Перестань говорить о Вадиме, подумай лучше о себе. Ты так молода, у тебя впереди вся жизнь, все наслаждения. Говорю тебе, не отказывайся от этого. Пойдём, я принесу за вас брачные жертвы.

Тут вмешался Простен:

— Дочь, я тебе приказываю! Слышишь? Не смей слушиваться воли Перуна! Не наполняй скорбью моё старое сердце... Не для того я растил тебя и лелеял, чтобы сейчас лишиться... Великий Велемир не уступит. Он обязан исполнить волю божества и исполнит её. Согласись...

— Никогда, отец!.. Подумай, что скажут обо мне женщины в славянских родах! — с пылом заговорила Любуша. — Никогда ещё не бывало, чтобы славянская девушка изменяла своему жениху... Имя моё будет покрыто позором. Девушкам славянским перестанут верить их возлюбленные. Будут говорить: изменишь, как изменила Святогору Любуша. И поселится в семьях славянских недоверие... Нет, отец, нет. Пусть лучше умру я, и тогда добрая память обо мне сохранится на веки вечные!

В толпе, окружавшей их, раздался одобрителный гул. Похоже, пылкие, полные убеждённости речи Любуши произвели немалое впечатление. Всех тронула её верность Святогору.

Это заметил Вадим.

— Как же так! — воскликнул он с нескры-

ваемой обидой. — Твой Святогор, оставив тебя, бежал отсюда... Разве ты не видишь, что он не думает любить тебя? Если бы он действительно любил, как ты думаешь, ушёл бы он сейчас от тебя?

— И ты смеешь говорить это, подлый убийца?! — смело глядя ему в глаза, сказала Любуша. — Ты, поразив его, беззащитного, в страхе бежал сам при виде обыкновенного человека, не имея смелости постоять за себя... А ещё славянин! Ещё сын уважаемого старейшины могучего рода!.. Нет, не достоин ты славянского имени.

Снова по толпе пробежал гул одобрения. Вадим весь вспыхнул и с тревогой взглянул на отца, сумрачного, поникшего и, видимо, весьма подавленного этим происшествием. Только Богумила по-прежнему с любовью смотрела на своё преступное чадо.

— Не надейся более на Святогора, — хмуро заметил Велемир. — Он не избежит своей участи... Не можем мы допустить, чтобы безнаказанно оскорблялся наш великий Перун. Пойдите вы и объявите всем славянским старейшинам, чтобы явились они к нам на Пе-

рынь для суда над ослушниками. А эту упря-мицу возьмите и стерегите, пока она не сми-рится или пока все мы не пребудем перед ли-ком нашего божества.

Отдав приказания, Велемир, окружённый жрецами, чинно удалился из селения.

Оставшаяся стража жреца схватила Любу-шу и увела её в пустую хижину. Здесь бедная девушка была оставлена одна со своими неве-сёлыми думами.

Ночь — светлая летняя ночь, — какие только бывают на севере, спустилась уже над засыпавшим селением. Мало-помалу успокаи-вались все поволновавшиеся за день его обитатели. Даже измучившийся за день ста-рик Простен заснул. Дремала у хижины, в ко-торой заключили Любушу, и стража.

Только Любуша и не спала, полная дум и надежд.

Но что это за странный шорох раздался на крыше убогой хижины? Зверь какой-то, что ли, забрался на кровлю и царапается? Нет, это не зверь!.. Это человек... Любуша приподняла голову и стала вслушиваться. Шорох был всё отчётливее. Кто-то раскидывал солому на

крыше. Как этого не слышала стража?.. Кто это только мог быть?

Девушка приподнялась, и вдруг её слух уловил знакомый, хорошо знакомый шёпот, по которому она узнала Святогора.

— Любуша, милая! Здесь ли ты? — слышалось сверху.

— Здесь, здесь! — ликовало сердечко у девушки.

— Подожди немного... Сейчас я проберусь через кровлю и убежим... Все спят, и мы скоро будем в безопасности у моих товарищей.

— Скорей, скорей, Святогор! Я знала, что ты придёшь за мной, что мы убежим... убежим с тобой.

— Сейчас, ещё мгновение... Ты ничего не бойся... Я жив и сумею освободить тебя. Вот только уберу эту доску...

Здесь резкий свист прорезал воздух.

— Эй, стража! Держи его! Там — на крыше! — раздался громкий крик.

— Проклятье! Это Вадим! — воскликнул юноша.

— Беги, Святогор! Беги, спасайся...

— С тобой вместе, Любуша! Давай руку!..

Но крик Святогора оборвался, до Любуши донёлся шум отчаянной борьбы.

— Они убьют его, убьют!.. — в ужасе шептала девушка.

Из-за стены хижины ясно слышались звуки шагов, какая-то возня и крики. Все в деревне попросыпались.

Вот запахнулась дверь, и в хижину вбежал Вадим. Позади него в свете пылающих головней Любуша ясно различила Святогора, крепко связанного. Его держали несколько жрецов.

— Попался твой сокол! — злорадно бросил Вадим, тяжело дыша. — Не уйдёт он теперь. Сейчас его отведут к верховному жрецу... Видишь, Любуша! Суждено тебе стать моей!

— Никогда! — и девушка, выхватив у него из ножен меч, хотела поразить им себя.

— Ну нет, моя радость! Я не дам тебе умереть! — Вадим отнял у неё смертельное оружие.

30. Две просьбы

НПерыни у Велемира сошлись Володислав и Гостомысл. Каждый из них явился туда со своим делом, у каждого была нужда до верховного жреца Перуна.

Старый Велемир оказался в большом затруднении. Оба старейшины были люди важные, и принять одного раньше значило бы обидеть другого.

А это в любом случае было опасно. Однако старик нашёл-таки выход из этого положения, разрешив Гостомыслу повидаться с узником Святогором.

Этого, главным образом, и добивался умный Гостомысл. Он нарочно выбрал такое время, когда к Велемиру прибыл ильменский родовой старейшина, понимая отлично, что в другом случае Велемир откажет ему в свидан-

нии с любимым племянником.

Свидание родичей было трогательное.

С криком радости кинулся на грудь к Гостомыслу юный Святогор. Дядя нежно прижал его к себе.

— Наделал же ты беды! — покачал головой Гостомысл, когда схлынули первые проявления радости.

— Дядя, не упрекай меня! Я не помню и сам, что было со мной...

— И не думаю упрекать. В молодости я и сам поступил бы так же! — улыбнулся новгородский посадник. — Это я к тому говорю, чтобы ты подумал, как из нынешних бед выпутаться.

— Эх, кабы были здесь Рулав да его товарищи!.. — вздохнул юноша. — Они бы меня не выдали...

— Будто? — усмехнулся Гостомысл. — Ты на них что-то надеешься очень... Разве пойдут они против Велемира?

— Прежде не пошли бы, а теперь пойдут... Подбил их Рулав уйти к норманнам. Он и поведёт их за Нево в фиорды. Так чего же им опасаться?.. Велемир для них теперь не угро-

за. Стемид тоже пойдёт с нами.

Гостомысл задумался:

— За чем же у них остановка?

— Ладей мало... Будь ещё две-три ладьи, давно бы и ушли они.

— Вот бы тебе с ними...

— Нет... Любуша... Я не могу её покинуть.

— Ну что там Любуша! Жизнь твоя в опасности.

— Нет, дядя Гостомысл, не говори так... Без Любуши мне жизнь не в жизнь. Всего она мне дороже на свете... — Святогор сжал кулаки. — О, этот проклятый Вадим! Я убью его! Только бы нам встретиться!.. Мы сведём наши счёты.

— погоди! Сам спасись сперва! — заметил Гостомысл.

Он как будто не вышел ещё из своей задумчивости и, поговорив немного с племянником, ушёл, оставив того в некотором недоумении.

Очевидно, в голове у посадника составлялся некий план.

Велемир, между тем, вёл беседу с Володиславом. Разговор шёл далеко не из приятных для старейшины.

— Нет, жрец, ты как хочешь, но кончай это дело! — говорил Володислав. — Ты его начал с твоим Перуном, ты и распутывай... Сын у меня один остался... Он сохнет по этой девушке, и я вовсе не хочу, чтобы мой Вадим из-за неё умер.

— Так что же делать?

— Твой Перун давно уже требует жертв. Вспомни, когда приносил ты последние...

— Значит, ты хочешь, чтобы Любуша была принесена Перуну в жертву?

— Да, хочу! — холодно ответил Володислав. — Девочек красивых на Ильмене много. Каждая из них с радостью пойдёт за моего сына... Не будет её — и Вадим успокоится. Погорюет день-другой, и скорбь его пройдёт.

— А Святогор?

— Святогор? Ты, кажется, боишься, жрец, этого мальчика?

— Сейчас не боюсь... Но этот мальчик становится мужчиной... Его любят в родах. И ты наживёшь в нём непримиримого врага...

— Стыдись, Велемир. Если ты страшишься этого дерзкого солеvara, то отдай его мне. Я, поверь, сумею управиться с ним... Или ты, мо-

жет быть, жалеешь его?

— Давно уже прошло то время, когда моё сердце было доступно жалости. Окаменело оно теперь. Но я вижу грядущее... Печать величия ясно видна на челе этого юноши. О, много-много бед принесёт он берегам Ильменя!..

— Тем скорее следует избавиться от него.

— Волю богов не переступишь, — печально покачал головой жрец.

— Вижу, что стар ты стал! — сверкнул глазами Володислав. — Делай, впрочем, как знаешь... Мой род силён. И я нисколько не страшусь твоего солеvara. Только избавь от этой любви моего сына, покончи с Любушей..

— Да будет так! — наклонил голову Велемир.

— К тебе, я вижу, идёт Гостомысл. А я не хочу с ним встречаться. Выпусти меня другим ходом, — велел старейшина.

Едва он успел выйти, как в горнице уже был Гостомысл. Он с почтением поклонился верховному жрецу.

— За племянника просить пришёл? — сурово спросил тот.

— Молод он, отец Велемир, пылок, горяч. Вспомни себя молодым. Разве ты не был таким же?

— Не проси меня. Ослушник и отступник от веры в богов должен погибнуть.

— Но ведь эта только вина и есть за ним. Перун не только грозен, но и милостив. Я принесу ему богатые жертвы...

— Что же ты хочешь? — вдруг смягчился старый жрец.

— Не много, отец Велемир, очень не много... Ты говоришь, что мой Святогор отступник от Перуна, так пусть его уходит из земли славянской, пусть ищет себе других богов, какие ему более приятны... Не всё ли равно Перуну и тебе, если Святогор не умрёт, а исчезнет из наших мест навсегда. Я же принесу богатые жертвы!.. — с нажимом повторил Гостомысл.

— Хорошо. Но как это сделать?

— На Варяжке затевается поход в Скандинавию. Всё равно этих молодцов не удержишь. Кроме того, в Новгороде гостят норманнские гости... Они тоже собираются к себе. Пусть мой Святогор и уходит с ними.

Велемир поник головой.

«Воля богов всё равно неизбежна... Свято-
гору суждена свыше долгая и славная
жизнь, — пронеслось у него в голове. — Это я
и вижу, и знаю. Не даром столько лет я про-
жил на свете. Судьбы не избежишь... Лучше
взять жертвы — Гостомысл не поскупится!»

— Я согласен! — молвил, наконец, он. —
Надзор за твоим племянником будет ослаб-
лен. Пусть он уходит со своими солеварами и
не попадается больше. Ты же, посадник, не за-
будь о дарах и жертвах...

И жрец отпустил Гостомысла жестом.

31. Судьба

От судьбы не уйдёшь.
Пословица

С е очи выплакала Любуша в ожидании решения своей участи. Не за себя она мучилась тоской — за любимого Святогора. Что с ним? Жив ли он?.. Вот что более всего беспокоило несчастную девушку.

Она плакала, но слёзы не могли облегчить её горе.

Несколько дней уже прошли с тех пор, как Святогор оказался схвачен во время отчаянной попытки освободить Любушу, и ни одной весточки о нём не пришло к ней.

Из родного селения её перевели на Перынь. И здесь она заключена была в просторной, крепко запертой избе, которую надёжно охраняла стража.

Любуша была бы бесконечно счастлива, если бы знала только, что Святогор... так близко от неё... Но она этого не знала.

В один день, который, по расчёту девушки, уже склонялся к вечеру, дверь её узилища отворилась, и вошёл старейшина Володислав. Он был спокоен и важен.

— Любуша, — как-то даже ласково заговорил он. — Я пришёл к тебе с добром. Я сам отец и сердцем понимаю всё горе Простена... Знаешь ли ты, что будет с тобой?

— Нет, отец Володислав, — прошептала девушка.

— Жрецы обрекли тебя в жертву... Ты умрёшь... Разве не жалко тебе твоей молодой жизни? Страшно ведь умереть такой молодой... Я много раз глядел в лицо смерти и теперь без стыда сознаюсь, что смерть страшна... Неужели ты не боишься её?

— Боюсь! — призналась Любуша.

— Вот видишь... Но ты можешь спастись. Перестань упорствовать, стань женой моего сына, и тогда Велемир отменит своё решение.

— Нет, нет! Лучше смерть!

— Подумай сама... Эта единственная твоя

возможность спасения. На Святогора ты не надейся более. Его давно уже нет в наших краях. Он тебя не вспоминает больше...

— Меня уверяли не так давно в смерти Святогора, но он был жив... Нет, отец Володислав, не утруждай себя напрасными уговорами. Если мне суждено умереть под ножом жреца, то и умру я. Ты сам знаешь, что судьбы не избежать. А женой твоего сына я всё-таки не стану.

— Это твоё последнее слово?

— Да, отец. И будь, что будет! Я останусь верна Святогору.

Володислав молча повернулся и вышел, оставя Любушу в слезах.

Только он вышел, как снова распахнулась дверь и перед девушкой предстал один из жрецов.

— Готовься! — торжественно произнёс он. — Завтра на заре назначено моление Перуну... Соберётся весь народ славянский. Сам Велемир принесёт тебя в жертву нашему бо- жеству...

Сказав это, он скрылся... Вслед ему раздался отчаянный вопль Любуши.

Как в самом деле — смерть, ужасная смерть так близка?.. Он сказал: завтра на заре? Нет, нет, он ошибся... Она ослышалась, или, может быть, это страшный сон? Да, сон!.. Кому нужна её жизнь? Кому она причинила зло? Она не хочет быть женой Вадима. Что же! Сердцу не прикажешь любить!.. Но это не сон, это действительность. Завтра на заре...

«Нет, Святогор не даст меня им. Он спасёт меня. Я его знаю... Его любовь не имеет пределов... Он подоспеет, вырвет свою Любушу из-под ножа этого проклятого жреца. Да, да, так это и будет... Святогор не оставит...»

Эти мысли несколько успокоили девушку. Она, как утопающий за соломинку, ухватилась за зыбкую надежду. Стоны её стихли, но заснуть Любуша не могла.

Через стены своего узилища она ясно слышала шум и понимала, что на Перыни готовятся к жертвоприношению.

Заря только забрезжила, как дверь темницы отворилась и показались жрецы, нёсшие в руках смоляные факелы. Они приказали Любуше следовать за ними, и девушка почти бессознательно повиновалась...

Перед истуканом Перуна всё уже было готово для приношения жертвы. В белых одеждах у жертвенника стояли Велемир и другие жрецы в ожидании обречённой Любуши. Вот уже процессия с жертвой совсем близка. Стоявшие кругом толпы людей зашевелились, расступаясь и пропуская жрецов... Любуша идёт, как во сне передвигая ноги. Она совсем не отдаёт себе отчёта — куда, зачем её ведут?.. Теперь ей всё равно. Только бы поскорей умереть...

— Любуша, не упорствуй! Стань моей женой, — раздался над её ухом трепетный шёпот.

Несчастливая подняла голову, и взгляд её упал на бледное, искажённой страстью и волнением лицо Вадима. Он пробрался через толпу жрецов и наклонился к девушке.

— Велемир отменит жертвоприношение, — шепчет он. — Покорись воле богов, будь моей...

— Никогда, — ответила Любуша. — Я люблю Святогора и буду принадлежать только ему...

— Ты умрёшь, — слышит она шёпот. —

Смерть страшна!

— Лучше смерть... Оставьте меня.

Жрецы и жертва подошли к подножию истукана.

Любушу взяли под руки и подвели к жертвеннику.

Какой-то неясный шум донёсся со стороны Волхова, но на него никто не обратил внимания. Верно, прибыли на жертвоприношение лодки с запоздавшими заильменскими людьми...

— Народ славянский! — раздался голос Велемира. — Вы прогневали великого Перуна. Он мне сказал: «Нашлю на всю землю славянскую разные бедствия: голод, чёрную смерть, не оставлю никого в живых, если не умолят меня жертвой...» Так сказал мне Перун, и я долго просил его пожалеть народ свой... Он, великий, снизошёл к моей просьбе и приказал принести в жертву одну деву из рода славянского... Он дал мне знамение, как узнать эту деву, и я нашёл её — вот она!..

— Пусть лучше она одна умрёт, чем всех нас погубит Перун! — слышались восклицания.

Среди собравшихся были не только ильменские славяне. На жертвоприношение явились посланные от веси, мери, кривичей. Истории Любуши и Святогора никто из них не знал, и потому все они отнеслись к участи этой красивой девушки хладнокровно.

Но вот шум со стороны Волхова усилился, слышались звон оружия, треск дерева, громкие крики. Теперь даже жрецы, окружавшие Велемира, обратили на шум внимание.

— Пойдите, узнайте, что там... — распорядился верховный жрец.

Кто-то побежал к берегу.

— Во славу Перуна! — произнёс громко и торжественно Велемир и, взяв длинный жертвенный нож, занёс его над несчастной Любушей.

Вдруг он почувствовал, как кто-то крепко схватил его за руку. И в то же время в толпе, окружавшей идола, раздался громкий крик изумления и ужаса.

Быстро оглянулся Велемир и увидел за собой испещрённое шрамами лицо Рулава. Норманн стоял с мечом в руке.

Позади него поднимались на холм пре-

красно вооружённые дружины норманнских гостей и славянских варягов. На берегу реки у подножия холма гремел хорошо знакомый Велемиру голос Стемида.

— Вот, старый кудесник, мы и встретились! — с торжествующим смехом вскрикнул Рулав и с силой толкнул старика наземь. — Вставай, красавица, мы подоспели вовремя. Сейчас твой Святогор явится. Да вот и он!..

Действительно, из расступившихся варягов бежал к ней Святогор.

Любуша вскрикнула и без чувств упала в объятия любимого.

— Ну, не время теперь миловаться! Живо в лодки! — закричал Рулав. — Пока это стадо не опомнилось! Не робейте, молодцы!..

Велемир тем временем успел оправиться и поднялся с земли.

— Народ славянский! Твой бог поруган! — воскликнул он. — И ты спокойно смотришь? Накажи же дерзких!

— Бог? — насмешливо крикнул Рулав. — Какой же это бог, когда он сам себя защитит не может?.. Дерево это, а не бог! Вот глядите, ему всё равно... Наш бы Один громом поразил

за это. А вашему Перуну всё ничего...

Рулав размахнулся секирой, желая пустить её в истукан Перуна. С криком отчаяния бросился вперёд Велемир и своим немощным телом закрыл истукана. Секира со свистом пронеслась в воздухе и со всего размаха вонзилась в грубо сделанное подобие лица Перуна.

— Вот он, ваш Перун! — закричал Рулав. Послышалось отчаянное рыдание старого жреца, и оно несколько привело в себя ошеломлённый народ.

— Отомстим за Перуна! Смерть им!.. — раздались крики в толпе.

Святогор с драгоценной ношей на руках быстро шёл с холма вниз, к Волхову. Там у самого берега покачивались на волнах прекрасно оснащённые ладьи.

— Спас! Вырвал из рук смерти! Теперь мы больше не расстанемся! — шептал он, с восторгом глядя в бледное личико всё ещё бесчувственной Любуши.

Вдруг перед ним, будто из-под земли, выросла человеческая фигура.

— Не моя — так и ничья! — раздался злобный голос Вадима.

И не успел Святогор опомниться, как старейшинский сын со всего размаха ударил Любушу в грудь длинным ножом.

Удар был рассчитан верно. Святогор почувствовал, как тело его возлюбленной затрепетало у него на руках в предсмертных судорогах. Нож Вадима вонзился прямо в сердце несчастной.

Отчаянный вопль вырвался из груди Святогора.

— Мертва! Мертва! — кричал он и вдруг зарыдал, как маленький ребёнок.

— Святогор, Святогор, скорее! — кричал Рулав, подбегая к юноше. — Это что? Опять Вадим? Ох, попадись он мне!.. Ну, полно! Всё равно её к жизни теперь не вернёшь... Э-э! Да ты меня не слышишь!

И схватив Святогора, как маленького ребёнка, в охапку, старый норманн быстро потащил его вниз, где уже Стемид готовил в ладье парус.

Юноша был без чувств.

Отступить норманнам и славянским варягам удалось вполне благополучно. Они знали, что на Волхове будут в безопасности, ибо ла-

дей на Перыни не было.

Ветер дул попутный, и скоро белые паруса норманнских ладей с отчаянными смельчаками скрылись за поворотом реки.

32. В пути

Белеет парус одинокий...

М. Ю. Лермонтов

Сё, даже ветер, как будто благопритствовало смелой ватаге, направлявшейся к холодным берегам Скандинавии. Ладьи им новгородский посадник дал лёгкие, оружия всякого у них много, ветер попутный, так что и на вёсла редко приходилось садиться.

А хорошую они штуку с жрецами устроили!.. Это Рулав их подбил. Любит подраться старый рубака. Только бы вот новгородский посадник Гостомысл не разобиделся, ведь он только о Святогоре хлопотал, а тут молодцы

столько шума наделали. Долго их на Ильмене не забудут.

Да что Гостомысл, что им Ильмень! Теперь вот и до Нево недалеко, а там и желанная Скандинавия близко.

Жаль Святогора только, горюет он по Любуше своей. Очнулся Святогор уже тогда, когда ладьи давно оставили позади себя Новгород. Очнулся и заплакал. Странно смотреть, как мужчины плачут. Но горе Святогора было так велико, так искренно, что никто над ним смеяться и не подумал.

Старый Рулав, как самая заботливая нянька, ухаживал за юношей, поражённым горем. Полюбил он Святогора и души в нём просто не чаял, что сын родной стал юноша старику.

Одинок был старый норманн — никого у него не было на белом свете, а может ли сердце человека без привязанности быть?

Конечно же нет!

Когда Рулав увидал Святогора, поражённого его вероломным товарищем после того, как им обоим пришлось избежать ужасной опасности, счастливо убежав из перынской заповеданной рощи, старый норманн почувство-

вал, что его сердце сильно забилося. Жаль ему стало этого стройного юноши с таким открытым и мужественным лицом. Вспомнил Рулав и себя в юности и невольно подумал: «Вот ведь и я такой же когда-то был! Не хочется умирать, когда жизнь только ещё расцветает. Жаль его!».

Чувство сострадания к слабым и беспомощным далеко не было чуждо скандинавам. Они были безумно храбры в битвах, беспощадно истребляли врагов, но в сердцах их всегда жила жалость к слабым, к раненым, и им суровые норманны никогда не отказывали в возможной помощи.

Общая опасность, кроме того, ещё более сблизила Рулава со Святогором, и теперь старый норманн ревниво поглядывал на Стемида, когда юноша, грустно улыбаясь, заговаривал с тем.

Но ревность сейчас же проходила, едва только Рулав вспоминал о всём происшедшем на перынском холме.

Раскаты его хохота гулко разносились по пустынным берегам Волхова, когда он представлял себе жалкую фигуру Велемира, с ры-

данием упавшего к подножию своего униженного кумира.

Старый норманн весело потирал руки, рассказывая уже не в первый раз всем, даже участвовавшим в нападении на Перынь, об этой сцене. Об одном только он жалел: оплошал он, не рассчитал силы, и его секира, до того не знавшая промаха, не прикончила на месте его заклятого врага — жреца.

К сердечному горю Святогора старый Рулав относился вполне спокойно. Для него непонятны были его страдания. Чувство любви было, конечно, знакомо Рулаву, но не с самой нежной стороны...

Святогор же долго не мог прийти в себя.

Когда он несколько оправился, страшную клятву произнёс он, глядя на свою оставленную родину:

— Всего ты меня лишила! — воскликнул он. — Не матерью мне была, а злою мачехой. Самое дорогое, что в жизни у меня было, отняла. Сама прогоняешь ты меня от себя. Сама отнимаешь меня от себя. Так клянусь я вернуться к тебе, если только жив останусь. Клянусь из края в край пройти по тебе с огнём и

мечом, и вспомнишь ты некогда отвергнутого сына. Отомщу я тебе, и будут плач и мольбы, да поздно! Пока не натешусь вдоволь, не опущу меча своего. Не изгнанником вернусь к тебе, а господином.

— Мсти! Месть — сладкий дар богов, — поддержал Рулав, — верь, у нас в Скандинавии ты скоро будешь великим витязем.

— Да, отомщу! — произнёс в ответ Святогор и угрюмо замолчал.

Он всё ещё не мог забыть судорожного предсмертного трепета Любуши, умершей у него на руках.

Отъехав порядочно от Новгорода, вся ватага норманнов и выходцев из Приильменья сделала привал. Ладьи были причалены к берегу, люди сошли с них и прежде всего решили выбрать себе предводителя.

Спору и крику было немного. Вождь у славянских выходцев был давно намечен. Почти в один голос все они пожелали, чтобы «верховодил» их общий любимец Святогор.

Юноша долго отказывался от этой чести, но просьбы были так упорны, что, в конце концов, он должен был согласиться.

На самой маленькой ладье идёт он по Волхову во главе небольшой флотилии своих товарищей. Далеко впереди белеют паруса ладей скандинавов. Из них только один Рулав остался со Святогором, решив никогда более не разлучаться с ним. Весел старый норманн. Скоро-скоро увидит он и дорогую родину и милые фиорды — весел так, что даже распелся. Вот его песня:

— Звенел мой меч в тот день
счастливый,
Когда к враждебным берегам
Прибил нас ветер прихотливый.
Готовил враг погибель нам,
Мечи стучали, стрелы пели,
Врубался в панцири топор,
Но нас враги не одолели,
Раздавлен бешеный напор!..
Звенел мой меч в день жаркой се-
чи!
Среди Британии полей
Рассёк я шлем вождя по плечи...
Скатилась прядь его кудрей,
И умер он... Младые девы
Лобзали с горем милый прах,
И бард сложил о нём напевы:

*Напрасно женщины в слезах —
С войною слава неразлучна,
Нет в мире лучше дел войны...
Кто не был ранен — прожил скучно,
Как осень, дни его темны!..[13]*

Весёлость Рулава заразительно действовала на всех его спутников, среди которых преобладали молодые люди, и без того всегда склонные к веселью.

Не было на славянских ладьях грустных задумчивых лиц, несмотря на то, что все они шли в далёкую, чужую им страну искать неведомого счастья.

Даже Святогор, чем ближе подходили к Нево, становился всё менее и менее мрачным.

Он с большой охотой слушал рассказы Рулава о тех местах, мимо которых проходили ладьи.

— А вот тут, в земле славянской, был ученик христианского Бога, — показал Святогору Рулав на покрытую горами местность правого берега Волхова.

— Христианский Бог, — вспомнил свою мольбу юноша. — Он всемогущ! Я забыл о нём... Отчего я не обратился к нему? Он спас бы Любушу...

И снова, как в мощных тисках, сжалось его молодое сердце, и мрачные думы овладели им.

33. Предсказание

Погадай-ка мне, старушка...
А. С. Пушкин

р^емя летело незаметно. Ладьи скандинавов давно уже скрылись из виду, когда ладьи славянских выходцев только подходили к волховским порогам.

Издалека ещё доносился до слуха путников неясный гул; течение становилось всё быстрее и быстрее. Идти по реке становилось опасно.

В то время волховские пороги были совершенно непроходимы. Даже скандинавы, безусловно искусные в мореплавании, не рисковали спускаться через них на своих судах. Славянские же выходцы, все, кроме Рулава, очутившиеся в этих местах впервые, и по давности не решались на такую попытку.

Ладьи пристали к берегу. Скоро составился совет, и на нём решено было пройти пороги волоком, то есть перетаскивая суда берегом в тех местах, где река представляла опасность.

Начинать волок, однако, сразу после остановки не пришлось. Близилась ночь. Волей-неволей нужно было заночевать на берегу.

Запылали костры.

Около одного из них расположился по-прежнему печальный Святогор, безучастно смотревший, как хлопотал над приготовлением ужина его друг Рулав.

Невдалеке от привала шумел лес. Он чернел в сумраке наступавшей ночи мрачною массой. Рулав, занятый хлопотами, нет-нет да и кидал взгляд в сторону этого леса.

Сильно озабочивала старика эта постоян-

ная тоска его молодого любимца, и он всё это время думал, как бы развлечь Святогора.

Между тем отдохнувшие варяги принялись за работу. Они суетились около того места, где пристали ладьи, и уже стали готовиться к трудному путешествию посуху.

— Знаешь что? — сказал Святогору старый Рулав. — Здесь в лесу есть избушка, пойдём туда!

— Зачем?

— Там живёт прорицательница, и никто из проходящих здесь волоком вождей не минует её. Все заходят узнать своё будущее.

Святогор, уступая просьбам Рулава, пошёл.

Идти пришлось не особенно долго. Действительно, как и говорил старик, у опушки леса приютилась ветхая хижина.

— Зачем пожаловали? — встретила их её обитательница. — Или грядущее своё узнать хотите?

Это была дряхлая старуха, и вид она имела такой, что могла бы внушить ужас людям даже не робкого десятка.

— Именно грядущее узнать, матушка! — и за себя, и за Святогора отвечал норманн.

— Многих молодых я видела здесь и все туда, за Нево, идут. Мало только кто возвращается оттуда, — ответила старуха. — И тебя я видела, — обратилась она к Рулаву. — Что же? Исполнилось то, что я тебе предсказала?

— А ты помнишь, матушка, что предсказала?

— Стара и слаба я стала, да и многим из вас я уже ворожила, где же всё запомнить!

— Так я тебе напому! Ты, матушка, предсказала мне, что я умру от дружеской руки и хотя и на поле брани, но не в битве. Ты мне говорила, что меня поразит ближайший и любимейший мой друг!

— Так, так, — закивала старуха, — теперь вспоминаю. Ещё отговаривала я тебя ходить в земли славянские.

— Да, отговаривала! Ты предсказала мне, что умру я от руки друга-славянина. А видишь, я живым и невредимым возвращаюсь обратно. Там же, — кивнул в сторону Ильмена Рулав, — друзей-славян не было. Были и остались одни враги только. Видишь, не всегда ты верно гадаешь. Целым и невредимым стою я пред тобою. Не сбылось на мне твоё

предсказание!

Старуха взглянула на Рулава и покачала нечёсаной головой.

После минутного молчания в хижине зазвучал её хриплый голос.

— Не сбылось моё предсказание, стало быть, сбудется, и гадать тебе нечего!

— Так вот товарищу моему погадай тогда! — попросил Рулав.

— Хорошо, — согласилась старуха.

Она подошла к Святогору, взяла его за руку и, как бы желая проникнуть в тайники его души, устремила в его глаза свой пронизательный взор.

Юноше вдруг сделалось жутко, но в то же время он чувствовал, что какая-то непостижимая сила не позволяет ему опустить глаз.

Наконец старуха отошла от него и, взяв углей, кинула их в костёр, расположенный на земляном полу её хижины.

Костёр разом вспыхнул, яркое пламя озарило хижину. Багровый его сноп взвился к отверстию в потолке, и вслед за тем густой дым окутал на мгновение всё. Святогор и Рулав невольно отшатнулись, так как пламя разго-

ралось всё сильнее и сильнее и ярко-жёлтые языки его поднимались к небу.

Пламя озаряло фигуру прорицательницы, как бы застывшей над костром. Она, ни разу не моргнув, глядела на пламя, причём лицо её принимало то страдальческое, то радостное выражение.

Наконец дым рассеялся...

— Видела, всё видела! — прошептала она, и вдруг, будто приподнятая какою-то неведомой силой, быстро подошла к Святогору.

Юноша с изумлением смотрел на неё. Он даже и не подумал отшатнуться, когда прорицательница опустила свои костлявые руки ему на плечи, и с вниманием стал прислушиваться к её отрывистому шёпоту.

— Видела я в дыму будущего страну великую. Много городов в ней крепких и сильных. Богата и могуча эта страна, славнее всех она, сильнее всех она между остальными странами мира. И все, населяющие её города и веси, довольны и счастливы!

Старуха замолчала на несколько мгновений, сняла руки с плеч Святогора и, выпрямившись, громко воскликнула:

— Великое будущее у тебя, юноша! Такого никогда ещё ни у кого не было и не будет! Слава, почести, власть ждут тебя. Ты будешь повелителем той огромной страны, которую я видела... Солнце никогда не будет заходить в твоих владениях, и из рода в род будет увеличиваться твоя страна. Сотни лет будут править твои потомки, окружённые вечной славою, а имя твоё перейдёт в память всех народов во веки веков! Приветствую тебя, владыка половины мира!

И она с этими словами низко-низко поклонилась Святогору.

— Когда же это будет, матушка? — спросил юноша, поражённый загадочными словами.

— Когда ты станешь соколом! — ответила прорицательница и смолкла.

Часть II НА ПУТИ К СЛАВЕ

1. Новая родина

*Угрюмый край! Его красам...
Е. А. Баратынский*

Грюмый край... Низко, совсем низко над его мрачными скалами несутся по свинцовому небу... не облака, нет, а какие-то обрывки облаков...

Мрачные гранитные скалы тянутся к небесам. Горы кажутся нагромождёнными на горы. Они уходят своими вершинами в облака. У подножия их вечно бурлит такое же мрачное, как и суша, море... Вечно покрыто оно высокими валами, вечно гуляют в его просторе шквалы да ладьи ищущих добычи и при-

ключений викингов, не знающих над собой никакой власти, кроме собственной, никакого права, кроме того, что дают острый меч, сила да отчаянная храбрость.

В этот край стремится Святогор. Второй родиной должны ему стать угрюмые скалы, застланные туманами фиорды Скандинавии. Там он надеется рассеять тоску, подавившую всё его существо, забыть разбитые мечты и набраться сил для выполнения той задачи, которую он поставил целью своей жизни.

Эта задача — месть отринувшей его родине...

Мечь, беспощадная месть, на какую только способен человек, чувства которого не сдерживаются культурой.

Суровый, закалённый в постоянной борьбе с природой, с злой мачехой, народ живёт в том краю, куда направлял все свои помыслы молодой изгнанник...

Жизнь этого народа — борьба; удовольствие его — шум битвы. Отрадным в его жизни является одно только сознание, что после славной смерти на ратном поле не умрёт имя храбреца, и он, покончив счёты с жизнью, бу-

дет принят в светлую Вальгаллу, где ждут его валькирии, девы неземной красоты, а также беззаботная жизнь среди постоянных битв, чередующихся с шумными пирами.

Знает храбрец, что есть в страстно желаемой им Вальгалле огромный шатёр, весь созданный из копий храбрецов; пол шатра выложен щитами, скамьи покрыты кольчугами и панцирями. За столами сидят доблестные берсерки вместе с асами, отдыхая от шумных битв и наслаждаясь удовольствиями, на земле недоступными.

Удастся ли Святогору совершить берсерке-ранг[14]?

Да. Он надеется на это и верит в свои силы. Не для мирной спокойной жизни идёт он сюда. Прочь домашний уют! Шум сражений влечёт его. Под звон клинков он забудет свои мрачные думы. Он не боится смерти. В первой же битве далеко он отбросит от себя свой щит — на что щит храброму, которого ожидает блаженство в светлом чертоге Вальгаллы!.. И с одним мечом он кинется на врага. Пусть он погибнет в жарком бою. Что до этого? Память о нём не умрёт, и все, видевшие его

смерть, все, даже враги, назовут его берсерком.

Ближе и ближе заветный край. Славянские и норманнские ладьи прошли уже бурное Нево и по небольшой, но широкой и быстрой реке плывут к землям вожан, откуда уже и рукой подать до Скандинавии.

Всё веселее лица у норманнских ярлов — у Фарлафа, Руара, Инглота, Стемида. Всё чаще звучит в ладье Святогора громкий, трубному гласу подобный, весёлый голос Рулава.

Желанная родина близка.

Все ладьи прошли залив[15] и вышли в грозное Варяжское море. Близок Готланд. Ладьи оставили его слева от себя. Но как ни короток, сравнительно с пройденным, оставшийся путь, он представляет гораздо больше опасности, чем весь далёкий путь из варяг в греки.

Рыщут по морю викинги. Для них здесь всё равно: свой ли, чужой ли — были бы добыча и возможность отвагой блеснуть... Не задумаются они напасть на ладьи Фарлафа, даже несмотря на то, что ярл этот всем им хорошо знаком; вступят в бой неравный, постараются

отнять все богатства, собранные с таким старанием во время далёкого и трудного похода в славянские земли.

Знал это Фарлаф. Очень опасался он встречи с кем-либо из викингов. Поэтому удвоена стража на всех ладьях. Смотрят в оба часовые. И хранит кроткий Ниорд пловцов, посылает им попутный ветер и отводит опасные встречи.

Держит путь небольшая флотилия прямо на Упландию. За Готландом она разделилась. Фарлаф со своими пошёл влево, к Кольмару; славянская ватага, которую повёл Рулав, ни за что не пожелавший расставаться со Святогором, пошла на Рослаген, где она ожидала радужного приёма в Сигтуне от престарелого упсальского конунга Белы, охотно принимавшего к себе пришельцев из славянских земель.

Много живёт на Рослагене славян. Они как будто облюбовали этот полуостров, и редкие из них минуют его, являясь из далёкой своей страны искать счастья в угрюмую Скандинавию.

Как ни много их, но они, поселившись на

земле Белы, казалось, совсем отрешились от своего прошлого, позабыли родину и превратились в таких же скандинавов, какими были исконные обитатели этой страны.

Наши предки, отделённые от нас тысячей с лишним лет, очевидно, нисколько не уступали своим потомкам в способности растворяться во всяком народе, среди коего им приходилось селиться.

Они забывали родину, её обычаи, её быт, и, прожив несколько лет среди чужого им племени, перерождались и принимали от него всё, чуть не до внешности включительно.

Такова уж общая способность славянских народов.

Не только с победителями, но и с побеждёнными сливаются они и теряют самих себя в массе чужого народа.

При взгляде на карту, представляющую север Европы в современном нашем повествованию состоянии, мы прежде всего замечаем, что в Скандинавии даже в IX веке было мало незаселённых земель.

Конечно, очертания материка остались те же, что мы видим теперь, но распределение

земли было, само собой разумеется, совсем другое. Самым большим городом в Упландии, к которой принадлежал и населённый славянскими выходцами Рослаген, была Упсала. Но по своему значению нисколько не уступала ей и Сигтуна, лежавшая на берегу Варяжского моря.

Сюда приходили все гости, привозившие дорогие меха и другие товары из таинственной Бьярмии, из далёкой, притягательной Византии и из земель славянских. Здесь сбывали удалые викинги свою добычу, здесь же и набирали вольные дружины для отчаянных набегов на империю франков и на богатую Британию.

Сигтуна всегда кишела варягами, сходявшимися сюда ожидать приглашения викингов. В гавани этого приморского города всегда белели паруса. Не проходило дня, чтобы в море не раздавались трубные звуки, возвещавшие прибытие новых дружин. Не смолкал в Сигтуне шум пиров, ежедневно с утра до вечера звучали здесь песни скальдов, к которым примешивались вопли неутешных вдов, мужья коих прямо с поля битвы пересели-

лись в Вальгаллу.

Старый конунг Бела постоянно жил в Сигтуне. Он перебирался в Упсалу только на время тингов, собиравшихся, впрочем, довольно редко. Не жилось ему на берегах Мелара. Давно уже миновали те года, когда Бела сам водил свои дружины в битвы. Не суждена была ему богами смерть на поле брани. Много раз, отбросив далеко щит, кидался Бела в середину битвы, но боги не спешили дать ему славную ратную смерть. Стар он теперь и дряхл, нет уже сил водить дружины в походы; и придётся ему умереть не смертью воина, а смертью немощного старика. Но по-прежнему, может быть, по воспоминаниям прошлого, любит старый Бела гул моря, отраден для него шум победных пиров, пробуждают в нём память о былом гулкие рога удалых викингов.

Поэтому и любит он Сигтуну, а с Меларом и Упсалой связаны у него лишь воспоминания о быстро минувшем счастливом прошлом.

В Сигтуну к конунгу Беле и направлялась славянская ватага, которую вели Рулав и Святогор.

В радушном приёме они не сомневались.

2. В Скандинавии

Уровому краю, который должен был стать второй родиной для Святогора, соответствовали и его суровые нравы.

Самое воспитание готовило из юношей древней Скандинавии храбрых людей. Оно закаляло их...

Воспитываясь среди оружия, ребёнок рано приучался обращаться с ним и добывать зверя в лесу. Охота и другие упражнения, развивавшие в теле крепость и гибкость, развивавшие мужество и бодрость духа, принадлежали к числу особенно любимых развлечений. Молодые люди состязались в опасных прыжках с высоких гор, в прыжках через рвы, ручьи, лошадей, людей, и всё это нередко проделывалось с значительными тяжестями в ру-

ках. Были примеры, что молодые люди в полном вооружении совершали взад и вперёд прыжки выше своего роста. Саги упоминают о молодцах, которые быстрым прыжком в сторону уклонялись от стрелы или брошенного копья — если не успевали отразить их щитом. Если таких молодцов в пылу битвы окружали со всех сторон враги, то они легко перепрыгивали через них и так спасались. Бегание наперегонки, бегание на лыжах, плавание, взаимная борьба под водой — всё это закаляло юношей, готовило к тем трудностям, из которых состояла вся их последующая жизнь.

Высшим сословием в Скандинавии были ярлы. Они, по словам саг, происходили прямо от асов и отличались белой и блестящей кожей. «Храбрость была главным свойством каждого из них, — говорят саги. — Меч — его любимцем, жилище — постоянным станом, боевые труды — обыденной работой, а весь ярл был сильным и неодолимым войском...»

Обычай верховных правителей раздавать своим детям в вечное потомственное владение земли разбил Скандинавию на множе-

ство мелких государств, из которых каждое имело своего короля. У правителей была полная власть. Они собирали налоги, созывали тинги, вели войны и наследовали от отца к сыну. Но, несмотря на это, каждый поселянец в то время жил на своей земле, как король. Он решительно ни от кого не зависел, кроме самого себя. В древних законах Скандинавии поселянин — глава семьи — носил название «дротта», а также «иорд-дротта», «ленор-дротта», «лавардера». Над своими домашними — женой, детьми, слугами — дротт имел неограниченную власть. Во всех случаях он подлежал за них ответственности, расплачивался за вред, причинённый ими, мстил за насильственные поступки против них или брал вместо того виру. Пока сыновья жили дома, на отцовском хлебе, они не имели права ни продавать, ни покупать, ни нанимать слуг. Всё это было делом старшего. А тот в семье был одновременно и судьёй, и первосвященником, и главой семейства. Он разбирал ссоры между домашними, приносил домовые жертвы богам, был вождём своих людей при нападении или обороне в случае войны. Только он из

всех семейных имел право голоса на тинге и сходках, где решались общественные дела.

Такие преимущества давало в древней Скандинавии обладание землёй, которой было мало и обработка которой стоила больших трудов. Безземельные люди носили презрительное название «graessaeti», то есть «сидящие на голой земле».

Король, или конунг, как общий глава, заведовал всеми религиозными делами страны. Ему принадлежала высшая судебная власть в тяжбах и предлагались на разрешение все тёмные и запутанные судебные вопросы. Он начальствовал над военными силами, сухопутными и морскими, говорил на тингах, при совещании об общественных делах; конунг решал общую войну, от него зависело сохранить мир (сидеть дома) или посылать войска. Он мог требовать столько вооружённых людей и кораблей, сколько находил необходимым; он имел право назначать сроки своего отсутствия во владениях и, кроме того, на конунге же лежала обязанность защищать берега от набегов викингов, порой его же сородичей, и иных врагов, наблюдение за общим

спокойствием и наказание преступников.

Во время походов все были конунгу покорны.

Скандинавы знали, что весь народ не может управлять, а потому и относительно войны, мира и всего, что касалось общей безопасности и благосостояния страны, вверяли высшую правительственную власть одному лицу.

Конунг получал содержание с поместьев и денежных сборов, которые сначала были личной податью, или, вернее, добровольным приношением, а затем мало-помалу обратились в поземельный налог. Ещё в середине XI столетия всякий был обязан посылать положенные деньги и приношения на большие праздники в уплату. Это, вероятно, были те оброчные деньги «*eakaftrennting*», или «носовая подать», установленная самим Одином и упоминаемая в Инглинг-саге, — древнейший налог в Швеции, то же по происхождению, что и храмовая подать, исстари уплачиваемая в других землях.

Её собирали «с каждого носа». Это доказывает, что подать была личная.

Из доходов, военной добычи и дани, собиравшейся конунгами-завоевателями с покорённых ими земель, приносились народные жертвы и отправлялись все расходы на содержание конунга и правительства.

Впрочем, последние не могли быть слишком велики, так как весь народ составлял войско, вооружался, снаряжал суда и исправлял все нужды за свой собственный счёт. Число должностей было невелико, а самый образ жизни — прост, потребности — весьма ограничены.

Но конунги, как уже сказано было выше, должны были охранять страну от нападения соседей, а берега её — от набегов рыскавших всюду и искавших добычи викингов.

Для этого они содержали дружины, всегда готовые к походу и ко всякому военному предприятию. Дружины принадлежали ко двору конунга и составляли костяк его войска. Самые смелые и сильные люди набирались в эти дружины. Храбрая дружина была необходимым условием чести конунга. Свита из знаменитых воинов, по большей части соратников конунга, деливших с ним все опас-

ности военной жизни, составляла его отличие.

Само собой разумеется, дружинники со своей стороны стремились поступить на службу к тем правителям, которые были особенно известны своими ратными делами, любили войну и славились щедростью на подарки.

Некоторые дружинники всё лето проводили вне страны на королевских кораблях — для обороны берегов и спокойствия поселян. Другие предпринимали торговые и военные поездки за драгоценными вещами и добычей для конунга, третьи собирали дань с земель конунга, а остальные оставались при конунге как его личная стража.

Все вообще они назывались «гирдманнами», или «домашними людьми».

В такую дружину при конунге Беле и задумал вступить старый Рулав вместе со своим любимцем Святогором.

3. *Викинги*

*Войне от колыбели
Я жизнь свою обрѣк.
Сага об Олафе Тригвосоне*

О война и набеги всё-таки составляли главное занятие всех без исключения скандинавов.

Северные жители занимались воинским ремеслом и жили войной до самого того времени, когда христианская вера стала утверждаться на севере. Ничто не спасало от них — ни отдалённость Испании, ни великое могущество франков, ни ограждённые морем государства англосаксов, ирландцев и шотландцев, ни дикая храбрость и численное превосходство славян и чуди. Для грабежа викинги ходили к дальним и близким берегам, в страны никому не известные и к народам, назва-

ния которых они никогда не слышали. Без компасов и квадрантов они плавали по бескрайним морям, без осадных орудий брали укрепленные города и замки. Чёрное, Каспийское и Средиземное моря носили их флоты. Немецкое и Северное моря, а также Балтийское, с его утёсами и отмелями, были для них родными местами. С одной стороны они проникли до Ледовитого океана, открыли путь около Нордкапа в Белое море и посещали богатую Бьярмию; с другой стороны устремлялись они в Испанское море и через Гибралтарский пролив в Средиземное море, которого берега они также посещали и высаживались на почву Италии. От Нордкапа до Гибралтарского пролива они повелевали всем океаном и впадающими в него реками; Фарерские острова, Исландия, Гренландия и Северная Америка принадлежат к числу их открытий; между тем как эти страны, отчасти необитаемые, впервые населялись скандинавскими поселенцами, викинги переплывали Балтийское море и по ту сторону его покоряли славянские и чудские племена, в то же время другие викинги завоёвывали части

Франции, Англии, основывали государства в Ирландии и на Гебридах, овладевали Шотландскими островами, нападали на берег Шотландии. Одни сражались с маврами в Испании и на африканском берегу, другие — с теми же маврами на Каспийском море и посещали азиатские народы. У сарацинов они отняли Сицилию, у греческих императоров и ломбардских князей Южную Италию. Другие отряды вели войну с Грецией, защищали знамя и столицу империи, охраняли дворец и особу императора.

Так, словно на картине, является история викингов. Они разъезжали по всем морям и странам, разведывая, нельзя ли где сделать какое завоевание или приобрести владение, испытывали силы во всяких приключениях и опасностях и искали славы смелыми делами.

Непрестанные набеги на Британию во время долгой войны англосаксов с бриттами и счастье, с каким завоёвана была столь обширная страна, ещё более ознакомили скандинавов с бесконечным водным путём и обратили их устремления на юг.

Туда всё более привлекало их грозное ору-

жие Карла Великого, сильного государя франков. Карл воевал с саксонцами, покорил их и распространил господство франков до Эльбы. При этом он преследовал древнюю религию асов и распространял мечом христианскую веру. Всё это внушало северным народам страх, а вместе с ним — чувство злобы и желание отомстить. Усиливающееся могущество франков также мучило их. На самом севере в то же время совершились великие перемены по поводу низложения мелких королей, сначала в Швеции, а йотом — в Дании и Норвегии. Эти перевороты как бы пробудили и потрясли силы народа. Множество мелких королей и принцев были изгнаны на моря, и тогда морские набеги викингов прежнего времени, имевшие характер простых разбойничьих нападений, исчезают, как совершенно незаметные в сравнении с великими походами, которые начинаются в это время на севере и, подобно грозной буре, наводят ужас на всю Европу.

Два моря, окружающие Скандинавию, необозримый берег, шхеры с широкими проливами и бесчисленными бухтами, острова-

ми разной величины и утёсами, великая водная система, множество больших рек и озёр, пересекавших страну по всем направлениям, — такая местность как нельзя более способствовала развитию духа скандинавов. Притом они должны были добывать немаловажную долю своей пищи в суровой житнице моря. Все эти причины принуждали их делить свою жизнь, с небольшим отличием от амфибий, между сушей и водной стихией. Итог всего этого был тот, что они с детства дружили с морем и вырастали моряками. Огромное по отношению к малому количеству возделываемой земли население заставляло их искать чужих берегов для добывания мечом средств к жизни, которых было недостаточно дома. Море, как говорят древние саги, стало их летней родиной, поход — рабочей порой, военная добыча и грабёж — их жатвой; потому и один из праздников — великое весеннее жертвоприношение — посвящался победе.

В это время скандинавы очень редко обращали оружие друг против друга. И хотя между ними происходили кровопролитные ссо-

ры, долгих и гибельных войн не было.

Интересен отзыв о них одного из мудрейших монархов вновь образовавшейся империи франков — Карла Великого.

Однажды этот император находился в каком-то приморском городке Южной Франции.

Вдруг в гавани показались иноземные корабли. Одни приближённые Карла Великого считали их жидовскими, другие — английскими, третьи — африканскими, но все сходились в том мнении, что это корабли купеческие.

Однако Карл по типу их постройки и скорости движения угадал их назначение; он заметил: «Нет, не с товарами эти суда, а с ратными людьми!».

Конечно, немедленно подняли тревогу. Все схватились за оружие, но викинги (это были действительно они) заметили, что в городе находится сам Карл. Они не решились вступить в бой с могущественнейшим императором франков и, прежде чем войска успели собраться, повернули свои корабли и очень быстро исчезли в море.

Карл задумался. Он ясно видел возрастаю-

щую смелость этих пиратов и, предчувствуя много бед для своей ещё не окрепшей страны, сказал тогда:

— Много зла они наделают моим преемникам и их подданным!

И действительно, в конце VIII и в IX столетиях Британия и в особенности Франция подвергались беспрестанным набегам норманнских дружин. Английские, шотландские, французские, даже испанские и португальские летописи изобилуют рассказами об этих дерзких набегам. По словам северных историков того времени, в Скандинавии, начиная с королей, не было никого, кто бы в молодости не участвовал в морских походах. Лучшие свои годы проводили норманнские витязи на войне, отдыхая в своих жилищах от шума битв только очень короткое время.

Но особенно усилились дерзкие набег норманнов на Францию при Карле Плешивом (840-877 гг.), наследовавшего страну после брата своего Пепина. В первый же год его царствования норманнские дружины вошли с моря в Сену, взяли и сожгли Руан, много городков, ютившихся вблизи крепких рыцар-

ских замков. Почти всё время царствования этому королю приходилось дрожать за безопасность своих владений. В то время норманны были для него своего рода дамокловым мечом. Ими были выжжены Нант, Бордо, и в 845 году они прошли всю страну и даже появились под стенами Парижа. Здесь они хозяйничали по-своему. Стёрт был свирепыми дружинами с лица земли близкий к столице Франции монастырь Сент-Жермен-де-Пре, взят был и разграблен Линузен. В течение ещё нескольких лет злобствовали норманны в несчастной стране. Чем дальше, тем становились они смелее. Дважды в течение этого времени брали и грабили они Орлеан, а когда явились вторично к Парижу, то были уже настолько смелы, что ворвались в самый город и сожгли храм, возведённый в честь покровительницы города святой Женевиевы.

Неистовства их были так ужасны, что в церквях Франции того времени за обедней молились об избавлении «от ужасов норманнов», которых считали «бичом Божьим» — не менее, чем Аттилу, также в своё время нападавшего на Париж.

Карл Плешивый как будто не обращал внимания на эти набеги, предоставляя управляться с норманнами самим жителям. Дело, наконец, дошло до того, что вассалы Карла, не видевшие от своего сюзерена никакой помощи, возмутились против него и просили помощи у германского короля Людвига, но у Карла всё-таки оставалось много сторонников, и он прогнал явившегося было на призыв бунтовщиков Людвига.

Не мудрено, что в такое смутное время норманнские и варяжские дружины и из грозной Дании, с далёкого севера, стремились именно в эту несчастную, раздираемую к тому же внутренними раздорами страну. Британия была слишком бедна, тогда как страна франков с её рыцарскими, полными всякой добычи, замками считалась особенно богатой, и доступ к ней благодаря множеству бухт был лёгок и удобен.

Сколько в это время было стёрто с лица земли мелких городков, величественных рыцарских замков! Сколько пролито было крови!.. В общих чертах только упоминает об этом история, не перечисляя даже названий

погибших в огне, потонувших в крови поселений...

Древние французские летописи рисуют мрачными красками состояние страны после нападений викингов. «Стены разорённых городов, церквей и монастырей, — говорится в них, — поросли кустарником. Одни из жителей ушли на восток для поселения в дальних странах, другие готовы были лучше перенести все опасности, нежели покинуть отцовское наследие, но зато лишились всего имущества; некоторые, расторгнув связи, пристали к этим чужеземцам и, чтобы получить их доверие, поступали ещё свирепее самих врагов и погружали руки в кровь своих друзей и родных. На морских берегах — совершенное запустение, потому что жители бросились в укреплённые города; да и во всей прочей стране едва встречается какое-нибудь человеческое существо. Та же картина на севере и на юге, даже и внутри государства. Земля не приносила владельцам никаких доходов: виноградники и сады разорены; работники прогнаны; на больших дорогах не встречалось ни купцов, ни путешественников; могильная ти-

шина поселилась на необработанных полях; терновник и крапива покрыли плодородную почву».

Один духовный писатель, Бенедикт де-Сен-Мор, написавший в XII веке стихотворную летопись о герцогах Нормандии, оплакивает в сильных стихах унижение и бедственную участь франков, «принуждённых преклонить головы под иго ужаснейшего народа в мире»; ему кажется, что «потомство сочтёт невероятным позор и унижение, покрывшие некогда могущественный народ».

Но, кажется, добрые клирики и монахи, единственные историографы той поры, слишком преувеличивали страшные поступки норманнов и бедствие от них для Франции. Это особенно вероятно вот почему: церкви и монастыри были приютом французских летописцев, и к этим священным зданиям викинги преимущественно и направляли свои набеги, потому что могли получить там самую богатую добычу в виде золота, серебра и других ценностей.

Историки иных стран с удивлением говорят о высоком росте и красивой физиономии

норманнов; но французские летописцы не могут привести ни одного порядочного поступка норманнов: для них этот народ — «исчадие ада, порождение дьявола, свирепые язычники»; видно по выражению одного позднейшего норманнского историка, «что они писали дрожащей рукой, с застывшей от страха кровью, в дымившихся ещё развалинах своих монастырей».

Нередко, однако, те же самые летописцы высказывали горькие жалобы и на своих королей и их приближённых: все они, по словам летописей, несмотря на их христианское имя, «не удерживали рук от беззаконий», не гнушались никакого греха, но отнимали у церквей и монастырей их имущество и владения, жестоко угнетали народ, были безбожнее «моавитов, амалекитов и норманнов».

Отсюда ясно видно, что набеги северных витязей были ещё не самым большим бедствием.

Эти летописцы сетуют также на глубокую испорченность нравов своего народа и признаются, что как ни сурова участь, посланная стране в норманнских жестокостях, однако

же она — достойное возмездие за порочную жизнь всех народных сословий.

Новейшие историки ищут причины удивительных успехов и счастья норманнов в недостаточном управлении государством, в слабости правительства, в честолюбии и несправедливости вельмож. Распад империи по смерти Карла Великого не было бедствием как для неё, так и для народов и человечества.

Но беспрестанные дележи земель между государями, их шаткие взаимные отношения и продолжительные несогласия имели гибельные последствия как для них самих, так и для Европы. Временщики духовного и светского сословий властвовали везде: захватили целые области, незаконно присвоили себе права величества в своих герцогствах и графствах, иногда бунтовали против короля, иногда враждовали друг с другом. Презираемая королевская власть с каждым днём приходила в упадок. В жестоко угнетённом народе исчезла всякая воинственность; образ мыслей у всех становился рабским; ни в городах, ни в сёлах не стало участия к общему делу, никто

и не помышлял об общем благе. Обнищавшие и угнетённые народные сословия с охотой приставали к норманнам для отмщения своим притеснителям; даже многие вассалы для своих мстительных и властолюбивых замыслов нередко искали помощи у викингов и с этой целью даже помогали им занимать укреплённые города и замки.

Вот в общих чертах главные принципы воинских успехов разрозненных норманнских толп, делавших то и дело набеги на богатые земли Европы...

4. Черты из жизни скандинавов

*Гаральд Гарфагер сперва успокаивал
гнев,
а потом принимал решение.
Сага*

Днако в характере скандинавов, несмотря на их жестокость в военное время, были и многие хорошие черты.

Что бы ни говорили про грубые нравы норманнов — все эти разговоры далеки от истины.

Уверенность в человеколюбии и добродетели ближнего не была чужда им. Раздоры заканчивались нередко тем, что один из соперников отдавался в руки другого, предоставляя ему назначить наказание. Это благородное доверие к чувству справедливости обнаружилось в разных случаях жизни.

Вот несколько случаев, как нельзя лучше характеризующих скандинавов с этой стороны...

Один исландец, Торстен Фагре, убил другого исландца, Эйнара, за вероломство. Отец Эйнара решился с помощью Торгильса отомстить за смерть сына. Торгильс пал на поединке, а Торстен Фагре убежал и был объявлен на тинге вне закона.

Спустя пять лет он вернулся, пришёл к отцу Торгильса, Торстену Гвите, и положил голову свою к нему на колени.

Это был таинственный обряд, означавший, что он отдаёт жизнь в его волю.

Старик отвечал:

— Не хочу я твоей головы: ушам приличнее быть там, где они есть; распорядись моим именем, пока мне это будет угодно!

Другой исландец, Гисле Иллугесон, пришёл из Исландии в Норвегию, чтобы отыскать Гиафальда, убийцу своего отца. Гиафальд служил при дворе короля Магнуса Барфота Босоногого и пользовался его особенной благосклонностью.

Однажды, когда конунг отправился в Нидарос с дружиной, среди которой находился и Гиафальд, Гисле, улучив удобную минуту, вдруг бросился вперёд и нанёс Гиафальду смертельный удар.

Это было самое тяжкое уголовное преступление. Гисле схватили, заковали, бросили в тюрьму.

В это время стояли при Нидаросе три исландских корабля. Начальником одного из них был суровый и разумный Тейт, сын епископа Гиссура. Число всех исландцев на трёх кораблях простиралось до трёхсот человек.

Они собрались вместе и советовались, но не могли придумать, как им поступить в этом случае.

Наконец Тейт взял слово:

— Никакой чести нам не будет, если убьют нашего земляка, храброго собрата. Но все мы видим, что опасно приниматься за это дело и что оно будет стоить нам имения и жизни. Моё мнение таково: всем нам нужно идти на тинг. Если Гисле нельзя оправдать, то мы погибнем или выиграем наше дело, выбрав себе вождя.

Все отвечали, что согласны, и выбирают вождём его.

Потом отправились в баню. Но в ту же минуту затрубили сбор на тинг. Тейт выбежал из бани в одном белье и с золотой повязкой на лбу. Наскоро накинув на себя темно-красный плащ на белом меху, он явился к своим, которые в одну минуту собрались, чтобы опередить помощников конунга. Они опрометью бросились к тюрьме, выбили ворота и вынесли наружу Гисле; разбив его оковы, они отправились с ним на тинг.

Суд начался.

Одни говорили в защиту виновного, другие настойчиво требовали ему строгой казни за неслыханную вину.

Наконец сам Гисле вышел вперёд и просил позволения сказать несколько слов.

Когда конунг это разрешил, он продолжал:
— Я начну речь с убийства моего отца, которое совершил Гиафальд. Мне было тогда шесть лет, а брату моему, Тормоду, девять. Мы, дети, были свидетелями убийства нашего отца. Гиафальд грозился убить и нас, и, со-вестно рассказывать, государь, что рыдания душили меня.

— Так ты, — прервал конунг, — отвёл душу этим дерзким преступлением?

— Не запираюсь! — отвечал Гисле. — Долго подстерегал я Гиафальда, лелея кровавый умысел. Два раза случай мне благоприятствовал: но один раз я не хотел оскорбить святыни храма, а в другой раз удержал меня вечерний колокол. Я сложил про тебя песню, конунг, и желал бы, чтобы ты её выслушал.

— Если хочешь, — кивнул конунг, — расскажи её.

Гисле наскоро прочитал свои стихи. По-

том, обратясь к Тейту, он сказал:

— Много смелости вы показали. Но я не стану далее подвергать вас опасности. Отдаюсь во власть конунга и несу ему свою голову.

Сказав это, он снял с себя оружие, подошёл к конунгу и положил голову ему на колени.

— Делайте с ней, что вам угодно! — сказал он. — Буду благодарить вас, если меня простите и возьмёте к себе на службу, какую найдёте для меня приличной.

— Возьми назад свою голову и садись за стол на место Гиафальда. Подкрепи себя пищей и исполняй его обязанности!

Подобным же образом добыл себе дружбу и покой Торкель, сын Амундов, у великодушного и могущественного ярла Торфина на Оркадских островах.

Торкель лишил жизни Эйнора Рагнмундура, брата Торфинова, и однажды, нежданно явившись к ярлу, когда тот сидел у себя и пировал, положил свою голову ему на колени и сказал, что он может делать с ним, что угодно.

Это подействовало на ярла, он принял его,

как своего знакомого, и совершенно простил его.

Благородный образ мыслей норманнов не позволял вредить тому, кто, беззащитный, добровольно вверялся их благородству и великодушию. Положившись на сказанное великодушие, сын норманна Кетилла Раумура, девятнадцатилетний Торстен получил руку и сердце дочери одного готского ярла Ингемунда.

Храбрые, как это видно из вышеизложенного, и тогда, в эти отдалённые целым тысячелетием времена, владычествовали они, как и в наш нервный век, над кротким женским сердцем...

В Норвегии, в лесу между Раумсталем и Упландией жили разбойники. Дорога в этом месте считалась чрезвычайно опасной. Торстен хотел отличиться славным подвигом и пошёл туда, чтобы положить конец разбоям. Он нашёл тропинку, которая вела с большой дороги в чащу леса. Идя по ней, он пришёл к большому, хорошо выстроенному дому, вошёл в комнаты и увидел в них огромные ящики и много всякого имущества. Там сто-

яла кровать гораздо больше обыкновенных кроватей; казалось, что человек, спавший на ней, должен был быть исполинского роста. Она покрывалась прекрасным одеялом. Стол, находившийся в комнате, накрыт был чистой скатертью и уставлен вкусными кушаньями и дорогим вином.

Под вечер Торстен услышал сильный шум, и в комнату вошёл великан прекрасной и мужественной наружности. Он развёл огонь, умылся, вытерся чистым полотенцем, отужинал и лёг спать. Торстен, притаившись за сундуками, видел всё это, и когда великан крепко заснул, он, тихонько подкравшись, взял его меч и изо всей силы поразил его в грудь.

Великан быстро поднялся, схватил Торстена, затащил его на постель и положил между собой и стеною.

Спросив Торстена об имени и роде, он сказал:

— Всего меньше я заслужил смерть от тебя и твоего отца, ибо никогда не сделал вам вреда. Ты поступил чересчур опрометчиво, а я слишком медлил оставить сей образ жизни. Теперь ты в моей власти. Я могу пощадить те-

бя или убить. Но если я поступлю с тобой как ты того достоин, некому будет рассказать о нашей встрече. Кажется, будет лучше, если я сохраню тебе жизнь... Меня зовут Йокулл, я сын ярла Ингемунда, из Готланда. Подобно всем знатным людям, я старался нажать себе богатство, но не совсем честным образом, и уже решался удалиться отсюда. Если ты думаешь, что я совершаю благодеяние, оставляя тебе жизнь, то ступай к моему отцу, постарайся наедине поговорить с моей матерью, Вигдисою, и расскажи ей про этот случай. Передай ей мою нежную сыновнюю просьбу... проси, чтобы она вымолила тебе у ярла безопасность и дружбу и убедила его выдать за тебя мою сестру, Тордису. Ты отдашь ей это золотое кольцо; оно уверит её, что я точно послал тебя. Смерть моя принесёт ей много горя, но надеюсь, что она обратит больше внимания на мою просьбу, нежели на твой поступок. И предчувствие говорит мне, что тебя ожидает счастье. Если будут у тебя дети и внуки, не дай умереть моему имени: слава, которой ожидаю себе от того, будет мне наградой за великодушие к моему убийце... Вынь меч из

моей раны, и наша беседа окончена...

Торстен вынул меч, и Иокулл в ту же минуту умер.

Воротясь в отцовское поместье, Торстен сказал однажды отцу, что отправляется на восток, в Готланд, к ярлу Ингемунду, как обещал Иокуллу. Кетилл советовал ему не ездить.

Но Торстен отвечал:

— Сдержу своё слово, хотя бы это стоило мне жизни.

Он пошёл в Готланд и явился на двор ярла утром, когда ярл, по обычаю знатных людей, отправился на охоту. Торстен со своими спутниками вошёл в столовую. Вскоре пришла туда жена ярла и, увидев чужих людей, спросила, откуда они. Приветствовав её, Торстен изъявил желание переговорить с ней наедине.

Она отвела его в другую комнату.

— Я принёс тебе весть о смерти сына... — сказал гость.

— Печальна твоя весть, — отвечала Вигдиса, — но я всегда ожидала такого конца злодейской, беспутной жизни моего сына... Что

же заставило тебя пуститься в столь дальний путь с этой печальной вестью?

— Многое.

И Торстен откровенно рассказал ей обо всём происшедшем.

— Ты очень дерзок! — покачала головой Вигдиса. — Верю, что всё случилось именно так, как говоришь. И если Иокулл оставил тебе жизнь, то моё желание то же — чтобы ты остался жив, потому что тебя любит счастье. По просьбе Иокулла я скажу ярлу о твоём деле. Спрячься...

Когда ярл вернулся с охоты, Вигдиса подошла к нему:

— У меня есть новость, которая касается нас обоих.

— Не кончина ли сына Иокулла? — нахмурился ярл.

— Так.

— Он умер не от болезни?

— Ты угадал, — кивнула Вигдиса. — Он убит и много мужества обнаружил в последние минуты. Он пощадил жизнь своего убийцы и послал его сюда, в наши руки, со своим кольцом и желанием, чтобы ты оставил

посла в безопасности и простил ему преступление, как оно ни велико... Может быть, этот человек станет опорой тебе в старости, если примешь его в родство и выдашь за него нашу дочь Тордису. Это последняя воля Иокулла, который надеялся, что ты не отвергнешь его предсмертной просьбы. Как верно этот человек держит данное слово, можешь видеть из того, что он от родного очага отправился во власть врагов... Вот кольцо, присланное Иокуллом.

И с этими словами она подала ярлу кольцо.

Супруг тяжело вздохнул:

— Твоя речь длинна и дерзка, женщина. Ты хочешь, чтобы я оказал честь убийце моего сына, заслужившему скорее смерть, чем дружеское отношение.

— Надобно принять во внимание два обстоятельства, — заметила Вигдиса. — Во-первых, желание Иокулла и доказанную верность этого человека; во-вторых, твою старость... Тебе необходим помощник. А он на то очень способен. Если Иокулл оставил ему жизнь, хотя и мог убить его, если поступок

этого человека счастливо сошёл ему с рук, то для нас великая победа, когда мы, подобно умершему сыну, помилуем нашего ужасного злодея; в противном случае — стыд нам... поскольку мы сделаем зло тому, кто добровольно отдался в наши руки.

— Ты усердно защищаешь его, — продолжил ярл. — Замечаю, что он тебе понравился. Хочу и я взглянуть на него, чтобы понять, обещает ли его наружность что-нибудь доброе. Многое зависит от того, как он мне покажется.

Торстен был введён и представлен ярлу.

— Моё дело, — развёл руками он, — совершенно в ваших руках. Вы знаете, зачем я пришёл сюда. Прошу у вас мира, но не боюсь. На что бы вы ни решились!.. Впрочем, вожди обыкновенно дарят жизнь тем, кто отдаётся во власть их.

— Ты мне нравишься! — ответил ярл. — Оставляю тебе жизнь. И в наказание за убийство моего сына ты займёшь его место, если останешься у меня, поскольку наружность твоя много обещает. Да и неблагородно нападать на того, кто сам отдался в наши руки.

— Благодарю вас! — обрадовался Торстен. — И обещаю остаться с вами, пока вы живы. Но когда вас не будет, едва ли ваши люди доверят мне должность вождя, да и, кроме того, каждый идёт своей дорогой.

Ярл согласился с ним.

По его смерти Торстен вернулся в свою отчизну — в Раумсталь, в Норвегии.

Тот же Торстен, уже в глубокой старости, предчувствуя близкий конец, прекрасно сказал своему сыну Ингемунду:

— Всего больше радуется меня то, что я никогда в моей жизни никому не сделал несправедливости!

Ингемунд по смерти отца пришёл в Исландию, где сделался весьма значительным человеком.

Под старость пришёл к нему друг его Семунд и сказал:

— Меня навестил человек, о котором идёт молва, что он зол и что трудно ужиться с ним. Но он мне родня и зовут его Гроллеиф. Я просил бы тебя принять его с матерью к себе и дать им приют.

— Об этих людях, — отвечал Ингемунд, —

точно идёт дурная молва, а потому мне не хотелось бы принимать их. Но дабы не оскорблять тебя отказом, я как-нибудь принорюлюсь к ним, хотя и не предвижу ничего доброго, потому что сыновья мои никому уступать не любят.

Гроллеиф был действительно человек весьма упрямый и беспокойный. Несколько лет спустя Ингемунд принуждён был удалить его из дома и отвёл ему под жильё другой.

Однажды, спустя порядочное время, между сыновьями Ингемунда и Гроллеифа завязалась ссора на рыбной ловле. Старый Ингемунд в сопровождении одного раба поехал разнять их. Но когда спускался с пригорка к реке, вероломный Гроллеиф бросил в него копье и ранил его. Старик не обнаружил боли. Когда же сыновья разошлись, он поехал домой и сказал рабу, его провожавшему:

— Ты долго и верно служил мне, исполни же моё приказание: сходи к Гроллеифу и передай ему, что мои сыновья, как я надеюсь, ещё до рассвета потребуют у него крови отца... так я советую ему тотчас же скрыться; его смерть не отомстит за меня, а долг велит

мне защищать того, кому я дал приют в своём доме.

Вошедши с помощью раба в комнату, он сел в своё кресло и запретил подавать огонь до возвращения сыновей.

Когда они пришли и осветили комнату, то увидели, что старик сидел мёртвый, с копьём в теле.

Иокулл — один из сыновей, самый смелый и вспыльчивый, — пришёл в негодование. Он воскликнул:

— Это ужасно — что такой честный человек погиб от руки такого негодяя! Сейчас же, братья, пойдём и убьём Гроллеяфа!

— Ты слишком мало знаешь доброе сердце нашего отца, — отвечал другой сын, умный и кроткий Торстен, — если не подумал, что он постарался спасти своего убийцу. Надобно поступить не горячась, а подумавши. Пусть будет нашим утешением, что у нас был отец несколько не похожий на Гроллеяфа, за то великий Альфадур не лишит его небесных наслаждений...

Такое же благородство духа выказал другой скандинав — Аскель Годе.

В одной битве он предостерег неприятельского вождя не слишком вдаваться в опасность. Но тот не послушался и был убит. Один из близких его людей в силу этого искал случая отомстить.

В то время, как Аскель ехал в санях позади своих дружинников, он нанёс ему смертельный удар. Старый Аскель никому не сказал, что ранен, до тех пор, пока не скрылся убийца, потом убеждал детей не мстить за него.

Так рисуют саги благородный характер скандинавов.

5. Краса угрюмых берегов

О, женщины, женщины!
У. Шекспир

Тобы по возможности ярче обрисовать характер обитателей севера, мы должны познакомить читателя с их отношением к той

половине рода человеческого, которая в настоящее время считается и слабой, и прекрасной.

При всей своей закалённости и некоторой грубости нравов молодые люди севера были далеко не равнодушны к женской красоте. Любовь так же им была доступна, как и дружба. Скандинавы приносили прекрасному полу такие жертвы, каких нельзя бы и ожидать от людей того времени, от людей того воспитания. Для юноши-скандинава похвалы и любовь красавицы становились сильным побуждением к подвигам. Её благосклонность, как награда храбрости, составляет главную тему северных богатырских песен. Ради неё норманны пускались в самые отчаянные предприятия. Среди них считалось особенной славой добыть себе жену каким-нибудь отважным подвигом.

Красоту в те времена составляли высокий рост, могучие широкие плечи, хорошее сложение, соразмерные члены, светлые живые глаза и белый цвет кожи. Вообще на скандинавском севере особенно красивыми считались одни белокурые волосы, да ещё кашта-

новые. При описании красавиц в сагах никогда не забываются длинные шелковистые волосы.

Рагнар Ладброк, один из славнейших героев скандинавских саг, по смерти своей любимой жены Торы решил остаться вдовцом, вверил управление своим королевством сыновьям, а сам, как в дни юности, отдался жизни викинга. Однажды летом он был на море, близ Скангорета, в Норвегии. Люди его отправлены были на берег печь хлеб. Они зазевались и вернулись назад с подгоревшим хлебом. Извиняясь, они объяснили своему конунгу, что повстречали на берегу такую чудную красавицу, что, забыв о деле, загляделись на неё... И конунг простил их, пожелав, однако, узнать имя красавицы. Это была Крака, первая красавица Норвегии, и главной привлекательностью её, как передаёт сага, были «длинные волосы, касавшиеся земли и блестящие наподобие светлого шёлка».

После Краки замечательной красавицей саги считали исландку Гольгерду. Несмотря на свой высокий рост, она могла всю себя покрывать своими длинными волосами.

Но не одна красота была привлекательна для богатырей сурового севера.

Честные правила и красота женщины имели для северных жителей двойное достоинство, если соединялись со здоровым умом, с чувством собственного достоинства и твёрдым духом. Верили, что эти качества переходили от неё к детям, почему особенно уважались знатными женихами.

— Я выбирал для своих сыновей такую мать, которая передала бы им бесстрашное сердце! — говорил один из героев саг Ладброк.

Зато девушка требовала от мужчины воинственности, доказанной храбростью в морских походах. Она любила статный, высокий рост и воинственную осанку; мужественная наружность больше нравилась ей, нежели красивая, отличавшаяся, по тогдашним понятиям, трусость и слабость, вовсе неприличные мужчине; она отвергала стариков, однако же военную славу жениха предпочитала его юности.

Так, в одной саге норвежская королева Ингеборга, делая выбор между двумя женихами, отдаёт руку пожилому королю Гетрику, но от-

казывает Олофу, несмотря на его цветущую молодость. Она сравнивает их с двумя деревьями: одно со зрелыми плодами, а другое едва пустило весенние почки. «Дурно, — прибавляет она, — покупать неверную надежду».

Рангвальд, ярл, намереваясь внушить Ингигерде, дочери Олофа Скетконунга, склонность к её жениху, Олофу Дигре, говорил ей особенно про его подвиги и подробно рассказывал, как в одно утро он взял в плен пятых королей и присвоил их землю и богатства.

В этом же смысле говорит Рагнар Ладброк...

«Друг девушек, — поётся в посвящённой ему саге, — должен быть отважен при звоне оружия».

Домоседы, никуда не выезжавшие из отечества, не удостоивались никакого внимания девиц; подле таких... они едва могли сидеть.

Сами девушки не могли располагать своей рукой.

Отцы считали себя вправе заботиться о счастье дочерей. В то время, когда влияние родовых связей было очень сильно, все дела,

имевшие отношение к ним, считались весьма важными для мужчин и не могли отдаваться на волю женщины — тем более юной.

И сыновья слушались отцов, но больше из сыновнего почтения, нежели из подчинённости; отвечая сами за свои поступки, они могли и располагать ими, когда приходили в возраст мужества и переставали жить на отцовском хлебе.

Но дочери находились в безусловной воле отцов.

— Как отец я больше всех имею право располагать невестой! — говорит Тор Карлу Альвису. — Меня не было дома, когда просватали её. Но я один могу обручать её: тебе она не достанется без моей воли на то и никогда не будет твоей женой.

Однако же редко бывало, чтобы отцы, в каких бы то ни было случаях, пользовались отцовской властью во всей строгости. У них было слишком много чувства чести, чтобы тиранствовать над слабым полом. При брачном сватовстве они сначала узнавали расположение дочерей и матерей их и нередко отдавали это на их волю.

И братья поступали большей частью так же относительно своих сестёр, если со смертью отца наследовали его неограниченное право располагать их супружеством. Если же не было и братьев, это право переходило к ближайшему родственнику.

Женщина состояла под полной опекой мужчины: никакой договор её не имел законной силы без совета и утверждения близкого родственника.

Жених прежде всего обязан был обратиться к отцу невесты и передать ему предложение — *bon*. Оттого и сватовство называлось у скандинавов «*bonord*», то есть просьба. Кто отправлялся за сватовством, о том говорили, что он состоит в сватовстве. В путь за сватовством он надевал лучшее платье и отправлялся с отцом или ближайшим родственником. Когда предложение сделано и принято благосклонно, начинали договариваться о брачных условиях. Жених объявлял, сколько имения назначает будущей жене; это называлось «*Mundr, Kvanarmund*» — женский дар. Он объявлял дар, назначаемый отцу её, что называли «*ringaef*» — дружеский дар. Отец невесты

со своей стороны назначал сумму приданого, что было для его дочери вознаграждением за потерю права на отцовское наследство.

Дары состояли в золоте, серебре, рабах, скоте и домашней рухляди.

По норвежским законам самая маленькая сумма даров была назначена в 12 иор, даже для бедных.

Пока женщины не имели законных прав на наследство, эти дары с приданным составляли собственность жены и выдавались ей по кончине мужа. В случае развода она удерживала эту собственность, переходившую по её смерти к ближайшим её родным. Но если она умирала бездетной, то приданое её возвращалось к её ближайшим родичам, или наследникам.

Такой договор о дарах и приданом являлся непременным условием законного брака; он имел сходство с торговой сделкой, потому что оговаривались условия, на каких дочь семейства поступала в собственность мужа.

Договор утверждался в присутствии родных обеих сторон. Потом обручали жениха и невесту, причём молоток Тора, положенный

на колени невесте, освящал брак. На невесту надевали покрывало и соединяли им руки.

Девушка, вышедшая замуж без такого обряда, похищенная или захваченная на войне, считалась наложницей, каково бы ни было её происхождение, и дети, прижитые с ней, считались незаконными.

Норманны с такой строгостью соблюдали предписания нравственности, что до брака не позволяли никакого короткого общения между женихом и невестой. Гордые, неиспорченные люди гнушались преступлений против девственной чести, и всякое нарушение такого рода со стороны жениха считалось тяжкой обидой не только невесте, но и всей её родне.

Когда кто провожал невесту к другу или путешествовал с чужой женой, то древний обычай требовал, чтобы они, ночуя вместе на одной постели, клали между собой меч, в защиту целомудрия, или доску. На этот обычай намекают «Эдда» и другие саги.

Случалось, что брак откладывался на многие годы. Время отсрочки определялось при обручении: обыкновенно — на три года, в тех случаях, если невеста была очень молода или

жених мало узнал жизнь или же предстояло ему некое важное предприятие. В таком случае девушка называлась «Heitkona». Если жених не являлся по истечении срока, невеста могла выйти за другого. Но обыкновенным следствием была кровопролитная вражда, если жених по возвращении находил, что его невеста помолвлена за другого. Особенно тяжкой обидой считалось нарушение обещания до срока: это требовало кровавой мести. Вообще поединки за женщин случались часто. Потеря красивой девушки, разумеется, была неприятна; но сверх того страдало самолюбие гордых тогдашних женихов, когда они видели, что им предпочитали других, особенно если при том ещё нарушалось данное обещание.

В те времена, когда похищение девиц и чужих невест принадлежало к числу великих подвигов, путешествие обручённой в дом жениха нередко подвергалось опасности. Оттого жених обычно посылал за ней толпу вооружённых родственников и друзей.

Они должны были взять невесту под свою защиту и отвести её к супругу на супружеское

ложе. Их называли дружиной невесты. Под начальством дружки приезжали они, вооружённые, в дом отца невесты и требовали себе мира и безопасности от хозяина. Он давал им мир, отбирал у них оружие, а сёдла прятал под замок.

Дружка вместо жениха принимал приданое невесты. Попировав в её доме, дружина отправлялась вместе с ней, её отцом и близкими в дом жениха, где играли свадьбу. Вечером невеста с торжеством провожалась на брачное ложе. На другой день, в вознаграждение за девственность, жених делал ей подарок, называвшийся «hindragags gaef» — утренний дар. С этих пор молодая получала название хозяйки, *hausfreja*, и связка ключей за поясом означала её хозяйственные права. Все домашние заботы принадлежали хозяйке. Муж обязан был только доставать всё нужное для жизни. Но его личное участие в хозяйстве считалось не только неприличным для него, но и оскорбляло, по тогдашнему мнению, права супруги.

Главный надзор за всеми такими делами принадлежал хозяйке: она давала приказа-

ния служанкам, назначала им работу; в её же распоряжении находились рабы. Но тем только и ограничивалась власть домохозяйки. Во всём остальном она зависела от воли и власти мужа. Без его позволения она не могла ни покупать, ни продавать что-либо, ни выходить из дому для посещения родных, да и не могла оставаться у них более назначенного мужем срока. Она не имела голоса при замужестве дочерей. Муж мог наказывать её, как хотел.

Однако же скандинавы пользовались этой неограниченной властью над женщиной с такой умеренностью, какой, казалось, нельзя бы и ожидать при их воинственности: в этом участвовали чувство женской красоты в скандинавах, их мягкое и открытое для дружбы сердце; кроме того, походы и общественные обязанности, лежавшие на них, требовали частых, на многие месяцы, отлучек из дому; тогда все заботы о содержании дома лежали на хозяйке, если сыновья были ещё малолетние и находились в семействе; она была помощницей мужа, его утешением и опорой; по решительности, благоразумию и смелости она

не уступала мужчинам: всё это сообщало ей цену и значение в глазах мужа; он не считал её рабой, а уважал в ней разумную мать семейства, разделявшую с ним заботы о доме и детях. Да и не по душе ему было домашнее самовластие; самый дух государственного управления предписывал уважение к личным правам. Находили постыдным браниться с женщинами, а поднимать на них руку позволяли себе только в сильном раздражении, если они сами вызывали это беспорядочной жизнью. Древний образ мыслей в этом отношении виден в ответе Гарбарда Тору, который похвалялся, что прибил в Глессе каких-то великанок — злых и лукавых.

— Какой стыд, Тор! — сказал Гарбард. — Можно ли бить женщин!..

Но Тор оправдывал себя тем, что это скорее были волчицы, чем женщины.

Все древние саги свидетельствуют, что обращение мужа с женой запечатлено было любовью и уважением, не вредя значению мужа как главы семейства. Жена имела великое влияние на образ действий мужа. Она часто усмирляла его гнев, а иногда и сама подстрекала-

да на смелое дело; её советы и убеждения, если только были проникнуты умом и мужеством, редко не имели успеха. Часто смелость жены вызывала уважение мужа.

О счастливых супружествах саги повествуют сухо и просто: «Они жили друг с другом долго и счастливо». О многих мужьях они выражаются так: «Он любил её, как свои очи».

Нередко отчаянные вдовы не могли переживать мужей и умирали вместе с ними или, медленно снедаемые горем, доживали горькую жизнь. Вообще, можно сказать, что хотя по закону мужья имели неограниченную власть над жёнами, но на самом деле поступали с ними по правилам супружеской любви и взаимного уважения. В этом случае можно применить к скандинавам слова Тацита, что у них добрые нравы имели более силы, нежели хорошие законы в другой стране.

Этот угрюмый край пришёлся по душе славянскому изгнаннику... Его мрачность находила отклик в его наболевшей душе... Святогор чувствовал, что найдёт здесь успокоение.

Но кроме того, полная разных волнений и подвигов жизнь открывала пришельцу путь

6. Через десять лет

Прошли десять долгих лет...

Короткое северное лето подходило к концу. Всё короче становились дни, всё чаще хмурилось небо. Ветер — не тёплый, приятный, навещающий прохладу после жаркого дня ветер лета, а сердитый, грозный, шквалистый, поднимающий в заливах громадные волны, — дул по целым суткам. Близилась хмурая северная осень.

Чем короче становились дни, чем реже выглядывало из-за низко нависших свинцовых туч солнышко, тем мрачнее становилось побережье, и летом-то не особенно приветливое. Точно шапкой некоего сказочного великана покрывались дымкой тумана утрюмые гранитные скалы. Поблекли, притихли леса,

только с заливов доносились рёв волн и вой ветра, наводящие страх.

Край в это время казался как бы вымершим. Не красовались в водах залива паруса смелых викингов, спешивших на отдых в родные гавани, не слышался весёлый шум пиров, все обитатели попрятались в свои жилища и не решались выходить из-под кровли.

Да и мало их было на полуострове. Воины всё ещё в прошлое лето ушли, и нет о них никаких известий... Где-то они теперь? Что-то с ними?

Может быть, со своими удалыми викингами бьются они под стенами гордой Лютеции, может быть, хозяйничают на землях британских, а может, и в другие дальние моря увлекла их беззаветная удаля. Кто из них жив ещё и великого Одина славит, кто костями лёг на поле брани...

С тревогой, с замиранием сердца вглядываются каждое утро женщины Сигтуны в бушующие волны залива: не покажется ли вдали среди пенящихся и ревущих бурунов парус, не придёт ли долгожданная весточка, ведь у них там мужья, у других — братья, отцы, а у

третьих... те... кто во все времена и у всех народов сердцу девичьему всегда был мил и дорог.

Тоскует, ни на минуту не зная покоя, и дочь старого конунга Белы.

Сед, дряхл, угрюм старый Бела. Выцвели за многие годы его глаза; стали белы, серебристо белы, как первый снег, его волосы; кожа вся в морщинах, а посередине лба залегла глубокая складка — след дум глубоких, тревожных и тяжкого горя...

Много, много этого горя перенёс седой Бела. Нужна была вся крепость норманнская, вся мощь северная, чтобы выстоять против него, не пасть в непосильной борьбе с ним. Сын Белы — красавец писанный, Ингвар, надежда старика и всех сигтунцев, — сложил свою буйную голову в битве со свирепыми британцами, и остался Бела среди народа своего один-одинёшенек с малюткой-дочерью Эфандой.

Вспоминалась старому конунгу и другая потеря, менее тяжкая, чем потеря сына, но всё-таки сильно потрясшая его сердце.

Был у него племянник, сын его брата, пра-

вителя далёкого Урмана, Олоф. Был он молодец, каких мало и среди неукротимых сынов севера насчитывалось. Смелость и отчаянность его в пословицы вошли, и за них он стал любимцем самого грозы всей Европы ужасного Гастингса, друга-воспитателя славного Бьёрна Иернсида, сына старого Ладброкка. Вместе с ними ходил он в дальние набеги и не вернулся из одного из них...

Что случилось с ним: пал ли он в битве с врагами, попал ли в неволю — осталось для всех глубокой тайной. Видели Олофа, бившегося с франками в первых рядах, а потом вдруг исчез у всех из глаз, и с той поры не было о нём ни слуху ни духу.

Все жалели храброго молодца, более всего томились неизвестностью, но шло время, а время излечивает всякие раны. Олофа стали забывать, память о нём сохранялась только в сердце старого Белы, его любимца Святогора, да иногда вспоминала о нём Эфанда.

Святогор и Олоф большими были друзьями. Личные качества их — храбрость беззаветная, презрение к смерти — соединили двух молодцов, и перед тем, как пропал Олоф,

решено было между ними совершить обряд побратимства, который их, чужих по крови, превратил бы в самых близких людей.

Но, видно, не суждено было этому свершиться...

Дал тогда клятву Святогор во что бы то ни стало узнать, что случилось с его другом, и принести весть о нём старому Беле; но напрасно искал он его и в Британии, и у франков, нигде не было слышно об урманском князе...

Старый Бела даже и надежду всякую потерял. Горевал старик, стараясь всеми силами скрыть своё горе от посторонних. Неприлично, в самом деле, старому воину показывать слёзы своим соратникам.

Только Святогор, часто видевший грустное лицо старика, понимал, какие тяжёлые сердечные муки он переживает.

Мучился Бела, главным образом, из-за того, что не на кого было оставить ему свой народ. Нет у него наследника, а чужого — вот Святогора хотя бы — не согласится он поставить во главе своего тинга.

Вот Эфанда... Но молода она. И женщина...

Шли годы и прошли. Эфанда стала девуш-

кой. В красавицу-мать она вышла лицом — распустилась на севере дальнем пышная роза. Только в снегах, только среди угрюмых гранитных скал сурового края может уродиться такая красота. Сколько молодцов на неё заглядывались, а варяги только лишь из-за возможности поближе к ней оказаться в Сигтуну, в гирдманны к старому Беле шли; у других конунгов и чаще ладьи снаряжались, чаще военный рог на поле брани воинов созывал, а всё к старому Беле народ пришлый валил, как будто у него и приветливее, и теплее было.

Особенно много людей сходились к старому Беле из земель славянских. И с Ильменя, и с Днепра. И из стран болгарских к нему сходились молодцы и селились поблизости от него. Старик никого от себя не прогонял, всем привет у него находился, всем и приют всегда был.

Живо помнит Бела, как к нему явилась на поклон славянская ватага. Все молодец к молодцу были: рослые, плечистые, здоровые — кровь, что говорится, с молоком. А среди них невольно привлёк к себе внимание старого

конунга один молодой красавец варяг.

Давно это уже было. Уж десять раз после этого бушевал осенней порой залив. Не затянулась ещё сердечная рана старика. Как раз незадолго до этого его сын ненаглядный в чертог Одина после жаркой битвы с британцами ушёл, а тут юный пришлый варяг живо напомнил ему его. Вот и тот такой же молодой был, и у того, как у этого, всегда на лице был заметен отпечаток тайной грусти.

Невольно почувствовал симпатию Бела к молодому варягу и в свой дом его принял. Не то чтобы за слугу, — на это бы никто из пришлых варягов никогда не согласился, все они жаждали славы ратной, добычи воинской, не рабами, а свободными людьми явились они сюда, и здесь ни у кого рабами никогда не бывали, — а принял Бела юношу как близкого своего, родного и с тех пор редко с ним разлучался.

Ходили рослагенцы в набеги вместе с соседними викингами, — не всё же молодцам сложа руки сидеть, — и в этих набегах много славы воинской стяжал себе славянский варяг Святогор...

Про его удадь даже скальды начинали саги складывать...

Как будто смерти искал он в шуме кровавых битв, как будто только на поле брани отдышал он от тяжёлых душевных мук. Разъярённым львом кидался Святогор в самую сечу, со свистом врубалась его секира в гущу неприятеля. Кругом, как подкошенные, валились сражённые вражескими мечами товарищи, а он один оставался жив и невредим — сама смерть как будто боялась его.

И лишь только затихали грозные сечи, лишь только охваченный смертельным испугом бежал враг с поля битвы, снова отпечаток невыразимой тоски появлялся на лице варяга. Поникала его гордая голова, потухал его взор — и тени прежнего храбреца как не бывало...

Не мог забыть Святогор прошлого, не мог он забыть Любуши и своей ужасной клятвы. Ждал он времени, а время всё не приходило.

Так множились годы.

Святогор всё мужал. Из юноши он уже обратился в зрелого мужа, и на лбу у него залегла глубокая складка, а он всё ещё не терял на-

дежды на отмщение за свою разбитую жизнь, за своё разбитое счастье.

Рулав ни на шаг с того самого времени, как вызволили его из рук кровожадных жрецов, не отходил от него. Так и остался навек старый норманн со своим любимцем. Годы для него, казалось, не имели никакого значения, только шрамов ещё более прибавилось на теле, но это Рулава нисколько не смущало. По-прежнему был он всегда весел, задирист, к старому мёду пристрастен; а если случалось ходить в набег, то так же, как и в молодые годы, не давал он спуску ни одной из мало-мальски смазливых женщин опустошённого края.

И нельзя сказать, чтобы те особенно обижались на него... Без всякого кровопролития из побеждённых они становились победительницами...

Только на своего любимца с глубокой тоской поглядывал старик Рулав. Не нравилась ему эта постоянная печаль Святогора.

«Да что он? Неужели всё ещё не забыл старое? — думал иногда старый норманн. — Пора бы... давно пора позабыть... Сколько девиц

на него заглядывается!.. Вон и Эфанда, едва подросла только, так и глаз с него не спускает. А Святогор хотя бы улыбнулся ей. Не замечает даже девочку...»

Прав был старик: пленил славянский богатырь гордое сердце северной красавицы.

Эфанда и сама не могла дать себе отчёта, как такое случиться могло. Много варягов было у её отца. Если на всех заглядываться да обо всех думать, так и сердца девичьего не хватило бы.

Всегдашняя печаль молодого варяга тронула сердце Эфанды.

Таковы уж испокон веков женщины всех народов. Печаль, страдания сильного мужчины влекут их, пробуждают в них свойственное всем дочерям Евы любопытство. Хочется узнать непременно, о ком грустит молодец, какая сердечная тайна мучит его... а потом зарождается сострадание, появляется жалость, от последней же до нежного чувства — один шаг.

И сама не знала Эфанда, как она полюбила его.

Томится девичье сердце, пылает она нераз-

делённой страстью, и хочется, страстно хочется сказать об этом любимому человеку, да мешает женская гордость. Пусть он сам сперва своё сердце, свои думы откроет.

Вот теперь ушёл Святогор с викингом Фритьофом в далёкий набег. Давно бы должны они были вернуться — время бурь наступило, а нет как нет северных удальцов.

Томится Эфанда, на части разрывается от тоски её любящее сердце, подолгу простаивает она, дочь старого конунга Белы, на берегу бушующего залива и всё напрасно; не видно на горизонте желанного паруса, не приходит и весточки о северных удальцах.

7. С ВИКИНГОМ

Тот, о ком тосковала дочь Белы, был далеко-далеко от угрюмого северного края, ставшего для него второй родиной.

Было засиделись без ратного дела северные смельчаки. Никто не звал их в далёкий набег, пока они, наконец, не услышали призыв одного из викингов — храброго Фритьофа, решившего попытать счастья. Стоило ему кликнуть клич, как собрались отовсюду смельчаки, готовые делить с ним и ратные опасности, и добычу.

Святогор был между ними одним из первых. Одолела его тоска, давно не слышал он горящего кровь шума битвы.

И Рулав не отстал от него. Оба они, отпущенные искать своё счастье старым Белой, явились во главе прижившихся в Скандина-

вии славянских варягов. С радостью принял Фритьоф удалцов и назначил Святогора начальником над ними.

Он знал, что за Святогором славянские варяги пойдут в какую угодно опасность, а они в битвах уж были народ испытанный, многих из них называли берсерками.

В рослагенской дружине состояли не одни только пришельцы. Среди славян явились к Фритьофу два молодых храбрых ярла Аскольд и Дир, жившие между собой очень дружно и ни в какие дела и набеги один без другого не пускавшиеся.

Аскольд и Дир, несмотря на своё высокое происхождение, были преданы безвестному ильменскому выходцу. Мало того, они даже любили Святогора и ни за что не променяли бы его дружбы на чью-либо другую. Совсем ещё юношами они были поручены их родителями Святогору и первые свои морские путешествия начали вместе с ним.

При громких звуках рогов отплыли ладьи со смельчаками, отправлявшимися за добычей. Какое будущее ждало их — об этом никто не думал. Все были веселы, все шли на смер-

тельную опасность, как на долгожданный праздник, доверяя свою жизнь кормчим и утлым судёнышкам...

Суда викингов, на которых герои пускались в дальние и опасные плавания, обыкновенно строились заострёнными с обоих концов и им придавался вид драконов, змей или других животных. Передняя часть судна имела сходство с головой животного, а задняя — с его хвостом. Борта кораблей обносились высокими деревянными брустверами, как для того, чтобы не дать неприятелю сцепиться для рукопашного боя, так и от напора волн при сильной буре. Деревянные брустверы, или широкий край, обходили кругом всего корабля; сам бруствер на всякой стороне имел ворота, через которые можно было выходить на края. Посередине корабля возвышалась единственная мачта, устроенная таким образом, что её можно было снимать и опять ставить, смотря по надобности. Кроме того, многие суда имели бушприт, который по желанию убирался и выставлялся. Передняя и задняя части корабля были крытые. В первой находился вестовой, в последней —

кормчий. Место для гребцов называлось «Roderkult» — гребцовое место. Средняя часть корабля, krarrkaum, назначалась для войска и накрывалась палаткой из толстого сукна или парусины — для предохранения людей от действия непогоды. Обыкновенно предпочитались палатки чёрного цвета. Перед сражением их снимали из опасения, чтобы они не свалились. В передней и задней частях судов находились черпальни. Насосов в то время не знали, и несколько человек из экипажа всегда были заняты отливанием воды вёдрами, если море волновалось.

Все суда, назначаемые для военных походов, имели общее название длинных кораблей. Один род их назывался «шнеки» — узкие и продолговатые, с низким бортом и длинным носом. Эти быстрые на ходу суда обычно употреблялись для предприятий, требовавших поспешности. Аши отличались от других величиной. Каждое вмещало до ста человек. На таких ашах норманны совершали нападения на Саксонию и Фрисландию и назывались по ним «ашманнами».

Крепки и удобны для войны были эллиди

различных размеров и обыкновенно обитые железом.

Наконец, драхи, или драконы, — особенно великолепные корабли военных флотилий. Они велики, прочны, с высокими бортами и резными украшениями. Своё название они получили от драконовой головы на корабельном носу и хвостобразной кормы. При распущенных парусах они, в самом деле, весьма походили на драконов. Саги описывают множество таких кораблей. Длина их была различной, смотря по числу весел. Упоминают об одном корабле в 70 весел; он был, вероятно, очень широк, а высотой походил на замок. Вообще скандинавы украшали свои суда чрезвычайно пышно. «Они, — по словам одного современного учёного, — имели полное право щеголять кораблями, потому что не было ни одного народа, равного им в мореплавании». Некоторые расписывали свои суда белой и красной краской; другие делали полосатые паруса, многие раззолачивали носы кораблей; зачастую покрывались золотом и кормы; в ясную погоду борта судов увешивались позолоченными, раскрашенными щита-

ми... Всё это вместе составляло прекрасную военную картину. У всех больших кораблей имелись особенные названия. Скандинавы, как правило, отличали собственным именем дорогие для них неодушевлённые предметы и тем самым возводили их в степень живых существ. Особенно одушевляли корабль: как герой обращается в сражении с просьбой к верному мечу, так и мореход, в минуту бури или иной опасности, говорит ободряющие слова кораблю. «Счастливый путь, Эллиди! — говорил Фритьоф своему великолепному судну. — Мчись по волнам, бей в чело и зубы чародейку, в щёки и подбородок злую женщину, ломай ноги у чудовища!» И Эллиди слушался, потому что понимал голос человека, и сокрушал хребет чародейки.

Во главе всей флотилии шёл корабль викинга Фритьофа.

Он в передней своей части имел главу дракона и оканчивался рулём в виде хвоста. Распущенные паруса его походили на крылья, и благодаря всему этому он имел вид грозного морского чудовища, вынырнувшего на поверхность из таинственных глубин океана...

С первого же выхода в открытое море смельчаков ждала опасность. Викинги не только делали свирепые набеги на чужие страны, но порой не щадили и друг друга при встречах.

Так случилось и на этот раз...

На рассвете второго дня похода, когда флотилия была уже в Варяжском море, с лодки Фритьофа заметили на горизонте несколько парусов. Зоркие, привычные к морской дали глаза моряков тотчас же различили, что эти паруса принадлежат ладьям датских викингов. Действительно, очень скоро прояснились силуэты людей, и в виду флотилии Фритьофа очутились четыре чужие ладьи...

Лишь только ладьи сошлись на такое расстояние, что можно было слышать голоса, между той и другой флотилиями завязались разговоры. По устоявшейся традиции, между встретившимися должна была завязаться битва. Фритьоф не боялся ни за себя, ни за своё дело, но, не желая лёгкой борьбы, тотчас же отослал прочь все варяжские корабли, так что силы викингов уравнились.

Переговоры начались, как водится, с креп-

ких слов. Каждый старался в этом бескровном состязании по возможности сильнее унижить недруга.

— Мы возьмём ваши корабли! — кричали датчанам люди Фритьофа. — Мы завладеем всем вашим имуществом, а вас отправим в пищу рыбам, если вы сами добровольно не отдадите нам всего, что имеете, и не прикнётё к нам...

— Среди нас вряд ли найдётся кто-нибудь, кто устроится вас! — злобно щурили глаза датчане. — Хотя вы с виду и сильны, но всё-таки слабее самых плохих рабов, которые с нами.

— Уж не воображаете ли вы, — закричал громовым голосом сам Фритьоф, задетый за живое наглыми речами, — что мы не осмелимся взглянуть на вас, пока вы живы?.. Готовьтесь-ка лучше к смерти!

Начался бой. Морские хищники с шумом, воплями, свистом и грохотом обрушились друг на друга. Сильные руки взмахивали секирами и наносили сокрушительные удары; распадались пополам щиты, ломались панцири, в куски разлетались шлемы. Но это

продолжалось не долго. Встреченный викинг был побеждён, сдался и, узнав о цели похода, не замедлил присоединить свои ладьи к ладьям Фритьофа.

Варяжская дружина во всё время сражения безучастно стояла в отдалении, не смея явиться на помощь своему начальнику.

Когда дело было улажено, соединившиеся флотилии пошли далее, как будто между ними не было только что кровавой стычки.

Таковы были древние обычаи морских хищников севера.

В море к ним присоединились ещё несколько ладей смельчаков. И флотилия образовалась довольно большая. Впереди её на богато украшенной ладье шёл Фритьоф, следом за ним — несколько ладей со славянскими варягами. И потом — остальные.

Собственно говоря, никто не знал, куда ведёт свои ладьи Фритьоф. Все люди отдались безусловно его воле и не решались даже спрашивать своего начальника о конечной цели. Знали они, что неизвестность цели в начале пути викинга — залог грядущего успеха. Набеги викингов всегда отличались неожидан-

ностью. Они застигали врагов врасплох, неподготовленными. Ограбив врага, викинги скрывались в морском просторе так же быстро, как и приходили. Они отлично знали, что франки, бритты страшатся их, что в них они видят наказание за грехи. И если им не удавалось взять добычу прямо с жителей несчастной страны, то они брали её у её правителей... И слабые преемники Карла Великого не считали постыдным откупаться от викингов золотом и серебром, не понимая, что эта слабость привлекает в их страну всё новые толпы удальцов.

На таких же основаниях шла в набег и дружина Фритьофа.

8. В морском просторе

—
одно грустить! Гляди, какое раздолье! — хлопнул по плечу Святогора старик Рулав. — Несёмся, как вольные птицы. Знать ничего не хотим, все веселы, все довольны. Только ты один угрюм.

— Ах, Рулав! — вздохнул Святогор. — Никогда, никогда не развеселиться мне вновь. Всё потеряно для меня. Родина... потеряна навсегда.

— А помнишь, что сказала колдунья?

Святогор горько рассмеялся:

— Мало ли, что она сказала! Её слов и понять было нельзя.

— Чего понятней!.. Ты станешь повелителем половины мира.

— Когда я превращусь в сокола...

— Её слова имели иносказательный

смысл. Жди, она верно гадает... Многие её предсказания сбылись... Только перестань ты грустить по своей Любуше. Взгляни, как на тебя засматриваются наши девы. Любая готова всё отдать за ласковый твой взгляд. Эх, если бы я был на твоём месте!.. Вот хотя бы Эфанда...

Лицо Святогора вспыхнуло ярким румянцем. Слова Рулава навели его на мысль, что недаром краснеет в его присутствии дочь старого Белы, недаром она опускает свои прекрасные голубые глаза, лишь только встретится с его взором... Молодой варяг закрыл глаза. В памяти его на мгновение, как живой, встал образ Любуши, но потом он как-то потускнел, стушевался, и вместо Любуши поднялся перед глазами образ юной Эфанды...

Северная красавица полным любви взором смотрела на него. Варяг почувствовал, как сладко забилося в этот миг его сердце...

— Нет, нет, этого не может быть! — в забытьи воскликнул он, хватаясь обеими руками за голову.

— Чего не может быть? — не понял Рулав, заметивший волнение своего любимца. — По-

желал бы бог — и всё возможно!

— Оставь меня, старик! — раздражённо бросил Святогор. — Дай мне побыть одному!

Рулав молча отошёл от него. Спустя минуту его голос, его смех уже раздавались с кормы.

Ветер крепчал. Шквал налетал за шквалом, вздымая высокие волны. Ладью бросало, как мячик. Но Святогор не замечал этого. Он подставил разгорячённую голову под порывы свежего морского ветра. В думах он был далеко...

То прошлое рисовалось ему — покинутая родина с вечно бурлящим Ильменем, в ушах так и гудели призывы новгородского вечного колокола, отчаянный предсмертный вскрик Любуши, — то всё разом менялось... и рисовались одна другой лучше картины новой родины, её красивые скалы, непроходимые леса, полные таинственности фиорды, и всё это затмевал собой, сменял в воображении милый образ Эфанды...

— Нет, невозможно! — шептал сам себе Святогор. — Кто я, кто она? Дочь конунга и скиталец... Человек без рода, без племени, от-

вергнутый родными, проклятый слугителями богов.

«Владыкой полумира приветствую тебя», — шептал как бы в ответ на это неведомый голос слова колдуньи.

Наступила ночь, непроглядная северная ночь. Не приходилось и думать о том, чтобы пристать для ночлега к берегу. Фритьоф вёл свою ладью по звёздам. Он был привычен к таким путешествиям и хорошо знал путь. Знал его и Святогор. Всю эту ночь он провёл на палубе ладьи и только к рассвету усталость заставила его преклонить голову...

Однообразно потянулись дни плавания. Далеко от берега не отходили. Только раз Фритьоф перекинулся с одной стороны залива на другую. Тут все и поняли, что он ведёт на богатую Францию.

Многие из шедших с Фритьофом уже бывали там.

— Напрасно задумал он такое дело, — ворчали седые рубаки. — Слишком мало нас. А там одной смелостью ничего не возьмёшь, нужны руки... Не дойдёшь до Лютеции, а в других местах и делать нечего...

— Всё равно! Хоть потешимся! — отвечали им. — Столько времени отдыхали...

Впрочем, богатая страна манила всех искателей приключений одинаково. Они знали, какой ужас наводили на мирных обитателей предыдущие набеги, более грозные, ибо в них принимали участие не отдельные викинги с малыми отрядами, а весьма известные конунги, собиравшие к себе людей и с побережья Скандинавии, и из Дании.

Один Святогор более всех радовался, когда узнал, что набег готовится на богатую империю франков.

После того, как Рулав открыл ему глаза, указав на сердечную тайну Эфанды, и вместе с тем напомнил предсказание старой колдуньи, славянский герой как будто переродился...

Новая цель вдруг явилась в его жизни.

Владыка полумира! Как сладко звучали для неизвестного славянина эти слова! Что хотела сказать колдунья?.. В самом деле: впереди у него может быть открыт путь к славе!.. Кто знает, например, чем станет для него этот поход?.. Может, Святогор обретёт в нём такую

славу, что затмит она славу Гастингса, чьё имя с трепетом произносилось повсюду, и самого Бьёрна Иернсида, этого непобедимого владыки морей, а тогда... тогда и Эфанда согласится быть его подругой до конца дней.

Так мечтал молодой варяг.

Рулав теперь с радостью замечал, как лицо его любимца всё чаще озаряла счастливая улыбка.

— Слава светлomu Бальдру! — прищёптывал старый норманн. — Он стал забывать прошлое... Жаль было молодца. Но теперь он, кажется, оправился совсем и в прекрасном шуме сечи позабудет о своих несчастьях...

Всё ближе берега страны франков. Ветер постоянно дул попутный. Весел Фритьоф, и веселы все его спутники. Скоро уж, скоро начнётся кровавый пир. Будет молодцам хорошая пожива!..

Когда ладьи уже подходили к берегам Франции, разразилась ужасная буря...

Фритьоф задолго до того заметил признаки её приближения и созвал к себе на ладью всех других предводителей:

— Верные мои друзья! Вот-вот с высоты

небес загремит грозный Тор. Вижу, как почернели воды морские, чувствую свежий ветер я, дующий из страны вечных льдов и снегов. Кто знает, что ждёт нас в страшной буре!.. Волю богов никому из смертных постичь не дано... Выслушайте мои слова на случай несчастья. Коли разведут шквалы наши лодки, тут уже каждый пускай думает о своём спасении. А когда буря утихнет, пусть все, кто останется невредимым, соберутся к устью той реки, которую франки называют Секваной. От неё мы и тронемся далее. Много будет на нашем пути богатых замков, много в них накоплено всякого добра. Всё оно должно стать нашим!

Крики восторга были ответом на его слова.

— Тебе, Святогор, я поручаю главное начальство над всеми варягами моими. Я знаю твою храбрость. Кто же из норманнов не хочет идти с тобой, пусть переходит на мои суда!

Никто, однако, не воспользовался этим предложением викинга.

Не успели вожди разъехаться по своим ладьям, как исполнилось предсказание Фритьофа. Покрытое чёрными тучами небо прореза-

ла ослепительная молния, загремели раскаты грома, совсем почернел океан; всё выше и выше вздымались грозные волны... Налетел шквал, за ним — другой, третий. Всё кругом потемнело. Водная пустыня, казалось, слилась с низко нависшими над ней свинцовыми тучами... Ладьи закружились, заливаемые волнами.

Действительно, в это время каждому только о себе и приходилось думать... Были моменты, когда Святогор уже не верил в спасение своей ладьи. Ветер с исполинскою силой нёс её куда-то вперёд...

Вдруг до слуха Святогора донёсся ужасный рёв прибоя; волны в бешеном беге ударялись и разбивались о неодолимую и вечную преграду скал.

В тот же миг раздался отчаянный крик одного из моряков:

— Берег под ветром! Нас несёт на утёсы!..

Крик этот ещё не унесло ветром, как ладья ударилась обо что-то твёрдое. Послышался треск ломающегося дерева, с грохотом сокрушающая надстройки, упала за борт мачта.

— Спасайся! Выкидывайся на берег! —

крикнул Святогор.

Смертельная опасность придала варягам сил. Их к тому же ободрило то, что ладья (все-го ладей у Святогора было три) была вынесена ветром прямо в бухту... Море здесь оказалось сравнительно спокойным. Осмотрелись. Нигде на горизонте не увидели ни одного из судов, принадлежавших флотилии Фриттьофа.

9. Набег

Всадиться на берег варяжской дружине удалось благополучно. Жалко было ладей, разбитых волнами об острые прибрежные утёсы. И Святогор нашёл необходимым ободрить товарищей:

— Путь к отступлению отрезан. Чтобы вернуться на родину, мы должны достать новые ладьи. И мы их достанем, не сомневайтесь. Мы нагрузим их разными товарами и будем

богаты! Или все ляжем костями...

— Мало нас, — заметили осторожные.

— Как это мало? Что же, варяги считали когда-нибудь своих врагов? Будь что будет! Кто знает, куда занёс ветер нашего викинга?

Большинство варягов были согласны со своим вождём. Однако усталость давала себя знать. Несколько ночей, проведённых без сна, утомили всех. Решено было отдохнуть, и раскинули на берегу моря лагерь.

Святогор, его неизменный спутник Рудав, Аскольд и Дир и ещё несколько старейших из варягов составили военный совет.

Решили не дожидаться Фритьофа с остальной дружиной, а идти вперёд.

— Всё равно нас бы послали на разведку! — говорили на этом совете. — Мы впереди. За нами и Фритьоф двинется — по тому же пути. Он найдёт нас. Он услышит о нас. А если мы здесь останемся его поджидать, нас всех могут перебить.

Святогор понимал, что их слишком мало для серьёзного набега на богатую страну, охраняемую хорошо вооружёнными воинами, но медлить не приходилось. Он видел тот

пыл, что охватил его товарищей, и прекрасно понимал: если бы он стал медлить и в растерянности оглядываться на море, поднялся бы ропот, и буйная дружина легко могла бы выйти из повиновения. А это при подобных исключительных обстоятельствах грозило весьма печальными последствиями. Как ни мало, сравнительно, было варягов, всё-таки они представляли собой силу, и если бы и потерпели поражение, то всё-таки могли бы отступить с честью и, завладев первыми попавшимися судами, спастись в открытом море. Кроме того, и сам Святогор заскучал в долгом бездействии и с нетерпением ждал случая попытаться счастья на поле брани.

Итак, наступление внутрь страны было решено окончательно.

— Здесь в двух или того ещё, пожалуй, меньше переходах есть богатый замок, окружённый селением, — объявил на совете старый варяг Освальд, уже не раз бывавший со смелыми викингами в этой стране. — У жителей его накоплено немало золота, серебра, дорогих тканей и мехов.

— Тогда мы и пойдём туда. И всё это добро

будет нашим! — раздались голоса.

Одушевление было полное. В каждом варяге сказался хищник. Они, не видя врагов, уже праздновали победу, видели в своих руках золото и драгоценности того несчастного городка, на который готовились напасть.

Между тем весть о высадке варяжской дружины разнеслась по всему побережью. На прибрежных высотах запылали сигнальные костры. Население деревень, лежавших на пути, в спешке покидало свои жилища и, уходя, поджигало их. Жители, уже не раз видевшие подобные нападения и считавшие норманнов бичом Божьим, знали, что на пощаду надеяться не стоит — так или иначе, победят ли северные хищники или будут рассеяны, а всё равно они опустошат край огнём и мечом.

Путь варягов по ночам освещён был заревом пожаров.

Появились герои, не жалевшие ради спасения родной страны своей жизни.

В один из ночлегов, когда вся дружина, утомлённая дневным переходом, крепко заснула под охраной стражи, только Святогору не спалось. В сердце его всё росло и крепло

нежное чувство к Эфанде. Образ её ни на минуту не покидал его, и под влиянием дум молодой варяг никак не мог уснуть.

Чуть слышный шорох где-то очень близко невольно обратил на себя его внимание. Он чуть-чуть приоткрыл глаза, вглядываясь во мрак наступившей ночи. Костёр уже погас, и только несколько углей едва тлели в пепелище. Кругом было очень тихо.

Вдруг шорох раздался совсем близко. Можно было подумать... будто кто крадётся к костру. Это показалось Святогору подозрительным. Он быстро поднялся на ноги, и в тот же миг перед ним, как из-под земли, выросла человеческая фигура.словно дикий зверь, ночной пришелец бросился на не ожидавшего подобного нападения варяга. Тот инстинктивно заслонился рукой и тотчас же почувствовал, как боль обожгла её. Святогор понял, что пошёл в ход нож. Опомнившись, он схватил свой меч и ударил им нападавшего. Раздался слабый стон, и тело незваного гостя тяжело рухнуло на землю.

Шум поднял на ноги весь лагерь. Разгорелись костры. Варяги, обнажившие мечи, сбе-

Гались к своему вождю.

— Ты ранен, Святогор! Я вижу кровь! — встревожился Рулав. — Покажи мне руку!

Тут только Святогор заметил, что из левой руки его струится кровь.

— Ничего! Это простая царапина, — сказал он. — Там ищите убийцу. Хотел поразить меня сонного.

Со смоляными факелами бросились в указанном направлении. Сразу за чертой лагеря нашли корчившегося в предсмертных судорогах молодого человека в одежде французских крестьян того времени. Он устремил угасающий взор на Святогора и что-то говорил на своём языке.

Рулав склонился над умирающим.

— Что он говорит? — спросил у старого норманна Святогор.

— Говорит, что хотел тебя убить, так как знал, что ты наш предводитель. Надеялся, что мы разбежимся с твоей смертью.

— Подлый убийца! — с негодованием воскликнул один из варягов.

— Он принёс себя в жертву своей родине, — задумчиво сказал Святогор и, махнув

рукой, отошёл прочь.

Около раненого слышались крики, сверкнул в свете костров клинок меча, раздался новый тяжёлый стон, после чего всё стихло.

В эту ночь более никто из варягов не ложился. Лазутчики доставили сведения, что город, о богатствах которого они слышали столько рассказов, близко. Едва дождавшись рассвета, дружина тронулась дальше.

Шли бодро и весело. Все знали, что до обречённого на гибель городка остался один переход.

Наконец около полудня дружина вышла на большую поляну, и перед варягами неприступной твердыней поднялся величественный, хорошо укреплённый замок.

Вокруг него, у самого основания стен, раскинулся городок, утопавший в зелени садов. Из-за куп садов блестела крыша церкви, озарённая яркими лучами полуденного солнца.

В городке, очевидно, уже знали о приближении неприятеля. Ворота в городской стене были заперты, мост через ров поднят. Из-за стены до варягов доносился протяжный

звон — били в набат.

Святогор оглядел высившуюся перед ним твердыню и тут только пожалел, что не дождался на морском берегу дружины Фритьофа. Слишком мало было варягов для штурма прекрасно укрепленного замка. Варяги были не только малочисленны, но и неопытны в осадах. В открытом поле они не знали себе равных, но брать укрепленные города — было не их дело.

Однако медлить не приходилось.

Варяги, очевидно, были далеко от соображений своего вождя. Они видели лакомый кусок — богатую добычу — следовательно, во что бы то ни стало хотели они завладеть замком. Они знали, что в укрепленный городок собрались со всей окрестности жители, снесли сюда свои богатства и чувствуют себя в полной безопасности за толстыми стенами. Жажда богатой добычи распяляла хищников, а о том, что ждёт их в неравной борьбе, никто не думал.

Святогор вполне понимал нетерпение своих дружинников.

— Друзья! — воскликнул он, выстроив их в

боевой порядок. — Слушайте меня!

При этом обращении вождя все разом смолкли в рядах.

— Ждёт нас неравный бой, — громко говорил Святогор. — За крепкой стеной укрылись враги. Но что стены перед храбростью варягов! Мы возьмём этот замок и сотрём его с лица земли... Все богатства там накоплены для нас, и они должны стать нашими... В бой, друзья! Славная смерть ждёт тех, кто должен пасть в сече... Вечную славу разнесут по всему миру вдохновенные скальды, с гордостью норманнские девы будут называть имена павших храбрецов. Светлая Вальгалла ждёт мужественных! Прочь щиты!.. Храбрые берсерки не нуждаются в них. Сами боги защитят их, если пожелают сохранить им жизнь... Если суждено умереть, то умрём, как подобает храбрым...

И он первый далеко отбросил щит. Его примеру последовали почти все дружинники. Они были воодушевлены и готовы на всё — только бы поскорей завладеть богатой добычей. Об отступлении никто не думал.

А заунывный звук набата всё звучал и зву-

чал.

Вдруг городские ворота распахнулись. Из них тесной толпой выехали закованные в железо рыцари — защитники города. За ними показались латники. Туча стрел засвистела в воздухе.

Понятно, что в городке заметили малочисленность пришельцев. И защитники городка рискнули выехать на битву — как на весёлый турнир. Они даже не позаботились принять какие-либо меры предосторожности на случай несчастного для них исхода дела. Ворота остались распахнутыми, и мост через ров не был обратно поднят. На городских стенах собрались толпы жителей, пожелавших посмотреть на битву, как на занимательное зрелище.

Святогор решил воспользоваться легкомыслием врагов. Он тотчас же разделил дружину на две части. Одну, большую часть, отдал под начальство Рулава и приказал ему кинуться в бой тогда, когда победа начнёт склоняться на сторону неприятеля. Святогор рассчитал, что в подобный критический момент свежие силы окажутся особенно полез-

НЫ.

С другой — меньшей — частью дружины он двинулся на врага.

Защитники города стояли спокойно, ожидая натиска варягов.

Совсем уже близко от них Святогор взмахнул секирой...

10. Битва

Диким, напоминающим рёв бури криком дустремились скандинавы на врагов. Это вовсе не был стройный натиск смелых воинов. Будто снежная лавина неслись смельчаки на закованных в железо рыцарей, выставивших вперёд ряд копий. Свистели стрелы, звенели мечи, крики, стоны, звук рогов — всё это смешалось. На поле битвы был полный хаос звуков.

Франки стойко встретили нападавших,

они знали, что в случае поражения пощады не будет ни им, ни их семьям. Но видя, как мало нападавших, они совсем не считали серьёзным начинавшегося дела. Тем не менее, бой закипел не на жизнь, а на смерть.

Впереди ватаги славянских варягов, высоко взмахивая секирой, бежал Святогор. Он весь преобразился. Прежнего печального выражения не осталось и следа на его прекрасном открытом лице. Кругом него один за другим так и валялись с ног люди. Варяги, воодушевлённые смелостью своего вождя, не отступая ни на шаг, шли за ним.

Вот передние ряды латников расступились, и варяги оказались лицом к лицу с отборным отрядом. Слышался только лязг железа.

Сам не заметив того, Святогор совсем отбился от товарищей. Он один был окружён врагами. Оглянувшись, он увидел только сплошной ряд направленных на него копий. Гибель отважного варяга казалась неминуемой. С усилием взмахнул он в последний раз тяжёлой секирой и со всей мощью опустил её на голову ближайшего латника. Тот, вскинув

руки, опрокинулся назад. Голова его вместе со шлемом была рассечена надвое. В тот же миг Святогор почувствовал, как холодное остриё коснулось его груди... Ещё бы один миг, и оно пронзило бы сердце варяга. Но вдруг раздался треск, и переломленное копьё выпало из рук воина.

Святогор, как сквозь дымку тумана, увидел около себя внушительную фигуру и испещрённое шрамами лицо Рулава. Старый норманн спас своего любимца ещё раз...

В то же самое мгновение ряды латников дрогнули и подались назад. Как ни стойки были франкские воины, а всё-таки они не могли выдержать бурного, как горный поток, натиска пришельцев... Да и не много франков уже оставалось на поле брани.

Везде высились груды тел; там и сям виделись на высохшей под лучами солнца земле лужи крови.

Ещё один натиск, и защитники городка врассыпную побежали по полю, преследуемые норманнами...

Городок оставался беззащитным.

Святогор, услышав победные крики това-

рищей, пришёл в себя. Он видел, что поле битвы осталось за ним... Теперь следовало докончить начатое: стереть с лица земли несчастный городок.

С победным криком ворвались норманны в ворота. К шуму битвы как раз в это время присоединился протяжный звон колокола. Это звонили в церкви городка, призывая несчастных, обречённых на гибель жителей обращаться с мольбой о помощи к Тому, на Кого в этот ужасный день оставалась одна надежда.

С толпой товарищей одним из первых оказался Святогор на узкой улице городка. В ожесточении сыпал он удары направо и налево. Непонятная жажда крови овладела варягом. Он не разбирал, куда и в кого попадают его удары: женщина ли, ребёнок ли подвернутся под секиру — ему было всё равно.

Вдруг унылый звук набата раздался совсем близко от него. И грустное протяжное пение донеслось до его слуха. Святогор поднял голову. Некий ослепительный свет ударил ему в глаза. Свет этот был настолько ярок, что варяг невольно закрылся рукой. Когда он отнял её,

то увидел прямо перед собой несказанно удивившую его картину.

На ступенях, впереди сбившихся в беспорядочную толпу женщин и детей, стоял седой старик в светлой длинной одежде. В одной руке он держал небольшую чашу, другой высоко поднял золотой крест... Лучи солнца так и горели на нём, отражаясь во все стороны. Фигура Распятого выделялась чрезвычайно рельефно. Грустный лик Богочеловека как бы с укоризной смотрел в сторону свирепых окровавленных людей, тесной толпой окруживших Его храм. Прошли несколько мгновений, а Святогор всё не мог оторвать глаз от Распятого. Он стоял, как ошеломлённый, сдерживая свободной рукой напиравших на него сзади товарищей. Те рвались вперёд, но всё-таки остановились, видя, что с их вождём творится нечто не совсем обычное...

Лицо старика-священника составляло резкий контраст с бледными, дрожащими лицами его перепуганной паствы, совсем оцепеневшей в ожидании неминуемой гибели. Оно было бесстрастно, спокойно, только глаза сверкали неким вдохновенным нечеловече-

ским блеском да губы чуть шевелились, шепча последнюю молитву.

«Это Он... Он... Распятый Сын неведомого Бога!» — вихрем пронеслась мысль у Святогора, и ему здесь припомнилось его обращение к этому Богу на берегу Ильменя.

Уже много раз после этого слышал про Него молодой варяг, видел не раз и изображение Распятого, но теперь, в этот отчаянный момент, Распятие особенно поразило его. Святогор хотел преодолеть поднявшееся было в нём чувство, вскинул было секиру, чтобы поразить насмерть этого слабого, но вместе с тем и дерзкого старика, выступившего без всякого оружия против толпы жаждущих крови людей. Но как раз когда он поднимал секиру, снова блеснул луч солнца и, отразившись в золоте креста, ударил прямо в глаза варягу. Святогор с изумлением почувствовал, что рука его не поднимается, и сделал шаг назад...

Послышались грозные крики. Варяги пришли в себя, и их охватило негодование против Святогора, так позорно, по их мнению, отступавшего перед слабым стариком тогда, ко-

гда уже весь город стал их добычей.

— Прочь! Эти женщины наши! — раздались выкрики.

Несколько варягов кинулись вперёд.

— Убью каждого, кто сделает ещё шаг! — гневно вскричал Святогор и взмахнул своей тяжёлой секирой.

Он весь был охвачен внезапным порывом сострадания к этой беззащитной толпе женщин и детей, искавших последней помощи у Того, Кого, не зная, молодой варяг любил и уважал.

Толпа товарищей Святогора, поражённая этим неожиданным для неё восклицанием вождя, на минуту остановилась и с изумлением глядела на него. Святогор в эту минуту был прекрасен.

Наступил критический миг. Первое изумление прошло, и варяги толпой кинулись вперёд. В тот же миг тяжёлая секира Святогора опустилась. Послышался стон, и чьё-то тело рухнуло на землю.

— Рулава положил! Смерть ему! — взревели толпа. — Изменник, предатель! Своих бьёт...

Святогор ничего не слышал. Он огляделся вокруг себя и увидел своих друзей — ярлов Аскольда и Дира. Лица юношей горели восторгом. Они, очевидно, вполне поняли своего вождя.

— Не с женщинами и не с беспомощными стариками воюем мы! — раздались их молодые звонкие голоса. — Прекратите резню...

— Бегите! Бегите!.. — послышались вдруг тревожные оклики. — Рыцари!..

Действительно несколько десятков рыцарей успели прийти в себя, успели построиться по правилам тогдашнего военного искусства, и тяжёлый топот копыт показывал, что они близко.

Всё происшедшее в течение последних минут было забыто. Только что грозившие своему вождю смертью, варяги снова сбились подле него, готовые встретить новую опасность. Закованные в железо защитники города в грозном молчании подходили всё ближе. Старик-священник, так мужественно один с крестом выступивший на защиту несчастных, пошатнулся; он бы, наверное, и упал, если бы не успели поддержать его. На узкой

улице разгорелся ожесточённый бой. Из церкви до слуха сражавшихся донеслось величественное пение, среди которого выделялся старческий голос — выделялся особыми силой и выразительностью:

«Te Deum laudamus!..»

А ожесточённый бой на улицах несчастного городка всё продолжался...

11. Смерть старого норманна

Часть на этот раз изменило варягам... Не помогли им ни храбрость, ни ожесточение, с которыми они защищали свою жизнь. Защитники городка одолели их.

Святогор был в первых рядах своих товарищей. Чувствуя, однако, что силы его всё падают, он уже не так легко, как прежде, взмахивал секирой. Всё отчаяннее наседали на него враги. Наконец тяжёлый удар меча сва-

лил варяга с ног. Он, лишившись чувств, тяжело рухнул на землю.

Когда Святогор очнулся, битва уже кончилась. Потерявшие вождя, варяги кинулись в беспорядочное бегство. Франки и не подумали их преследовать. Слишком они были утомлены и ограничились лишь тем, что пустили вслед беглецам тучу стрел.

В первые мгновения после того, как к нему вернулось сознание, Святогор не мог дать себе отчёт, где он находится. Кругом него раздавались стоны раненых. Он приподнял голову и увидел над собой доброе старческое лицо с горевшими юношеским блеском глазами.

Молодой варяг узнал его. Это был тот самый старик-священник, так поразивший его, когда он с толпой товарищей кинулся к храму.

— Лежи спокойно, сын мой. Ты ослабел от потери крови, — услышал Святогор кроткий голос. — Тебе вредны движения...

Святогор несколько понимал язык франков. Кротость, с которой говорил с ним старик, несказанно поразила его.

— Как? Ты, старик, ухаживаешь за мной?

За мной — твоим врагом? — в изумлении воскликнул варяг. — Ты заботишься о моей жизни?..

— Господь наш, Иисус Христос, заповедал нам любить врагов, — был ответ. — Ты теперь беспомощный, жалкий человек. И страдания твои отзываются болью в моём сердце... Дочь моя, принеси воды раненому. Я вижу, он мучится жаждой, уста его запеклись, — обратился священник к женщине, помогавшей ему ухаживать за ранеными.

— Кто ты, старик? — спросил отрывисто варяг.

— Я скромный служитель алтаря...

— Ты жрец?

— Если хочешь — да! Я жрец Бога, распятого за наши грехи...

— Я слышал про этого Бога, — прошептал Святогор как бы в забытьи. — Он уже однажды оказал мне Свою помощь, несмотря на то, что я не верую в Него...

— Для Него все одинаковы... Он помогает всем, кто обращается к Нему с верой...

Посланная священником женщина принесла раненому воды. Святогор жадно припал

к чаше и, не отрываясь, выпил её до дна.

— Я в плену? — спросил он.

— Увы, да! Но надеюсь, что плен не будет для тебя тяжёлым... Ведь мы все обязаны своим спасением тебе! Если бы ты не остановил своих воинов, мы все погибли бы под их мечами...

— А мои воины?

— Здесь, кроме тебя, ещё несколько человек...

— Старик, умоляю тебя, сведи меня к ним...

— Ты потерял много крови, сын мой. Я говорю, что всякое движение тебе вредно... жизнь твоя...

— Ах, что моя жизнь! — с отчаянием воскликнул варяг и сделал резкое движение, желая подняться.

Но силы ему изменили. Он снова тяжело опустился на ложе.

— Ты видишь сам, сын мой, что слишком ещё слаб...

Святогор уныло молчал. Ему казалось, что всё, всё в жизни потеряно для него, разрушены все его заветные планы, разбиты этой неудачей все надежды на счастье. А тут до

слуха его донёлся, хотя и слабый, но всё-таки хорошо знакомый ему хриплый голос:

— Клянусь Одним, здесь мой Святогор!

— Рулав, Рулав здесь! — воскликнул варяг и, забыв слабость, боль, поднялся со своего ложа и, шатаясь, пошёл в ту сторону, откуда слышался ему голос.

Смутно, очень смутно припомнил он громкий крик: «Рулава положил!..» Тогда он не отдал себе отчёта в произошедшем. Но теперь ужасная истина разом встала перед его внутренним взором. Святогор понял, что стал невольным убийцей своего преданного друга, всего за несколько часов до того с опасностью для себя спасшего ему жизнь. Теперь, услышав его призыв, молодой варяг забыл все на свете и поспешил к нему.

Движение раненого было столь стремительно, что старик не успел задержать его. Со свойственной всем старикам пронизательностью он понял, что в душе Святогора происходит некая тяжёлая борьба.

— Рулав, Рулав, где ты? — с тоской звал своего друга Святогор.

— Сюда, мой витязь, спеши ко мне, — ото-

звался старый норманн. — Я вижу: двери Вальгаллы уже открыты передо мной... Ещё несколько мгновений, и я буду там... Валькирии готовы уже встретить меня... Спешите же, спешите, мой Святогор, мой любимец... Я хочу умереть у тебя на руках!

В углу тускло освещённого покоя Святогор увидел своего друга. Рулав лежал на охапке соломы. Лицо его было мертвенно бледно. Бесчисленные шрамы ещё более выделялись на нём. Он тяжело дышал.

— Прощай, прощай! — прохрипел он, протягивая Святогору руку. — Иду я в чертог Одина...

— Рулав, как это могло случиться? — со слезами в голосе воскликнул варяг.

— Я сам подвернулся... Они могли убить тебя... Я кинулся, чтобы защитить тебя ещё раз, но ты уже опустил секиру... Это было мне суждено, вспомни...

— О, лучше бы меня поразили товарищи! Мне было бы легче.

— Зачем, зачем? Ты молод! У тебя впереди жизнь... Кто знает, предсказание старой колдуньи, может быть, и исполнится...

— Рулав, зачем ты мучаешь меня? Зачем ты говоришь это?

— А что? Старуха всегда говорила правду. Мне она предсказала, что я умру от руки славянина...

Видишь, сбылось... Сбудется и то, что она сказала тебе...

Голос старика всё слабел. Грудь его высоко вздымалась — не хватало воздуха.

— Прощай, друг! — уже хрипел старик. — Прощай... Живи... Забудь прошлое... Знай, что Эфанда, дочь Белы, любит тебя... Через неё ты можешь сам быть викингом, как её двоюродный брат Олоф... Где-то он теперь?.. А тогда... тогда уже твоё дело — завоевать себе полмира... Будь счастлив и вспоминай старика, который любил тебя, как сына.

— Рулав, Рулав! — простонал Святогор.

— Ты плачешь, дитя? Зачем? Что эта жизнь? Я умираю в бою... и там, в Вальгалле, буду продолжать жить. Там лучше... Один любит храбрых, и никто не смеет сказать, что старый Рулав когда-нибудь был трусом.

Старик закрыл глаза.

— Отойдём, сын мой, — раздался над ухом

Святогора тихий голос священника, — Он умирает... Тяжела смерть грешника...

— Смерть тяжела? — вдруг приподнявшись на ложе, воскликнул Рулав. — Ты ошибаешься, старик! Для норманна никогда не страшно умирать... Гляди!

Быстрым движением руки он сорвал повязку, наложенную на глубокую рану в левой стороне груди. Волной хлынула кровь, и Рулав, радостно улыбаясь, запел:

*— Пора! Иду в чертог Одина,
Я вижу: девы на крыльце!
Скорей встречайте, боги, сына —
Он умер с смехом...*

Докончить песни Рулав не смог... Он опрокинулся навзничь... На лице так и осталась прежняя радостная улыбка... Ещё несколько судорожных движений, и для старого норманна всё было кончено.

Святогор рыдал — рыдал во второй и последний раз в жизни...

12. УЗНИК

Днообразно потянулись для Святогора дни плена. Одного за другим уводили из темницы его товарищей — уводили их, и они более не возвращались. Какая судьба ждала их за стенами тюрьмы, оставшиеся пленники, конечно, не знали, но догадывались и с некоторой тревогой ожидали решения своей участи. Не смерти боялись они — нет, смерть никогда не страшила этих храбрецов, ужасал их позор рабства — рабства неизбежного, если только оставят их в живых.

Наконец в мрачной темнице остались только трое пленных: Святогор, Аскольд и Дир. Они угрюмо ждали своей очереди, но эта очередь не наступала... Вероятно в городке помнили, что эти трое людей спасли беззащитную толпу и храм. Поэтому их и не трога-

ли. Их даже как будто забыли. Только один старик-священник часто навещал пленников. Он подолгу беседовал с ними о своём Боге, рассказывал им о Нём, о Его земной жизни, об Его учении. Варяги внимательно слушали эти, совершенно новые для них слова любви и всепрощения. Беседы эти производили особенно сильное впечатление на молодых и чрезвычайно впечатлительных ярлов. Каким блеском загорались их глаза, когда старик начинал говорить о Богочеловеке, принёсшем Себя в жертву за грехи мира!

— Ах, если бы мы только тогда были там, — шептали наивно молодые люди, — мы бы заступились за Него. Мы не позволили бы распять Его. Своими мечами и грудью отстояли бы мы Его!

— Нет, нет, не то вы говорите, — с улыбкой кивая, отвечал им священник, — не удалось бы вам спасти Его. Это было бы не в ваших силах.

— Мы подняли бы за Него всю Скандинавию! Все конунги и викинги, а с ними и все ярлы пошли бы туда. Мы бы справились и не отдали бы Его на смерть!

— Он Сам отдал себя врагам ради общего искупления... Тьма тех небесных сил у Отца Его, а они сильнее всех сил человеческих. Поймите вы, что Он, всемилостивый, Сам отдал Себя в жертву за грехи людей.

Ни Святогор, ни оба молодых ярла никак не могли понять той любви, о которой говорил им священник.

В таких беседах с милым стариком шло время.

Святогор замечал, что к нему относятся гораздо лучше, чем к его товарищам. Он долго не мог понять причины этого. Ему давали лучшую пищу, освобождали от цепей, хотя надзор за ним был строг по-прежнему.

Варяг напрасно ломал голову, подыскивая объяснение этой особенной и совсем неподходящей к обстоятельствам заботливости.

Однажды скучное однообразие их жизни было неожиданно нарушено.

Уже сгустились сумерки. Варяг и оба молодых норманна скучали в ожидании прихода их постоянного гостя — старого священника. Вдруг раздался стук запора у входных дверей, они отворились, и в темницу вошли несколь-

ко человек.

— Где же они? — послышался звучный женский голос.

— Вы сейчас увидите этих варваров, госпожа, — отозвался высокий латник, которого пленные видели прежде уже не раз.

Он держался начальником над всеми остальными стражниками. По крайней мере, все они относились к нему с заметным почтением.

— Принесите факелы! — велел латник воинам. — А вы, собаки, встаньте! Госпожа делает вам честь — интересуется вами! — грубо крикнул он пленникам.

Те поднялись, повинувшись оклику, со своих мест. При свете принесённых факелов Святогор, с любопытством поднявший глаза на посетителей, увидел рядом с начальником стражи высокую стройную женщину; лицо она скрывала под маской. Одета она была пышно и держала себя с окружающими высокомерно, тогда как те относились к ней не без подострастия.

Варягу показалось, что устремлённый на него пристальный взор посетительницы вы-

ражает восхищение. Ему даже стало неловко под этим взглядом, и он опустил глаза.

— Так это и есть ваш герой, святой отец? — обернулась посетительница к священнику, который тоже оказался здесь.

— Да! — ответил тот. — Именно ему обязаны наши женщины и дети тем, что не пали под секирами его свирепых товарищей.

— Он, кажется, был их вождём?

— Да, но он не пожалел своего друга и убил его, чтобы защитить беспомощных. Ещё раз повторяю, что ему мы, главным образом, обязаны спасением...

— Действительно, эти варвары могли бы ворваться в замок...

Таинственная посетительница отвела, наконец, свой восхищенный взор от Святогора и, наклонясь к начальнику стражи, что-то стала ему тихо говорить.

Потом, ещё раз скользнув глазами по пленнику, она ушла из темницы...

И варяг, и оба ярла были в большом недоумении. Но не долго. Не больше, как через час, к ним пришёл старик священник. Святогор заметил признаки волнения у него на ли-

це.

— Дети мои! — дрожащим от слёз голосом заговорил старик. — Нам придётся скоро, очень скоро расстаться...

— Что же! Мы готовы умереть! — твёрдо ответил Святогор за себя и за товарищей.

— Нет, пока вы не умрёте... городской совет решил оставить вас заложниками, так как стало известно, что на наш город готовится новое нападение норманнов... До сих пор благодаря моему влиянию на знатнейших наших граждан мне удавалось оставить вас здесь, где вы пользовались и лучшей пищей, и лучшим уходом... Но теперь вы будете переведены в другую тюрьму — в тюрьму замка нашей госпожи... Она сама требует этого, и я уже лишусь возможности навещать вас, вести с вами беседы... А я успел от души полюбить вас. Вы мне стали дороги, как самые близкие для меня люди.

— Спасибо, отец, спасибо! — с чувством благодарности сказал Святогор.

— Неужели мы никогда не будем беседовать более? — огорчённо молвил Дир, поникший головой на плечо друга.

— Отчего? Просветитесь светом истины! Познайте Иисуса! Креститесь.

— Нет, это невозможно... Этого никогда не будет, — раздался голос Святогора. — Мы любили твоего Бога, но своим богам останемся верны.

— Но почему?

— Подумай сам: как бы ты назвал человека, который отказался бы от твоего Иисуса, отверг бы его?.. Разве не счёл бы ты его негодяем?

Священник поник головой.

— Придёт время, и вы просветитесь, — с грустью сказал он. — Но чу!.. Вот уже идут за вами...

За дверьми действительно послышалось бряцанье оружия. Вошли несколько человек — закованных в броню латников.

— Эй вы, разбойники! Поднимайтесь! — крикнул начальник стражи варягам. — Да не вздумайте сопротивляться, иначе будете перебиты, как бешеные собаки.

Хотя пленники весьма мало понимали язык франков (священник говорил с ними на их родном языке), всё-таки они поняли всю

оскорбительность этого окрика. Святогор задрожал от негодования, но пришлось покориться силе.

Пленника повели по узким и кривым улочкам городка. Всё население его высыпало им навстречу. Слышались крики — брань и проклятия. Мальчишки швыряли в варягов грязью и камнями, а стража и не думала осаживать озлобленную толпу.

Прошли почти весь город, прежде чем достигли ворот замка. Их вели в подземные темницы.

Грубо втолкнув Святогора в дверь башни, латник крикнул:

— Иди, собака, к собаке!

Вслед за ним также грубо втолкнули в узилище Аскольда и Дира. Щёлкнул запор на тяжёлой двери. Пленники осмотрелись. Они очутились в тёмном сыром подземелье, куда свет проникал из маленького окошка, оставленного очень высоко над полом.

— Да, отсюда бегство невозможно! — заметил Святогор, озираясь.

— Скоро уже шесть лет, как я уверен в этом, — слышался из тёмного угла голос,

показавшийся варягам очень знакомым.

— Кто здесь? Откликнись, назови себя! — сказал Аскольд.

— Скажите сперва вы — кто такие! — прозвучал тот же голос.

— Мы — ярлы Аскольд и Дир, и с нами славянский варяг Святогор.

— Святогор? С Рослагена? Из Сигтуны?

— Да, да, оттуда, от конунга Белы...

— О боги! Наконец-то вы сжалились надо мной! Скорей ко мне, Святогор! Ко мне!

— Из темноты выступила рослая фигура.

— Олоф, ведь это ты! — вскрикнул варяг, бросаясь вперёд. — Неужели я вижу тебя, а не твою тень? На родине все считают тебя мёртвым.

— А я, как видишь, ещё жив.

— Как ты попал сюда, храбрый викинг?

— Точно так же, как и ты... Изменило ратное счастье, и вот уже более пяти лет, как я покинул родину и томлюсь в неволе... Но об этом после. Что дядя мой, конунг Бела? Что Эфанда? Выросла она?

— Все ждут тебя... Жив ещё Бела... Эфанда... О, если бы только удалось отсюда вырваться!..

— Трудно. Впрочем, всё в воле богов. А эти молодцы с тобой? Ярлы они?

— Да, и нам изменило ратное счастье, изменило в тот миг, когда мы уже готовы были праздновать победу.

— Боги свели нас здесь. Станем думать, как вырваться на волю. О, когда бы мне мой меч! Узнали бы тогда враги Олофа!

Долгие годы тяжкой неволи, казалось, несколько не повлияли на северного молодца. Каким знал его Святогор в Сигтуне, таким Олоф и остался в мрачном подземелье замка. За долгое время неволи он как будто несколько не потерял присутствия духа. Прежде всего, он захотел узнать подробности боя под городком, о котором догадывался по доносившимся к нему в темницу крикам, звукам рогов и звону оружия.

Варяг вкратце рассказал Олофу все последние новости. При этом он высказал полную уверенность, что викинг Фритьоф, узнав об их несчастье, поспешит к ним на помощь и освободит их из неволи.

— Только как узнает он, что мы здесь? — покачал головой Олоф.

— На всё воля богов. Но верится мне, что изок час освобождения.

— Один варяг — сила! А нас здесь четве-
! — с юношеским задором воскликнул Дир.

— Да, сила! — грустно усмехнулся Олоф. —
поле, на свободе — это так! Но не в подземе-
е!

В свою очередь, Святогор и ярлы потребо-
ли, чтобы и он им рассказал об обстоятель-
вах своего пленения.

Олоф согласился удовлетворить любопыт-
во товарищей.

13. Рассказ Олофа

—

В

ы знаете, друзья, — начал свой рассказ Олоф, — что, расставшись с вами, отправился я вместе с другими викингами искать счастья в чужих странах. Помните, какой голод посетил нашу родину? Она, бедная, не могла про-

кормить своих сынов, и волей-неволей приходилось искать нам хлеба и добычи в других странах... Каких? Ну, понятно, в Британии, в империи франков, а нет, так решил наш славный вождь Гастингс, который начальствовал над нами именем славного питомца своего Бьёрна Иернсида, пробраться и в другие страны, где редко ещё развевались наши знамёна.

— Да, голодный год был, — заметил задумчиво Аскольд. — Тогда, я помню, был принесён в жертву богам вод, Глеру и Ниорду, за один только хлебородный год дротт Гранмор.

— Он был сброшен со скалы в жертвенный ручей, — добавил Дир. — И погиб в волнах его. Но, увы, не помогла эта жертва.

— Вот, вот! — воскликнул Олоф. — Тогда и отправились мы искать счастья. Голод был везде, даже на островах, редко знавших недостаток хлеба. Народ в смятении не знал, что делать, как умилоствить прогневанных богов. Помню я, как принесли в жертву гремящему Тору на камне смерти юного Морана, сына семинского короля Ламора.

— Мы в Сигтуне слышали кое-что об этом жертвоприношении, — кивнул Святогор. —

Храбрый был воин этот Ламор.

— Да, он не пощадил своей жизни, чтобы спасти сыновей. Но несчастному это не удалось... Моран был принесён в жертву у него на глазах... Слушайте, как это было. Викинги после счастливого похода опустошили огнём семинское королевство и увели на остров юного Морана. Ламор пытался освободить сына, но проиграл сражение и сам попал в плен... Победитель, раздражённый его дерзостью, приказал совершить жертвоприношение — жертвой был назначен Моран... Как сейчас, помню я, в глубоком молчании окружил место жертвоприношения народ: воины и мы, пришельцы, гостеприимно допущенные под чуждый нам кров. Крепко связанный ремнями Ламор лежал в этом страшном кругу смерти. Была ночь. Сквозь тёмные тяжёлые облака проглядывал бледный серп месяца. Звёзды чуть-чуть горели красноватым светом; из-за мрачных камней, казалось, доносились громкие ужасные голоса духов, ожидавших кровавого подношения... Возле камня смерти, недвижимый, склонивший седую голову на иссохшую грудь, стоял старый жрец...

Его тихий шёпот заглушался отчаянными криками несчастного отца, не просившего пощады, не жаловавшегося на злую судьбу, а проклинавшего победителей и призывавшего всякие беды на их головы...

Вдруг жрец обнажил жертвенный нож, трижды взмахнул им у себя над головой и приказал нам начать песнь смерти... Печальные звуки, жалобные стоны, зловещие крики, полные невыразимого ужаса, пронеслись по всей окрестности. После наступила могильная тишина. Толпа раздалась и пропустила воинов, влачивших закованного в цепи юношу... Какое жестокое страдание ясно выразилось тогда на лице несчастного отца! Он охотно отдал бы выжать из жил капля по капле всю свою кровь, только бы спасти несчастного... Как он забился на земле, стараясь разорвать свои путы, но тщетны были все его усилия; крепки оказались ремни...

Жрец схватил юношу за курчавые волосы и поволок его к камню смерти.

«Примите эту кровь, боги! — зычным голосом закричал он, придя при виде трепещущей жертвы в такое дикое бешенство, что на

устах его показалась пена. — Вы, бессмертные, даровали моему народу победу, в благодарность он приносит вам эту жертву... Избавьте же его от голодной смерти, и снова вам будут обильные жертвы... Все деревья жертвенной рощи будут увешаны телами пленников, посвящённых тебе, светлый Один. Жертвенный ручей выйдет из своих берегов, запруженный телами жертв тебе, кроткий Ниорд; на камне смерти не будет высыхать кровь в честь твою, грозный Тор!.. Примете же, молю вас, эту кровь...»

Тут жреца прервал отчаянный голос несчастного отца.

«Чудовище! — вскричал он. — Убей лучше меня!.. От моего копья пали ваши витязи. Сын мой Моран не причинил им ни одной раны...»

Но жрец был глух к мольбам несчастного отца. По рукоять вонзил он нож в грудь юноши. Затрепетало в предсмертных судорогах юное тело, брызнула на камень смерти горячая кровь... Жертва грозному богу была принесена... В смущении разошёлся народ от жертвенного камня, а мы в ту же ночь, пользуясь попутным ветром, подняли паруса и

унеслись к берегам франков.

— Что же случилось с Ламором? — спросил Дир.

— Не знаю, после я слышал, что он спасён был своей дочерью... Мы только более не видели его. Ветер попутный нёс нас, не переставая дуть, пока наконец не увидели мы вдалеке богатый город... Высокие городские стены с башнями и золочёные купола храмов привлекли нас.

«Вот где ждёт нас богатая добыча! — объявил наш славный вождь Гастингс. — Но нас мало. Не взять нам его силой».

И в самом деле, слишком укреплён был этот приморский город. Нет равного норманнам по храбрости и отваге, но сила всё-таки была не на нашей стороне. Когда Гастингс приказал нам попрятать в трюмы наших кораблей всё оружие и велел всем нам снять украшения с бортов, поняли мы, что, не надеясь на силу, решил он завладеть городом хитростью...

Так и было...

Едва только нас заметили в городе, как сейчас же подняли тревогу. Вмиг закрыты бы-

ли городские ворота. Вооружённая стража высыпала на стены, готовая отразить всякое нападение. Тут мы поняли, что прав был наш вождь. Невозможно было взобраться на стены, так как нельзя было поставить лестниц. Идти же на приступ с суши и думать было нечего — не так многочисленна была наша дружина. Обождать, пока подойдёт Иернсад, Гастингс не пожелал...

Укрепившись на якорях, он послал в город послов, — я был между ними, — которым приказали идти без оружия.

Нас, послов, приняли дружелюбно.

«Мы люди с севера! — сказали послы по приказанию вождя. — По воле богов наших покинули мы нашу страну и ходили воевать в землю бриттов...

Но боги изменились к нам и послали бурю. Не с враждебными намерениями пришли мы к вам в гавань, а занесены мы грозным шквалом. Намерения у нас мирные. Не хотим мы воевать с вами, а желаем только закупить в пристани что нам нужно и исправить повреждения судов. Притом же начальник наш болел, и беспокойная жизнь наскучила ему...

Желает он в последние дни своей жизни принять вашу веру и быть похороненным в том городе, где его застигнет смерть».

Так говорили послы, а начальники города с великой радостью слушали их слова. Не того они ожидали от нас. Все они дрожали от боязни нашего нападения, а теперь, когда услышали наших послов, обрадовались, и начали с нами мирные переговоры. Однако они всё-таки соблюдали осторожность и городских ворот нам не открыли...

Прошло немного времени, и Гастингс снова выразил желание принять веру христиан. Его, под видом больного, перенесли в город, где над ним были совершены все обряды. Гастингс казался умирающим, когда он был перенесён снова на наш корабль. Его провожали начальник города и жрецы...

На другой день с наших кораблей послано было в город извещение, что умер наш вождь... Громкий плач раздавался до этого и в стане нашем, и на судах. Это ещё более уверило недалёковидных франков в том, что Гастингс действительно не существует более на свете...

С печальным извещением прибыли в город послы. Они сказали, что, умирая, вождь наш просил, чтобы похоронили его в городском монастыре...

Богатые дары завещал он на память о себе. Меч свой, свои перстни и множество других драгоценностей отдавал он христианскому храму.

С радостью согласились на это правители города, и на другой же день разрешено было внести нам в город прах нашего вождя... Этим разрешением мы не замедлили воспользоваться. Гастингса, одетого в броню, положили в гроб со всем его оружием... С большой пышностью понесли мы его к городским воротам. Впереди многочисленные воины несли завещанные «покойным» дары — перстни и пояс, украшенный золотом и серебром, мечи, секиры и иные драгоценности.

Кровожадный Тир ослепил франков... Они пропустили сопровождавшую «прах» вождя дружину за городские стены... много воинов вошли при этом, но до поры до времени не смели они нападать на жителей... С виду они были безоружны, и никакого коварства с их

стороны недальновидные франки даже не подозревали.

Вдруг, когда пришло время опустить «прах» Гастингса в могилу, раздался громкий крик. Это кричали наши. Несколько подначальных Гастингсу викингов протиснулись к самому гробу и кричали, что нельзя опускать его в могилу...

Эти крики вызвали всеобщее недоумение.

Но не долго оно продолжалось. Недоумение и смущение сменились ужасом.

Слетела с гроба тяжёлая крышка, и из него в полном вооружении, сверкая грозными очами, поднялся ужасный Гастингс...

Он и не думал умирать... это была хитрость, придуманная им для того, чтобы завладеть городом.

С громким криком схватил наш вождь свой меч, и в ту же минуту правитель покатылся в приготовленную для Гастингса могилу с рассечённой головой... Громкими, страх наводящими криками отвечали товарищи вождю и выхватили из-под своих плащей спрятанные там мечи. Смертельный ужас охватил франков. Они кидались из стороны в сторону,

напрасно ища спасения, и везде их встречали наши острые мечи... Пользуясь смятением врагов, оставшиеся за стенами товарищи ворвались через ворота в город... Сеча продолжалась недолго... Город со всеми его богатствами скоро был в нашей власти. Попировали мы тут...

Олоф замолчал, сам увлечённый волнующими воспоминаниями. Он так давно не слышал звуков человеческого голоса, за исключением понуканий и брани суровой стражи, что говорил и не мог наговориться...

— Но как же ты попал сюда? — спросил Аскольд.

— Сейчас узнаешь... С богатой добычей пошли мы внутрь страны, предавая всё огню и мечу. Ладьи наши легко шли по глубоким рекам. Но всё на земле изменчиво. А ратное счастье тем более... В одной битве нас победили.

— Так же, как и нас, — с грустью сказал Святогор.

— Что делать! Всё во власти богов! — пожал плечами Олоф. — И ты не печалься, друг. Не всегда боги будут немилостивы к нам... Так вот, нас победили, и, спасая свою жизнь, мы

бежали... Я был ранен. И когда пришёл в себя, уже был заключён в этой темнице.

— Зачем же берегут тебя?

— Они знают, что я викинг, и, вероятно, держат меня до того времени, когда нужно им будет обменять меня на кого-нибудь из своих... Я на это и надеюсь. Но засиделись дома товарищи, и в продолжение многолетнего плена я только ваши рога слышал под стенами сего замка.

— Увы! Мы не могли освободить тебя.

— Всё равно. Слава богам! Теперь я знаю, что за вами придут и другие... Верьте, друзья, мы скоро будем освобождены... Но, чу! Что такое? Я слышу бряцанье оружия...

Все четверо пленников смолкли и стали с замиранием сердца прислушиваться к доносившемуся до них откуда-то издали неясному шуму.

Тяжёлая дверь тут распахнулась. Вошли несколько вооружённых людей. Они прямо подошли к группе варягов.

— Вот этого! — сказал один из пришедших, по-видимому, начальник, указывая на Святогора. — А вы, собаки, ждите, пока вам не ки-

нут костей на ужин.

— Иди, варяг! И не вздумай сопротивляться! — один из стражников подтолкнул Святогора к двери.

Они тесным кольцом окружили пленника.

14. В объятиях сирены

Два только Святогора вывели за дверь тюрьмы, как стража оставила своего пленника. Варяг стоял, недоумевая, что такое ждёт его. Стража тоже угрюмо молчала, как будто поджидая ещё кого-то. Начальник её с заметным неудовольствием косился на пленника, ворча что-то, вероятно, очень обидное для последнего, сквозь зубы.

До Святогора долетали только отдельные слова, смысл которых был ему далеко не ясен.

— Свернуть бы шею этому разбойнику, и делу конец. А тут возись с ним!.. Право, эти

причуды стали переходить границы...

— Перестань ворчать, старик! — раздался вдруг молодой звонкий голос. — Делай лучше то, что тебе приказано, если хочешь заслужить благодарность госпожи и стакан доброго вина.

Святогор оглянулся на голос. Позади сурового начальника стражи стоял молоденький паж. Его недетское смышлённое лицо лукаво улыбалось. Свой смеющийся наглый взгляд он устремил на пленника. Губы пажа подёргивались при этом и складывались в ироническую улыбку.

— Ну, ну, старик, шевелись же скорей... Или не знаешь, что каждая минута ожидания кажется целым веком! — понукал стражника паж. — На, на. Возьми вот это.

Он протянул воину шёлковую чёрную повязку.

— Эй ты, разбойник! — закричал тот, принимая её. — Давай-ка скорей твою голову да поворачивайся живее! Что, не хочешь, молодец?

Несколько сильных рук потянулись к ваяргу. У него мелькнула было мысль о сопро-

тивлении, но стражники нагнули ему голову, и через несколько мгновений глаза его были туго завязаны повязкой. Потом его повели по каким-то путанным переходам и наконец заставили подниматься по крутой и узкой лестнице. Святогор решительно не понимал, куда и зачем его ведут, и, конечно, ничего для себя хорошего не ждал от этой таинственной прогулки.

Наконец он услышал, как хлопнула дверь, и тотчас же приятное тепло охватило его иззябшее в сыром подzemелье тело.

— Стой здесь и не двигайся. Жди, пока не снимут с тебя повязку, — услышал он грубый голос стражника.

Кажется, стражники ушли. Всё кругом стихло. Где-то рядом потрескивали горящие дрова в камине да издали, из открытого окна доносился городской шум.

Святогор сделал движение, как бы желая освободиться от верёвок, которыми связаны были его руки, но те ещё более врезались в тело. Он сделал шаг вперёд и задел бедром край стола. Стол, сдвинутый с места, загремел, и к этому шуму присоединилось восклицание.

цание...

-Как хорош этот варвар! — прошептал женский голос. — Как хорош! Он будто вылит из стали.

Холодное железо коснулось рук варяга, и он почувствовал, что свободен. Сорвать с глаз повязку было для Святогора делом одного мгновения. Первое время он никак не мог сообразить, где находится. Комната была убрана со всей роскошью, на которую только способны были люди той эпохи. Стены её были увешаны медвежьими шкурами, на них видны были тяжёлые, с богатой отделкой мечи, чеканные латы, рога; массивная деревянная мебель, состоявшая из скамей, табуретов и кресел, расставлена была у стен. В одном углу стояла прялка, говорившая о близком присутствии женщины.

И женщина действительно была здесь.

Несколько поодаль от варяга стояла, глядя на него с восхищением, высокая, богато одетая дама. Она была уже не первой молодости, но тем не менее лицо её всё-таки было прекрасно. Чёрные как смоль волосы были гладко зачёсаны назад и скрыты под нарядным

головным убором. На щеках горел яркий румянец, высокая грудь вздымалась, как будто женщина не могла скрыть охватившего её волнения.

По сверкающему взгляду Святогор узнал в ней ту даму, которая приходила в тюрьму.

— Как ты хорош, норманн! — снова повторила она на родном для Святогора языке. — И как жаль, что ты не сын нашей страны. Среди наших рыцарей ты был бы украшением.

— Кто ты, благородная дама? — изумился варяг.

— Кто я? Не всё ли тебе равно? Довольно того, что ты в моей власти. Достаточно одного моего слова, чтобы ты пал мёртвым. Но ты мне нравишься и потому будешь жить, пока... пока не найдётся другой, более достойный моего внимания.

— Я не понимаю тебя, благородная дама.

— Повторяю тебе, что ты мне нравишься. Ах, норманн, норманн, как жаль, что ты язычник... Но что я говорю! Ты, наверное, голоден. Вот стол, накрытый для тебя. Садись, пей, ешь и дай мне полюбоваться тобой.

Святогор не заставил себя просить. Голод

действительно начал мучить его, а стол, уставленный яствами, давно уже обратил на себя его внимание.

Хозяйка, однако, не прикоснулась ни к одному из блюд, приготовленных для угощения.

— Я видела тебя в первый раз тогда, у церкви, — говорила она, не спуская со Святогора блестящих глаз. — Ты тогда ещё поразил меня своим вдохновенным видом. Страшное это было мгновение, а я всё-таки любовалась тобой, забыла об ужасной, смертельной опасности — так ты был прекрасен! Я увидела в тебе нечто особенное, не разбойником казался ты, а героем, а когда ты один сдержал напор остальных, спас меня и других, я поклялась, что волей или неволей ты будешь моим... Норманн, ты околдовал меня.

— Подумай, благородная дама, что говоришь ты! — воскликнул Святогор. — Мне странны твои речи.

— Почему? Разве не свободна я любить, кого хочу? Я вдова, сердце моё свободно, а ты завладел им. Я много дней боролась со своим чувством, я молилась, накладывала на себя тяжёлые испытания, и не могла побороть се-

бя. Скажи, норманн, там, у тебя на родине, остался ли кто-нибудь? Осталась ли там женщина, которая тебя любит, ждёт тебя? Говори правду. Мне нужно это знать!

Смущённый Святогор молчал. Что же, в самом деле, мог он сказать этой женщине, так неожиданно объяснившейся ему в любви? Её страстность пугала молодого варяга, бывшего в жизни чрезвычайно целомудренным. И у себя на родине, на Ильмене, затем среди суровых скандинавов, на своей второй родине, Святогор прежде всего привык уважать в каждой женщине её чистоту и скромность. Подобное же чувство, такую непонятную для него пылкость, ему приходилось видеть в первый раз. Однако он чувствовал, что взгляд красавицы так и жжёт его. Её страстное волнение передалось и ему. Какое-то новое, неизведанное чувство заговорило вдруг в нём. Оно не было тем нежным чувством любви, которое некогда питал он к Любуше, не было и тем, что переживал он теперь при воспоминании об Эфанде. Чувство это как-то двоилось в душе Святогора. Он презирал, даже ненавидел эту женщину, и в то же время по одному

её слову готов был пасть к её ногам.

— Что же ты молчишь, норманн? Или ты не хочешь дать мне ответа? — прекрасная хозяйка подошла к нему. — Разве, по твоему мнению, я недостойна даже беседы с тобой?

— Благородная госпожа! Зачем ты говоришь так?

— Потому что... потому что я тебя... люблю! Понимаешь ли ты теперь это, норманн? — воскликнула та. — Разве ты не видишь, не чувствуешь, что я вся так и горю страстью? Или у вас на севере женщины так холодны, что вы, мужчины, никогда не пылали огнём страсти? Но ты опять молчишь...

Она глядела вызывающим взором на Святогора, придвигаясь в то же время к нему всё ближе. Молодой варяг слышал её возбуждённое дыхание и чувствовал, что голова его кружится...

Взор оболъстительницы так и горел. Она прерывисто дышала, охваченная страстным чувством.

— Ты не то что наши рыцари! — говорила между тем хозяйка в волнении. — Сколько в тебе мощи и сил! Ты кажешься мне создан-

ным из стали... Откуда ты? Неужели из той стороны, где лёд не сходит с лица земли?

Она замолчала, ожидая ответа. Но Святогор молчал.

— Знаешь, норманн, много славных рыцарей тщетно добивались моей любви... Я всегда была холодна к ним и свято соблюдала обет верности моему убитому вами же мужу... Там, в подземелье, откуда привели тебя сейчас, заключён другой пленник... Он тоже из вашей страны. Это один из убийц графа Десю-Ламар. Я не напрасно держу его. В течение многих лет я думаю, как бы отомстить ему за смерть моего повелителя. Я придумываю ему ужасные муки, но, увы, не могу... Ты мне поможешь. Я знаю, ты будешь мой! Ты полюбишь меня... Но что я говорю! Зачем тебе знать это? Скажу тебе только одно: после долгих-долгих лет ты первый пробудил моё сердце. В нём разгорелось давно забытое, похороненное в самой глубине чувство любви... Слышишь ли ты?

— Нет, госпожа! Непонятны мне твои речи! — покачал головой варяг. — Кто ты, я не знаю. Почему вдруг заговорило твоё сердце,

тоже непонятно мне... Не так думают и поступают женщины у меня на родине.

— Ваши женщины! — презрительно засмеялась хозяйка и отошла несколько в сторону. — Что ты мне говоришь о них! Они — замороженные куклы. Вместо сердца у них кусок льда, вместо крови — холодная вода... Нет, я вижу, тебе, норманн, ещё неизвестен пыл страсти. О, я сумею пробудить тебя... Ты поймёшь, что важи женщины — ничто перед жёнами франков.

— Наши женщины — матери и сёстры героев! — воскликнул с достоинством Святогор.

Он едва отдавал отчёт себе в своих словах. Чувствовал он, что всё в этой красивой женщине, так страстно говорившей с ним, чарует его, влечёт, будит нечто новое, неизведанное в его сердце... Но инстинктивно противился очарованию.

Слова его, казалось, ещё более разжигали волновавшее обольстительницу чувство страсти. Она подходила к Святогору всё ближе, не спуская с него восхищенного взгляда. Взор этот так и чаровал пленника, поднимая у него в сердце вихрь ещё неизведанных стра-

стей.

— Норманн, я говорю тебе, — шептала сирена, — забудь всё прошлое, останься здесь навсегда. Покинь мечты о своих скалах. Люби меня. Я могущественна, всё кругом принадлежит мне: и этот город, и все богатства, которые в нём, мои... Люби меня, я буду твоей рабой до гроба. Через меня ты будешь славен и могущественен, ты будешь рыцарем, и все вассалы склонятся ниц перед тобой. Ты слышишь?..

Она легонько дотронулась до руки Святогора. Тот по-прежнему молчал, хотя с напряжённым вниманием ловил каждое её слово.

«Уж не исполняется ли предсказание колдуньи?.. Не через эту ли женщину обрету я власть над половиной мира?» — думал он.

— Прости, госпожа! Но речи твои мне непонятны, — наконец заговорил он. — Не так говорят в моей стороне женщины с теми, кого любят.

— Ах, ваша сторона! Опять ты о ней! Вечный лёд и холод. Слушай, страна франков прекрасна. Стань её сыном, и дорога к славе откроется перед тобой.

«Да, колдунья права!» — снова подумал Святогор.

Он закрыл лицо руками, но в тот же момент почувствовал, как руки красавицы обвили его шею и пылающие губы приникли в страстном поцелуе к его губам.

— Норманн, ты околдовал меня! — слышался страстный шёпот.

Голова Святогора закружилась. Отдаваясь весь охватившему его порыву, он крепко сжал в своих могучих объятиях красавицу-хозяйку.

Любушу, месть, Эфанду, товарищей — всё-всё позабыл в эту минуту Святогор.

15. На родимых берегах

Ежду тем на далёком севере никто и не знал, какая судьба постигла храбрые дружины, отправившиеся искать ратного счастья. Ни одной весточки не приходило о смельчаках, и население полуострова томилось в ожидании.

Очень просты были нравы того времени. Конунг, не начальствовавший над дружиной, как мы знаем, ничем особенным не выделялся среди других, более знатных, обывателей древнего норманнского городка. Его уважали за бывшее, любили, шли к нему за советом, искали у него суда и справедливости, но в своей частной жизни он был самым обыкновенным ярлом. Таково уж было устройство древних норманнских королевств.

Старика Белу любили все без исключения.

Он был справедлив, мудр, храбр и прост в обыденной жизни. Эфанда заботилась о хозяйстве отца, но она также вела жизнь, мало чем отличавшуюся от жизни других рослагенских девушек. Она была далеко не гордячка и потому пользовалась общей любовью — так же, как и её отец.

Но с тех пор, как молодой славянский варяг полонил сердце девушки, Эфанда стала чуждаться своих подруг. Ей почему-то казалось, что те не поймут волновавших её чувств, и она отдалялась от них. Более всего она любила в свободные часы посещать дротта Гиорварда, жившего в небольшом, основанном в честь громовержца Тора храме. Там она проводила время в долгих беседах со стариком, рассказывавшим ей часто про подвиги её народа, её отца, брата, которого она смутно помнила.

Выдался тихий денёк. Залив как будто успокоился. Волны не вздымались горами на его поверхности, ветер не так свирепо ревел на просторе, проглянуло уже солнышко и озарило своим приветливым светом успокоившийся на несколько часов залив.

Эфанда решила воспользоваться возможностью и посетить своего друга дротта. Старик Бела мирно беседовал со своими соратниками, вспоминая старину, и девушка вполне свободно могла уйти из дому.

Северная девушка вовсе не знала той неволи, в какой должны были проводить с детства жизнь девушки других народов. Поэтому Эфанда могла совершенно свободно оставить свой юнгфрубур и отправиться в продолжительную прогулку.

Бедная девушка совершенно истосковалась за последнее время. Сердце её ни на минуту не знало покоя. Любовь к грустному пришельцу овладевала ею всё более. Эфанда скучала, томилась, и не с кем было ей поделиться своими чувствами. Не могла же она, дочь конунга, открыться в любви к дружиннику её отца, не зная даже, разделит ли он когда-нибудь её чувство...

Одна, оставив всех своих подруг и велев рабыням не следовать за ней, вышла Эфанда на берег залива. Невдалеке чернел густой жертвенный лес, в котором и жил старый дротт, с детства ещё ставший другом и на-

ставником девушки.

Выйдя к самым волнам, Эфанда остановилась в задумчивости. Лёгкий, приятный ветерок повеял ей в лицо. Кругом было тихо, только издали доносилось пение девушек.

Одна со своей думой стояла Эфанда на берегу залива, и мечты её были далеко-далеко...

То она вместе с избранником своего сердца носилась по неведомым волнам, то ей казалось, что до её слуха доносится шум битвы, восторженные крики победителей, стоны раненых...

Святогор в мечтах девушки был, конечно, среди первых.

— Он храбр, как и подобает берсерку! — тихо шептала Эфанда. — Светлые асы сохранят его для меня... О, если бы любвеобильная Сиона помогла мне и внушила ему чувство любви ко мне, а милостивая Фрейя помогла нам соединиться навек... Я принесла бы обильные дары. Только жив ли он? Нет никакой вести о Фритьофе... О всех других хотя бы слухи доходят, но об этой дружине ничего не слышно. Мне кажется, что я не перенесу его смерти. Какое мне дело, что он, оставив земное тело

здесь, начнёт обновлённую жизнь в Вальгалле!.. Женщинам туда доступа нет.

Думы, одна другой мрачнее, овладевали девушкой.

— Нет, нет! Он не любит меня! Он никогда не обращал на меня внимания... Я для него не существую, и никогда не узнает он, как я люблю его...

Эфанда, оставаясь под впечатлением этих невесёлых мыслей, тронулась далее — в лес, где обитал Гиорвард, старый дротт; лес отстоял от берега довольно далеко. Приходилось пройти берегом, где в это время собралось много женщин, так же, как и Эфанда, радовавшихся ясному деньку... Ещё издали девушка расслышала доносившееся к ней от этой толпы, где было немало и её подруг, пение. Много раз уже дочь Белы слышала эту песню, но теперь, когда сердце её наполнилось тоской и тревогой, песня произвела на неё особенное действие.

Женщины пели хором:

*— Далеко-далеко мой милый!
Он там, где лишь море шумит,*

Где ветер с могучей силой
С утра и до ночи гудит.

Гуляют валы на просторе,
За валом новый вал спешит,
По гребням их в грозное море
Ладья за ладьёй бежит.

Вал пенится, рвётся и плещет,
Как птица, несётся ладья,
А девичье сердце трепещет,
И песнь замирает моя.

Я вижу — вон парус прилажен,
Я слышу, как буря ревёт...
Мой милый спокоен, отважен,
Ладью свою смело ведёт.

Он с бурями грозными спорит,
Он спорит с пучиною вод,
И ветру он голосом вторит,
И песнь свою звучно поёт.

Поёт, что теперь с ним, могу-
чим,
Идёт на британцев гроза;
Поёт про меня он, я слышу,
И радостью блещут глаза.

Эфанда далее не могла слушать. Она чувствовала, что сейчас расплечется — такое впечатление произвела на неё эта давно уже знакомая ей песня.

«Они все счастливы, для каждой из них бьётся сердце могучего воина, — думала девушка. — Только для меня нет радости. Никто не думает обо мне в минуту опасности. Никто не вспоминает моего имени...»

Она поспешила пройти далее. Ветер веял в её сторону, и до слуха девушки доносилось всё тише:

*— В пылу жаркой сечи мой милый
Ту чудную песню поёт,
И в битву он с новою силой,
Меня вспоминая, идёт!*

*Вернись же скорей, ненаглядный,
Вся жаждой любви я горю.
Скорей! В день свиданья отрадный
Я счастьем тебя подарю!*

Эфанда не выдержала. Она опустилась на

покрытый мхом камень и залилась горькими слезами.

— О чём ты плачешь, девушка? — слышался позади неё мужской голос. — Зачем эти слёзы? Твои прекрасные глаза совсем не созданы для слёз!

Позади дочери Белы стоял её друг, старый дротт Гиорвард. Он ещё издали заметил Эфанду и поспешил к ней навстречу. Годы выработали в нём редкую наблюдательность. По походке девушки он понял, что она волнуется, что она борется со своими чувствами. Старик любил Эфанду, которую помнил со дня появления её на свет, и ему стало жалко девушку. Гиорвард знал, что его доброе, ласковое слово всегда производило впечатление на его любимицу, и теперь поспешил к ней.

— Так о чём же ты плачешь? Кто осмелился обидеть тебя? — с участием спрашивал он. — Назови мне дерзкого.

— Нет, нет, отец! Никто не обижал меня. Это я так... взгрустнулось мне... — кротко улыбаясь сквозь слёзы, ответила Эфанда.

Чтобы окончательно скрыть своё волнение, она поклонилась и приникла губами к

морщинистой руке старого дротта.

— Напрасно ты скрываешь от меня истину, девушка. Разве я не вижу твоего сердца? Я, которому дана способность видеть мысли людей! Я понимаю, ты страдаешь, знаю, в чём причина твоих страданий... Ты любишь!

Нежное, обрамленное золотистыми волосами личико Эфанды запылало ярким румянцем. Она смутилась, не зная, что и отвечать своему старому другу.

— Видишь, я угадал твою тайну! — опять заговорил тот. — Хочешь, скажу больше: ты любишь этого славянского варяга и страдаешь оттого, что он не разделяет твоей любви... Но погоди, погоди немного. Я уверен: он полюбит тебя. По лицу твоему вижу, что в будущем тебя ждёт счастье, и предсказываю тебе, что ты будешь счастлива.

— Но он... он, может быть, уже умер... как брат мой!..

— Нет, твой возлюбленный жив и скоро будет в твоих объятиях.

Эфанда с недоумением поглядывала на старого дротта.

— Не веришь? Гляди... — он протянул руку

вперёд.

На беспредельной глади залива, как крылья морских птиц, виднелись белые паруса приближавшихся ладей. Зоркий глаз Эфанды ясно различил их. С замирающим сердцем смотрела она вперёд, стараясь рассмотреть ту ладью, на которой был Святогор. Но ладьи были ещё слишком далеко.

— Спешите же домой, к отцу. А остальное предоставьте воле богов! — посоветовал старик. — Перестаньте тревожить своё сердце. Всё будет так, как ты желаешь. Порукой тому — моё слово.

Эфанду в это время заметили бывшие на берегу женщины. С радостными криками они бросились к ней и окружили её.

— Наши! Наши! — слышались восклицания. — Только отчего на ладье Фритьофа чёрные паруса? Кто ведёт их? Сейчас они будут здесь!..

16. Встреча

Сё ближе подвигалась возвращавшаяся флотилия. Жители Сигтуны от мала до велика высыпали на берег, с нетерпением ожидая, когда наконец ладьи станут у берега и воины высадутся с них. Несколько челноков с особенно нетерпеливыми пустились в открытое море навстречу ладьям. Всем интересно было узнать, почему поставили чёрные паруса на ладье викинга Фритьофа.

Вышел на берег и старый Бела. Почтенный конунг старался по возможности казаться бодрым, но, увы, лета сказывались... дрожали старые ноги, колыхалось, как дерево в бурю, немощное тело. Старику приходилось опираться на руку своего друга и соратника Рогвольда.

Собравшаяся на берегу толпа с почтением

расступилась перед старым конунгом, пропуская его ближе к берегу. Эфанда, увидев престарелого отца, поспешно кинулась к нему навстречу. Старик нежно погладил её по голове и опёрся на её плечо.

— Замирает, я думаю, и твоё сердечко, дочь моя! — шутливо заметил он. — На этих ладьях, верно, есть молодец, который похитил его. Так?

— Что ты, отец! Нет, нет! — смущённо воскликнула Эфанда, а щёки её так и заалели румянцем. Бела заметил это и усмехнулся.

— Что же, дочь! Дело молодое... Когда-то сердце твоей матери покойной так же трепетало, как подстреленная птица, когда подходили к берегу ладьи с возвращавшимися воинами... Но только что это могло бы значить? Чёрные паруса на ладье викинга — признак несчастливого похода или смерти вождя... Что же случилось?

— Я вижу много новых ладей! — сказал Рогвольд. — Не на наших верфях построены они.

— Нет ладьи Святогора, — тихо заметила Эфанда, не будучи в силах скрыть овладевшие

го ею волнения.

Ладьи подошли совсем близко к гавани. Паруса на них были уже спущены, мерно ударяли по поверхности воды вёсла. При свете дня можно было различить воинов, толпившихся на палубах.

— Что я вижу! — воскликнул Рогвольд, у которого зрение было посильнее. — Гляди, мой конунг! Скажи мне, что я не ошибаюсь! Мне кажется, что это он...

— Кто? Кто, ради Одина, скажи! — тревожно обратился к старому другу Бела.

— Вот, видишь, ладья... на ней молодые ярлы Аскольд и Дир. Я узнаю их!

— А рядом с ними наш Святогор! — пряхась за плечом отца, прошептала Эфанда.

— Да, он!.. А около него? Этот статный, высокий... Кто это? Да ведь это Олоф!.. Наш молодой викинг, сын твоего брата!

— Не может быть! — вскричал Бела. — Столько лет мы считали его погибшим.

— А между тем это он! Клянусь гремящим Тором! Но вот они спускаются в челноки... сейчас все будут здесь, и мы узнаем правду!

Старый воин пребывал в большом волне-

нии. Не меньше его волновалась и Эфанда. Бела, заметив это, с тревожным любопытством поглядывал на дочь.

«Кого она так ждёт? Кто из воротившихся мил её сердцу? — раздумывал он. — Неужто Святогор?»

Между тем воины из челноков вышли на берег, и все они стройными рядами направились к Беле.

— Приветствуем тебя, наш конунг! — говорили они.

— Приветствую и вас, храбрецы! — отвечал Бела. — Послал ли Один вам удачу в вашем деле? Отчего в ваших рядах я не вижу многих? Где Освальд? Где Рулав? Где мой старый соратник Голфдан?

— Увы! — послышался ответ. — Все они теперь среди храбрых в Вальгалле...

— Горе! Большое горе! Но они умерли, как подобает храбрым воинам?

— О да! Все они смело глядели в лицо смерти... Нет и Фритьофа с нами. И он теперь пирует с храбрыми в чертоге Одина.

— Горе! Но что за пришельца я вижу между вами? Кто этот юный, черты которого мне

кажутся знакомыми?

Бела указал на стоявшего рядом со Святогором молодого норманна. Это был Олоф, встречу которого со Святогором мы видели в одной из предыдущих глав.

— Дядя! Неужели и ты не узнаешь меня? — воскликнул он, кидаясь в объятия старика.

— Олоф, Олоф мой! Любимый сын моего любимого брата! Ты ли это? Мы уже отчаивались увидеть тебя на этом свете!

На ресницах у Белы показались слёзы. Он с несвойственной его возрасту силой прижал к своей груди так неожиданно возвращённого ему племянника.

— И я, дядя, не надеялся никогда более увидеть родные места, — отвечал Олоф. — Все эти годы томился я в тяжкой неволе у врагов... Ноги мои были покрыты ранами — вражеские оковы разъели их. Солнечный свет не проникал ко мне в темницу, но я не терял надежды на избавление. И оно пришло в тот миг, когда я уже стал отчаиваться... Как посланник великого Одина явился в мою темницу он!

— Святогор! — воскликнул Бела, ласково

взглянув на молодого варяга, державшегося всё это время скромно.

— Он, дядя, он! Так же, как и я, пленником, вместе с ярлами приведён был наш Святогор в моё мрачное узилище... Но без него никогда не удалось бы товарищам выручить всех нас из беды.

— Ты слишком хвалишь меня, Олоф! — скромно ответил Святогор. — Каждый из нас на моём месте сделал бы то же...

— Я всегда любил тебя, как сына! — признался ему старый конунг. — Порой мне казалось, что ты самим Одним прислан заменить мне моего дорогого Ингвора, погибшего на поле брани. Приди же ты теперь в мои объятия и дай мне прижать тебя к моей груди...

— Если бы не он, мой конунг, — вмешался стоявший тут же другой варяг, — никому из нас не увидеть бы более родины.

Эфанда с восторгом глядела то на Святогора, то на Олофа. Сердце её наполнилось радостью и счастьем.

— Здравствуй, Эфанда! Я покинул родину тогда, когда ты была ещё девочкой! — Олоф

подошёл к дочери Белы. — Какой ты стала красавицей! И в мечтах моих ты никогда не представлялась такою...

— О, Олоф! Зачем ты это говоришь! — смутилась Эфанда. — Я не заслуживаю такой похвалы.

— Не только одной моей... Я знаю ещё одного молодца, — наклонясь к уху Эфанды, прошептал Олоф, — он вполне разделяет моё мнение... Я поклялся ему замолвить за него словечко перед моей красавицей-сестрой. Хочешь, я назову тебе его имя?

— Нет, не надо! — вспыхнула румянцем девушка. — И тише... Послушай, отец говорит.

Радость благотворно повлияла на старого Белу. Он, казалось, сразу помолодел. Стан его выпрямился, глаза засверкали юношеским блеском.

— Храбрецы, благодарю вас! — громко говорил он. — Не посрамили вы родной земли! Не побеждёнными, а победителями вернулись... Один любит храбрых, и ваше имя навсегда запомнят враги. Из рода в род оно будет славно. Пройдут века. И не погибнет слава норманнов. Имя россов не будет забыто!

Слава вождям вашим!.. Ещё раз доказали те, кто собрался сюда из стран далёких, что Рослаген стал им родиной! Слава ушедшим в чертог Одина! Не горюйте о них! Слава принявшим смерть на поле битвы! В светлой Вальгалле окружены они теперь прекрасными валькириями, и там их сердца радуются, когда они смотрят на вас. Слава Святогору, вождю славянских варягов! Я искренно желал бы, чтобы у меня был такой сын!

Крики восторга были ответом на слова старого конунга.

— Пойдите пока по домам, не заботьтесь о ладьях. Повидайте скорее близких, отдохните с дороги. А когда отдохнёте — весёлым пиром отметим мы ваше счастливое возвращение.

Этими словами закончил Бела свою речь.

Поддерживаемый Олофом и Святогором, он, в сопровождении остальных вождей, направился к своему жилищу.

17. Освобождение

Лоф несколько не преувеличивал похвал Святогору. Молодой варяг действительно оказался героем.

Мы оставили Святогора в тот момент, когда он в объятиях французской сирены забыл всё на свете... Он был поражён этим неведомым ещё, непонятным ему взрывом кипучей страсти. Такое чувство было для него ново, и он, независимо от самого себя, поддался ему...

— Оставайся со мной, оставайся навек, мой норманн! — нежно шептала отуманенная чарами внезапно вспыхнувшей страсти красавица.

— Кто ты, о благородная госпожа? — вопрошал Святогор, всё ещё не выпуская её из своих объятий. — Скажи мне твоё имя, чтобы я мог называть тебя и вечно хранить воспо-

минания о тебе...

— Ты хочешь знать это? Гляди же! — она схватила Святогора за руку и быстро подвела его к окну. — Всё, что вокруг можно окинуть глазом, принадлежит мне... Мой покойный супруг, сир Де-сю-Ламар, оставил меня своей единственной наследницей... Этот город, те селения, по которым вы шли, беспрекословно повинуются мне, графине Жиневре Ламар. Остайся со мной, и всё это будет твоим...

Святогор слушал эту страстную речь как бы в забытьи. Картины одна другой отраднее проносились в его воображении. Он теперь был уверен, что предсказание колдуньи исполнится, и он будет владеть полумиром. В то же время страсть, отуманившая рассудок, покорившая сердце, заставила померкнуть в его воображении чистый образ Эфанды. Стоны заключённых в подземелье товарищей уже не звучали в его ушах. Всё, всё было забыто.

А красавица Жиневра всё крепче сжимала его в своих страстных объятиях.

Начинало темнеть. Весь чертог мало-помалу погружался во мрак. Только страстный лепет и звуки жарких поцелуев нарушали ти-

шину.

— Ты позабудешь свои скалы, норманн, — шептала Жиневра. — Я дам тебе всё, что только в моей власти. У нашего короля ты будешь в числе рыцарей. Он узнает тебя, полюбит и приблизит к себе... Дорога к славе тебе будет открыта. Но обещаешь ли ты мне позабыть свои скалы?..

Слова не сходили, однако, с уст пораженного всем происшедшим варяга. Он слышал, что говорила ему Жиневра, но в то же время думы уносили его далеко.

Как? Ценой измены? Ему, берсерку, купить своё счастье? Что скажут про него в фиордах? Скальды навек наложат на его память клеймо изменника и на всех пирах будут вспоминать о нём, как об отступнике, продавшемся врагам... Нет, нет!

Первый пыл страсти, так неожиданно охвативший всё существо Святогора, проходил, сознание возвращалось, а вместе с его возвращением заговорил и молчавший до тех пор рассудок.

А Жиневра всё крепче сжимала молодого варяга в объятиях. Лицо её пылало ярким ру-

мянцем, прежняя, не вполне ещё удовлетворённая, страсть светилась в её глазах.

— Говори же, говори! — шептала она. — Мой ты? Мой навсегда?

Снова горячие поцелуи, снова пыл неиспытанной доселе страсти затуманили рассудок Святогора. Он всеми силами души старался одолеть искушение, но чувствовал, как воля его мало-помалу парализуется, и огонь снова закипает в крови.

Не отвечая на вопросы, он крепко сжал Жиневру в страстных объятиях...

Вдруг в открытое окно донёсся неясный шум. Затихавший было городок как-то странно засуетился. По улицам забегали мужчины, женщины. В тишине наступившего вечера загудел набат. В то же мгновение в дверь комнаты, где были Святогор и Жиневра, раздался тревожный стук.

— Остайся здесь, мой возлюбленный! — шепнула графиня Святогору, а сама поспешно пошла к дверям.

Из-за них доносился звон оружия.

Святогор увидел встревоженные лица латников, среди которых он узнал и приходив-

ших за ним в темницу. Снова смутное волнение охватило его. Он заметил, что какая-то тень набежала на прекрасное лицо Жиневры, и слышал, как она торопливо отдавала приказания.

Захлопнулась дверь, и опять они остались одни.

Было заметно, что графиня чем-то сильно встревожена.

— Нет, нет, никогда! Ни за что я не отдам тебя! — сказала она, обнимая смущённого воряга. — Ты мой, навеки мой! Никто не в силах вырвать тебя из моих объятий.

— Но что случилось? — спросил Святогор.

— Молчи, мой норманн... Будь со мной, не отходи от меня, и нас ждёт счастье.

Жгучий поцелуй вновь отуманил рассудок Святогора. Что ему, в самом деле, до этого неожиданного смятения? Что ему за дело до врагов, грозящих этому городу? Красивейшая из виданных им женщин принадлежит ему, будущее теперь тоже в его руках, а до остального ему нет никакого дела.

Но вдруг до слуха Святогора донеслись хорошо знакомые ему звуки... Что это? Может

быть, он ошибся? Нет, нет, не может такого быть... Он так хорошо знает могучий рёв рога Фритьофа и ошибиться не может. Раскаты рога всё ближе и ближе... Да, да, это товарищи, получившие известие о гибели варяжской дружины, спешили отомстить за неё. Они уже близко, совсем близко. Теперь, пожалуй, под стенами этого гнезда врагов... А Фритьоф и не подозревает, что его Святогор, коего он всегда отличал перед другими, за минуту до того готов был на гнусную измену, готов был забыть и товарищей, и родину, и Эфанду...

Но теперь нет! Чары исчезли.

Прочь, тёмные мысли! Лучше, смерть, чем вечный позор, который неминуемо падёт на голову изменника.

Очаровавшая было Святогора женщина стала ему просто противна.

Слишком девственно ещё было сердце молодого варяга. Ему непонятен был совсем этот взрыв страсти; жгучие ласки красавицы стали ему отвратительны... А она всё ещё трепетала в страстной истоме, совсем не замечая того, что её обаяние не действует более, и молодой богатырь не то с презрением, не то с

ненавистью смотрит на неё.

А рог Фритьофа звучал всё ближе.

— Что с тобой, мой возлюбленный? — шептала графиня. — Отчего я замечаю в лице твоём такую перемену?

— Ты слышишь? Слышишь этот рог? Там они — мои братья! — прокричал Святогор, забывая даже, что он всё ещё во власти этой женщины. — Пусти меня к ним.

— Это что же! Волк слышал вой своей стаи? Нет, не думай... Чем я однажды завладела, то останется моим навеки. Неблагодарный! Неужели моя любовь не заставляет тебя забыть прошлое? Ты останешься здесь!

— Нет, нет! Пусть я погибну — но погибну вместе со своими.

Святогор резким, сильным движением высвободился из цепких рук сирены и что было силы толкнул её. Толчок был так силен, что она не удержалась на ногах.

— Ах ты так! Эй, стража! Ко мне!..

Но никто не откликнулся на её призыв. Издали доносились заунывный набат и шум разгоравшегося боя. В один миг Святогор очутился у стены с развешанным оружием. Он

сорвал первый попавшийся под руку меч.

Теперь он был вооружён и решил подороже продать свою жизнь.

Не обращая более внимания на графиню, одним прыжком очутился он у двери. Но красавица успела оправиться и кинулась ему наперерез.

— Нет, тебе не удастся выйти отсюда живым! — задыхаясь от гнева, говорила она. — Ты умрёшь!..

С проворством дикой кошки бросилась она на Святогора. В руках у неё сверкнул обнажённый кинжал. Молодой варяг вовремя заметил её движение и успел перехватить вооружённую кинжалом руку. Завязалась неравная борьба. Святогор обезумел совсем. Не помня себя от бешенства, он со всего размаха ударил мечом ту, которую незадолго до того держал в объятиях. Удар был силён. Живнера, не крикнув, рухнула на пол, заливая всё вокруг себя кровью.

Молодой варяг между тем был уже за дверями. Кругом опять царила тишина. Очевидно, вся стража поспешила на городские стены защищать город от нового нападения свире-

пых врагов. Там только Святогор несколько опомнился и огляделся. Куда идти? Грозилась новая опасность. Он не знал, как выйти во двор. В это мгновение чьи-то лёгкие шаги привлекли его внимание. Кто-то торопливо поднимался по лестнице. Святогор притаился за выступом стены. В просторную палату вбежал тот паж, который ввёл его в комнату графини. Мальчик был перепуган до последней степени. Лицо его было бледно, руки тряслись. Он, очевидно, спешил к госпоже с печальной вестью. Но едва паж вбежал в комнату, как Святогор схватил его за руку.

— Ты должен отвести меня к моим друзьям! — сказал он. — Веди, если хочешь остаться в живых!

Паж в ужасе взирал на варяга.

— Скорее веди меня! — вскричал Святогор, поднимая над головой своего пленника тяжёлый окровавленный меч. — Госпожа твоя умерла. Веди меня в подземелье!..

Перепуганный мальчик повёл молодого варяга. Тот же горел лишь одной мыслью — как бы поскорее соединиться с товарищами. Всё пережитое перед тем было забыто. Сердце

Святогора усиленно билось.

Они благополучно достигли дворика. Никто из воинов не встретился им.

— Вот тут! — паж указал на окованную железом дверь. — Теперь отпустите меня!

— Нет, ты пойдёшь со мной! — варяг сжал ему руку до боли. — Ты должен помочь мне освободить моих друзей.

— Но что будет потом со мной, несчастным? Смерть ждёт меня!

— Так или иначе, ты умрёшь! Веди же, не медли!

— За этой дверью! Пустите! — рванулся мальчик, но варяг взял его на руки и понёс вперёд.

Поднять железный затвор было для него делом одного мгновения. Громко стал звать он на родном языке Олофа. Крики радости были ему ответом... Норманны почувствовали близость свободы. И через миг они уже выбежали во дворик замка.

— Мы слышали рог Фритьофа! — воскликнул Дир.

— Так поспешим же к нему! — ответил Святогор, не слушая Олофа и Аскольда, благо-

даривших его. — Поговорим после!

Он быстро втолкнул пажа в подземелье и снова защёлкнул затвор.

— Теперь нам нечего опасаться этого мальчишки.

Олоф с наслаждением вдыхал свежий воздух.

Он едва держался на ногах. Нежданная свобода как будто опьянила его.

— Мужайся, брат! — заметил ему Святогор. — Соберись с силами. Они нам будут нужны... Идёмте, идёмте! Оружие добудем по дороге.

Двор замка казался вымершим. Совершенно легко выбрались четверо витязей на улицы городка. А там царило смятение. Никто из жителей не ожидал столь скорого вторичного нападения норманнов. С криками отчаяния суетились женщины, перепуганные звоном оружия. Там и сям слышался плач детей. Беглецы остались в этой суматохе совершенно незамеченными. Они скрылись в одной из тёмных улиц, направляясь на шум битвы — к стенам.

Святогор не ошибся. Это действительно

пришёл Фритьоф. После бури, рассеявшей лады скандинавов, он пристал к условленному месту. Здесь его нашёл один варяг из дружины Святогора. Он счастливо избежал опасности и уведомил викинга о поражении, понесённом отважной дружиной. Гневом запылал старый норманн и решил жестоко наказать жителей городка. Со всеми силами двинулся он к нему и шёл так быстро, что шпионы не успели предупредить горожан о его приближении.

Город застигли врасплох.

Но его защитники были храбры, хотя и малочисленны. Они дали дружный отпор на первый натиск врагов. Был даже момент, когда сам Фритьоф начинал уже терять уверенность в победе, но вдруг яркое зарево поднялось над городом.

Это Святогор и его товарищи подожгли несколько зданий городка.

Среди франков сразу произошло смятение. Ряды их дрогнули.

— Норманны в стенах! Спасайтесь! — слышался тревожный крик.

Часть воинов кинулась со стен на улицы,

ряды защитников поредели. Зарево становилось всё ярче... Новый дружный натиск — и норманны пробились в город.

Ожесточившиеся воины никому не давали пощады. Часть их тотчас же разбежалась по городу для грабежа, остальные избивали немногих последних защитников.

Целые два дня хозяйничали в городке свирепые скандинавы. Не оставили камня на камне. Огонь и меч истребили всё, и только история одна сохранила в своих столбцах свидетельство об ужасном нашествии Божьего бича...

Святогору, Олофу и ярлам скоро удалось соединиться с товарищами. Победа норманнов была полная, но она стоила им их вождя: Фритьоф был смертельно ранен и умер прежде, чем его дружинники успели докончить своё кровавое дело.

18. Избранник Эфанды

Только эта тяжёлая потеря отравляла радость победы. Но как бы то ни было, а ладьи варягов отяжелели под военной добычей. Сколько золота, сколько дорогих мехов везли они!.. Будет что отвезти в богатую и далёкую Византию норманнским купцам...

Без особых приключений вернулись они к родным берегам.

Святогор стал героем в глазах товарищей, едва только весть о его подвигах разнеслась по полуострову. Никто, конечно, не знал той драмы, которая так неожиданно разыгралась в покоях графини Жиневры, сам же молодой варяг со стыдом вспоминал о своей слабости... За ту сердечную борьбу, которую перенёс Святогор, вполне вознаграждал его ласковый, полный любви и восторга взгляд Эфанды...

Олоф считал Святогора своим освободителем и привязался к нему всей пылкой душой. Он даже совсем позабыл, что Святогор не природный скандинав, а выходец с берегов далёкого Ильменя. Для Олофа молодой варяг оставался нежно любимым старшим братом, которому он был беззаветно предан.

Легко удалось Олофу проникнуть в сердечную тайну своего избавителя. Внезапно вспыхнувшее в сердце Святогора нежное чувство к Эфанде — чувство, давно уже зревшее и подсказанное молодому человеку стариком Рулавом, — так и проскальзывало в каждом его слове о дочери Белы, и впечатлительный Олоф решил помочь Святогору стать мужем своей двоюродной сестры. Он и не думал о том, что в этом случае не мог претендовать на наследство после дяди. Да Олоф никогда и не мечтал стать главным вождём людей, большая часть которых состояла из выходцев из славянских земель. Самым лучшим вождём для них мог быть только Святогор.

В таком направлении и решил действовать Олоф.

Радость Белы при встрече с так неожидан-

но возвращённым ему сыном любимого брата не знала границ, и его сердце наполнилось благодарностью к молодому варягу. На радостях старый конунг созвал пир. Только что отдохнувшие от всех трудностей похода воины один за другим сходились в чертоги своего любимого вождя. Там всё уже было приготовлено к их приёму.

Между тем Святогор искал свидания с Эфандой. С тех пор, как он почувствовал, что любит её, он не знал ни мгновения покоя. Зародилось скрытое чувство беспокойства за будущее: как примет Эфанда его признание, не отвергнет ли она любовь безвестного варяга и не предпочтёт ли ему других, ну хотя бы этих молодых ярлов или Олофа, который окончательно уже оправился после перенесённого им тяжёлого плена?

Тогда бы... тогда Святогор не знал, как бы он поступил, но чувствовал, как нечто нехорошее так и поднимается в его душе.

В назначенный для пира день к старому Беле со всего полуострова стали собираться храбрые ярлы, викинги, седые воины, вожди варяжских дружин. Всех их приветливо

встречал старик, для всех находилось у него ласковое слово. С одними он вспоминал былые дни, кровавые битвы, куда он их водил, с другими, более молодыми, старый Бела весело шутил.

Но приветливее, чем со всеми другими, и ласковее он был со Святогором. Молодой варяг скромно держался в стороне, но тем не менее каждый находившийся у Белы понимал, что никто как он главный герой пира...

Начался пир вдохновенной песней скальда. О былых, давно минувших временах пел слепой старик. Пел он о великих асах, сошедших с неба по огненному мосту и ставших по плоти людьми, пел он о светлой Вальгалле, где храбрые проводят своё время и делят досуг с райски-прекрасными неземными девами-валькириями; пел он, что не горевать надо оставшимся на земле по ним, а радоваться только переселению храбрых в светлые чертоги Одина.

Суровые воины слушали певца, и лица их все прояснялись. Все они знали, что и их ждёт такая же судьба, и более всего, больше всякого позора страшились умереть не на поле

битвы, а под мирным кровом.

Хозяйкой, как и на всех пирах у старого Бела, была Эфанда. Сколько влюблённых глаз со всех концов палаты с восторгом следило за каждым её движением, но Эфанда среди всех молодых воинов видела одного Святогора. По временам взгляд её голубых, прекрасных глаз подолгу задерживался на молодом варяге. Старый Гиорвард, жрец громовержца Тора, пришедший на пир из своей дубравы, подмечал эти взгляды и довольно улыбался, выбирая момент, когда можно будет замолвить за влюблённых слово перед старым Белой. Он уже и прежде говорил Беле о своих наблюдениях и сумел расположить его в пользу молодого варяга, так что старый конунг, полюбивший Святогора, совсем не был прочь отдать ему свою единственную дочь.

Пир всё разгорался. Рекой лилось фряжское вино, лица суровых воинов разгорелись, повсюду в палатах конунга слышались оживлённые беседы.

Вдруг старый Бела поднялся со своего места и громко постучал о чашу рукоятью своего меча.

— Товарищи и старые друзья! — заговорил он. — Хочу к вам я держать моё слово. Послушайте старика, храбрые россы, и подумайте над тем, что я скажу. Стар становлюсь я, много и лет, и зим промчалось над моей головой, немощно моё тело, немощен стал и дух, прошли мои дни. Уже не слышать мне более шума битв, отрадного сердцу воина звона мечей, не водить мне вас более в набег на врагов. Пришёл, наконец, и мой черёд уходить в чертоги Одина. Близко, близко этот сладкий миг. Без страха и трепета жду я его.

— Зачем ты говоришь так нам, конунг? Живи на славу россам! — зашумели голоса. — Никто из нас не желает твоей смерти.

— Знаю я, знаю это! — продолжал конунг. — Но и вы знаете, что остаётся после меня дочь моя Эфанда. Остаётся она одинокой, беззащитной. И не хотелось бы мне предстать перед великим Одином с глубокой тоской о её участи.

— Отец, отец, молчи! — воскликнула со слезами в голосе девушка. — Ты терзаешь мне сердце... живи вечно на этом свете... Я не хочу, чтобы ты умирал.

— Нет, дочь моя! Никто из смертных не может изменить воли всемогущих богов, каждому из нас рано или поздно суждено умереть. Но перед смертью хотелось бы мне и тебя, и моих рослагенцев видеть счастливыми. Знаю я, что после меня супруг твой займёт моё место, если только окажется достоин он, и хотелось бы мне при жизни знать, дочь моя, твоего избранника. Много здесь славных воинов, имена которых хорошо знакомы врагам... Не красней, Эфанда, и назови мне того, кто занял место в твоём сердце.

В палатах стало тихо. Молодые варяги и норманны оставили полные вина чаши. Все они так и пожирали глазами прекрасную дочь конунга, ожидая, что выбор её остановится на ком-либо из них.

— По древнему обычаю нашему, — говорил Бела, — возьми рог, дорогая дочь моя, и поднеси его своему избраннику. Успокой моё сердце, дай мне умереть спокойно, дай мне узнать при жизни, что выбор твой пал на достойного.

Святогор слушал эти слова старика с замирающим сердцем. Он снова переживал тяжё-

люю минуту. Было на пиру столько знатных ярлов, древних родом, богатых добром, и никакое соперничество с ними безвестному варягу не представлялось возможным.

Вдруг видит он, сходит Эфанда со своего места; полный вином рог так и дрожит в её руках. Низко опустив глаза, проходит она по рядам воинов. Ярким солнцем пылают её щеки.

Снова замерла вся палата, даже старики с волнением следят за девушкой. Понурил голову Святогор; в эту минуту он страстно желал бы умереть, только бы не слышать рокового, разбивающего все его надежды на счастье приговора Эфанды.

И вдруг совсем близко от себя слышит он робкий голос Эфанды:

— Если ты хочешь знать моего избранника, отец, то вот он.

Нам ком же она остановилась? Кто этот счастливец?

Святогор поднял голову и в первое мгновение не поверил тому, что увидел.

Эфанда стояла перед ним и трепетной рукой протягивала ему рог.

— Нет, нет, этого быть не может! — воскликнул молодой варяг. — Разве я, безвестный выходец, мог когда-нибудь надеяться на такое счастье!..

Но его прервал старый Бела:

— Прими без смущения рог, Святогор. Я рад, я счастлив, что свободный выбор моей любимой дочери остановился на тебе... Много здесь знатных норманнов, но ты, одинокий, давно уже прославил своё имя... Я верю, что и родную страну свою ты прославишь также... Будь отныне моим сыном, будь мужем моей Эфанды! Приветствую тебя, дорогой сын! Товарищи, друзья, кто разделяет со мной мою радость, приветствуйте и вы моего дорогого отныне сына!..

— Да здравствует избранник Эфанды! — раздались единодушные восклицания, и среди них голос урманского викинга Олофа звучал громче всех.

И старым воинам, и даже сверстникам Святогора были ясны все выгоды, которые могли быть последствиями этого избрания. Влияние Святогора на россов, большая часть которых являлись выходцами из земель сла-

вянских, было велико. Благодаря тому, что Святогор становился таким близким к конунгу лицом, число их, а следовательно — и количество норманнских дружин должны были возрасти, да и старые, прижившиеся уже на Росслагене, ильменские варяги, польщённые подобным выбором, должны были ещё более привязаться к стране, ставшей их второй родиной. Поэтому, когда Бела, сошедший со своего места, принял в свои объятия и крепко прижал к груди Святогора, ставшего при его приближении на колени, все как бы почувствовали себя сразу облегчёнными от тяжести, и пир зашумел ещё веселее и раздольнее.

Эфанда, по обычаю того времени, тотчас же удалилась из палаты...

19. Вести с родины

Страна, где я впервые постигнул радость бытия.

В. А. Жуковский

Святогор не помнил себя от радости... Свершилось на яву то, о чём он мог только мечтать. Он, безвестный выходец, человек без роду и племени, оказался избранником могучего, уважаемого конунга... всё, решительно всё, представлявшееся только в заветных мечтах, становилось теперь исполненным. Даже то, что он глубоко затаил в своём сердце — месть отвергнувшей его родине, — могло теперь осуществиться.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Святогора в тот миг, когда старый Бела прижал его к своей груди. Громкие приветствия отуманили его. Совершившееся столь неужи-

данно событие казалось ему чудным сном...

— Что же ты не осушаешь рога, или не по сердцу тебе моя дочь? — с сердечной лаской в голосе обратился к Святогору конунг. — Ты молчишь, варяг... Мы ждём твоего ответа!

— Конунг, если бы ты мог знать то, что происходит сейчас в моём сердце! — воскликнул в воодушевлении молодой варяг. — Ты бы тогда не требовал ответа... Могут ли слабые слова передать чувства? Я, безвестный варяг, чужой между вами, и вдруг... о, конунг!.. получаю то, о чём не могли и мечтать многие храбрые витязи... Разве могу я считать себя достойным выбора твоей дочери? Мне всё произошедшее представляется сном...

— Постой, Святогор! — перебил молодого варяга седой славянин-варяг, явившийся к Беле гораздо позже его, но уже успевший заслужить всеобщие почёт и уважение. — Дай мне сказать слово. Слушай, мой конунг!.. Что бы ни говорил Святогор, а вовсе он не безродный... Сам ты слышал не раз, что далеко за Нево, у самого истока великой славянской реки Волхова, стоит богатый славянский город. Деды ваши и прадеды знали его... Много нор-

манских гостей ходят мимо Гольмгарда по великому пути от нас в далёкую Византию. Вот из этого-то города родом наш Святогор...

— Он никогда не говорил об этом, — заметил Бела.

— Что же, что он молчал! Но мы, сыны этой страны, все хорошо его знаем. Слушай же дальше... Правит Новгородом — и много уже лет — известный повсюду посадник Гостомysl, муж крепкий умом...

— Слышал я о нём, много раз слышал! Мудр новгородский посадник, только его умом Гольмгард и держится...

— Вот видишь! Сам отдаёшь ты хвалу мудрости Гостомысла. Перед тобой племянник его — Святогор!

— Так ты племянник Гостомысла! — в удивлении воскликнул Бела.

— Да, это правда! Гостомysl мой дядя, — тихо ответил тот. — Судьба заставила меня расстаться с моей родиной.

— Зачем же молчал ты столько времени?.. О, Святогор! Если бы ты сказал мне это раньше... Кто знает, может быть, ты и не заставил бы так долго скучать по тебе мою Эфанду...

— Прости, конунг, я не знал, что подумашь ты обо мне, отвергнутом родной стороной, проклятом служителями богов...

— Какое нам дело до того, что было раньше. Ты пришёл к нам, и мы не в праве были отказать тебе ни в приюте, ни в ласке. Но теперь, когда ты становишься моим сыном, заменяешь для меня моего Ингвора, теперь мне ещё приятнее узнать, что избранник Эфанды такой близкий родственник славного Гостомысла. Я боюсь одного, чтобы ты не покинул нас и не вернулся на родину.

— Ты прав, ещё раз прав, не могу поступить иначе... Я дал клятву вернуться на берега Ильменя и вернусь...

Нахмурил Бела седые брови. Очень не по душе ему пришлось такое признание. Он с неудовольствием взглянул на Святогора.

— Да, вернусь! — продолжал тот. — Лишь только часть твоей власти будет в моих руках. Хищным соколом полечу я с товарищами на ильменские берега, из края в край с мечом в руках пройду я славянские земли. Запылают в море огня жалкие селения родичей, с лица земли сотру я города когда-то родной мне

земли, в прах разобью я кумиров, и только тогда вздохну я свободно: моя клятва будет исполнена... Местью, кровавой местию, поклялся я ей, меня отвергнувшей, и пока я жив только, мыслью о мести я буду дышать.

Присутствовавшие на пиру варяги смущённо молчали. Их поразило это признание. Им совершенно неизвестна была история Святогора, и такое внезапное чувство ненависти было им непонятно.

— Я понимаю твои чувства, сын мой! — сказал Бела. — Данная клятва должна быть исполнена. А славянские земли богаты и добычей обильны. Я радуюсь за витязей, которые пойдут с тобой туда... Но ты, наверное, жаждешь знать, что происходит там. В ваше отсутствие прибыли с берегов Ильменя новые дружины варягов, и теперь только я вспомнил, что в них есть два молодца, которые долго разыскивали тебя... Я слышал, что они называли тебя братом.

— Братья, братья! — прошептал Святогор. — Я оставил их там, на Ильмене, совсем детьми...

— А теперь оба они молодцы, каких мало!

Как только прибыли они, то немедленно переменили свои имена. Сигуром назвался старший и Триаром второй... Зная это, ты легко можешь найти их.

— Ты сообщил мне хорошую весть, мой конунг. Прошу тебя: позволь мне удалиться и повидать братьев, если только это действительно они.

— Иди и помни, что с этой минуты ты — избранник моей дочери и вместе с тем мой сын! — сказал Бела, отпуская Святогора.

Весть о том, что среди рослагенских варягов находятся любимые братья, сильно взволновала Святогора. Он даже на мгновение забыл о своём счастье.

«Что заставило их покинуть родину?» — раздумывал он.

Когда Святогор вышел из палат Белы, весёлый шумный пир там ещё продолжался. Громко пел слепой бард, восхваляя войну и успехи на поле битвы:

*— С войною слава неразлучна,
Нет в мире лучше дел войны,
Кто не был ранен — прожил скуч-*

*но,
Как осень, дни его темны.*

Мрачная северная ночь уже опустилась на землю. С берега доносился рёв прибоя, с выси небесной на успокоившуюся землю смотрели звёзды. Молодой варяг остановился, с жадностью вдыхая чистый свежий воздух. Было немного холодно, но Святогор не замечал этого.

— Как я бесконечно счастлив! — молвил он себе. — Самая красивая из рослагенских дев полюбила меня... Что мне теперь родина! Что мне всё на свете!.. Одна, одна только Эфанда могла скрасить мою жизнь, и теперь она моя, навек моя... О, как я люблю её!

— Знай, Святогор, что и моё сердце давно уже принадлежит тебе! — раздался около него шёпот. — Давно, давно уже я живу мечтами, надеждами на счастье с тобой.

Святогор оглянулся. Около него стояла закутанная с ног до головы женская фигура. Молодой варяг скорее сердцем угадал, чем узнал, кто это.

— Эфанда! — воскликнул он, протягивая

вперёд руки.

— Да, это я... нарушив все заветы отцов, я вышла к тебе, чтобы сказать, что я горячо люблю тебя... О, как я страдала, когда видела на лице твоём постоянную печаль... Может быть, и полюбила я тебя за твои страдания... Как я мучилась, когда ты уходил в набеги, с какой тоской я ждала возвращения дружин. Но теперь мои муки кончились — кончились навсегда. Ты мой, Святогор! Навеки мой! В пылу ли битвы, на шумном ли пиру, я всегда буду около тебя, я сумею охранить тебя от всякой опасности...

— Моя Эфанда! Не бойся за меня... В твоей любви я найду силу одолеть всякие опасности. Я прославлю на поле брани своё и твоё имена... Ты всегда будешь моей счастливой звездой.

— Знай, Святогор, умрёшь ты, и я последую за тобой... Но я верю теперь тебе, верю твоей любви, верю тому, что мы будем счастливы...

— И никто, решительно никто не будет в силах помешать нашему счастью... и я верю, что нас с тобой, моя Эфанда, ждёт счастливое будущее!..

Эфанда приникла к плечу своего жениха. Оба они замерли в восторженном молчании. Тихо было вокруг. Только издали доносился плеск прибоя, да из палат конунга слышался шум пира... В тёмной выси неба ласково мигали звёзды...

20. Братья

Игур и Триар действительно оказались такими, какими представил их старый Бела. Все славянские варяги были молодец к молодцу. Но эти двое юношей выделялись среди них. Святогор с трудом узнал братьев, когда нашёл их в одной из варяжских дружин. Не такими он ожидал встретить их после долгой разлуки. Ему всё казалось, что спокойная жизнь у Гостомысла должна была изнежить этих юношей, расслабить их тело, и был он приятно удивлён, когда увидел перед собой

рослых молодцов, с весёлыми, открытыми лицами, с блестящими юной отвагой глазами... Трогательна была встреча братьев.

В первый миг радостного свидания они как будто даже смутились, но затем смущение прошло. Каждый из них почувствовал себя уже не одиноким пришельцем в этой стране на краю света. Молодцы-братья Святогора ободрились. Их присутствие и ему самому придало сил.

— Как вы надумали перебраться сюда? — вопрошал Святогор.

— Пришли искать счастья! — уклончиво отвечал Сигур. — Не всё же дома сидеть. Там теперь тесно...

Святогору показался каким-то особенным тон, которым брат произнёс эти слова. В нём слышалась некая затаённая мысль, слышалось скрытое неудовольствие. Было очевидно, что Сигуру и Триару не хотелось касаться причин, заставивших их покинуть берега Ильменя.

«Что у них там произошло? — с тревогой подумал Святогор. — Они что-то от меня скрывают».

Он не стал тревожить братьев расспросами, понимая, что подобные разговоры могут смутить молодых людей, не успевших ещё оглядеться в новой для них стране.

— Наш конунг и моя невеста желают вас видеть, — сказал он. — Пойдёмте, я отведу вас к ним!

— Невеста! — воскликнул с удивлением Триар. — О, Святогор, неужели ты забыл прошлое?

— Нет, я ничего не забыл.

— А твою клятву?

— Помню больше, чем когда-либо... Но откуда вы знаете об этом?

— Мы твои братья! — понурился Триар.

— Да, понимаю! — воскликнул Святогор. — Значит, та ненависть, которую питали ко мне на берегах Ильменя, была перенесена на вас?

Сигур и Триар кивнули. Святогор понял, что нелегко им пришлось.

— А что же дядя?.. Что же Гостомысл?

Братья угрюмо молчали. Молодому варягу стало ясно, что ему не добиться от них ответа. Во всяком случае, сегодня. Не теряя времени на дальнейшие расспросы, он повёл их к ко-

нунгу.

Старый Бела встретил молодцов приветливо.

— Радуюсь вашему приходу! — сказал он им. — Будьте вы в наших дружинах тем же, чем стал ваш брат. Дорога к славе открыта перед вами. Не завидуйте Святогору, а старайтесь сами своими подвигами заслужить славное имя... Олоф, тебе я поручаю их, — обратился Бела к племяннику. — Полагаю, ты дашь им возможность отличиться.

— Не сомневайся, дядя!.. Мы так дружны со Святогором, что его братья станут и моими братьями. Долго не засидимся мы на одном месте. Я знаю намерения Святогора. Дай ему управиться с сердечными делами, и мы, будто соколы, полетим на врагов. Так, мой названный брат? Посмотрим, как встретит нас тогда твоя родина.

Святогор только грустно улыбнулся на воодушевлённые речи Олофа. Сигур и Триар переглянулись.

— Трудно это будет, мой Олоф! — заметил Бела. — Вряд ли пойдут за Святогором его варяги... Ильмень — всё-таки их родина. А ка-

кие там у них счёты с ней... кто знает?

— Вот и я так думаю, мой конунг, — отозвался Святогор.

— Чего же бояться? — пылко воскликнул Олоф. — Пусть не идут славянские варяги, если не хотят добыть в честном бою воинскую славу!.. Мало ли воинов есть, кроме них, у нас в Скандинавии? Кликнуть только клич, и соберутся они мигом со всех концов. Мои урмане придут первыми. На них, Святогор, ты можешь рассчитывать.

— Благодарю тебя, Олоф! Если удастся задуманное мною дело, то успехом его я всецело буду обязан тебе...

— Ну, это будет видно после... На всё воля богов. А пока твоих молодцов я забираю к себе.

— Пусть будет так, мой Олоф. Я ручаюсь за них обоих, не посрамят они в бою имени славянского...

Но пока позволь мне побеседовать с ними. Ведь много времени прошло для нас в разлуке.

— Пойди, мой Святогор! — разрешил Бела, с любовью глядя на молодого варяга. — Пой-

ди, но помни, что, кроме них, у тебя есть и невеста... Эфанда так редко видит тебя, что скучает не на шутку.

Старый конунг окинул приятным взглядом троих молодцов.

— Братья, вы что-то скрываете от меня, — сказал Святогор, когда они вышли из палат Белы. — Расскажите мне всё, что случилось с вами за время нашей разлуки.

— Что говорить, Святогор! Расскажи нам о себе. Как ты здесь? Слышали мы, что дочь конунга Белы станет твоей женой. Правда ли это? — спросил Триар.

— Да, правда, братья! Боги как будто вознаграждают меня за прошлые несчастья... Здесь, среди этих скал, я действительно нашёл себе вторую родину... Здесь отдохнул я душой после всего пережитого там, на Ильмене...

Сигур и Триар слушали старшего брата с напряжённым вниманием. Мало-помалу Святогор разговорился. Подробно рассказал он им о своих несчастьях — оба юноши были тогда ещё мальчиками и о событиях, повлёкших за собой удаление их брата в Скандинавию, знали только из рассказов. Когда он рас-

сказал им о злодействе Вадима, лица обоих братьев так и загорелись.

— Так вот почему он так жестоко преследовал нас! — воскликнул Сигур.

— Кто это он?

— Вадим!

— Только он был виновником наших несчастий! — подтвердил слова брата Триар.

— Да, только он... он один принудил нас покинуть родину и искать счастья в далёкой стороне.

— Но что же дядя? Что же Гостомысл? — воскликнул Святогор. — Разве не мог он вступить за вас, защитить от козней врага?

— Стар и дряхл стал Гостомысл, — грустно улыбнулся Триар.

— Но я слышал от новых людей с Ильменя, что он по-прежнему посадничает в Новгороде.

— Да, посадничает, и новгородцы слушают каждое его слово... Они верят в его мудрость.

— Но сам-то он? Разве стал он слаб умом?

— Нет, но потерял всякую надежду на твоё возвращение, а смерть внука, сына Словена, ввергла его в отчаяние. Просто он сам не зна-

ет, что делать. Всем пятинам новгородским дал он полную волю, и этим пользуется враг наш Вадим...

— Что же он?

— Умер отец его Володислав, и Вадим стал править родом... Засел он, как волхв перынский, на Ильмене, подобрал людей себе и никому не даёт проходу — не из Ильменя к Новгороду, не из Новгорода в Ильмень...

— Разбойничать принялся!

— Да, так! И всё хотел нас извести. Оговорил нас перед Велемиром, жрецом, а тот по его слову потребовал нашей крови для Перуна!

— Так же, как и крови Любуши тогда, — кивнул Святогор.

— Гостомысл во всё теперь покорен Велемиру... Стали они дружить сразу после твоего ухода. И дошёл до нас слух, что он готов выдать нас жрецу... Не хотелось умирать на жертвеннике, мы и ушли сюда!

— Скоро за всё рассчитаемся! — мрачно покачал головой Святогор. — Близок час моей мести. Забыли они, что я жив ещё. Так вспомнят теперь! За всё, за всё мы счёты сведём, и

за Любушу погибшую, и за вас, родимые братья...

21. Снова на Ильмене

Ействительно, много, очень много перемен произошло в земле приильменских славян с той поры, как Святогор покинул родные ему берега Ильменя.

Только старое славянское озеро как будто нисколько не изменилось. По-прежнему сердито плещет оно в своих низких берегах, по-прежнему ходят по нему зеленоватые, поднимающие со дна песок и траву волны. Также заветная роща раскидывается вокруг Перынского холма, на котором высится истукан грозного Перуна.

Главная и самая поразительная перемена произошла в людях, в родах славянских. Было заметно, что не стало в них правды, и род го-

тов был восстать на род, пылая ни чем необъяснимой злобой против своих же братьев.

Раздоры и междоусобицы шли из Володиславова рода.

Один за другим умирали мудрые, дряхлые телом, но умом крепкие старики этого богатого и славного рода. И чем меньше их становилось, тем больше забирал себе воли и власти старейшинский сын Вадим.

После вероломного убийства Любуши Вадим как будто переменялся. Он притих. Но это было только с виду. Страсти по-прежнему бушевали в сердце Вадима, угнетённого постигшей его неудачей. Только в том, что положил он на месте Любушу, что она не досталась врагу, находил злобный юноша некоторое утешение. Никто не упрекнул его в этом поступке. Все в тот миг, когда напали варяги, были так растеряны, что кровавое дело Вадима прошло незамеченным. Когда же поднято было тело Любуши, только один старик Простен и горевал по ней. Никому другому до его беды не было дела.

Но с того самого мига Вадим поклялся, что он добьётся власти — хотя бы для того, чтобы

иметь возможность управиться со всеми врагами, а если возможно, то добраться и до Святогора.

Знал он, что Святогор ушёл к норманнам. Но часто проходили мимо Новгорода норманнские купцы в далёкую Византию, и Вадим ожидал, что в одной из дружин окажется и Святогор.

Думал он, что не утерпит его враг и явится когда-нибудь на покинутую родину...

Только бы явился, а там уже Вадим сумеет справиться с ним. Не посмотрел бы он на норманнскую дружину...

Тогда и Гостомысл уже не смог бы спасти племянника.

Новгородский посадник тоже пережил многое за эти долгие годы. Сердцем страдал он о своём любимце Святогоре, но ещё более поразила его потеря любимого внука... Один остался старик на белом свете, не для кого было беречь ни богатств, накопленных за долгие годы, ни почётного места. Подумывал было он уйти с посадничества, но потом всё-таки решил остаться.

«Сделаю славянский народ счастли-

вым!» — думал старик.

Отлично понимал Гостомысл, что для счастья народного нужна крепкая власть. Видел он, что вольность до добра не доведёт. Каждый из родов жил сам по себе, никакой над собой власти не зная. В случаях ссор и раздоров каждый род считал себя правым, а отсюда было недалеко и до кровавой вражды. Сожалел Гостомысл о воле-волюшке, но ради пользы многих людей следовало её поступиться...

Но так думал только он. Все другие — и в Новгороде, и в родах — придерживались противоположного мнения. Воля, полное безначалие нравились всем. Никто не знал над собой старшего, и если Гостомысл ещё держался на посадничестве бессменно, то потому только, что умел ладить с людьми. И степенному боярину угоди, и мужу не перечь, и с «концевым» или пятинным старостой ласков будь, и родовому старейшине покланяйся, а уже о жрецах и говорить нечего... Те, а особенно перынские со своим Велемиром, такую взяли волю, что новгородскому посаднику приходилось перед ними заискивать.

А чего это стоило Гостомыслу, — каких

усилий над собой, — об этом никто не знал.

Понимая, что не к добру ведёт народная воля, единой твёрдой властью не сдерживаемая, мудрый Гостомысл составил вполне достойный его мудрости план действий. Он решил показать всему народу приильменскому, что значит эта воля, и для выполнения своего замысла избрал Вадима. Знал он его буйный неукротимый характер и рассчитывал, что рано или поздно, много зла он наделает на берегах Ильменя. А тогда Гостомысл и решил указать всем славянам, и веси, и чуди, и кривичам выход из положения...

«Пусть род на род восстанет, пусть пойдут между ними раздоры, — сводил концы с концами Гостомысл, — тогда я покажу им, что только твёрдой единоличной властью и можно с корнем вырвать зло... Пусть выберут себе князя, который бы судил их, управлял ими и защищал от вражеских нападений... Когда они сами поймут это, не трудно будет и заставить их покориться их же избраннику».

Только одно сильно смущало мудрого старика: во всех родах славянских не видел он ни одного достойного такого выбора...

Когда ещё только назревал этот план, Гостомысл предполагал, что может стать князем его любимый внук. Ради него он и задумал столь трудное дело. Для него он и величественных славян к осознанию необходимости единой власти, но неумолимая смерть похитила юношу.

Тогда пришёл старику на память его любимый племянник Святогор. Ни одной вести не было к Гостомыслу от него. Не знал он даже, жив или нет Святогор. Пытался было он расспрашивать о нём проезжавших норманнских купцов, но никто ничего не знал о славянском богатыре.

— Много в Скандинавии славянских варягов! — говорили обыкновенно проезжие. — Все они молодцы, витязи, а кто из них Святогор, о котором ты спрашиваешь, как же нам знать!

Послать гонца в далёкую Скандинавию Гостомысл не решался. Не было у него под рукой такого верного человека, которому он мог бы дать подобное поручение. Плохо и ему пришлось бы, узнай жрецы на Перыни, что новгородский посадник имеет сношения с от-

ступником от богов, с оскорбителем главного божества.

Но из этого затруднения скоро вышел Гостомысл.

Стал он внушать понемногу двоим росшим у него братьям Святогора, что должны они поискать счастья ратного в далёкой Скандинавии. Вместе с тем стал он на них и Вадима натравливать, бередя в нём старую рану, пробуждая ненависть к Святогору.

Вадим был не из тех натур, что забывают. Ненависть, которую он питал к Святогору, перенёс он на братьев, стал преследовать ненавистных ему юношей, и если бы Гостомысл не охранял их постоянно, они бы оба погибли.

Сам Гостомысл дал им возможность уйти к скандинавам. Он надеялся, что там они отыщут своего старшего брата, и тот уже сумеет вернуться на родину...

А здесь-то, на Ильмене, Гостомысл знает, как поступить. Если и один Святогор назад вернётся, то найдутся у новгородского посадника верные дружины, да к тому времени и сами роды поймут, что нужен им князь силой крепкий...

Только бы вернулся, а там уже Гостомысл знает, как поступить.

Тем временем умер старик Володислав, и род его остался без главы. Молод был ещё Вадим, чтобы занять отцовское место, но у него в роду много было сторонников, такой же буйной молодёжи, как и сам он. Эта-то буйная молодёжь и помогла Вадиму занять место Володислава. Многие в роду противились этому, но в конце концов всё-таки покорились своей участи и признали Вадима главой рода.

А тот только этого и дожидался.

Правы были Сигур и Триар, что грозным перыньским волхвом засел Вадим на истоке великой славянской реки. Никому не давал он проходу. Со жрецами, а в особенности со старым Велемиром, он ладил, обильные жертвы всегда приносил истукану, и жрецы покровительствовали ему. Даже норманнских купцов не боялся он затрагивать. Много быстрых ладей их пустил ко дну, и не находилось никого, кто наказал бы дерзкого. Даже Гостомысл, казалось, мироволил ему и покрывал его проделки...

Так шли годы...

Дряхлел новгородский посадник, но по-прежнему держался он одной заветной мысли — дать единоедержавную, крепкую власть родному славянскому народу...

Часть III ИСПОЛНИВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ

1. Перед грозой

та, казалось, нисколько не отразились на Вадиме. По-прежнему он был и станом прям, и лицом красив, только глаза как будто поблекли, и не горел в них прежний огонь молодости. В сердце же Вадима, как и раньше, жила злоба. Когда не стало отца, воля которого всё-таки хоть немного сдерживала взрывы накипевшей злобы, он стал ещё свирепее, ещё жестокосерднее. Ничего заветного не существовало для него.

Порвалось и ещё одно звено, тоже сдерживавшее буйный характер старейшинского сы-

на: он окончательно разубедился в силе и могуществе славянских богов. Даже громовержца Перуна осмеливался он поносить, и если поддерживал ещё связь с перынскими жрецами, то потому лишь, что они нужны были ему. Благодаря им многие проделки буйного молодца сходили ему с рук безнаказанно.

О Святогоре он никогда на людях не вспоминал. Как будто врага и не существовало на свете. Но не забыл он его. Каждый миг удерживал в памяти виденное им в убогой хижине старого Мала.

Ужасная картина постоянно вставала перед его глазами: чудилось яркое зарево пожаров, слышались стоны раненых, звон оружия, и вдруг посреди всего этого, как живой, поднимался образ ненавистного Святогора.

Напрасно старался забытья Вадим в шумных пирах, в частых, доходивших до кровопролития, столкновениях с соседними, более мелкими родами, нет, предсказание Мала никак не выходило из его памяти.

Но к этому ужасному воспоминанию примешался ещё необъяснимый страх за будущее. Инстинктивно, независимо от собствен-

ной воли Вадим верил предсказанию старого Мала.

Чувствовал он, что прав был болгарский кудесник, что есть над людьми другая, высшая воля, которая судьбой их правит, и никакие силы человеческие против этой высшей воли не могут идти.

Сознание этого особенно удручало Вадима.

Никак не мог перенести этот гордый человек мысли о том, что есть на свете воля, более сильная, чем его.

«Нет, Мал — лукавый кудесник! — решил он. — Все его рассказы ничего не стоят. Просто Гостомысл сумел подкупить его в пользу своего племянника. Вот он и наговорил мне тогда разного вздора. Я заставлю его сделать такие предсказания, какие угодны мне!»

Но до поры до времени Вадим затаил злобу против старого кудесника. Слишком велико бы влияние того на ильменских славян; не на шутку побаивались Мала даже родичи Вадима.

Однако долго ждать Вадим не любил.

В один яркий солнечный день, вскоре после того, как занял он в роду место умершего

отца, нагрянул он с десятком хорошо вооружённых слуг, преданных ему беззаветно, на ту лесную прогалину, где когда-то так долго вызывал он старого кудесника.

Горело злобой сердце Вадима. Решился он на тёмное дело.

«Посмотрим, что он скажет теперь, — думал он. — Осмелится ли перечить мне?»

Оставив слуг недалеко от прогалины, он приказал им явиться к нему по первому зову, а сам пошёл к трём соснам, по-прежнему величаво высившимся над прогалиной.

— Мал, старый Мал! Выйди на зов мой! — прокричал он.

Не успело ещё затихнуть эхо в лесу, как ветви окружающих прогалину кустарников зашевелились. Старый Мал не заставил себя ждать на этот раз и появился перед Вадимом.

Ничто не изменилось в его внешности. Каким видел Вадим его за несколько лет до этого, таким старый Мал и предстал.

— Что нужно тебе? — спросил он, строго взирая на Вадима.

Неожиданно для себя тот смутился. Чувство какого-то необъяснимого страха охвати-

ло всё его существо. Вадим молчал, как бы забыв, зачем он сюда явился, какие мысли тревожили его.

— Говори же! — властно сказал Мал. — Что ты молчишь? Что тебе от меня нужно?

— Ты должен сам это знать! — набравшись дерзости, ответил Вадим.

Мал усмехнулся:

— Да, я знаю. Но хочу слышать от тебя твоё желание. Хочу знать, какой злобой кипит твоя душа и настолько ли ты погряз во зле, что решился сам высказать задуманное в глаза твоей жертве.

— Я пришёл спросить тебя о будущем!

— Зачем? Ты уже знаешь его.

— Многое изменилось... Нет моего врага в землях славянских.

— Нет теперь. Но это не значит, что никогда не будет.

— Слушай, Мал! — пылко воскликнул Вадим. — Твоё предсказание не даёт мне покоя... Ты, верно, ошибся, старый плут!

— Придёт время — увидишь, ошибся ли я...

Вадим нахмурился.

Кудесник продолжал:

— Но ты не за тем пришёл сюда. От меня не могут укрыться твои мысли. Я знаю, что привело тебя сюда! Что же ты стоишь! Зови своих слуг... Начинай... Мал перед тобой!

Вадим чувствовал, что теряет самообладание под пристальным, сверкающим взглядом старого кудесника. Решимость его пропала. Он чувствовал себя слабым перед этим дряхлым стариком.

— Внимательно выслушай, Вадим, что скажет тебе старый Мал. Выслушай и запомни... Бессильны против меня и ты, и твои слуги. Сама природа дала мне средство для защиты против злых... Но мне жалко тебя. Ты, слабый человек, осмеливаешься идти против великих сил природы. Оставь эту бесцельную борьбу. Покорись судьбе и жди смиренно своей участи. Исполнится всё, что назначено судьбой...

— Нет! Что мне твоя судьба! — вскричал Вадим, побагровев от охватившего его бешенства. — Я не верю ни одному твоему слову. Ты предсказываешь другим, а не знаешь, что через миг будет с тобой.

— Всё знаю, — спокойно ответил Мал.

— Нет, не знаешь! — гневно вскрикнул Вадим и, выхватив из-под платья нож, кинулся на кудесника.

Тот стоял, не дрогнув ни единым мускулом. Он как будто ожидал этого нападения. И не шевельнулся даже, чтобы хоть отстраниться от обезумевшего Вадима. Тот же взмахнул рукой и с силой опустил нож... Удар был рассчитан верно, но Вадим почувствовал, что рука его как через пустое пространство прошла сквозь тело кудесника.

А тот стоял перед ним — живой, невредимый — и насмешливо кривил губы.

Обезумевший Вадим продолжал с яростью взмахивать ножом, пытаясь поразить... образ кудесника. А кудесник всё стоял спокойный и невредимый.

— Остановись, безумец! — наконец крикнул Мал. — Остановись и опомнись!

Голос его привёл Вадима в себя. Тяжело дыша, он замер и огляделся...

Далеко от него, на другом конце прогалины, стоял кудесник Мал. И увидел Вадим, что кромсает ножом воздух — пустое место...

«Проклятый вещун отвёл мне глаза!» —

уязвлённо подумал он.

— Что же, Вадим, зови своих слуг, — звучал насмешливый голос Мала. — Но только знай, что без высшей воли ни один волос не упадёт ни с чьей головы. Запомни это навек... А пока поспеши на Ильмень. Туда из Волхова идут богатые норманнские купцы. Полнятся ладьи их всяким добром... Золото есть, много ценных мехов... Спешу, напади на них, потопи их ладьи, перебей гребцов, завладей товарами... Всё будет твоё. Судьба сегодня сама покровительствует тебе... Спешу! Но знай: это будет последним твоим шагом, который приведёт тебя к роковому концу! Тучи уже собираются над твоей головой; скоро загремит гром, и уже не удастся тебе избежать кары за все злодеяния!

Мал, засмеявшись едко, исчез с прогалины. Вадим, словно проснувшийся от тяжёлого сна, не без испуга осматривался вокруг. В ушах всё звучали смех болгарского кудесника и его слова.

Словно некая сила подталкивала Вадима. Забыв всё на свете, он потрясённо оглядывался вокруг, даже не отдавая себе отчёта в том,

где находится. Глухо шумел, покачивая ветвями, густой дремучий лес, а где-то совсем близко всё звучал, разносимый по округе эхом, неумолчный смех старца Мала.

— Опять заморозил меня этот проклятый вещун! — скрежеща зубами, вскричал Вадим. — Но нет, нет, я не дам себя морочить... Я разорю проклятое гнездо этого кудесника... Эй, сюда, ко мне!..

На его громкий призыв прибежали на лесную прогалину дружинники.

— Слушайте меня! — кричал не своим голосом Вадим. — Я щедро одарю вас. Я осыплю вас золотом и драгоценными камнями! Только помогите мне.

— Скажи, что мы должны сделать, Вадим! — загремели дружинники, готовые на всё. — Исполним мгновенно!..

— Так вот... вот... слышите? Он грохочет, проклятый! Его смех леденит мою кровь... Слышите этот хохот? Вон там — за кустом...

Дружинники в недоумении переглядывались между собой.

— О ком ты говоришь, уважаемый? — с тревогой поглядывая на возбуждённого Вадим

ма, спросил старший из дружинников.

Никто из них не слышал ничего, кроме шума ветра в верхушках деревьев. Лишь в ушах Вадима звучал хохот болгарского кудесника.

— Ищите, ищите здесь логовище чародея! — кричал Вадим и топал ногой. — Сотрите с лица земли его жалкую лачугу! Убейте его самого и принесите мне его трепещущее сердце!..

Нерешительно кинулись в разные стороны дружинники. Вадим же, утомлённый до крайней степени, едва не со стоном опустился на траву.

Тут злобный хохот Мала раздался у него над самой головой:

— Всё напрасно, Вадим! Высшая сила хранит меня. И не тебе — слабому, жалкому существу — бороться против меня... Безумец! Иди лучше туда, куда подталкивает тебя судьба... Иди на Ильмень. Соверши новый подвиг — перебей мирных гостей, не ожидающих вероломства. И будь уверен: исполнится твоё желание — вскоре после этого вернётся на родину твой долгожданный враг... А меня

оставь, ты бессилен против чар. Я должен ещё приветствовать избранника судьбы!

Вадим, будто в забытьи, будто в тяжком похмелье, слушал эту страшную речь. Он даже не пробовал встать. Смрадное дыхание кудесника обволакивало его. Ужас леденил кровь. Он как бы застыл в своей позе, не имея сил ни шевельнуться, ни даже разомкнуть веки.

— Вадим, мы обшарили кругом весь лес. Нигде нет даже признаков жилья! — раздался рядом голос. — Этот проклятый Мал отводит глаза.

Сделав над собой усилие, Вадим приподнялся. Вокруг него толпой стояли его дюжие дружинники.

— Он здесь! Он сейчас говорил со мной! — с отчаянием воскликнул Вадим. — Вы изменили мне!..

— Полно тебе оскорблять нас. Мы всегда были тебе верными слугами, — обиделись дружинники. — Что мы можем сделать против волшебства?

Чувство бессилия перед страшным, загадочным врагом ввергло Вадима в омут безыс-

ходной досады.

2. Опасная потеха

Грюмый, мрачный, как осенняя ночь, возвратился Вадим в своё селение. Его дружинники, полагавшие, что с вождём творится что-то неладное, были не менее угрюмы и мрачны. При их возвращении не слышно было обычного шума, сопровождавшего их везде, где только они ни появлялись. Все они присмирели и с нескрываемой тревогой косились на Вадима. Молодой старейшина скакал впереди них, закусив до крови губу. Красивое лицо его перекошилось от гнева.

Не сказав никому ни слова, он запёрся в своих роскошных хоромах. Бессильная злоба душила его. Как раненый зверь, метался Вадим по светёлкам и гридницам, нигде не находя себе места.

— Столько лет прошло, как убежал этот проклятый варяг! — шипел Вадим. — Но я не могу забыть его! О, с какой несказанной радостью я погрузил бы свой меч в его чрево!.. Как бы наслаждался я видом его предсмертных мучений... Кажется, жизнь бы свою отдал, только бы порадоваться мучениям своего врага... Но что говорил этот проклятый кудесник про Ильмень? На что он намекал?.. Он сперва твердил про норманнские ладьи... да, да, я помню это... Уж нет ли там моего врага? Уж не вернулся ли он на родину? Говорят, что по ильменским родам бродят ныне эти проклятые чужеземцы!..

Не успевшая ещё отдохнуть дружина вдруг была потревожена громким приказом своего вождя.

— Эй, спускайте ладьи, ставьте паруса! — бесновался молодой старейшина. — Живо на озеро! Все со мной! Ждёт нас там новая потеха!

Подобные тревоги хорошо уже известны были дружине Вадима. Она уже давно привыкла к тому, что вдруг среди ночи поднимал всех старейшина, велел садиться на коней

или в ладьи и отправлялся куда-нибудь в набег на мирные селения родичей.

И боялись же за это Вадима в родах. Мало того, что боялись, — ненавидели. Но идти против него никто не решался. Ни в одном из приильменских родов не было столько прекрасно вооружённых дружинников, сколько у Вадима. Молодой старейшина, едва только занял место отца, первым делом перевооружил свою дружину. Он купил у наезжих норманнских гостей всякого оружия, и ему удалось составить дружину, какой не было и в самом Новгороде. Другим приильменским родам нечего было и думать о вооружённом сопротивлении; что были они, когда даже Новгород побаивался неукротимого молодого старейшину, не признававшего ничьей воли, кроме собственной...

Дружинники, слыша окрики своего вождя, видя его торопливость, поняли, что старейшиной руководит какая-то новая ужасная мысль. Переглядываясь между собой, они спешили как можно скорее приготовить ладьи и занять в них свои места.

— На Ильмень! На Ильмень! — кричал Ва-

дим. — Всё ли захватили вы с собой? Остры ли ваши мечи? Туги ли ваши луки?.. Горе оплошавшему!

— Всё готово, господин!

— Тогда вперёд, дружина!

Лёгкая ладья с Вадимом и отборными воинами отчалила от низкого берега. Следом за нею подняли паруса и другие ладьи.

Будто хищные птицы, накренившись над волнами, летели по Ильменю ладьи, полные вооружённых людей. Никто не знал, куда ведёт свою дружину бледный от волнения вождь. Но все чувствовали по этому волнению, что предстоит бой не на жизнь, а на смерть.

Но с кем?

Кругом в родах все давно уже держали себя перед Вадимом тише воды, ниже травы; уж не на Новгород ли задумал совершить нападение неукротимый старейшина?

Нет, такого быть не могло! На подобное безумство и у Вадима не хватило бы духу... Крепок Новгород, и есть в нём хорошо вооружённая дружина, которая сумеет постоять и за себя, и за свои жилища...

Только когда забелели на зеленоватых водах Ильменя паруса норманнских ладей, дружинники стали догадываться, кто именно обречён в жертву, на кого сегодня направится гнев молодого старейшины.

Ладьи норманнов шли по озеру без всяких мер предосторожности. Чего им, в самом деле, было опасаться? По весям приильменским ходили они с разрешения и под охраной Новгорода. Да и не в первый раз они вели торговые дела в этой стране. Никто никогда не решался нарушить священный долг гостеприимства и обидеть гостей...

И вдруг перед ничего не ожидавшими норманнскими купцами появились ладьи Вади-ма.

Даже и теперь купцы не заподозрили ничего дурного.

Вадим на своей ладье мигом очутился около передней ладьи норманнских купцов.

— Эй, кто тут старший, выйди! — поднялся он во весь рост.

Не сразу последовал ответ.

— Добром говорю, отвечайте, выходите. Иначе неизбежная смерть ждёт всех вас! —

снова прогремел Вадим.

— Что тебе нужно, старейшина? Чего ты желаешь от нас? — отозвался, наконец, почтенный норманнский гость, с тревогой взирая на грозного вождя и подмечая по его лицу, отуманенному злобой, что готовится дело недоброе.

— Я знаю, что на ваших ладьях есть немало варягов! Вы бывали с ними во многих наших селениях, и их видели здесь не раз. Между ними находится Святогор, отступник от родины, хулитель Перуна... Выдайте его мне и идите с миром.

Норманны с изумлением смотрели на Вадима.

— Не знаю, про кого говоришь ты, знатный старейшина, — заметил в ответ старый гость. — Есть, правда, между нами и варяги, но нет в их числе ни одного, кто отзывался бы на имя Святогор. Ошибаешься ты и напрасно ищешь его среди нас!

Этот ответ привёл Вадима в исступление. Глаза его вмиг налились кровью, в уголках рта показалась пена. Он не помнил себя от овладевшего им бешенства.

— Вы говорите неправду! Здесь, среди вас, он, этот Святогор. И я заставлю вас выдать его мне! — вскричал он, обнажая тяжёлый меч.

— Нам некого выдавать, — последовал ответ.

Норманнские гости только теперь сообразили, какая опасность грозит им. Их дружина схватилась за мечи, но было уже поздно. Слишком мала была норманнская дружина — мала и совсем не подготовлена для кровавого дела. К тому же нападение застало их врасплох. Буйным ветром налетели дружинники Вадима на почти беззащитных купцов. Началось отвратительное побоище — неравная борьба.

Норманны дрались с храбростью отчаявшихся в спасении. Помощи им ждать было неоткуда. Каждый из них дорого продал свою жизнь, но слишком уж много оказалось нападавших...

Вадим в исступлении искал среди избиваемых своего давнего врага. Одного за другим разил он мечом, заглядывал в лицо своим жертвам и к вящему своему бешенству признавал, что действительно не было Святогора в

числе заезжих норманнов. Это раздражало его ещё более.

— Бей всех! Никому не давай пощады! — кричал он, как бы опьянев от множества совершенных убийств.

Только ночь, спустившаяся над Ильменем, прекратила ужасное кровопролитие.

Полегли на вёслах норманнские купцы, но весть об их гибели всё-таки достигла однажды далёкой Скандинавии.

Заволновались конунги и викинги; по скалам и горам угрюмого края пронёсся их призывный клич. И первым откликнулся на него доблестный Святогор со своими варягами.

Грозные тучи собирались над страной приильменской. Набег грозных северных витязей готовился на неё.

Наступил памятный ильменским славянам 859-й год.

3. ТИНГ

Бесма многолюдный в сравнении с прежними тинг собрался по созыву старого Бела. Засиделись удальцы — рады были случаю порасправить могучие плечи, позабавиться ратной потехой... Храбрецы викинги одними из первых пришли, ожидая обильной добычи от нашествия на неведомые им ещё страны.

Какие страны — об этом Бела упорно молчал... Брак его дочери со Святогором не был ещё освящён жрецами. Причиной тому был сам Святогор.

Прежде всего хотел исполнить он свою страшную клятву — отплатить отринувшей его родине, и только тогда, покончив счёты с прошлым, окончательно вступить в новую жизнь — жизнь семейного человека.

За день до тинга он увиделся с Эфандой.

— Ты уходишь, мой возлюбленный, — говорила девушка. — Кто знает, что ждёт тебя на поле битвы!

— Слава! — отвечал Святогор. — Не бойся, я вернусь к тебе. Но вернусь я не прежним скромным, безвестным варягом, каким был до сих пор, а славным витязем, имя которого будут воспевать в сагах.

— Разве не довольно тебе прошлой славы! Разве и без того все в нашей стране не с уважением произносят твоё имя!

— Да, имя... Это имя лежит на мне тяжёлым гнетом, оно так напоминает мне прошлое, что я решил переменить его...

— Это можно сделать и не на ратном поле...

— Нет, возлюбленная моя, мечом хочу я заслужить себе новое имя. Не хочу я называть себя сам, а хочу, чтобы те, которые должны дрожать при одном упоминании его, сами бы дали его мне... Я получу его на поле битвы. Умиравшие с ужасом будут произносить его, матери будут пугать им своих маленьких детей. Так должно быть, я так поклялся... Только тогда, когда я положу к твоим ногам мою сла-

ву и моё имя, могу я назвать тебя своей, Эфанда!

— О мой герой! — воскликнула девушка, с восторгом глядя на возлюбленного. — Иди же! Завоюй себе имя. И будь уверен, что я буду ждать тебя...

Эфанде, как и всем женщинам этого северного края, храбрость представлялась в высшей степени привлекательной. А тут ещё впервые говорил девушке о своей славе мужчина, уже заявивший себя на полях битв, говорил, что с её именем на устах ринется он в жаркую сечу, её вспомнит в миг смертельной опасности, и славу, добытую ценой своей крови, принесёт ей и сложит у её ног...

Сердце девушки было полно сладких, неизведанных ощущений. Ей хотелось прильнуть к богатырской груди славного берсерка, страстно хотелось жарким поцелуем выразить ему свою любовь, но, увы, скромность, свойственная женщинам севера, не позволяла ей решиться на это... Они и без того нарушили обычай страны, позволив себе тайное свидание.

В безмолвии, обменявшись нежными

взглядами, разошлись жених и невеста, волнующиеся каждый своими чувствами.

Святогор с нетерпением ожидал тинга, на котором предстояло решить вопрос о походе к берегам Ильменя. Чем дальше шло время, тем всё более волновался варяг. Сбывалась его заветная мечта, близился миг кровавой мести... Но что скажет тинг? Найдёт ли он выгодным поход в страну ильменских славян, куда многие из ярлов ходили гостями?.. Викинги — те, пожалуй, согласятся... Им всё равно куда идти, только бы были им добыча и ратная потеха; земли франков им уже наскучили, последние же неудачи под гордой Лютецией заставили их призадуматься и поискать иных мест для грабежа... Земля ильменских славян, по рассказам гостей, представлялась викингам полной всяких богатств. Слышали они, что через неё легко попасть в полную добычи таинственную Бьярмию, знали они, что и великий путь в далёкую, богатую Византию, к образованным грекам, тоже лежит через приильменскую сторону... Если удастся завоевать эти земли, путь прямой, не окольный, будет открыт для викингов, и бере-

гись тогда, заносчивая Византия!..

За этих удальцов и за их согласие Святогор был спокоен, он также был спокоен за своих варягов. У многих из них были старые счёты с покинутой родиной, и эти изгнанники-отщепенцы не прочь были бы пройти по полям её с огнём и мечом.

Наконец настал час тинга!

Вокруг развесистого старого дуба, посвящённого Тору, собрались в ожидании удальцы. Ждали конунга Белу, который должен был повести речь о предстоящем походе.

Под дубом тем врыт был камень жертвы, на котором лежало кольцо клятвы. Каждый из участников тинга должен был прикоснуться к нему в подтверждение своих слов, и старый дротт в заключение тинга должен был надеть его на руку избранного вождя.

Святогор стоял в толпе и прислушивался к разговорам.

— Обширны земли славянские, — говорил седой ярл, не раз ходивший в Новгород. — Богаты они всякими мехами. Но народ на Ильмене живёт храбрый, дикий... Бороться с ним трудно. А если разбегутся славяне по лесам,

их не сыскать...

— Тем лучше! — воскликнул викинг с изрытым шрамами лицом. — Наскучили нам эти пинты, саксы да франки... Британский Этельред-король в последний набег наш не оказал никакого сопротивления. При одном имени нашем разбегаются они в разные стороны, как испуганные женщины... Противно даже воевать с ними...

— Из земли славян приильменских открыт нам путь в Византию, — раздались голоса. — До сих пор, как идём мы, всегда приходится в Гольмгарде кланяться, чтобы за Ильмень пропустили.

Последнее замечание стало искрой, брошенной в пух. Оно оскорбило гордость удалцов, прекрасно знавших, что народы и сильнее славян дрожат перед ними.

— Кто кланяется? Кому кланяться? Нам?.. Это позор! Это унижение! — слышались громкие восклицания.

Раздались бряцанье мечей, шум, крики. Но вдруг всё утихло. Это в круг вошёл старый Бела. Неспешной, степенной поступью направился он под сень дуба, где уже с нетерпением

ем ожидали его дротты.

С приходом конунга начался тинг.

— Вы, ярлы, вы, герсы, вы, варяги и храбрые викинги, слушайте речь конунга и решите дело вместе с ним! — объявил глашатай.

Всё затихло.

— Скандинавия оскорблена. Знаете ли вы это? — дрожащим, но всё-таки сильным ещё голосом заговорил Бела. Ходили наши мужи для честного торго на славянское озеро Ильмень. В мире жили они со всеми родами славянскими, меча не обнажали они там. И вдруг, словно звери лютые, накинулись на мужей наших славяне ильменские, смертным боем побили их, потопили ладьи и разграбили все товары... Никогда не терпели такого позора наши воины, и ни одна капля их крови не осталась без отмщения! Что теперь делать, как поступить? Оставить ли кровь нашу без отмщения или пойти походом на дерзких?

Тинг заволновался.

— Месть! Месть! Смерть им!..

На середину круга выступил один из престарелых соратников Белы.

— Верно, верно ты сказал, наш конунг! Ни одна капля крови нашей не должна оставаться без отмщения... Мы должны пойти войной на славян. Много морей бороздят наши славные суда, знамёна наши развеваются по всему миру. Рим и Византия дрожат перед нами. А тут, по соседству с нами, жалкие, разрозненные народцы с дерзостью попирают нашу славу, осмеливаются поднимать на нас вооружённую руку... Нужно научить их уважать нас. Объяви скорее поход, конунг, и все мы, как один человек, отправимся за тобой.

— Так! Так! — послышалось со всех сторон. — Прав Бьёрн. На Ильмень! На Ильмень!..

Страсти разгорались. В общем гуле трудно было разобрать отдельные слова; каждый кричал, что ему приходило в голову. А Бела с удовлетворением подмечал, что тинг готов принять поход на приильменские земли.

— Но кто же поведёт нас туда? — раздался вопрос, когда общее волнение несколько улеглось.

— Кто же, как не Святогор! — убеждённо воскликнул Олоф, стоявший в первых рядах

собрания.

— Молод он ещё!

— Зато знает страну. Ему все дебри славянские известны.

— Оттуда вышел!

— Святогора! Святогора! — поддержала молодёжь.

— Его! Его вождём! — присоединились сторонники Белы и Олофа.

— Чем Святогор не вождь? — выступил один из дроттов. — Разве не берсерк он? Разве не известна нам его храбрость? Разве не знаем мы его умение вести дружины?

Тинг смолк. Выбор вождя был делом более затруднительным, чем решение о походе. Среди собравшихся стояло немало опытных, поседевших в битвах воинов, но все понимали, что за Святогора говорит знание приильменской страны, а это для вождя крайне важно.

После недолгих переговоров тинг избрал вождём дружин Святогора — с тем только, чтобы другие начальники были избраны из числа морских конунгов и ярлов.

Святогора под бряцанье мечей подняли на

щиты. И старый дротт надел ему на руку кольцо клятвы.

— Мужи скандинавские! — горячо воскликнул молодой вождь. — Обещаю вам пройти из края в край землю славянскую, нагрузить ладьи ваши несметной добычей. Я скорее погибну на поле битвы, чем вернусь сюда побеждённым!..

С криками восторга встретили собравшиеся слова варяга.

Этим тинг и закончился. Поход на Ильмень был объявлен. Начались приготовления к нему.

4. Неурядицы

а Ильмене, однако, и не думали о тех печальных последствиях, которые должна была повлечь за собой безумная выходка Вадима...

Слишком уверены были в своей безопасности славяне.

— К нам сюда чужая птица не залетит, чужой зверь не забежит, — говорили в родах, когда пришли первые тревожные вести из-за Нево.

Мало того!.. В трудную минуту, — когда грозило серьёзное нападение извне, — приильменские славяне вместо того, чтобы сплотиться в единое целое, вдруг завели отчаянные споры.

Дело в том, что многие из приильменских родов имели большие выгоды от сношений с

норманнскими купцами. К приезду их заготовили множество мехов. Родичи предполагали променять их на привезённые гостями товары, но гости были перебиты Вадимом, и всё заготовленное в родах осталось без сбыта.

По всему Ильменю громко обвиняли Вадима. Вражда, дотоле скрытая, вдруг прорвалась наружу, и на молодого старейшину со всех сторон посыпались упрёки и проклятия.

— Что же он с нами делает! — говорили повсюду. — Точно лютый волхв перынский засел на Ильмене!

— Именно волхв! Никого не пропускает, всех без разбору грабит...

— Унять бы его!..

Но таких смельчаков не находилось.

Более всех волновались приписанные к Новгороду пятины. У них всё-таки был оплот, на который они могли положиться, искать у него защиты, а потому в пятинах и толки раздавались громче, и возбуждение выражалось определённой.

— Чего смотреть! Идём бить челом Новгороду! — кричали на пятинном вече.

— Пусть заступится за нас! Мы ли ему не

плательщики!..

— Прикончить бы этого негодяя — вот и всё! — советовали более отчаянные.

— Как его достанешь-то? Засел в своём гнезде и знать ничего не желает!.. Если не у Новгорода, так у кого же нам защиты искать?

Следствием всего этого было то, что в один прекрасный день посланные от всех пятин явились в Новгород и потребовали веча.

Гостомысл, хотя по-прежнему был новгородским посадником, был уже настолько слаб, что даже на вече выходил редко.

Его обычно заменял кто-нибудь из старших бояр.

Так было и на этот раз. Но заменявший мудрого Гостомысла боярин оказался человеком недалёковидным и чрезмерно горячим.

Вече весьма нетерпеливо и без особенного внимания выслушало жалобы посланцев.

— Так чего же вы хотите от нас?

— Защиты и справедливости!

— Посмотрю я на вас, — повёл к посланцам речь заместитель Гостомысла, — и сами вы люди крепкие, могучие, и много вас в пятинах, а не умеете вы за себя постоять! Одно

только — испугались! Ишь какого страху нагнал на вас Вадим!..

— Что же нам делать? — закричали сразу несколько голосов.

— Что делать? Вы сами должны это знать... Есть у вас мечи и секиры, вот и отбивайтесь сами. Зачем вече попусту беспокоить?

Поникли головами посланцы пятин. Не такого ответа ждали они от Новгорода. Думали, что ближе к сердцу примет их горе новгородское вече...

Когда разошлись они и порассказали в своих родах о происшедшем, там пришли в недоумение.

— Что же! Коли новгородское вече так хочет, пусть так и будет! — решили в родах.

Вадиму готовился грозный отпор. Родичи вооружались, поджидая только удобного случая начать сводить счёты с наглецом.

И Вадим очень скоро предоставил родам такой случай. Из одного приильменского рода он похитил девушку.

И прежде он не однажды позволял себе такие выходки, но они как-то сходили ему с рук. Много красавиц из родов приильменских уве-

зено им было, много слёз пролилось, но Вадима боялись и тронуть не смели.

Теперь чаша терпения переполнилась...

Кинулась на Вадимово селение сперва одна новгородская пятина, а за ней и остальные. Закипел бой не на жизнь, а на смерть. Полилась братская кровь...

Как ни хорошо была вооружена Вадимова дружина, но нападавшие брали числом. Туго пришлось, совсем туго, неукротимому старейшине.

Однако и у него на Ильмене были сторонники. Кое-какие из родов, имевшие свои счёты с новгородскими пятнами, вступились за Вадима и его род...

Спустя очень недолгое время началась междоусобица, приведшая к плачевным последствиям.

Скоро все роды погрязли в распрях. Даже позабыли о главном виновнике их. Род шёл войной на род, гибли люди, выжигались целые селения.

Вадим, видя, как много озлобленных против него, скрылся с берегов Ильменя. Лилась там кровь, но борьба со своими надоела ему.

Он всё ещё лелеял заветную мысль пойти за Нево и найти там заклятого врага.

Да и Велемир посоветовал ему уйти по-дальше, пока не кончат свои счёты приильменские роды. Понимал старый жрец, что при всеобщем озлоблении даже сам Перун не в силах был спасти его любимца...

Но с исчезновением Вадима не прекратилось кровопролитие на Ильмене. В общей свалке смешались все роды. Каждый род считал себя и самым правым, и самым главным в новгородском союзе.

Новгород в эти распри не вмешивался.

Гостомысл, как мог, удерживал новгородцев от участия в ссорах. Обаяние мудрого старика было так велико, что все подчинялись ему беспрекословно, даже не интересуясь узнать причины, почему посадник велит поступать так, а не иначе.

— Он один за нас всех думает! — говорили в Новгороде даже те, кто был когда-то против старого посадника.

— А если так, то и мешать ему не будем, — поддерживали подобное мнение сторонники Гостомысла.

Между тем мудрый старик чувствовал, что силы его с каждым днём уходят. Казалось ему, что не доживёт он до исполнения своей заветной мечты. Одиноким остался на белом свете Гостомысл, не для кого было работать ему, но уже само желание довести до конца задуманное дело — дело, которое было целью всей его жизни, заставляло новгородского посадника по-прежнему готовить всю ильменскую вольницу к мысли о необходимости единой державной власти.

Всё чаще вспоминал Гостомысл о Святогоре, ждал он его и был уверен, что его любимец, получив через братьев весть о всём происходящем на родине, не замедлит вернуться.

С ужасом, однако, узнал новгородский посадник о бессмысленном и опасном поступке Вадима. Понимал он, что не тот народ скандинавы, чтобы простить славянам гибель соотечественников.

С трепетным сердцем ждал он теперь вестей из-за Нево. Кое-какие слухи доходили до Новгорода, но в точности ничего не было известно. Норманнские гости и глаз более не казали, подробных же сведений узнать было не

от кого.

Неизвестность более всего настораживала старика, и его уже начинало томить некое мрачное предчувствие. Бессонные ночи проводил Гостомысл; лютая тоска отчего-то глодала сердце...

5. Первый гром

а Ильмень, в роды, между тем, не дошли ещё слухи о надвигающейся грозе.

Однако не одного Гостомысла, но и ставшего его другом Велемира угнетало мрачное предчувствие.

Дружба между стариками упрочилась ещё более с тех пор, как исчезла последняя причина розни — братья Святогора. Подолгу беседовал теперь старый жрец Перуна с мудрым новгородским посадником, и в этих беседах всегда главное место занимал Вадим...

Совсем отбился он от рук... Прежде он хотя бы Велемира слушал и его советам изредка следовал, но с тех пор, как потопил он в Ильмене скандинавские ладьи, и дорогу забыл на Перынь.

Как-то вечером сошлись и беседовали Гостомысл и Велемир. Шёл между ними горячий спор: говорили они о судьбе своего народа, о благе его...

По своему характеру, по своим убеждениям оба старика представляли явные противоположности. Оба были разумны, оба убелены сединами и умудрены жизненным опытом, и оба всеми силами сердца желали блага родному народу. Слава, счастье родной страны были для них всем; но глядели они на одно и то же с разных сторон.

Так, Велемир полагал, что благо и счастье славянских народов заключаются в строгом соблюдении заветов старины:

— Как отцы и деды наши жили, так и мы должны жить. Горе славянам, если изменят они старине!

Мудрый Гостомысл, хотя и соглашался со жрецом Перуна, но вовсе не был противни-

ком нововведений — разумных, конечно. Он отлично понимал, что времена меняются, а вместе с ними меняются и условия жизни.

— Не так ты говоришь, отец Велемир! — возражал иногда суровому жрецу новгородский посадник. — Никто не говорит, что не нужно держаться обычаев старины. Но и в новом, право, есть немало хорошего... Нельзя нам пренебрегать новым. Посмотри сам: природа подсказывает нам, что нельзя вечно держаться одного и того же.

— Где же ты это видишь в природе?

— И ты, служитель Перуна, не замечал этого? В жаркое лето и рубахи тяжелы, а что бы было, если бы и в студёную зиму мы носили только их, не используя тёплых шкур зверей?.. То же и в жизни. Пойми-ка ты сам!..

Велемир обыкновенно оставлял подобные замечания без возражений и погружался в глубокие думы.

В тот вечер, когда мы застали этих старцев за беседой, речь у них шла о том, что составляло предмет тайных дум новгородского посадника.

— Посмотри, отец Велемир, — убеждённо

склонял Гостомысл, — что происходит ныне на Волхове! Совсем развратился народ славянский, мало в нём стало правды. Брат на брата кровью идёт, брат за братом, как за диким зверем, охотится. Нет прежнего мира, нет прежнего согласия... Возьми хотя бы Вади-ма.

Велемир глубоко вздохнул:

— Да, Вадим... Много уже вреда сделал этот юноша земле приильменской...

— И сколько ещё вперёд сделает, кто знает!.. — подхватил Гостомысл. — А отчего это всё? Оттого, что нет над ним крепкой власти, которой бы и твой любимец Вадим послушаться не мог...

— О какой власти ты говоришь? В каком роде приильменском такая власть есть? Каждый родом старейшина управляет, суд и милость творит!

— Вот в том-то и дело... Как один родич обидит другого, так и найдут они, пожалуй, и суд, и управу... А что бывает, когда люди из разных родов сходятся? Для каждого старейшины свои и права, и дороги; каждый за своего и стоит. Где же тут правда?

— Что же делать-то?

— Одного владыку нам надобно — вот что!..

— Покориться? Никогда. Стать рабами?.. Нет, мы родились и жили свободными. Таки-ми же и умрём.

— Кто говорит про рабство? — усмехнулся Гостомысл. — Не было и не будет его в землях славянских. Говорю только, что одного судью для всех нас нужно... Но, чу!.. Что такое?

За стеной горницы послышался странный шум, как будто какое-то животное скреблось и возилось у порога. Велемир хотел было призвать слуг, но шум вдруг прекратился. Дверь заскрипела и хлопнула, и перед беседующими появилось ужасное, мало напоминающее человека существо.

— Мал, кудесник болгарский! — не без испуга воскликнули оба старца.

Появление Мала, впрочем, не столько испугало, сколько удивило их. Болгарский кудесник никогда не выходил из своей чащи, не появлялся среди людей. Редко даже видели его. И вдруг он сам, без всякого зова, явился к жрецу грозного славянского кумира.

— Беседуйте, беседуйте! Наслаждайтесь жизнью и её радостями! — прохрипел он. — Спите сном крепким, непробудным... А близко уже время ваше!.. Грозные тучи идут на вас с далёкого севера. Поднимается на вас злой сокол. Летит он на Ильмень со своими соколятами, свет солнечный затмевая. А вы здесь беседуете...

— Что же ты хочешь сказать нам, старый Мал? — несколько оправился от смущения Гостомысл.

— Что? Жалкие! Вы ещё понять не хотите! Из своего заветного леса вышел Мал не по своей воле... Того пожелали высшие существа. Они приказали Малу явиться к вам и возвестить их волю. Гибель ждёт роды приильменские. И ничто, ничто не спасёт их. Летит с севера грозный сокол, и в страхе трепещут перед ним жалкие голубки... Кто виноват? Вы сами. Ваши раздоры губят вас. Никто не хочет никому повиноваться, каждый хочет быть больше и выше другого. Да вот и новая весть... слышите?

Встревоженные старцы вздрогнули при последнем внезапном восклицании Мала.

Они, затаив дыхание, стали прислушиваться. Невдалеке раздавался звон оружия.

— Что такое? Какая ещё беда грозит нам? — поднялся Велемир.

Дверь распахнулась, и в горницу вбежал один из дружинников жреца. Он едва переводил дух.

— Страшная беда грозит нам, отец! — воскликнул он, опускаясь в изнеможении на лавку. — Неизбежная беда!..

— Какая? Что такое? — в ужасе откликнулись Велемир и Гостомысл.

— Вадим убил скандинавских послов...

Далее в кратких выражениях поведал вестник всё, что знал о новом злодействе Вадима.

С понуренными головами слушали старики этот рассказ, вполне понимая, какие их всех ожидают последствия такого вероломства.

— И не удалось спасти никого из скандинавов? — выразил надежду Гостомысл.

— Нет, никого...

— Что же вы думаете теперь, жалкие головы? — воскликнул Мал, безучастно слушающий рассказ вестника. — Отличился опять

ваш любимец. Но вы послушайте и дальше...
Что же ты молчишь, вестник? Говори.

С самым смущённым видом рассказал вестник скорби, что Вадим после совершенного преступления, боясь кары и со стороны приильменских старейшин, на головы которых накликал беду, и со стороны скандинавов, посоветовавшись с дружинниками, поспешил уйти за Ильмень.

— Говорил, что к Нево идёт, — досказал вестник.

И жрец, и посадник были донельзя опечалены этой чёрной вестью.

6. Гибель послов

Ействительно чрезвычайно печальную весть принёс старому Велемиру его дружинник. Вадим, казалось, потерял всякую способность верно оценивать свои поступки.

Всегда и для всех народов послы были лицами священными. Их неприкосновенность гарантировали целые племена. Среди же девственных, только что создавших свой строй народов того времени уважение к посланнику было развито до болезненной чуткости.

Славяне, вообще добродушные, в этом отношении не уступали другим. Они требовали, чтобы их послы были неприкосновенными, и сами охраняли посланных к ним от всяких, даже случайных, несчастий.

И вдруг неукротимый, озлобленный, обезумевший Вадим решился, нарушая все прави-

ла гостеприимства, на страшное дело, считавшееся позорным между всеми без исключения народами...

Со своей отчаянной дружиной рыскал он по Волхову. В своём безумии он пробирался к Нево и одно время готовил даже дерзкое нападение на жителей побережья. Ватага дружинников была ему беззаветно предана и готова была идти за ним куда угодно. Бродя с нею за Новгородом, он встретил скандинавскую ладью, шедшую одиноко по славянской реке. Воинов в ладье было мало. Ватага Вадима чуть не вдвое превышала по численности скандинавов. В безумной ненависти ко всем северянам напал на них Вадим. Бой кончился быстро. Сила оказалась на стороне славян. Скандинавы полегли в неравном бою, и остались в живых только три почтенных старика; судя по внешнему виду — вожди норманнской дружины.

Их привели к Вадиму, всё время благоراضно державшемуся подальше от сечи.

— Кто вы такие? — спросил их молодой старейшина.

— Мы из Скандинавии и шли к вам посла-

ми! — был ответ.

— Послами? — насмешливо переспросил Вадим.

— Мы шли уведомить ваш народ, чтобы он добровольно покорился нашим воинам. Вся Скандинавия идёт на народ ваш приильменский войной. Ярko блестят шлемы удалых варягов. Солнце затмили знамёна морских конунгов. При одном их имени дрожала гордая Лютеция... Берсерки, забывающие страх смерти, среди них. Не безумствуйте, покоритесь, падите с мольбою к ногам их, тогда, может быть, и смилостивятся орлы скандинавские и пощадят ваши презренные жизни... Молите их о пощаде! Молите, пока не поздно!

— Проклятый чужеземец! — с гневом воскликнул Вадим, выслушав эти дерзкие слова посланника скандинавов. — Ты ещё осмеливаешься предлагать пощаду, когда сам должен умолять меня о ней!

— Я посол, я неприкасаем, — спокойно отвечал скандинав. — Послы всегда были священны для любых народов.

— Не для меня только! Ты сейчас умрёшь, презренный норманн!

— Фрелав, сын ярла Рогвольда, не страшится смерти. Скандинавы умеют умирать... А убийство посла покроет тебя вечным позором.

— Посмотрим! — рассмеялся Вадим. — Эй, люди! Приведите горячих коней! Посмотрим, что тогда запоют эти проклятые чужеземцы...

Ни один мускул не дрогнул на лице скандинавов.

Привели коней. По приказанию Вадима троих пленников раздели и накрепко привязали к их хвостам. И в этот страшный миг скандинавы остались верны себе: на лицах у них не отразилось ни малейшего волнения, что ещё более взбесило Вадима, заставило его дрожать от бешенства.

— Пускай! — хрипло крикнул он.

— Постой! погоди немного! — сказал старший из послов. — Мы видим, что попали в руки разбойника. Но ты знай, что за нашу смерть жестоко отплатит твоему народу наш вождь Святогор.

— Святогор?! — дико вскричал Вадим. — Вы произнесли это проклятое имя?

— Не знаем, почему ты так испугался... Но

помни, что весь народ славянский будет стёрт им с лица земли.

— О, дайте, дайте мне его! — скрипел зубами старейшина. — Отчего он не среди вас!.. Я, может быть, пощадил бы вас, даровал бы вам жизнь, только бы его мне достать... Слушай, старик, я сейчас же отпущу тебя.. Мало того, я награжу тебя, я осыплю тебя золотом с ног до головы, только выдайте мне его!..

— Подумай, что ты говоришь! — с нескрываемым презрением ответил посол. — Мы, принёсшие клятву верности нашему вождю, выдадим тебе его?.. Нет, не бывать этому..

— Тогда вы умрёте страшной смертью.

— Мы готовы!

— Пускай! — снова крикнул Вадим.

Разгорячённые кони были пущены... Вслед им понеслись злобный хохот пришедшего в исступление Вадима и неистовое гиканье его вольницы.

Ни стоны, ни мольбы не раздались при этой ужасной казни. Три посланца умерли героями. Их выдержка смутила на мгновение даже Вадима...

Но только на мгновение.

Затем неукротимый старейшина, казалось, даже позабыл о них. Он весь теперь был поглощён новой мыслью: да, да, он наконец встретится с ненавистным врагом и уже не выпустит его из своих рук, как тогда выпустил, на Перынском холме; он отомстит, отомстит за всё...

7. Сокол

Очно волны морские по песчаной отмели, разлились дружины скандинавские по лицу славянской земли. Запылали ярким пламенем жалкие селенья. Где проходили скандинавы, там уже и следа жизни не оставалось — всё сметали они с лица земли.

Знал Святогор свою родину, знал её обитателей, вёл он дружины по таким дебрям, где, казалось, не было проходу ни конному, ни пешему, а под начальством Святогора свободно

проходили целые отряды. Напрасно прятались в леса жители выжженных селений, напрасно закапывали они в землю все свои богатства — все находили скандинавы...

Славяне звали их варягами — именем более знакомым и понятным, и нашествие варягов было для них ужасным бедствием. Гневу богов приписывали они успехи чужеземцев, не подозревая даже, что главная причина успехов заключалась в Святогоре, прекрасно знавшем родной край...

Да на берегах Ильменя совсем и забыли о нём... Никто, решительно никто не подозревал, что во главе варяжских дружин стоит изгнанник, некогда столь жестоко отвергнутый родиной.

Знаем, низок был по своим душевным качествам Вадим, но бедствие, постигшее родину, нашло отклик в его сердце... Он не решился бросить её и уйти в далёкие безопасные края, а, наоборот, храбро бился против врагов своей родины.

Но как ни храбры были отдельные личности среди славян, их храбрость не могла отразить натиска грозного врага. Ни один старей-

шина с берегов Ильменя не хотел покориться другому, каждый желал идти во главе других, быть старшим; не было и тени согласия, царила рознь, и следствием этого были постоянные поражения. Норманнские дружины слишком хорошо были организованы, да и вооружение скандинавов было гораздо лучше славянского.

Быстро достигли победоносные варяжские дружины Ильменя. Пал под их натиском Новгород (причём по приказанию вождя город не был предан грабежу). Овладев им, рассыпались варяги по берегам великого славянского озера, грабя прибрежные селения и выжигая их.

Вадим храбро защищал свой род, но, конечно, не мог сдержать натиска северных удальцов.

День быстро близился к вечеру. Красные, как зарево, облака стояли в небе. Густой дым столбом поднимался над тем местом, где ещё незадолго до того стояло цветущее селение наследника Володислава, его любимого сына Вадима... Груды пепла да обгорелых брёвен остались от него... С горстью последних за-

щитников родного пожарища бьётся против варягов потерявший уже всякую надежду не только на победу, но даже на спасение Вадим... Отчаянная храбрость его вызывает удивление врагов. Он как будто изменился в тот миг, который сам посчитал последним в своей жизни. Спасения нет и быть не может — нечего и дорожить собой. Но силы оставляют Вадима. Он видит кругом груды трупов. Вся его вольница, делившая с ним и разгульные пиры, и кровавые потехи, костями легла на этом поле смерти.

Теперь и за ним очередь...

Смутно, как будто сквозь дымку тумана, видит Вадим, как взмахнул тяжёлой палицей над его головой гигант-варяг. Мгновенье. Глухой удар... Тупая боль разлилась от головы по всему телу несчастного. Вся кровь будто хлынула вверх к темени. В глазах закружили зелёные, красные огоньки. Вадим зашатался и с глухим стоном рухнул на груды мертвецов-товарищей.

Как в забытьи в этот последний миг он услышал громкий победный клич врагов...

Между тем в стане варягов господствовало

необычайное оживление. Возле шатра Святогора собрались вожди отдельных дружин. Все не скрывали своего восторга. Набег превзошёл все ожидания. И вожди дружин понимали, что только Святогору они обязаны этим...

Было общее ликование, громкая победная песнь звучала в варяжском стане.

А сам Святогор, сумрачный, угрюмый, сидел в своём шатре. Тяжкие думы роились у него в голове.

«Вот исполнил я свою клятву, — думал он. — Была ужасна моя месть отринувшей меня родине. Но отчего же нет облегчения для меня? Отчего по-прежнему тяжёлый камень гнетёт моё сердце?.. Неотвязная дума гложет, как червь, мой мозг».

И на самом деле не удовлетворила, а ещё более нагнала на Святогора тоски так желанная им месть.

Он видел свою родимую страну в море огня, родная кровь — кровь его братьев, лилась рекою, и всему этому главной причиной был только он — один он.

Он привёл в родную страну толпы свирепых чужеземцев, он пролил потоки родимой

крови. И всё он, он.

За что?

Разве виноваты в чём-либо эти несчастные, погибшие в пламени или под мечами свирепых скандинавов? Разве они изгнали его из родимой страны?.. Как он мог мстить многим неповинным за преступления немногих виновных?

Угрызения совести жестоко мучили Святогора... С этим врагом не мог справиться храбрый берсерк, отбрасывавший далеко от себя щит в пылу самой отчаянной сечи!

Вдруг грустные размышления Святогора были прерваны...

Под сень шатра с весёлым смехом вбежал Олоф.

— Поздравляю, поздравляю тебя, наш славный вождь! — громко восклицал он. — Наши храбрецы сломили отчаянное сопротивление последних славянских дружин...

Никакие тревожные думы не мучили Олофа. Да и что ему? Ведь он был чужеземцем в этой несчастной стране. Её беды ему совершенно чужды. Кровь её сынов была ему не родной. Победа доставила ему только славу.

Чего же ещё было желать удалому викингу!

— Перестань грустить, вождь, — говорил он, обнимая Святогора, — я сообщу тебе весть, которая наполнит радостью твоё сердце...

— Весть? Какую? — спросил Святогор, грустно улыбаясь своему другу.

— Ты не раз говорил Эфанде, что хочешь переменить своё имя — что прежняя вполне заслуженная слава перестала удовлетворять тебя. Так вот теперь и это твоё желание исполнилось!

— Нет, друг Олоф, не говори так, не терзай моего сердца. Если я и приобрёл новое имя, то это имя полно позора, оно — имя предателя.

Олоф с изумлением поглядел на своего друга, закрывавшего в тоске лицо руками.

— Не могу понять, почему ты считаешь себя предателем? — пробормотал он.

— А не я ли привёл вас на ту землю, которая была моею родиной?

— Ах вот оно что! Ну, забудь об этом даже думать... Прошлого всё равно не вернёшь, будущее же наше... Не горюй! Кто знает, может быть, для блага этой страны привели нас сюда всемогущие асы... Храбр этот твой народ,

но дик он. Может быть, нам удастся заставить его позабыть свою дикость... Но перестанем говорить об этом. Хочешь знать, как зовут тебя побеждённые, как произносится среди них твоё имя?

Олоф несколько мгновений помолчал и затем, таинственно нагнувшись к вождю, произнёс:

— Рюрик!

— Что? — воскликнул тот. — Рюрик — сокол! Не может быть!

— Да, да, — подтвердил Олоф, — ты сам знаешь: «рюрик» на языке скандинавов и «сокол» на языке славян — одно и то же. «Ваш вождь хищным соколом налетел на Ильмень», — говорят пленные. Даже и в песнях их ты уже так называешься! Вот тебе и желаемое тобою имя! Доволен ли ты?

Он при последних словах с тревогой взглянул на своего вождя, словно в забытьи шептавшего:

— Рюрик... Сокол... Колдунья... Что же это? Неужели исполняется предсказание? Я стал Соколом. Да, Соколом. Рюрик я!

— И ты должен непременно принять это

имя! — серьёзно сказал Олоф. — Помни, что ты добыл его на полях битв, что сами побеждённые так называют тебя... Повторяю тебе, ты должен отныне называться Рюриком.

— Так и будет! — пылко воскликнул предводитель варягов. — Всё кончено! Велика и всеильна воля богов! Нет более на белом свете Святогора! Я — Рюрик! Так зови ты меня, Олоф, так пусть отныне зовут меня все мои храбрые товарищи.

Весь словно преобразившийся, с пылающим лицом вышел он, сопровождаемый Олофом, из шатра.

Их встретили громкие приветственные крики собравшихся у своего вождя храбрецов.

— Да здравствует наш храбрый Рюрик! — пронёсся по полям славянским восторженный крик.

Скандинавы и варяги подняли вождя на щит и с громкими восклицаниями обнесли его вокруг лагеря.

Мысли Рюрика (так и мы будем теперь называть Святогора) были далеко...

«Я стал Соколом! — размышлял он. — Что

предсказала мне старая колдунья — исполнилось. Кто знает, может быть, исполнится и остальное».

И какой-то невидимый голос, как в ту бурю, когда он с Фритьофом стремился к берегам страны франков, снова теперь шептал у него над ухом:

— Владыкою полумира будешь ты!..

8. Отклик минувшего

Тренний холод привёл в чувство несчастного Вадима. Палица великана-варяга не на смерть положила его. Крепки славянские головы сами по себе, да и на Вадиме, кроме того, был шлем, ослабивший удар.

Однако несчастный едва дышал. Голову нестерпимо ломило, всё тело ныло, в горле пересохло, губы запеклись.

Вадим приподнял голову и с тоской огля-

делся. Утреннюю тишину нарушали только стоны раненых да карканье воронов, уже начавших пир на поле битвы.

Несчастному казалось, что когда-то, давным-давно уже, пришлось ему видеть это усеянное трупами поле, этот поднявшийся вдали столб густого дыма.

— Умереть, умереть не отмщённым, поруганным... О как тяжело это! — прошептал он, тщетно стараясь приподняться.

— Ты не умрёшь ещё. Не пришло твоё время, — раздался хриплый голос над ухом Вадима.

Тот открыл глаза и с изумлением взглянул на того, кому принадлежал этот голос.

Прямо над ним склонилось отвратительное лицо болгарского кудесника Мала.

— Ты, ты здесь. В этот страшный миг! — с изумлением воскликнул он. — Что тебе? Оставь меня умирать.

— Зачем тебе умирать, когда ты должен ещё жить? — прохрипел Мал. — Помнишь ты то время, когда ещё юношей приходил ко мне? Помнишь, что ты видел в дыму моей хижины? Что ты теперь скажешь? Разве не ис-

полнилась великая воля богов?

— Но он... Мой заклятый враг!

— И его ты сейчас увидишь... Послушай...

Издали донеслось бряцанье оружия.

Вадиму живо припомнилось виденное им в хижине Мала.

— Неужели, кроме смерти, ждёт меня ещё позор? — простонал он и с ужасом, приподнявшись на обеих руках, оглянулся в ту сторону, откуда слышался шум.

Прямо к нему подходил небольшой отряд прекрасно вооружённых варягов, очевидно, главных начальников дружин.

На всех их полное ратное вооружение. Лучи восходившего солнца так и играли на меде шлемов и стали панцирей...

— Вот здесь, о мой Рюрик, — сказал один из подошедших, почтительно обращаясь к своему вождю, — здесь лежит последний из сопротивлявшихся нам славян. Вот он!

И жестом воин указал на Вадима.

Рюрик подошёл ближе и, не поднимая забрала, остановился около несчастного, с ужасом вззирающего снизу.

Прошли несколько томительных мгнове-

ний.

— Вадим, узнаешь ли ты меня? — спросил варяг и открыл своё лицо.

— Святогор! — воскликнул тот.

— Да. Ты, вижу, узнал меня... После многих лет, наконец, мы встретились... А помнишь ли ты, как мы расстались? Помнишь ли Перынскую роццу? Чем ты заплатил мне за то, что я на руках вынес тебя из пучины Ильменя? Помнишь ли Любушу?

— Что же! Помню... Я любил её более жизни.

— Любил и погубил! — горько усмехнулся Рюрик.

— К чему этот разговор? Ты — предатель. Ты привёл чужестранцев в родную землю, а я всё-таки умираю за неё. Зачем тянуть время? Я в твоей власти. Кончай же своё дело, злодей, убей меня...

— Нет, ты виновник всех бед, постигших и меня тогда, и теперь ту землю, которая была мне родной, — задумчиво произнёс Рюрик. — Не будь тебя, не лилась бы на берегах Ильменя кровь родичей.

— Что вспоминать! Кончай...

— А и в самом деле, брат! Эта гадина заслужила смерть! — нетерпеливо воскликнул один из спутников Рюрика, в котором Вадим узнал по голосу Сигура. — Вспомни о нас...

— Я с радостью вгоню свой меч ему в грудь! — с торжеством поддержал брата Триар, который стоял тут же. — Что жалеть его?

— Помолчите, птенцы! — крикнул им Вадим. — Не вам решать мою судьбу.

Братья вознегодовали.

— Рюрик, что ты молчишь? — едва сдерживая себя, спросил Сигур. — Одно твоё слово...

— Да, Рюрик! Нечего терять время с ним! — поддержал братьев Олоф. — Ему следует ещё отомстить за убийство наших слов...

— Пусть я умру! — в порыве отчаяния воскликнул Вадим. — Но умру я, проклиная твоё имя, изменник. Ну! Рази же!..

Рюрик отвернулся. Сигур и Триар приняли это за знак согласия. С криками радости обнажили они мечи и кинулись к Вадиму. Несчастный закрыл глаза, ожидая смертельного удара.

Но раздался властный оклик:

— Стой!

Это крикнул Рюрик.

В сей ужасный миг, когда, казалось, должны быть сведены все счёты с заклятым врагом, Рюрику вдруг припомнилось давно забытое прошлое... Вспомнилось, как в Перынской роще при виде недвижимого Вадима, которого он уже считал за мертвеца, в порыве охватившего всё его существо ужаса, дал он клятву Сыну неведомого ему Бога пощадить заклятого врага, если только Он совершит чудо и возвратит жизнь Вадиму.

Едва вспомнил это Рюрик, как новый великодушный порыв охватил его.

«Вадим — заклятый мой враг! Чтобы исполнить мою клятву, должен я пощадить его».

Противиться сердечным порывам вождь варягов не умел. Как только промелькнула у него в голове эта мысль, как уже приказание сорвалось с языка и именно в тот самый миг, когда уже Сигур и Триар нацелили мечи на врага.

Братья с неудовольствием отступили.

— Ты хочешь пощадить его! — воскликнул Олоф, привыкший читать по лицу друга его сокровенные мысли.

— Его жизнь принадлежит мне, — глухо ответил Рюрик. — Я волен распорядиться ею, как мне будет угодно...

Олоф в недоумении пожал плечами и отошёл в сторону.

— Послушай, Вадим! — заговорил Рюрик, наклонясь над своим врагом. — Я дарю тебе твою жизнь... Почему? Этого я тебе не скажу... Но больше от меня ты не жди ни милости, ни пощады... Уходи из страны приильменской, если не хочешь ещё встретиться со мной... Мало ли места на земле? Будь уверен, искать я тебя не стану. Но и сам не попадайся мне на глаза...

— Я не хочу твоей милости! — сверкнул глазами Вадим.

Рюрик усмехнулся:

— Разве ты не узнал ещё ценности жизни?.. Но что бы ты ни говорил, я останусь верен своему слову: ты будешь жить!

— Брат, опомнись! Ты милуешь ядовитую змею! — воскликнул Сигур. — Она ужалит те-

бя!

— Я так сказал — так и будет. Объявить по всем дружинам, что жизнь этого человека священна. А кто осмелится пойти против моей воли и причинит ему вред, тот будет отвечать передо мной! Пойдёмте!

И Рюрик быстро пошёл прочь от того места, где лежал не пришедший ещё в себя от изумления Вадим.

— Ну что! Видишь! Прав старый Мал! — раздался возле Вадима голос болгарского кудесника. — Не пришла ещё пора тебе умирать.

— Позор, позор! — шептал Вадим и скрежетал зубами. — Но я отомщу! О, я сумею отомстить!

— Пока хранят его высшие силы, ничего не поделает слабому человеку. Люди бессильны перед высшей волей... Ты убедился в этом сам.

— Но что делать, что делать? — с отчаянием бормотал Вадим. — Как быть?

— Последуй его совету, исчезни... А пока попробуй встать на ноги и пойдём со мной. У старого Мала в его берлоге есть кое-какие тра-

вы. Они возвратят тебе силы...

С большим трудом поднялся Вадим при помощи Мала. В дряхлом теле старого кудесника сохранился ещё немалый запас физических сил.

Скоро они исчезли в чаще леса.

9. Смерть Велемира

Ся страна приильменная очутилась во власти варягов, но они не заботились об упрочении власти и спешили, покончив с грабежом, уйти в далёкую Византию. Туда влекли их и любопытство, и жажда новых богатств.

Но Рюрик, по приказу которого пощадили Новгород, не был спокоен. Мечь не удовлетворила его. Он жаждал ещё одного — смерти Велемира, которого в глубине души считал главной причиной всех своих бед.

Однако, несмотря на все розыски, Велеми-

ра найти не могли. Рюрик мог бы отправиться к Гостомыслу и узнать, где скрывается старый жрец. Но увы! Он не мог на это решиться...

Не знал он, как отнесётся к его поступку дядя... Всё-таки, несмотря на озлобление, родственные чувства сказывались, и вождю варягов было бы очень тяжело услышать из уст Гостомысла осуждение его поступка.

Так и не показывался он в Новгороде, запретив всем своим воинам открывать кому бы то ни было из славян тайну своего происхождения. Скандинавские воины вообще были не особенно общительны, но теперь уважение к любимому вождю заставляло их быть немыми, как могила, что касалось прошлого Рюрика. Даже прежнее имя его было забыто.

Между тем Гостомысл, видевший позор родной страны, горевал и никак не находил способа помочь общему горю. Он и не подозревал, что варягов привёл на Ильмень его племянник, хотя иногда ему в голову приходила мысль, что в рядах северных витязей находятся братья-изгнанники.

«Повидать бы их!» — думал новгородский посадник, немало удивлявшийся тому обстоятельству, что при грабеже только Новгород уцелел.

Раскинув умом, Гостомысл сообразил, что этим он мог быть обязан только своему племяннику.

«Кому же другому нужно жалеть Новгород, когда вокруг него ни одно селение не уцелело! — раздумывал Гостомысл. — Если же это так, то он не простой воин среди скандинавов... Обыкновенного варяга не послушались бы вожди!..»

Гостомысл сообщил свои предположения Велемиру, которого укрыл в своём доме. Тот пришёл в ужас:

— Близка моя гибель, если Святогор на берегах Ильменя.

— Не думаю, чтобы он считал тебя врагом, — осторожно заметил новгородский посадник.

— Нет, он не забыл того, что я держал сторону Вадима... Через меня он потерял свою Любушу и должен был бежать...

— Не отчаивайся! Всё уладится...

Но Велемиром овладели мрачные предчувствия.

Однажды под вечер Гостомысл узнал, что в Новгород вошёл хорошо вооружённый отряд варягов.

— Они направляются к твоему дому, посадник! — сказал слуга. — С ними их главный предводитель, который привёл их сюда.

— Предводитель? Как его зовут? — старец волновался, надеясь услышать имя племянника.

— Имя его — Рюрик!

Всякая надежда исчезла...

— Рюрик? Нет... Но что же! Пусть они идут сюда... Я готов принять их, как дорогих гостей! — с грустью сказал Гостомысл.

На всякий случай он велел укрыть Велемира в потайное место, куда, по его мнению, варяги никак не могли проникнуть.

Успокоившись за жреца, Гостомысл приготовился к встрече долгожданных, но непрощенных гостей.

Те не заставили себя долго ждать.

Но в горницу к Гостомыслу вместо большой ватаги свирепых норманнов вошёл всего

один статный воин.

— Добро пожаловать, норманн! — дрогнувшим голосом приветствовал его старец. — Буду надеяться, что мои седины охранят меня от позора.

— Думай так, старик, — ответил воин. — Ты много уже лет прожил на свете и должен знать, что рука норманна не поднимается на беззащитного...

— Добро тебе... Но скажи, почему мне так знаком твой голос? Ослабло моё зрение — плохо видят очи, но слух не изменил ещё мне... Я как будто уже слышал тебя, но когда — не знаю...

— Опять ты не ошибаешься, старец...

— Тогда скажи, когда и где мы встречались? Не был ли ты в Новгороде проезжим гостем?

— Нет, не был... Не к чему скрывать, старик! Попробуй, напряги своё зрение, взглядишь в меня.

Может быть, черты моего лица покажутся тебе... хорошо знакомыми.

Гостомысл пристально взгляделся в посетителя. Чем он дольше разглядывал его, тем всё

светлее становилось его лицо.

— Святогор... Ты ли? — узнал, наконец, Гостомысл племянника и протянул к нему руки для объятий.

— Молчи, дядя! — воскликнул тот. — Святогора больше нет. Я тот, кого вы назвали Соколом и кого мои скандинавы зовут Рюриком.

Более он не мог сдерживать себя и крепко прижал к своей груди взволнованного Гостомысла.

— Не бойся, дядя. Никто, пока я жив, не причинит тебе вреда.

— Но ты!.. Как ты решился навести беду на свою землю? Горят селения, льётся кровь...

— Я дал клятву тогда отомстить всем родам приильменским за мой позор и сдержал её... Вيني меня, но я всё-таки буду считать себя правым.

— Нет, я не буду упрекать тебя! — покачал головой Гостомысл. — К чему теперь упрёки! Что сделано, то сделано. Не исправишь дела, минувшего не вернёшь...

— Спасибо, Гостомысл! Примерно такого ответа я ожидал от тебя, мудреца... Но я не

один. Позволь войти и моим товарищам. Сигур, Триар! Входите. Дядя хочет принять вас в свои объятия! — и он приотворил дверь.

С криком радости кинулись оба молодые варяга к старику.

— Сколько лет мы не виделись с тобой! — улыбнулся Гостомысл Рюрику. — Расскажи же, как провёл ты эти годы.

Тот не заставил себя долго просить. В подробностях рассказал он, как протекала его жизнь в далёкой Скандинавии. Умалчивал он только о своих подвигах, хотя и упомянул о походах на франков.

— А прошлое забыл? — спросил Гостомысл, когда Рюрик сообщил ему о предстоящем браке с дочерью Белы.

— Простое? О чём?

— Любушу.

— Нет, дядя, не забыл. Много раз глаза в глаза видел я смерть, сотни людей корчились у ног моих в предсмертных муках, а всё-таки памятно мне, как трепетало у меня на руках тело умирающей любимой... Всё Велемир!.. О, если бы мне удалось отыскать этого гнусного старика! Как насладился бы я его муками! Но

нет его, он стинул.

— Он здесь, — раздался позади него спокойный голос.

Все бывшие в горнице, не исключая даже Гостомысла, вскочили на ноги.

У входа, выпрямившись и разведя костлявые плечи, стоял жрец грозного Перуна. Он был бледен, но лицо казалось спокойным. Глаза его блестели совсем особенным, почти юношеским блеском.

— Он здесь! — повторил Велемир, делая шаг вперёд. — Ты грозишь мне муками, юноша. Напрасно! Никогда ты не дождёшься этого... Я знаю свою судьбу, знаю волю богов. Вот я и пришёл сказать тебе: ничего на этой земле без высших существ не делается. Ни один волос с головы не упадёт, и я — только смиренный исполнитель высшей воли... Вот ты обвиняешь меня в своих бедах, но я слышал твой рассказ. Не винить тебе меня нужно, не грозить мне мезтью, а благодарить. Чем бы ты был, если бы остался на берегах Ильменя? Жалким солеваром, звероловом. И всё. А теперь?.. Теперь ты вождь храбрецов, славный северный конунг без сомнений отдаёт тебе

свою любимую дочь. Пойми же ты, неразумное дитя, что старый Велемир видел печать богов на твоём челе. Я должен был поступить так, как поступил.

— Он прав, Рюрик! — воскликнул Гостомysl. — Умоляю тебя, пощади его!

— Зачем ты говоришь это, мой старый друг? — остановил посадника жрец. — Говорю тебе, что воле богов противиться нельзя. Мне суждено умереть сегодня, и я умру... гляди!

Велемир выхватил из-за пояса жертвенный нож и, прежде чем бросившийся к нему Рюрик успел удержать вооружённую руку, изо всей силы всадил нож себе в грудь.

— Прощай, родина! — прохрипел несчастный. — Умирает верный твой сын.

Велемира едва успели довести до скамьи. Кровь оросила его белую одежду. Он тяжело дышал. Рана была нанесена умелой рукой, и спасти несчастного не было никакой возможности.

— В позорном плену берега Ильменя! — шептал умирающий. — Нет сил вынести этой ужас... но виноваты сами роды... Прав ты, Го-

стомысл: пока не будет над родами славянскими единой крепкой власти, всякий, кто захочет, будет понукать ими.

Судорога пробежала по иссохшему телу старого жреца. Ещё миг, и его не стало.

Так ушёл из жизни главный поборник славянских вольностей, не нашедший в себе сил перенести позорный плен своей страны, в счастливую будущность и могущество которой он свято верил.

10. Названные братья

Икуя, возвратились на родные берега скандинавские дружины. Повсюду население и городов, и деревень выбегало к героям навстречу, когда их ладьи причаливали для отдыха в тихих гаванях.

Слава Рюрика всё росла. Из простого, безвестного варяга он стал народным героем,

имя которого воспевали в сагах вещице скальды.

Вот наконец и Сигтуна.

Долго помнил Рюрик этот знаменательный для него день возвращения на берега, где для него одного билось любящее женское сердце.

Всё ближе подходят ладьи к скалистым берегам; к вою ветра, к реву прибоя, слышно на ладьях, как примешивается гул голосов — это толпы людей высыпали встречать победителей.

С замирающим сердцем стоит Рюрик на почётном месте своего корабля. Глаза его устремлены вдаль, тревожное чувство теснит грудь.

Что-то Эфанда? Ждёт ли она его?

Наконец причалили ладьи. Началась высадка.

Величавый, полный достоинства стоит конунг Бела у самого морского прибоя. Лицо спокойно, никаких признаков волнения в глазах. С обеих сторон окружают его соратники, а позади их волнуется народ.

Смиренно склонив голову, подходит к ста-

рому конунгу Рюрик.

«Что он скажет? Доволен ли?» — думает витязь.

— Приветствую тебя, сын мой! — слышит он над собой торжественный голос Белы. — Ты в далёких землях покрыл славой страну, которая стала тебе второй родиной. Ты отмстил дерзким дикарям за гибель её лучших сынов. Ты — славный берсерк.

Бела велел варягу подняться и запечатлел на лбу у него поцелуй.

— Ты на поле брани заслужил своё новое имя! — продолжал конунг. — И ты достоин его... Да славится во веки веков между народами имя Рюрика!..

— Не я один, отец, ходил на Ильмень, — напомнил Рюрик. — Скажи о тех, кто был со мной.

— Все они храбрецы... Да примет павших в чертоги свои светлая Вальгалла. И да помянут их имена скальды в своих песнях... Те же, кто вернулся на берега скандинавские, пусть довольствуются всеобщим почётом... Но перестанем говорить!.. Идём! Чертог мой готов для победного пира. А тебя!.. Тебя ждёт не до-

ждётся моя Эфанда.

Краска залила лицо Рюрика.

— Эфанда! О, не томи, отец. Скажи мне, по-прежнему ли она любит меня?

— Об этом спроси у неё самой. А теперь идём!..

При звуках рогов тронулись вслед за Белой и Рюриком все вожди возвратившихся дружин в палаты.

Там действительно всё было готово для пира.

Расставлены длинные дубовые скамьи и столы. Последние покрыты ткаными покрывалами — работы Эфанды и её подруг. Для Белы, Рюрика, Олофа и начальников дружин были приготовлены места на южной скамье, считавшейся у скандинавов почётной. Место Белы возвышалось над другими, так что отсюда он мог видеть всё происходившее на пиру. Против почётной южной скамьи, на северной, посередине её, устроено было другое возвышение, предназначавшееся для хозяйки дома... Долго оно оставалось пустым в палатах конунга, но теперь по праву взрослой дочери должна была занять его Эфанда.

На длинных столах помещались кушанья, а на других, поменьше, стояли чаши и кубки с крепким мёдом и пивом.

Не долго рассаживались гости — торопились угощаться. Едва расселись, старый конунг поднял чашу в честь небожителей — асов. Вслед за тем славный скальд Гуинар — краса Скандинавии, — поместившийся у ног Белы, запел в честь вернувшегося победителя новую сагу, первый куплет которой заканчивался припевом:

*— И в пути провожала его
Белоснежная дочь короля
До тех мест, где кончаются шхеры...*

Лишь только смолкли последние звуки арфы, сопровождавшие припев, как широко распахнулись восточные, предназначенные для входа женщин, двери[16], и в них показалась Эфанда. На голове её было белое, вытканное золотом покрывало невесты, а руки — унизаны золотыми браслетами и кольцами.

С восторгом смотрел Рюрик на свою буду-

щую подругу жизни. С каким отрадным чувством он бросился бы теперь к её ногам! За одно её ласковое слово отдал бы он и всю свою славу, и самую жизнь.

После почтительного поклона конунгу Эфанда заняла своё место, и пир снова зашумел. Слуги, привыкшие к своему делу, быстро разносили между пирующими тяжёлые чаши с мёдом. Щедрой рукой раздавал Бела в подарок храбрецам золотые кольца, запястья. А Гуинар под звуки арфы громко воспевал их подвиги.

— Нет, Рюрик! — воскликнул Олоф. — Мы с тобой делили и радость, и горе, и плен постыдный, и сладость побед... так отчего же мы до сих пор не братья?..

Послышались одобрительные голоса:

— Да, да, отчего вы, храбрые вожди, ещё не побратались?

— Я не решался предложить тебе это, Олоф...

— Гордец! Но теперь я предлагаю тебе побрататься! Доволен ли ты?

— О мой Олоф! Зачем тебе ещё спрашивать!

Рюрик хотя и отвечал своему другу, но мысли его были около Эфанды. Его взор, устремлённый на невесту, так и горел восторгом.

«Видишь, я вернулся! Я принёс к твоим ногам мою славу, Эфанда», — говорил этот взор.

«Я по-прежнему люблю тебя! По-прежнему моё сердце принадлежит только тебе!» — отвечали Рюрику кроткие глаза Эфанды.

А раздольный пир всё шумел.

Удалились женщины, веселье стало непринуждённой. Саги скальда сменились пением самих пирующих, потом начались пляски, и незаметно подкрался рассвет...

— Я горю нетерпением стать твоим братом! — говорил Олоф. — Пойдём, о Рюрик, принесём жертвы Тору и совершим обряд...

Он почти силой увлёк вождя варягов из чертога конунга.

Первые лучи восходящего солнца уже прорезали плывшие в небе тучи. Веял отраднй утренний ветерок, когда оба друга явились к дротту Гиорварду и принесли жертвы гремящему Тору.

Своими руками вырезали они из мягкого

дёрна два широких и длинных пласта и, подняв, укрепи ли их на копьях. Потом оба разом прошли они над землёй, пожимая при этом друг другу руки.

Эта часть обряда совершена была в глубоком молчании.

Затем Олоф и Рюрик стали оба на колени перед рыхлой землёй и каждый из них, надрезав себе руку, пролил на землю свою кровь... Смешались кровь славянина и скандинава. С этой поры Олоф и Рюрик связаны были неразрывными узами братства.

— На жизнь! — воскликнул скандинав клятву богам.

— И на смерть! — закончил клятву Рюрик.

— Я же буду вечным свидетелем вашего союза! — торжественно сказал Гиорвард. — Подайте друг другу руки. С этого мгновения узы названного братства должны соединять вас более, чем кровных братьев соединяет их родство...

Ни разу в жизни после этого не разлучался Олоф со своим названным братом Рюриком.

Крепки были подобные союзы в те времена.

11. Исполнившаяся мечта

Емного прошло времени с той поры, когда Рюрик возвратился на берега Скандинавии и соединился брачными узами с Эфандой, к великой радости и старого Белы, и всего населения Сигтуны, а всего более к радости россос...

Для них союз вождя варягов составлял выдающееся явление. Они могли, наконец, теперь вздохнуть свободно, так как сей брак упрочивал права их племени. Мало природных скандинавов было среди варяго-россов. Большинство их состояло из славянских выходцев; были между ними пикты, саксы, франки, пленённые и прижившиеся у скандинавов, но в общем они всё-таки были чужими среди местных жителей, пришельцами...

Теперь же их вождь породнился с природ-

ным конунгом и в силу этого обрёл почёт, который ранее для них был недоступен.

Обаяние Рюрика среди варяго-россов увеличивалось с каждым днём.

Древние времена не знали пышности, но всё-таки брак Рюрика и Эфанды отпраздновали необычайно торжественно.

Обязанности дружки исполнял названный брат Рюрика — Олоф. Он вместе с Аскольдом и Диром явился в чертоги Белы за радостной невестой и потребовал у Белы мира и безопасности. Согласно обычаям, их сперва обезоружили, а потом начался в их честь предсвадебный пир. В конце пира Олоф в качестве дружки принял от Белы приданое невесты и затем, сделав вид, что захватывает её силой, посадил в седло и умчал Эфанду из-под отчего крова.

Там с прибытием невесты начался новый пир...

Долго веселилась варяго-росская молодёжь на свадьбе своего вождя. Рекой лились крепкие пиво и мёд, но Рюрик, как ни весел был этот последний его холостой пир, ждал, дожидаться не мог, когда останется он наедине с

молодой супругой...

Наконец, при всеобщих пожеланиях счастья, тихих радостей и долгой жизни и здесь, и за могилой, проводили молодых в брачный чертог.

Светлой девственной красотой сияла Эфанда. И Рюрик тоже как бы преобразился. Прежней его неприступной суровости не осталось и следа... Необычные, свойственные только одному славянскому племени, ласковость и сердечная доброта сияли в его взоре.

— Моя, моя Эфанда! — шептал он, прижимая к сердцу свою молодую супругу. — Наконец-то судьба соединила нас!

— О, мой герой! Я боюсь только одного: что жестокая смерть разлучит нас... Ты не останешься вечно со мной, шум битвы увлечёт тебя...

— Нет, боги хранят меня. А теперь они будут хранить и тебя вместе со мной.

Здесь впервые поведал Рюрик супруге о прошлой своей жизни. Подробно рассказал он о несчастной Любуше, не забыл упомянуть и о другой, почти забытой им женщине — о павшей под его мечом Жиневре, привлёкшей

его, околдовавшей, как ему казалось, своими чарами...

— Что ты скажешь теперь про меня, Эфанда? Не покажусь ли я недостойным тебя? — спросил он.

— Прошрое, о мой возлюбленный, забыто!.. Будем жить настоящим — оно наше... Они, мои соперницы, погибли. Я осталась с тобой! — Эфанда крепко прижалась к груди Рюрика.

Один поцелуй обратился в другой, другой — в третий... Ясная Фрейя осенила счастливых супругов своими крыльями...

На другой день «утренний дар»[17] был свидетельством перед всей Скандинавией того счастья, которое подарила Эфанда своему супругу...

В мире, в согласии полном потекла жизнь счастливых супругов. Бела только радовался на своих детей.

Не один Бела, однако, радовался за Рюрика и Эфанду. Все жители приморского города с любовью смотрели на счастливую чету.

Рюрик в безмятежном счастье любви забыл, казалось, и шум битв, и все дела, быв-

шие неизбежным последствием его похода в приильменскую страну. Он даже и не интересовался вестями из покорённого края.

А вести оттуда приходили...

Бела чрезвычайно дорожил завоёванным краем. Через него проходил путь в греки, и для конунга очень важно было держать начало этого пути в своих руках.

Незаметно шло время, тихо сидели в своих местах покорённые славяне; старый Бела стал мало-помалу успокаиваться, получая оттуда обильную дань.

Не любили долго засиживаться скандинавские мужи. Сладки чары любви, отрадна прелесть домашнего очага, но едва прозвучал рог призывный — зашумели ратным шумом и города, и деревни, со всех сторон стали собираться в Сигтуну воины...

Морской конунг Сторвард созывал дружины для набега на страну пиктов, где царствовал Этельред, давнишний его противник.

Как ни страстно хотелось Рюрику остаться под родной кровлей, но ни на миг не прельстился он мыслью остаться дома и отказаться от участия в набеге.

Поднял он варяго-росские дружины, покинул Эфанду и во главе своих воинов явился к Сторварду.

Нечего и говорить, что варяги, да ещё под начальством их славного вождя, с радостью были приняты конунгом...

Ни одной слезинки не уронила Эфанда, провожая супруга. Но если бы кто мог заглянуть ей в сердце, то увидел бы, что оно разрывалось на части от тяжкого горя...

Однако скандинавские женщины умели владеть собой, и Эфанда ничем не выдала своей печали.

Только когда скрылись на горизонте белые паруса кораблей, тяжело вздохнула она, и на её чудных, голубых, как весеннее небо, глазах заблестели слезинки.

В жарких сечах с врагами забыли берсерки об оставленной родине. С прежней храбростью бился Рюрик в первых рядах варяго-росской дружины, но ни на один миг не забывал он о своей милой Эфанде.

Незаметно прошли почти два года похода. Судьба хранила вождя варягов. Ни один вражеский меч не коснулся его. Живой и невре-

димый вернулся он в свои фиорды.

Вернулся и получил тревожные вести с берегов Ильменя.

Узнал Рюрик, что пробудился от своей нравственной спячки народ славянский, как один человек восстал он против своих покорителей и прогнал их.

Что делать?

Дряхл старый Бела. Как оставить умирающего старика одного? Но как не покарать и виновных?

Как спустить им дерзкое их выступление против норманнов?

По совету Белы решил Рюрик созвать тинг, на котором он намеревался объявить новый поход на Ильмень...

Слишком памятна была всем удача первого похода. Ещё до тинга заволновались скандинавы, готовые к новому набегу на страну, которая в их воображении представлялась сказочно богатой.

Новая гроза собиралась над приильменскими славянами, но судьба судила им совсем иное...

12. Пробудившийся богатырь

*Посмотрел, тряхнул главою,
Ахнул дерзкий и упал.
М. Ю. Лермонтов*

Н Ильмене действительно было беспокойно. Для всех новгородцев так и осталось тайной, что навестивший их посадника вождь варягов Рюрик был не кто иной, как Святогор, когда-то позорно изгнанный при их участии с берегов Ильменя. Впрочем, они и не допытывались. Новгородцы видели, что варяги чрезвычайно милостиво относятся к ним, не жгут их жилищ, не совершают нападений на них и довольствуются весьма небольшой — посильной — данью. Всё это они приписывали мудрости своего посадника и его умению обращаться со свирепыми чужеземцами.

Итак, новгородцы были за себя спокойны, да, кроме того, они знали, что пришельцы не долго засидятся на Ильмене.

И в самом деле. Когда варяжские ладьи нагружены были обильной добычей, начальники дружин стали поговаривать, что пора бы и возвратиться им в родные края.

— Нигде так долго мы не засиживались, — толковали в стане варягов, — не с пустыми руками мы домой приедем.

Понимал и Рюрик, что задерживаться с возвращением на родину не было смела. Но он во что бы то ни стало хотел оставить прильменскую страну в своих руках.

— Друзья, — говорил он, посоветовавшись с начальниками дружин, — нельзя нам выпустить из рук то, что мы приобрели мечом... Подумайте сами: из Нево по Волхову идут наши ладьи в далёкую Византию, а если мы оставим эту страну, не удержав её в руках своих, то окрепнут роды славянские и не будут пропускать наших дружин за Ильмень.

— Правда, правда, — слышались голоса в ответ на эту речь.

— Вот и должны мы владеть всей этой зем-

лёй, чтобы проход к эллинам всегда был нам свободен.

— Но как же это сделать?

— Пусть некоторые из нас с дружинами останутся в землях приильменских, одни в Новгороде, другие — по Ильменю, а третьи пусть собирают дань с племён ближайших. Обложим мы племена и роды славянские данью тяжёлой только для того, чтобы знали они, что есть над ними власть, и не осмеливались бы выйти у нас из повиновения.

— Верно! Обложить их данью! Взять с «носа», как у нас в Скандинавии.

— С «носа» нельзя — где их всех сосчитаешь! Будем брать с «дыму» по шкурке куньей.

Так и было решено.

Впрочем, в этом случае Рюрик действовал не совсем самостоятельно. Главную роль тут играл новгородский посадник Гостомысл. Он-то по большей части и советовал Рюрику обложить приильменских славян данью.

«Пусть на себе узнают, как тяжело ярмо иноплеменника, — думал мудрый посадник, — сдавят, стиснут их варяги, поймут тогда они, что не в них сила, а в одной крепкой

власти, которая всеми бы делами правила, всё в порядке держала, от врагов защищала и суд правый творила».

С этим именно расчётом он и уговаривал племянника обложить приильменцев данью.

— Пока всё ещё ничего, — предупредил, однако, Гостомысла Рюрик, — но я знаю своих удальцов, не утерпят они и будут двойную дань собирать, затянут они роды славянские.

Гостомысл в ответ хитро улыбался.

— В их пользу это будет, — говорил он.

Рюрик верил мудрости Гостомысла и потому не замедлил исполнить его желание, и все славяне, включая весь, мерю и кривичей, были обложены варягами данью.

Он затем оставил завоёванную страну, и в предыдущих главах мы видели, как встретил победителей старый Бела...

Но опасения варяжского вождя всё-таки оправдались...

Лишь только главные силы Скандинавии ушли с Ильменя, оставшиеся вожди дружин почувствовали себя полными хозяевами покорённой страны...

Пока оставался здесь Рюрик, положение побеждённых всё-таки было ещё сносно.

— Гостомысл! Ты раскаиваешься теперь в том, что просил меня наложить дань на славян? — спрашивал Рюрик при прощании.

— Нет, раскаиваться не в чем... Каждая беда — хорошая наука для будущего... Пусть усилится ещё более ярмо рабства над ними, и тогда... тогда я, может быть, умру, добившись для своего народа того, о чём мечтал всю жизнь.

Новгородский посадник с восторгом смотрел на своего племянника. Та привязанность, которой пылало его сердце к сыну, а затем к внуку, целиком перешла на Рюрика. Кроме того, Гостомысл видел в нём избранника судьбы, человека, призванного успокоить раздоры в великой славянской земле.

Он не стал просить Рюрика остаться в родном краю, знал, что сердцем вождь варягов ни на минуту не расстанется с далёким севером, где ждёт его красавица-невеста Эфанда...

И Рюрик действительно стремился на берега Скандинавии. Одна за другой спешили за Нево варяжские дружины, лишь некоторые

остались и принялись хозяйничать в покорённой ими богатой стране.

Тяжело и постыдно было для никогда не знавших над собой ничьего господства славян это иго чужеземцев... Варяги не церемонились с ними. Как и предвидел Рюрик, они не только стали собирать двойную и даже тройную дань с покорённого народа, но и всеми силами старались унижить его нравственное чувство, оскорбить его достоинство, показать, что с тех пор, как нога северных пришельцев ступила на славянскую землю, все славяне стали не свободными, а рабами.

Припомнили приильменские славяне Вадима.

Одни с проклятием произносили его имя, считая его главным виновником всех бед земли родной, другие — видели в нём единственного способного вождя, под начальством которого, может быть, и удалось бы приильменским родам освободиться из-под варяжского гнёта...

— Где он теперь? Отчего его не видно на Ильмене? — вспоминали Вадима те, которые знали, что не погиб он в последней жаркой

схватке с врагом. — Куда он скрылся?

— Увёл его старый Мал в дальние страны! Слышали от него, что не то под Киев-городок к полянам ушёл он, не то к хазарам в Атель увёл его Мал...

— Если бы вернулся он, все бы пошли мы за ним, как один человек!.. Прогнали бы за море проклятых чужеземцев, — толковали в приильменских родах, — снова зажили бы прежней жизнью...

Те, кто помнил эту «прежнюю жизнь» приильменских родов, в ответ на эти речи печально покачивали головами...

— Ох, не будет толку, — говорили они. — Снова не станет правды между нами!

Гостомысл, между тем, не дремал. В его хоромах в Новгороде собирались родовые старейшины, велись долгие беседы о том, как поправить дела, как восстановить в блеске и могуществе родную страну приильменскую.

Никогда мудрый новгородский посадник, одряхлевший телом, но юношески бодрый умом, не выражал собеседникам своей заветной мысли о необходимости крепкой единой державной власти для всех без исключения

славянских родов. Знал он, что всегда найдутся среди старейшин поборники прежних, приведших к тяжким бедствиям вольностей, люди, которые ни за что не решились бы даже ради блага своей родины поступиться ими. Зато, не говоря об единой власти прямо, Гостомысл рассказом, побасёнкой, метким словом постоянно втолковывал им свою заветную мысль...

Первая искра — мысль о единодержавной власти, зароненная уже в славянский народ на тех же берегах Ильменя старым Радбором, разгоралась мало-помалу в яркое пламя.

Но время шло...

Гнёт варягов становился всё тяжелее и тяжелее. Изнывали под ним славяне. Всё больше и больше выбирали с них дань пришельцы, били смертным боем непокорных, не разбирая при этом ни правых, ни виноватых.

И вот зашумела, заволновалась, наконец, вся страна приильменская. Годы неволи не пропали для неё без пользы. Нагляделась славянская молодёжь на пришельцев с дальнего севера, их ратное дело изучила, оружие себе научилась ковать по их образцам, обычаи их

многие переняла, и вдруг почувствовала земля славянская великие в себе силы.

Проснулся мощный богатырь... Проснулся, потянулся по славянской привычке, глянул кругом и встал.

Встал — на горе врагам.

Поднялась, как один человек, вся страна приильменная, зазвенели мечи, застучали щиты, огласили всю её стоны раненых и умирающих, осветило её зарево пожаров.

Горе врагам.

Как ни отчаянно храбры были пришельцы, но мало их было, не по силам им противиться пробудившемуся чудо-богатырю — народу славянскому...

Гонят пришельцев славяне из всех мест и местечек, где осели они, эти дерзкие варяги, жгут их крепостцы, в полон никого не берут — всем чужеземцам за долгие годы неволи народной одно наказание — лютая смерть...

Недолго продолжался неравный бой.

Обсидевшиеся, обленившиеся в годы покоя варяги, малые числом, не противились славянам и толпами побежали за Нево на

свою неприветливую родину.

Снова стал свободен народ славянский... Вместе с ним сбросили чужеземное иго и чудь, и весь, и меря, и кривичи, и дреговичи, и все другие маленькие племена, названия которых не сохранилось в истории.

Освободились, вздохнули. Но надолго ли?

13. После неволи

И пошёл род на род, и не стало правды...

Летопись

Свободился народ славянский от чужеземного ига, но горький опыт не научил его ничему.

Сказалась славянская натура, и лишь только на Ильмене не осталось ни одного варяга, всё там пошло по-старому.

Снова начались бесконечные раздоры. Дух

своеволия остался на ильменских берегах.

Даже Новгорода перестали бояться роды славянские.

— Что нам Новгород! — толковали на Ильмене. — Засел на истоке и важничает.

— Не таких мы видали! На что грозны варяги, и тех не испугались, а то — Новгород!

— Эх, сложил Вадим буйную голову. Будь он с нами, показали бы мы себя Новгороду!

Когда более благоразумные спрашивали крикунов, чем им так досадил Новгород, те с важностью отвечали:

— Не по старине живёт!.. Больно богатеет. Это он на Ильмень и варягов-то приманил!..

Раздоры постоянно шли на берегах великого славянского озера. Где-нибудь да скрещивались мечи, лилась братская кровь; никто не хотел знать над собой никакой власти, все сами желали властвовать и быть над другими старшими.

С удивлением смотрели на приильменцев наезжавшие по торговым делам в Новгород кривичи и люди из веси и мери. Они также попали было под власть варягов, но, стряхнув с себя чужеземное иго, не ссорились между

собой и жили тихо и спокойно.

— Из-за чего у вас на Ильмене такие пошлы раздоры? — спрашивали они у новгородских мужей.

— Побыли с варягами, — отвечали те, не скрывая даже своего горя, — посмотрели на них, да от них такому озорству и научились. Что теперь и делать, не знаем... Страшные дела на Ильмене творятся. Никому проходу нет. Вон, на днях новгородского степенного боярина ограбили... Как ещё живого оставили! Что и говорить, последние времена для народа славянского пришли... Стыдно молвить: при варягах куда лучше и спокойнее жилось.

— Да, если так пойдёт, — слышалось другое мнение, — снова придут к нам варяги или другие какие чужеземцы. Верьте слову, голыми руками нас перехватывают.

— А теперь, после того как прогнали мы их, не дадут уже никому пощады. Пропадёт земля славянская...

Так говорили в Новгороде, где ясно видели печальные последствия раздоров, но не так думали в родах.

Действительно, наглядевшись на при-

шельцев, родичи вдруг набрались храбрости. Никого, кроме своих, на беспредельных пространствах земли славянской не было, не с кем было схватиться — силами помериться, и вот, за недостатком чужих, роды боролись и бились друг с другом.

Наконец мало показалось им страны приильменской. Стали всё чаще и чаще повторяться разбойничьи нападения на соседних кривичей, весь, мерю да чудь голубоглазую.

Те, как могли, отражали эти нападения. Кровь лилась рекой.

Но так не могло долго продолжаться.

После долгих советов между собой отправились в Новгород послы и старейшины от кривичей, веси, мери. К ним присоединились и дреговичи, тоже не мало терпевшие от нападений приильменских разбойников.

Не суда, не управы отправились искать они по прежнему примеру; знали всё, что и Новгород бессилен был в этой борьбе с ужасным злом. Но одно уже имя славного центра всего северного союза славян было по-прежнему для них обаятельно. Если не ратной силы, так разумного совета ждали они от новго-

родцев. Издавна это повелось. И теперь, в последний раз, решились так поступить обиженные соседние племена.

— Что скажут в Новгороде, тому и быть; силой помочь не могут, пусть совет мудрый дадут, — толковали послы. — А нет, так и без них управу найдём... Хоть к ханам хазарским обратимся, а себя в обиду не дадим...

Узнав, за каким делом пришли в Новгород послы кривичей, веси и мери, явились туда и старейшины приильменских родов.

Их, строго говоря, нельзя было без оглядки винить за всё происходившее на берегах великого славянского озера. Почти все они были почтенные старики, ясно видевшие, к каким печальным последствиям должны были привести постоянные раздоры родичей. Но что они могли поделать с буйной, вышедшей из повиновения молодёжью?..

Новгород, несмотря на своё бессилие, в их глазах пользовался прежним влиянием, да кроме того, в нём жил ещё тот, кто пользовался уважением всех без исключения приильменских и соседних с ними славян — старец Гостомысл.

Под звуки вечевого колокола сошлись старейшины и весь народ новгородский на площадь. На этот раз с первого взгляда было видно, что вече собиралось какое-то совсем особенное. Оно не носило своего обычного бурного характера. Не слышно было задорного звона вечевого колокола. Он прозвонил уныло, тоскливо, грусть наводя на новгородские сердца, и смолк. Все были смущены, растеряны, каждый из вечевиков утрюмо молчал.

Не вышел на звон тот, кого давно уже привык Новгород да и все его соседи считать мудрейшим из мудрецов. Совсем одряхлел Гостомысл. Тлеет ещё искра жизни в его разрушающемся теле, но силы уже окончательно оставили его.

Это ещё более смущает вечевиков... Прежде речью мудрой, советом разумным вызволял посадник своих сограждан из всякой опасности, а теперь кто их из беды вызволит? Кто доброе слово им скажет?

При всеобщем смущении началось вече.

— Мужичи новгородские и людины, — заговорил старейшина одного из сильнейших соседних племён, кривичей, — от лица всех ро-

дов наших держу я речь к вам: нельзя жить так, как живём мы! Посмотрите, что творится на Ильмене! Восстал род на род, не стало правды.

— Верно! — раздались отдельные восклицания. — Пропала правда с Ильменя!

— Совсем житья не стало. При варягах куда лучше жилось. Все знали, у кого искать управу.

— Так вот вы и рассудите, как быть нам, — продолжал кривич. — Пока вы там у себя на Ильмене спорили да ссорились да кровью родною землю свою поливали, ничего не говорили мы... а вот нынче и нам от вас терпеть приходится. Не дают нам спокойной жизни ваши буяны... Приходят с мечом и огнём в нашу землю, терпенья не стало совсем. Страдаем тяжко мы.

— И нам тяжко, и мы! — подхватили старейшины веси, мери и дреговичей. — К вам управы пришли искать. Уймите вы своих на Ильмене.

Мужья новгородские смущённо молчали, не зная, что и отвечать на эти вполне справедливые укоры.

— Почтенные старейшины, что и сказать вам, не ведаем мы, — потупив глаза, заговорил заменявший Гостомысла посадник из степенных бояр. — Стыдно нам, ох как стыдно, а что поделатъ с нашей вольницей — не знаем. Слабы мы после варяжского нашествия, сами вы видите; как гнали мы варягов, полегли наши силы ратные на поле брани, да и до этого ещё варяги как пришли, многих побили, вот теперь никто и знать не хочет великого Новгорода.

— Великое спасибо вам за слово это, за признание честное! — крикнул старейшина кривичей. — Не потаили вы от нас правды, хотя и горька она, вот и мы теперь вам тоже скажем, что решено у нас на нашем вече. То же правдиво скажем. Хотите ли выслушать нас?

— Говори! Говори! Слушаем! — раздалось со всех сторон.

— Решили мы сами обороняться огнём и мечом, решили разорить гнёзда разбойничьи на Ильмене, и прямо говорю: идём на вас войной...

— И мы к кривичам пристанем! — высту-

пил посланец мери. — Скажи своим: и мера вместе с кривичами на Ильмень боем идёт!

Выступил старейшина дреговичей.

— Правду сказал посланец кривичей, — заговорил он, — и нам, дреговичам, не остаётся ничего другого делать, как взяться за оружие и всем вместе идти на вас войною! Знайте же это.

— Война так война! Бой так бой! — закричали более молодые и горячие из собравшихся на вече. — Ишь чем пугать вздумали... Не таких мы видали. На что варягов — и тех прогнали! А варяги не чета вам! Суньтесь только — всех повырежем.

— Не без нас вы с варягами справились! — возразил кривич. — А вот что я скажу вам: если отвернётся от нас ратное счастье, так порешили мы обратиться за помощью к ханам хазарским.

Как громом поразила эта весть новгородцев...

— Опять польётся кровь славянская! — с горем воскликнули бояре. — Прогневали, видно, Перуна мы, ослепляет он нас!.. Брат на брата смертным боем идёт и чужаков на бра-

та ведёт. Страшное дело! Грозное дело!..

Вдруг всё вече как-то странно заволновалось. В толпе раздались крики изумления и восторга, почти все обнажили головы.

— Что случилось, что там? — слышались тревожные вопросы с вечевого помоста.

— Гостомысл! Гостомысл! — раздались им в ответ громкие, радостные крики.

16. *Счастье Гостомысла*

*Страха не боюсь,
Смерти не боюсь!
Лягу за царя, за Русь!
Из оперы «Жизнь за царя»*

ействительно, Гостомысл захотел присутствовать на этом последнем в его жизни вече...

Дряхлый старец не мог идти сам. Ноги давно уже не держали его ветхого тела, и он при-

казал нести его на носилках...

Было что-то торжественно-трогательное в этом шествии... Четверо рослых молодцов, на лицах которых ясно выражалась глубокая скорбь, высоко несли лёгкие носилки, где полулежал-полусидел ветхий старец с поникшей на грудь головой. Длинные седые волосы его развевались на ветру, руки беспомощно повисли, лицо приняло землистый оттенок, только глаза одни по-прежнему сияли почти юношеским блеском.

Окружавшая вечевой помост толпа с почтением расступилась, пропуская вперёд носилки. Сердца всех забились надеждой — все предвидели, что Гостомысл, много раз выручавший народ славянский своим мудрым словом, и теперь найдёт выход из того положения, в которое поставили приильменцев их раздоры.

Носилки с Гостомыслом внесли и поставили на площадку вечевого помоста у самого колокола.

Сразу затихло всё кругом.

— Знаю я, что собрались вы толковать о важных делах, — заговорил Гостомысл, — как

степенный муж новгородский и посадник старший решил и я принять участие в вече...
Поведайте мне, о чём говорите.

Гостомыслу передали слова кривичей, передали также и о желании других соседних племён примкнуть к ним и вместе идти войною на приильменцев и Новгород.

— Не страшны нам они. Что кривичи? Что меря и остальные? — говорили Гостомыслу. — Они грозят нам хазарскими ханами; не бывать этому. Мы истребим их до единого, не оставим даже на племя.

Гостомысл в ответ на эти слова покачал головой.

— Слушайте, мужи новгородские, скажу вам правдивое слово. Слушайте вы, старейшины ильменские, и живое слово. Слушайте вы, старейшины кривичей, и мери, и веси, и дреговичей, всех нас одинаково касается это дело. Побьёте вы, мужи новгородские и старейшины ильменские, всех их, — кивнул Гостомысл в сторону старейшин соседних племён, — что же из этого? Вспомните, какую кровь вы прольёте... Свою же ведь. И кривичи, и другие — те же славяне. А разве мало в

Новгороде семей, где матери, жёны у соседей взяты, разве мало дев приильменских к соседям ушло? вспомните вы и подумайте, что вы затеяли.

Гробовая тишина стояла кругом. Вечевики затаили дыхание, боясь пропустить хоть одно слово из речи своего старого посадника, а он воодушевлялся всё более и более.

— Напитается братскою кровью славянская земля, — продолжал Гостомысл, — так легче ли будет? Всё на Ильмене пойдёт по-старому, и всякий чужеземец, как варяги, придёт и захватит нас, в рабов обратит.

— Так что же делать? — раздались голоса. — Как поступить нам? Не стало меж нами правды!

— И не будет её во век, если сами вы не образумитесь. Знаю я, восстал на Ильмене род на род. Не виню я старейшин ни в чём, каждый из них себе и своему роду добра и правды ищет, да в том-то и дело, что у каждого из нас правда-то своя. Один думает так, другой — по-другому. И никогда на Ильмене кровь и раздоры не прекратятся, если только во всей земле славянской не будет одной только правды,

правды равной для всех.

— Где же нам искать её, скажи, Гостомысл? Справедливо ты говоришь, что нужно одну только правду, да где она? — заговорили кругом.

— Где? Слушайте, скажу я вам сейчас. Между кем идут раздоры у нас? Между родами. А родича если родич обидит, у кого он правды и суда ищет? У старейшины. И знаю я, что находит он свою правду! Родич на родича смертным боем не идёт, а род на род, чуть что, с мечом поднимается. Отчего так? Оттого всё, что не у кого родам в их несогласиях между собой правды искать, не к кому за судом скорым и милостивым обратиться, вот что. Что с семьёю бывает без хозяина? Брат с братом враждовать начинает, если старшего не остаётся, так и у нас на Ильмене. Вот подумайте над моими словами, да догадайтесь, что мы должны делать.

— Старейшину над старейшинами надо поставить, чтобы суд творил и обидчиков наказывал! — закричало несколько голосов.

— Верно, верно, Гостомысл прав! — раздались со всех сторон восклицания не только

приильменских старейшин, но и старейшин соседних племён.

Вече воодушевлено было мыслью о прекращении наконец тягостных междоусобиц и, как утопающий за соломинку, ухватилось за совет своего мудреца.

— Выберем сейчас же старейшину над старейшинами, пусть он судит нас! — крикнули с нижних ступеней веча.

— Пойдите, — остановил их Гостомысл. — Дослушайте, мужи и старейшины. Выберем мы старейшину над старейшинами, и думаете вы, прекратятся раздоры? Нет, никогда этого не будет, всё по-прежнему пойдёт.

На этот раз вече пришло в недоумение.

— Будет ли кто слушаться выбранного вами же мужа, будет ли кто исполнять его решения? В споре ведь всегда одна сторона недовольна, а кто её принудит выполнять, что старейшина верховный присудит? Никто. Вот и будет недовольных уже две стороны. Одна за то, что её принудили, а другая за то, что принуждённого не исполнили; опять раздоры, опять несогласие. Опять кровь польётся.

— Так как же нам быть, Гостомысл? Вразуми, научи нас. Мы верим твоей мудрости, скажи, как быть?

Гостомысл вдруг сделал такое усилие, на которое казалось неспособным его дряхлое тело, — при поднялся на носилках.

— Не старейшину надо нам, а князя, слышите, — князя, который бы правил нами, не спрашивая нас, чего мы хотим и что по-нашему правда, который бы силой заставлял виновников выполнять присуждённое, который бы со своей дружиной нас от врагов оборонял, в обиду не давал. Вот что нам надо.

Гостомысл затих. Несколько мгновений после него и вече хранило гробовое молчание.

— Что же, мужи, прав наш посадник, — заговорили некоторые, — нужен нам всем один князь полновластный.

— Вспомним варягов, и не князья они были, а хорошо при них жилось нам! — воскликнул старейшина кривичей. — Знали, где на злого человека управу найти.

— Верно, справедливо! Князя, выберем князя! — заволновалось вече. — Пусть он на-

ми правит, только кого вот?

Все с надеждой обратились к Гостомыслу.

— Кого выбрать? — заговорил тот. — Да кого же? Родовые старейшины все здесь равные... Выберете одного, другой обидится, не захочет повиноваться ему, да и нельзя нам своего выбирать... Сейчас же он свой род на первое место поставит и другие роды угнетать начнёт. Стерпят ли они? Опять несогласие да раздоры пойдут. Так?

— Так, так! Кто же своему не друг!

— Вот, если нельзя своего выбрать, выберите чужого.

— Как чужого? Что ты говоришь, старик, ты из ума выжил! — заволновалось вече.

— Долго вы меня слушали, дослушайте до конца, — не обращая внимания на шум, продолжал Гостомысл.

Голос его с каждым словом всё крепчал и крепчал. Он уже не дряхлым стариком казался в эти мгновения. Порыв восстановил его силы. Гостомысл приподнялся на носилках, сел и громко, так что слышали все собравшиеся вокруг, начал:

— Добра вы ищете, добра себе хотите, так

слушайте же, где оно! Сами вы решили, что нужен нам князь, только при его единой воле прекратятся наши раздоры... Сами же вы сознались, что своего князя нельзя выбрать потому, что не будет к нему от родов славянских должного почтения и уважения... Сказал я вам, что нужно избрать чужого. Так вот, есть у меня, например, такой чужой, который в то же время и свой, для всех нас — свой, родной.

— Слушайте, слушайте, что говорит Гостомысл, — слышалось кругом.

Толпа сомкнулась ещё теснее около помоста, воцарилась тишина.

— Есть за морем[18], в той стране, откуда приходили не раз к нам гости норманнские, славное племя россов; всё оно состоит из выходцев с нашего родного Ильменя, и есть в этом племени три брата-витязя: Рюрик, Сигур и Триар; пойдите к ним, умолите их, чтобы пришли они княжить и владеть землями славянскими, творить в них суд милостивый и правый, виновных наказывать, от врагов защищать... Согласятся они, придут к вам — благо всему народу славянскому. — Старик на мгновенье остановился и затем продолжал с

новой силой: — Пусть и племя своё возьмут они с собой, не чужие нам россы, Ильмень им родиной был. Вот где добро для всех славянских родов, вот где и правда великая, могучая... Послушайте меня, приведите к себе братьев-витязей, мир и согласие воцарятся между вами...

Гостомысл умолк и, тяжело дыша, почти без чувств опустился на носилки. Невообразимый шум поднялся на вече.

— Как? Призвать россов, варягов? Давно ли мы сами их прогнали? — кричала одна сторона.

— С варягами лучше жилось, порядок был, — отвечали другие, — что же, что тогда прогнали? Теперь сами позовём.

Отдельные голоса слились в общий гул. Вече шумело, кричало, но многим, очень многим пришёлся по сердцу совет Гостомысла.

— Князя нужно, а призвать чужого — никому своим не обидно. Да и какие нам варяги чужие? Сами от нас счастья искать ушли!

Такое мнение преобладало...

Наконец, после долгого горячего спора, едва не дошедшего до рукопашной, решение

было принято.

Вече согласилось с Гостомыслом... Призвание князей из-за моря, от варягов-россов, решено было окончательно...

Вмиг весь помост был облеплен нашедшими наконец выход из тяжёлого положения старейшинами всех приильменских и соседних с ними племён.

Мудрец славянский, мертвенно-бледный, с закрытыми глазами, лежал на носилках.

— Гостомысл, Гостомысл, — наклонились к нему старейшины, — слышишь ли: весь народ славянский последует твоему совету!

Гостомысл открыл глаза, радостная улыбка озарила его лицо, тихое счастье засияло в снова загоревшихся глазах.

— Принял, принял, — прошептал он.

— Да, за море, к Рюрику, Сигуру и Триару, будут отправлены послы.

— О счастье, счастье! — воскликнул старец. — Мужичи новгородские, и вы, старейшины, подойдите. Дайте мне умереть спокойно. Клянитесь, что князь будет призван...

Желание Гостомысла было исполнено. Тут же, на вечевом помосте, дали клятву возмож-

но скорее призвать князей из скандинавского племени варяго-россов все приильменские старейшины, а с ними старейшины кривичей, веси, мери и дреговичей...

— Теперь я умру спокойно! — в порыве счастья воскликнул Гостомысл. — Родная страна! Великое будущее открывается перед тобой!.. Крепкая властью своего единого вождя, из века в век будешь процветать ты. Прекратятся в тебе раздоры, и, сильная, могучая, будешь ты расти, расти на славу нам и страх врагам. Все беды твои прекратятся, сильны славяне будут единой властью, и падут пред их великой страной в изумлении все народы...

В несказанном восторге, как бы видя перед собой какое-то чудное зрелище, Гостомысл протянул вперёд обе руки и продолжил прерывающимся голосом:

— Вижу в тумане многих веков, на севере дальнем, город великий. Вижу в тумане родную страну могучей и сильной, вижу державных вождей... Прежних раздоров как не бывало. Мирным трудом поселяне свой хлеб добывают. Воинов рать от врага их хранит. Сча-

стве, довольство в славянском народе. Боги!
Вам слава...

Голос Гостомысла слабел и перешёл, наконец, в чуть слышный шёпот. Окружавшие его носилки старейшины с тревогой глядели на него... Вдруг старец вздрогнул всем телом и тихо опустился на ложе. Глаза его закрылись, но по лицу блуждала прежняя радостная, счастливая улыбка.

— Тише, заснул Гостомысл, — слышался шёпот.

Но Гостомысл не спал. Дело его на земле было кончено, и душа оставила его немощее тело — он умер.

День клонился к вечеру. Последние лучи заходящего солнца озарили своим светом славян, в гробовом молчании окружавших смертный одр своего мудреца.

15. «Земля наша велика и обильна»

*Неустройства упреди советом.
Летописец*

Ока на Ильмене происходили эти события, Рюрик почти закончил приготовления к новому походу на славянские земли.

Осталось только созвать тинг, в решении которого ни Бела, ни Рюрик не сомневались.

— Ты опять уходишь от меня, мой милый, — говорила Эфанда, нежно ласкаясь к супругу, — уходишь надолго!

— Мы должны наказать дерзких. Они возмутились и пусть понесут за это кару, — отвечал Рюрик.

— Я не удерживаю тебя... Но знай, что я буду томиться ожиданием; ты ведь так недавно вернулся от берегов Британии.

— Мужчина должен вести жизнь воина...

Но что это? Посмотри, Эфанда, какие-то чужие ладьи подходят к нашим берегам?

Рюрик и Эфанда находились на возвышенном крыльце своего дома, разве только этим отличавшегося от всех иных построек города. С этого возвышения прекрасно был виден залив. Скандинавские корабли, с убранными парусами, мирно стояли в гавани. Подходившие ладьи по характеру своей постройки несколько не походили на суда викингов: они были неуклюжи и неповоротливы, даже их паруса совсем были не похожи на паруса скандинавских ладей.

Сердце Рюрика усиленно забилося при виде их: он узнал в этих судах ильменские ладьи.

«Зачем они, какую несут весть?» — думал он, продолжая упорно глядеть на залив.

Ладьи наконец пристали к берегу, люди с них высадились. Тотчас же их окружили горожане.

Рюрик видел, как растерянно оглядывались приезжие среди этой незнакомой им толпы. По одежде вождь варягов сразу же признал в них славян, и притом не одного

племени, а разных.

Наконец вся группа двинулась вперёд.

— Посмотри, они, эти пришельцы, идут сюда! — воскликнула Эфанда. — Кто они? Откуда? Да, да, они приближаются к твоей усадьбе!

Рюрик терялся в догадках, не зная, как объяснить появление в этих местах своих соплеменников, а толпа, ведшая славян, подходила всё ближе и ближе.

Вот она остановилась у самого дома Рюрика.

Привлечённые шумом Сигур и Триар вышли на крыльцо и встали около брата.

— Рюрик! С Ильменя пришли послы, ищут тебя, — быстро поднялся на крыльцо Олоф, — они говорят, что пришли по важному делу, и хотят сейчас же видеть тебя!

— Пусть войдут сюда, — сказал Рюрик, и его сердце взволновалось.

Вскоре слуги ввели богато одетых послов, смиренно приветствовавших братьев и Олофа.

— Кто вы и чего вам? — спросил Рюрик, ответив на приветствие.

— Мы посланники всех родов, живущих на Ильмене, а с нами вместе старейшины соплеменных нам кривичей, веси, мери, чуди и дреговичей, — заговорил старший из пришельцев. — С великим, важным делом присланы мы к тебе и твоим братьям, храбрый витязь, всем народом славянским; пришли мы и не уйдём, пока не согласишься ты исполнить нашей просьбы; хочешь, на коленях будем молить тебя?

— В чём ваша просьба? — спросил Рюрик.

— Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет... Восстал на Ильмене род на род, и не стало между нами правды. Придите вы, братья, к нам княжить и владеть нами!

— Как? Что вы говорите? — воскликнул Рюрик.

— Мы говорим то, что приказал нам сказать тебе весь народ славянский... Отец наш Гостомысл перед смертью взял с нас клятву, что призовём мы тебя, твоих братьев и твоё племя к нам, отдадим тебе и власть, и суд наш, добровольно покоримся тебе, только дай нам правду, прекрати зло и междоусобицу между нами. Будь нам всем единым правите-

лем и согласись княжить у нас... Молим тебя!

Послы опустились на колени. Все поразились их предложению, так оно было неожиданно.

— Действительно с важным делом явились вы, мужи славянские, — сказал Рюрик. — Сразу такие дела не решаются... Пойдёмте в дом мой, отдохните с пути, утолите свой голод и жажду, а потом мы поговорим ещё об этом.

Он отпустил послов.

— Привет тебе, конунг славянский! — радостно воскликнул Олоф, обнимая своего названного брата. — Я радуюсь за тебя. Никто из скандинавов не удостаивался подобной чести, все дрожали при одном имени варягов, а тут нашлись люди, которые сами зовут нас к себе княжить и владеть ими. Ещё раз приветствую тебя, славный конунг!

— Погоди, Олоф, я никак не могу собраться с мыслями, не могу прийти в себя, — отвечал Рюрик. — Прежде всего я должен уведомить отца Белу.

Старому конунгу было уже известно, зачем явились к Рюрику послы славян. Доброй, лас-

ковой улыбкой встретил он супруга своей любимой дочери.

— Скажу тебе, о мой Рюрик, — заговорил старик, когда вождь варягов попросил его совета, — жаль мне расставаться с тобой и Эфандой, но ты должен принять предложение послов... Как ты ни храбр, как ни славно твоё имя, а среди скандинавов ты всё-таки чужой, пришелец, вспомни это. Никогда не стать тебе конунгом на суше, а жизнь на море вовсе не благоприятствует семейной жизни. Да и тесно стало в Скандинавии. Всё чаще приходят неурожайные годы, и асы не принимают наших жертв... И теперь уже коренные жители с большим неудовольствием поглядывают на пришельцев... Кто поручится, что, мучимые голодом, не возьмутся они за оружие и не прогонят варяго-россов?.. Ещё вот что. Второй поход готовился на Ильмень для того, чтобы завладеть началом пути от нас в Византию. То, что готовились взять мы мечом, через тебя возьмём мирно, имя твоё дважды будет славно — и как имя воина, и как имя правителя...

С волнением слушал Рюрик эти слова ста-

рого Белы. Он отлично понимал, что они справедливы... Тут же в душе он решил принять предложение славянских послов...

16. Томительное ожидание

*Надежда — мать радости.
Старинная поговорка*

Большим нетерпением ожидал весь Ильмень возвращения своих послов из далёкой Скандинавии. Что они скажут, какой ответ принесут народу? Жизнь или смерть? Спасение от неурядиц или ещё более ожесточённые междоусобицы?.. Родовые старейшины не выходили из Новгорода, ожидая там возвращения послов.

Новгород тоже волновался, но чувства, вызывавшие в нём эти волнения, были совсем не те, что в родах. Понимал народ новгородский, что с прибытием единого правителя

всех родов приильменских настанет конец его вольности. Должен он будет подчиняться иной воле, кроме собственной, придётся каждому в Новгороде склонить свою гордую голову пред мощной властью пришельцев. Однако новгородцы видели, что им не одним идти против всех, не им охладить необычайное воодушевление, охватившее весь народ приильменский...

— Беда нам всем будет! — шушукались в Новгороде притихшие вечевики. — Ведь князь единый не то, что выборный посадник.

— Известное дело, не то! Его, коли не люб, не ссадишь.

— Нажили мы заботу на свою голову!

— Эх, кабы Вадим был!.. Не дал бы он нас в обиду.

— Где-то он теперь!

— С тех пор, как увёл его чаровник Мал, нет о нём ни слуху ни духу...

Но недовольных всё-таки было меньшинство. Устали и новгородцы от постоянных кровопролитных распрей, да и у всех ещё живы были в памяти слова Гостомысла. Влияние славянского мудреца не исчезло и после его

смерти. Он жил в сердцах людей, все наизусть знали его пророческие слова, помнили свою клятву, произнесённую у одра умирающего, и не решались преступить её...

В томительном ожидании прошло много дней. Неизвестность томила и новгородцев, и старейшин, и даже родичей, то и дело навевывавшихся в Новгород и ожидавших каких-нибудь вестей из далёкой Скандинавии...

Наконец пришли эти желанные вести.

Громко звонил в Новгороде вечевой колокол, собирая на этот раз не одну новгородскую вольницу, а весь народ приильменский на совет о делах важных, касающихся избрания одного правителя над всей обширной дикой страной.

Молчаливые, сумрачные сошлись вокруг помоста вечевики. На их лицах были скрытая тоска, недоумение. Всем им казалось, что даже самый колокол звучал каким-то грусть наводящим, заунывным звоном, а не прежним весёлым, радостным...

После Гостомысла никого не хотели иметь новгородцы своим посадником, если не навсегда, то по крайней мере до тех пор, пока

жива ещё память об усопшем мудреце. Поэтому вечевой помост заняли все находившиеся в Новгороде старшие и степенные бояре, посланные от соседних племён старейшины родов, «концевые» и пятинные старосты.

— О чём речь-то пойдёт на вече? — слышались вопросы в толпе.

— Если послы вернулись, пусть рассказывают!

— Да, верно, пусть скажут, как на самом деле было.

— Мужики и люди новгородские, — громко заговорил старший из бояр, — действительно пришёл посланец от старейшин наших и будет вести речь к вам от имени тех, кого послали вы к варяго-россам.

— Слушаем! Слушаем! — раздалось со всех сторон.

Бояре и старейшины расступились, пропуская вперёд величавого старика, одного из бывших в посольстве славян к варяго-росским князьям.

Он заговорил не сразу. Сперва он дал затихнуть шуму веча и только тогда повёл свою речь.

— Слушайте, мужи новгородские и людины, слушайте и запоминайте слова мои, — заговорил он зычно и твёрдо, — по указанию мудрого посадника Гостомысла и по воле вече пошли мы за Нево к племени варяго-росскому, к трём князьям, Рюрику, Синеусу и Трувору (природному славянину очень трудно было произносить имена так, как произносили их норманны, поэтому он и не задумался переделать их на свой лад). Труден наш путь был по бурному Нево и опасным фиордам, но Перун хранил нас от всех бед в пути и напастей. Невредимыми достигли мы стран, откуда не раз приходили к нам гости, и везде принимали нас с великой честью. Зла не ведали мы ни на пути, ни в городах прибрежных, волос не упал с нашей головы!

— А Вадим их послов конями разметал! — крикнули в толпе.

— Там, за морем, не так послов встречали.

— Не то что мы на Ильмене...

— И нашли мы по слову Гостомысла трёх князей варяго-росских. Знаете вы их всех, были они здесь в наших местах, когда войной на нас шли. Нашли мы их и низко-низко покло-

нились им.

— Ну, зачем же очень-то низко! — крикнул один из вечевигов.

— Так повелело нам вече, — возразил ему посланец и продолжал: — Чувства, которые испытали мы тогда, словами нельзя передать. Грозным, могучим, но и милостивым показался нам этот великий воин. Нет у нас на Ильмене таких! Высок он ростом и строен станом. Белы, как первый снег, его одежды, и, как солнечный луч, блестит рукоять его меча. Осанка Рюрика величественно важна, высоко он носит свою голову, и твёрдая воля видна в его взгляде. Счастлив будет народ приильменский под его рукой, получит он правду свою, и сокрушены будут все виновники бед наших.

— Так говори же, согласились ли братья княжить и владеть нами! — загремело вече.

— Послы умолили Рюрика, он стал нашим князем и скоро будет среди нас со своими дружинами. Готовьтесь, роды ильменские, встретить своего повелителя князя, носителя правды, защитника угнетённых и грозного судьёю для всех.

Посол замолчал, молчало и вече. Все были готовы выслушать это известие, все предчувствовали, что так и должно быть, но, вместе с тем, каждому участнику вече вдруг стало жалко утрачиваемой вольности. До этой минуты каждый и на Ильмене, и в соседних племенах был сам себе господин и другой воли, кроме своей, да разве изредка воли своего старейшины, и знать не хотел. Теперь, с призванием князя, всё это рушилось. Вечевики понимали, что часть воли, которой они так гордились, так дорожили, отходит от них. Князь ведь не то, что старейшина, выборный староста или посадник. Он шутить с собой, прекословить себе не позволит, чуть что, прикажет дружине своей расправиться с ослушником. Не послушаешься добром, силой заставят.

Но это смущение продолжалось очень недолго.

Помянули былую волю, пожалели её, да поздно уже! Пролитое полным не бывает, так нечего и думать о потерянном.

Впрочем, и думать долго не приходилось.

— Слушайте, люди новгородские и прильменские! — зычно закричал посланец, за-

глушая своим голосом гомон толпы. — Слушайте, что приказывает вам князь ваш, готовьтесь исполнить волю его. Будет отныне защита у вас надёжная: враг ли дерзкий нападёт на дома ваши, прогонит его княжеская дружина; да только вот что: нужно князю дружину свою, кровь за вас и за пожитки ваши пролить готовую, и поить и кормить, и оружие давать ей, а потому должны вы от избытков ваших — от мехов, улова рыбного, сбора с полей — отделить десятую часть и принести князю вашему. Слушайте и исполняйте это.

— Что же, можно десятую часть отдать, только пусть защищает нас, творит нам суд и милость! — загремело вече.

— Это первое повеление князя, вами избранного, а второе таково будет. Приказывает вам Рюрик: его, в отличие от всех других князей родовых, именовать великим князем, отдавать ему всегда почёт и зла на него не мыслить, а кто ослушается, того постигнет гнев его. Пусть на вечные времена будет для вас великий князь наш, что солнце на небе. Как на солнце, глаза не щуря, смотреть вы не мо-

жете, так и на князя вашего взоров злых не подымайте. А теперь разойдитесь по домам и весям вашим, расскажите обо всём, что здесь слышали, в родах ваших, готовьтесь встретить великого князя своего с молодой княгиней и на поклон к ним с дарами явиться.

Посланец поклонился вечу и скрылся в толпе бояр.

— Что же? Это ничего! Не тяжело, если десятую часть только, — говорили вечевики, расходясь в разные стороны по Новгороду.

— Вестимо, ничего! Вот как варяги были, так всё целиком отбирали, да ещё сверх того требовали...

— А насчёт того, как величать его, так нам всё едино.

— Ещё бы! Только бы справедлив да милостив был!

В общем, вечевики разошлись все очень довольные. Томительное ожидание кончилось. Они знали теперь, что их ждёт впереди, знали и были вполне спокойны за будущее. Оно не могло быть худшим, чем то, что недавно ещё миновало.

Да и побаивались они уже теперь этого из-

бранного ими же «великого князя». Известно им было, что не один он идёт в земли приильменские, что сопровождает его смелая, отважная дружина, которая не даст в обиду своего вождя. Тяжёл меч норманнский — по опыту знали это на Ильмене, а потому и решили в родах встретить своего избранника с великими почестями.

Весь Ильмень заговорил о Рюрике, о его жене молодой, о братьях его Синеусе и Труворе, но никто, решительно никто не вспоминал, что этот избранник когда-то оставил эти же родные ему места, гонимый и презираемый всеми.

Родовые старейшины только и толковали со своими родичами, что про нового князя; они восхваляли его доблести, мужество, красоту, как будто сами его видели...

— Только бы богов он наших не трогал, Перуна не обижал, — толковали в родах.

— Не тронет! Сам ему поклоняться будет!

— То-то! А нет, так мы за своих богов вступимся и опять за море прогоним!

Всё-таки на Ильмене царило полное воодушевление. Все ждали от будущего только хо-

рошего, доброго. Избранника, не зная, уже начинали любить. Вспоминали, что пока он был на земле славянской, не смели обижать народ грубые норманны, и тяготы пошли только после того, как ушёл Рюрик с главными дружинами за море.

С нетерпением ждали своего владыку ильменские славяне. Шло время, приходили и из-за моря и с устья Волхова разные вести: скоро должен был прибыть Рюрик на берега родного ему озера.

17. В родимый край

*Страна, где мы впервые
Вкусили радость бытия.
В. А. Жуковский*

Ока народ приильменский переживал томительные дни ожидания, его избранник был уже на пути к великому северному центру

славянщины.

Тяжело было покидать Рюрику свою вторую родину. Эти угрюмые скалы, вечно бушующее море, низко нависшие тучи так стали милы и дороги его сердцу, что много, много стоило усилий храброму берсерку сдержать себя и не выказать своих чувств при расставании с нею.

Кругом все, и Бела, и его старые соратники, и ярлы, радовались внезапному обороту дела и предсказывали Рюрику блестящее будущее. Для них очень важно было, что Ильменем станет править их витязь. Целые страны, до толе неведомые им, как бы входили теперь в состав Скандинавии, сливались с нею благодаря владычеству Рюрика на берегах Ильменя.

Более всех восторгался впечатлительный Олоф.

— О мой конунг, — восклицал он, — ты должен торопиться с отправлением! Твой народ ждёт тебя...

— Мой народ! — грустно улыбался в ответ Рюрик. — Ты не знаешь, Олоф, этого народа... Правда, он добр и храбр, но и свободолюбив.

Всякая власть для него то же, что пути никогда не знавшему седока коню.

— Ну, мы сумеем оседлать его, — смеялся Олоф. — Посмотри на своих варягов! Они тебе преданы, каждый готов отдать за тебя жизнь... С ними ли ты боишься этих дикарей?

— Я никого не боюсь!

— Верю этому! Знаю, что сердце твоё не ведаёт страха, но ты должен начать своё великое дело и спешить туда, на берега Ильменя.

Обыкновенно после подобного напоминания пылкий, впечатлительный Олоф принимался мечтать о будущих подвигах в неведомой до тех пор стране. Между названными братьями было решено, что они не расстанутся.

Вместе с Рюриком отправлялся на Ильмень и Олоф, решивший также покинуть свою угрюмую родину. Синеус и Трувор, как называли братьев Рюрика славянские послы, само собой, шли вместе с ним. Многие ярлы, которым тесно было среди гранитных скал своей родины, также примкнули к Рюрику. Аскольд и Дир, ставшие после похода на франков ещё более неразлучными, чем прежде, были в числе сопровождающих Рюрика ярлов.

Рюрик понимал всю трудность той задачи, выполнение которой он на себя принял. Понимал он также, что только страх перед вооружённой силой может держать в повиновении буйный народ, не знавший ничьей воли, кроме своей собственной. Поэтому он несколько медлил с отправлением на берега Ильменя, подбирая надёжную дружину. На варяго-россов, подавляющее большинство которых, как уже известно, составляли выходцы из земель славянских, он вполне мог надеяться. Эти закалённые в битвах воины, бесконечно преданные своему вождю, явились для добровольно избранного славянами князя верным оплотом в его новом государстве. Кровных норманнов Рюрик старался не допускать в свою дружину, понимая отлично, что их постоянно будет тянуть на родимые фиорды и на Ильмене они всегда будут чувствовать себя чужими, пришельцами.

Были у Рюрика и другие затаённые замыслы.

Пусть там, кругом, говорят, что при его посредстве Ильмень войдёт в состав Скандинавии, что земли славянские сольются с земля-

ми суровых норманнов. Нет, не бывать этому!.. Если угодно богам было поставить Рюрика во главе великого могущественного народа, то вовсе не для того, чтобы подчинить этот народ угрюмому Северу. Когда удастся Рюрику собрать воедино племена славянские, сплотить их между собой общей, единой властью, одной правдой, тогда этот чудо-народ, этот сказочный богатырь сам поспорит и с Севером дальним, да и со всеми народами, которые кругом на земле живут. Не задрожит он, как эти трусливые бритты, при одном упоминании о норманнах, грудью встретит врага, отразит его напор и, ещё более могущественный, встанет из пепла разрушения.

Чудо-народ!

Подобные мысли о полной самостоятельности, о независимости от Скандинавии всё больше и больше овладевали Рюриком, и Эфанда с тревогой замечала печать грусти на его лице.

Подолгу беседовал перед отправлением Рюрик со старым Белой. Ему одному молодой вождь не затруднялся открывать свои мысли, зная, что искренно расположенный к нему

старик не покривит душой, а даст такой совет, какой более всего поможет делу.

Старый Бела вполне одобрял намерения Рюрика. С мудростью, выработанной годами личного опыта, он советовал, как поступить на первых порах княжения.

— Будь справедлив прежде всего, — говорил он своему любимцу, — помни, ничто так, как справедливость, не привлекает сердца народа к правителю. Все должны быть равны пред судом твоим: и сильный и слабый, и богатый и бедный, и могучий старейшина и ничтожный родич. Будешь поступать так, приобретёшь себе любовь народную... Потом, укрощай гнев свой, вспомни, что поют саги о герое Гаральде Гарфагере, который, прежде чем принимать решение, давал всегда успокоиться своему сердцу, — так поступай и ты, но больше всего старайся, чтобы исполнялось каждое твоё слово, чтобы каждый твой приговор приводился в исполнение; дай почувствовать подвластным тебе, что есть над ними высшая воля, которой нельзя противиться. Береги свою дружину и, пока не укрепишься в землях славянских, никуда не ходи в похо-

ды. Постоянно принимай в дружину свою славянских юношей, пусть они братаются с варягами, чем больше их будет около тебя, тем прочнее укрепишься ты в земле своей!

Рюрик внимательно слушал названного отца.

Наконец назначено было отбытие варяго-россов на Ильмень.

Горько было расставаться Эфанде со старым отцом, с родимой страной, где прошло её детство, где впервые познала она сладкое чувство любви, но тягость разлуки с родиной скрашивалась для Эфанды сознанием того, что не расстанется она больше со своим Рюриком, не уйдёт он от нее в опасный поход, а, напротив, самой ей предстояла завидная участь — участь, дотоле не выпадавшая на долю скандинавских женщин, — разделить с супругом все его труды и заботы по управлению вновь приобретённым краем.

С великими почестями отправил старый Бела варяго-россов на Ильмень.

Рюрик много думал, прежде чем приступить к снаряжению своей флотилии. Не брал он с собой ни путевого довольствия, кроме то-

го, которого хватило бы для переезда через бурное Нево, ни драгоценностей, зато запаса оружия воинским. Низко сидят в воде ладьи, доверху нагруженные разными доспехами. Всего много припасено на них: и мечей, и секир, и луков тугих, и стрел калёных. Есть и кольчуги, и тяжёлые шлемы. Всё это везёт с собой великий князь в дар избравшей его стране. Знает он, что без угрозы военной трудно поладить с буйным племенем ильменским и водворить среди него единую могучую правду.

Быстро плывут ладьи знакомой уже дорогой через Нево. Сами грозные боги, казалось, покровительствовали избраннику славян. Утихло бурное озеро. Едва заметная рябь бороздит его поверхность, а между тем паруса ладей полны попутного ветра.

Вот тёмной громадой зачернел слева мрачный скалистый остров, покрытый густым лесом. Это Валамо-мо[19], приют жрецов жестокого, постоянно крови жаждущего Велеса. Никого не видать на острове, только над прибрежным лесом высоким столбом клубится чёрный дым — приносят, верно, жрецы мрач-

ному божеству свои таинственные жертвы.

Рюриком овладело было желание повернуть ладьи, пристать к этим угрюмым скалам и узнать от жрецов, занимавшихся гаданьями и предсказанием будущего, что ждёт его впереди.

— Милый, зачем нам знать грядущее, — нежно склоняя русую голову на плечо супруга, произнесла Эфанда, когда Рюрик сказал ей о своём намерении, — зачем нам пытаться богов? Разве наше грядущее не в наших руках? Разве сама судьба не избрала тебе путь, по которому ты должен идти, уверенный в благоволении к тебе небожителей?

— Ты права, Эфанда! — воскликнул Рюрик. — Мы сами властелины своего будущего!

Он с нежностью взглянул на подругу своей жизни. Она стояла, устремив на него полный беззаветной любви и ласки взор. Последние лучи заходящего солнца заливали её ярким светом, играли на золотых подвесках её головного убора. Чудно была хороша Эфанда в эту минуту... Рюрик, глядя на неё, чувствовал себя счастливым, бесконечно счастливым...

Весёлое пение доносилось до слуха вождя с

других ладей. Там Олоф, Синеус и Трувор, в кругу своих молодцов, убивали скучное время пути. Им неизвестны были радости семейной жизни. Шум битв, грозный натиск на врага заменяли им нежную ласку любящей жены, кубки с крепким мёдом веселили их душу, и они тоже были счастливы, по-своему счастливы.

Ещё несколько дней пути, и Рюрик с дружиной уже вступил в пределы своей страны — той страны, которую он много лет тому назад оставил жалким изгнанником.

Не доходя до первых ильменских порогов, Рюрик отдал приказание причалить к берегу.

Он быстро понял важность этого места для новой страны. Отсюда начинался с одной стороны и кончался с другой трудный, тяжёлый волок. Никто из проходящих со стороны Новгорода или с Нево не мог миновать его, и Рюрик решил воспользоваться этим. В несколько дней срубил он здесь город, который назвал в честь весёлого славянского божества Ладогой.

Оставив в Ладоге небольшую часть дружины, Рюрик с остальными пошёл к Новгороду.

18. «Привет тебе, солнышко наше!»

Олнуется приильменский край, ожидая своего избранника. Пришла наконец весть — когда, в какой именно день прибудет великий князь Рюрик в Новгород.

Пока не приходило этой вести, ещё надеялись на Ильмене, что всё, может быть, пойдёт по-старому, как и прежде велось, что разговоры всё это только пустые, поговорят, поговорят, да и бросят, и не будет никакого князя, не узнает народ приильменский чужой воли.

Но роковая весть пришла...

В пределах земли славянской он уже, плывут его ладьи по старому седому Волхову, а кто видал их, так говорит, что дружины ратной на них видимо-невидимо.

В тот день, когда должен был прибыть Рю-

рик, Новгород был необыкновенно оживлён. Со всего Ильменя собрались сюда славяне вслед за своими родовыми старейшинами. Кипят «концы» новгородские собравшимся народом. Все в нарядных одеждах, словно на праздник какой собрались. Говор во всех углах слышится. Но все сосредоточенно важны. Лица серьёзны. Да как и не быть серьёзными? Кто знает, какое будущее ждёт ильменских славян? Поэтому не слышно в народной толпе ни смеха весёлого, ни песен, даже в обычные препиранья друг с другом ильменцы не вступают, чувствуют всё, что не время теперь для этого. Последние минуты разнузданная вольность славянская доживает...

По всему это заметно.

За три дня до прибытия в Новгород Рюрика пришла сюда часть его дружины. Пришла и прежде всего заняла укреплённую часть города. Одни так в Новгороде и остались, другие же отправились на тот островок, где старый город был. Согнали туда людей великое множество, и тотчас же закипела там спешная работа. Быстро «рубил» город. Со всех сторон ограда крепкая явилась прежде всего, внутри

неё великолепный шатёр был раскинут, и узнал тогда народ приильменский, что будет жить его избранник не в Новгороде, а на старом его городище. Здесь он будет править суд свой, отсюда будет и дружины посылать для наказания непокорных.

— И зачем ему на старое городище, когда и в Новгороде хорошо, — удивлялись в народе.

Не могли сообразить приильменцы, что старое городище являлось, сообразно с тогдашним военным искусством, почти неприступной крепостью, в которой владыка своеговольного народа, не знавшего доселе ничьей власти, кроме власти своих старейшин, был в полной безопасности, тогда как ничего подобного не могло быть среди буйных новгородцев.

Когда показались паруса ладей, в великое волнение пришёл весь народ. Никто не знал, как встречать князя, как величать его.

Впрочем, старейшины догадались.

Они на своих ладьях выехали навстречу Рюрику и остановились ждать его верстах в двух от Новгорода, вниз по течению Волхова. Диву все они дались при виде своего избран-

ника — таким великолепием окружён был в этот момент Рюрик.

Разубранная драгоценными тканями ладья, даже не покачиваясь, скользила по Волхову. Паруса были спущены, шли на вёслах. На корме, на самом возвышенном месте ладьи, на троне, раскрашенном причудливой резьбой, искусно позолоченном, одетый в блестящие доспехи, восседал первый славянский князь со своей супругой.

Взгляд его был строг и добр одновременно, осанка величественна, движения серьёзно-важны. Он не был угрюм, но в то же время и не был весел. Позади трона правителя стояли, опершись на копья и секиры, его закованные в железо соратники. В первом ряду их стоял названный брат Рюрика, Олоф. Рядом с ним, в гордых, величавых позах, видны были Синеус и Трувор, Аскольд и Дир.

А дальше, за этой первой ладьёй, как птицы хищные, скользили по тёмно-зелёным волнам великой реки славянской бесчисленные ладьи с суровыми пришельцами далёкого севера.

На никогда не выдавших такого великоле-

пия приильменцев эта картина произвела неотразимое впечатление. Их избранник казался им и на самом деле каким-то посланником богов. Так не вязалась представившаяся их глазам картина с обычной простотой их жизни.

Наконец они стали приходить в себя.

— Привет тебе, князь наш великий! — пронеслось над высокими берегами Волхова приветствие прибывшему в пределы земли славянской первому и единому её вождю. — Привет тебе, здравствуй на многие лета, надежда наша, красное солнышко!

Искренно было это приветствие, неподделен был восторг народных масс. От всей души называл народ своего нового вождя и «надежей», справедливо ожидая от него единой незаблемой правды, и «красным солнышком», каким показался ему в первый момент этот призванный чужеземец...

Рюрик милостиво кивал в ответ на радостные крики народных толп, заполнивших собой оба волховских берега.

Около самого Новгорода ладью Рюрика окружили ладьи со старейшинами всех при-

ильменских родов.

— Бьём тебе челом, князь наш, свободным вечем избранный! — начал самый старый из них. — Пусть хранит тебя Перун многие лета! От лица всего народа славянского приветствуем мы и тебя, и жену твою! Сделай нам милость: явись на вече, покажи лицо народу твоему и прими от нас смиренные дары наши!..

— Благодарю тебя, старик, — громко заговорил Рюрик. — Принимаю за истину я речь твою и верю, что через тебя говорит со мной весь народ... Буду я сейчас на вече вашем и приму там дары, вами приготовленные!..

Всё это было произнесено таким властным тоном, что старейшины не нашли сразу ответа. Они только низко кланялись князю, не смея даже сесть в его присутствии на скамьи своих ладей. Каждый из них нутром чуял в Рюрике грозную, несокрушимую силу, с которой бороться было уже теперь невозможно.

Сам же Рюрик после того, как ответил на приветствие послов, не сказал им более ни одного слова. Они как будто перестали существовать для него. Теперь князь ласково гово-

рил с окружавшими его начальниками отдельных дружин.

Тем временем несколько ладей с вооружёнными дружинниками обогнали ладью Рюрика и первыми пристали к пологому берегу Волхова, откуда можно было войти прямо в Новгород. Легко поднялись они в гору, не совсем вежливо расталкивая толпившийся народ. Сначала это не понравилось новгородцам, но вид закованных в железо варягов сразу же успокоил чересчур вспыльчивых.

Наконец наступил самый торжественный миг...

Первый русский князь сошёл со скандинавской ладьи на ставшую ему вторично родной землю.

Тут Рюрик преобразился... Лицо его запылало восторгом, в глазах заблестел огонь радости.

— Родная страна, — воскликнул он вдохновенно, — приветствую тебя! Снова вступаю я на родимую землю. Не прежним изгнанником, не враждебным пришельцем прихожу я к тебе, а полновластным властелином твоего народа и верным твоим сыном... О, всемогу-

щие боги! Снова примите мою клятву, как некогда принимали вы другую. Клянусь я все силы свои употребить для блага ильменской страны. Клянусь возвысить её на славу векам. И служить буду ей, насколько сил моих хватит... Не будет неправды при мне в родах славянских, и засияет в них правда ярче солнца. Всё, всё тебе, родная страна... Отныне не варяг я, не норманн, не пришелец я тебе, а твой верный и первый слуга, преданный сын! Горе тем, кто осмелится обидеть тебя, — есть отныне у тебя защитник...

С изумлением слушали окружающие эту несколько беспорядочную речь; но более всего поразили людей горевшее восторгом и воодушевлением лицо Рюрика и крупные капли слёз, навернувшиеся на его глаза.

— А теперь — на вече! — громко сказал, подавив волнение, Рюрик. — Пойдём, покажем лицо своё нашему народу.

Он бодро шагнул вперёд.

Двое слуг расстлали перед ним богатый ковёр, а вокруг, как гул морских волн, неслись восторженные крики:

— Привет тебе, солнышко наше красное,

надежда наш, князь великий!..

19. Русь единая

Рибытие князя, его первое появление пред народом, обращение к вечу — обращение гордое, надменное, какого вечевики и вообразить себе не могли, произвели невыразимо сильное впечатление на народ приильменский и в особенности на новгородцев.

Они до последней минуты воображали, что князь будет для Новгорода тем же, чем были до тех пор его посадники, и вдруг пришлось жестоко ошибиться.

— Да он на вече-то и внимания не обращает, как будто и нет его совсем, — толковали и в самом Новгороде, и в родах. — Верно, что знать его не хочет!

Но и это вскоре обратилось в пользу Рюрика.

— Одно слово — князь самодержавный, какого призывали мы и какого нужно было нам. С ним много шутить не будешь! — стали отвечать на замечания о надменности князя.

— А зато, как шёл-то он к нам! — восторгалось большинство. — Именно, что солнышко красное! Какие ковры пред ним расстилали, чтобы ножек своих не запачкал.

— Так и быть должно. Не подобает князю нашему прямо по земле ступать сырой...

— А на вече-то? Ведь он один на помосте стоял.

— Верно, что один, у самого колокола!

— Наши старейшины на самой нижней ступени сбились и голоса подать не посмели...

— Где тут подать! Головой кивнул бы на виновного, и как не бывало его на свете белом!

— На то он и князь самодержавный! Никто ему перечить не смеет!

Этим последним доводом заканчивались обыкновенно все разговоры о новом князе. Новгородцы, а за ними и остальные ильменские славяне прониклись сразу же мыслью о

неизбежной покорности единоличной власти, а так как это, по мнению большинства, могло вести только к общему благу, то особого неудовольствия в народе не было...

Но наибольшее впечатление произвёл поклон Рюрика собравшимся славянам, а затем и то, что произошло после этого поклона.

В пояс поклонился князь своему народу.

— Роды приильменские, — сказал он, — к вам обращаюсь я со своею речью... Добровольно, без всякого понуждения избрали вы меня своим князем, обещаю я послужить на пользу вам, но знать вы должны, что ни с кем никогда отныне ни я, ни приёмники мои не разделят данной вами же власти... Только единой властью силён будет народ славянский. Только в ней одной его могущество, поколебать которое никто не может... Да исчезнет с приходом рознь между вами, и да будете вы все как один, а один — как все. Сплочённые, скреплённые, будете вы расти и усиливаться на свою славу, во веки веков...

Слова эти произнесены были с особым выражением.

— Что он говорит-то такое, как это все —

как один?

— Что же, в родах наших старшего не будет? Всё это совсем непорядок! — загалдело вече.

— Хотим жить по-старому, как отцы и деды наши жили!

— Князь над старейшинами только! Пусть их судит, а мы по-прежнему... К нему только на суд идти будем.

— Пусть нас на войну только водит да от врагов со своею дружиной обороняет, вот его дело...

— А в роды мы его не пустим!

— Не по-нашему — так и ссадим. Не таких выпроваживали.

— Сам Гостомысл нас уважал!

Вече забылось... Может, это была просто попытка крикунов заявить о себе, как это бывало раньше при посадниках, может быть, и на самом деле вечевикам захотелось показать, что и они не последние спицы в колеснице нового управления, что они заставят князя разделить свою власть с вечем.

Но что произошло после этого, надолго осталось в памяти крикунов и послужило им

хорошим уроком на будущее.

Рюрик, услышав угрожающий гул голов, выпрямился во весь рост, чело его нахмурилось, в глазах засверкал гнев.

Он властно протянул перед собой руку и указал на толпу...

В тот же миг добрая сотня прекрасно вооружённых дружинников бросилась туда, куда указал им вождь. Бряцая оружием, вклинились они в толпу. Натиск их был совершенно неожиданным.

Вечевики растерялись и свободно пропустили их к тем, кто громче других выкрикивал угрозы князю. В одно мгновение крикуны были повязаны и подведены к помосту, где их ожидал уже Рюрик.

Их было около десяти. Они дрожали всем телом, ожидая, что вот-вот услышат роковое для них приказание из уст того, против кого они только что подняли угрожающий крик.

— Чего вы хотите? Чего вам надо? — возвысив голос, заговорил Рюрик. — Или вы не желаете подчиняться моей власти?

— Ничего, батюшка, так мы это, спроста, — нашёл в себе силы наконец проговорить один

из приведённых.

— Чего им! Известно чего! — загудело вече. — Думают они, что как прежде горланить можно. Теперь ведь князь, а не посадник.

— Так слушайте же вы все! — загремел Рюрик. — К прошлому более нет возврата... Не будет своевольтва в земле славянской — не допущу я этого; сами вы меня выбрали, сами пожелали иметь меня своим князем, так и знайте теперь, что нет в народе славянском другой воли, кроме моей.

— Истинно так, батюшка князь, — снова загудело вече. — И нам всем эти буяны надоели... Они-то всегда и смуту затевали, слишком горло у них широкое. Накажи их в пример другим.

Всё вече было буквально ошеломлено быстрым натиском княжеской дружины. Да и среди вечевигов находилось много сторонников нового князя, даже довольных таким исходом дела.

— Ишь, сразу смуту затевать начали, — неслось со всех сторон, — поучи их, батюшка-князь, поучи, чтобы и вперёд не поваживались!..

Юрик снова сделал величественный жест рукой, и вече разом замолкло.

— Слушайте, вы!.. Должен наказать я примерно этих людей, но хочу я с милости начать своё правление, чтобы знали прежде всего, что милостив князь ваш. На сей раз отпускаю я этих людей, дарую им жизнь, хотя они заслуживают смерти! Пусть идут они в роды свои и возвестят там о новом князе своём, пусть скажут они, что отныне всякий осмеливающийся с осуждением выступить против него лютой смерти будет предан... А теперь я dokonчу то, что говорить вам начал... Нет и не будет отныне на Ильмене родов, каждый и все должны одним законом управляться, одной воле покорными быть, а поэтому приказываю я называть все роды, что вокруг по ильменским берегам живут, одним именем — Русью... Нет более родов приильменских, есть одна на Ильмене Русь, как есть на Руси одна только правда и милость — моя великокняжеская. Так знайте и помните это всегда.

Вече смущённо молчало. Старики недоумевающе переглядывались друг с другом. При-

казание князя произвело на них удручающее впечатление.

— Что же, Русь, так Русь, это всё едино, — раздались сперва робкие, неуверенные восклицания.

— А и в самом деле, будем Русью, если так князь наш батюшка хочет!

— Только бы правда одна на Руси была.

— Вестимо, так!

Крики эти были прерваны появлением около помоста нескольких старейшин. Это были почтенные старики, убелённые сединами. Вид их был торжественно важен. Они смотрели на князя гордо и смело.

Рюрик величавым взором глядел на них в ожидании того, какую речь они поведут.

— Как сказал ты, батюшка-князь, — заговорил, поклонившись князю в пояс, самый старый из них, — так пусть и будет... Видим мы, что ты действительно пользы желаешь народу славянскому и положишь конец неурядицам нашим. Ты один сумеешь сдержать нашу вольницу, верим мы этому, верим и надеемся, что светлое будущее ждёт народ приильменский, чувствуем и верим мы, что и оборо-

нишь ты беззащитных от напастей вражеских, и правого поправишь, и виновного покароешь... Потому и кланяемся мы тебе, клятву даём быть тебе верными, беспрекословными слугами, идти за тобой всюду, куда поведёшь ты нас... Сами, своей волей, своим выбором свободным призвали мы тебя, так теперь не от добра же нам добра искать... Что здесь мы говорим, то и в родах наших думают; итак, прими ты привет наш, князь русский великий. Бьём тебе челом: владей нами со всем родом твоим во веки веков.

Лицо Рюрика прояснилось при этих речах.

— Добро говорите вы, старейшины, — сказал он, — и слова ваши мне приятны. Вижу я, что искренни речи ваши, а потому пусть и от меня примет народ мой русский поклон приветливый...

Князь низко при громких приветственных криках поклонился вechу.

— А теперь пойдём, принесём жертвы Перуну и весёлым пиром отпразднуем прибытие моё, — заключил Рюрик.

Обо всём этом долго-долго говорили на Ильмене, вспоминая первые шаги вновь из-

бранного князя.

20. Княжья правда

*Едино солнце на Небе — Божие,
Едина правда на Руси — княжая.
Из старинной рукописи*

разу же почувствовал народ славянский, что как будто и дышать стало легче на Ильмене...

Точно другое солнце взошло над великим озером славянским. Взошло и озарило всё своим благодатным, живительным светом...

Князь с супругой своей и ближайшими людьми поселился на старом городище. Здесь быстро срубили крепостцу, обнесли весь небольшой остров стенами, а для княжьей семьи и близких людей возвели хоромы.

Всякий, имевший нужду, — будь то простой родич, старейшина или боярин, — сво-

бодно допускался к князю, и каждый уходил удовлетворённый, довольный... Для всех находились у Рюрика и слово ласковое, и взор приветливый.

Были, конечно, на Ильмене и недовольные. Рюрик старался быть по возможности справедливым ко всем; но в споре, в тяжбе одна из сторон даже и вполне справедливым решением оставалась недовольна. Так уж всегда бывает, так было на первых порах и на Ильмене.

Вздумал было какой-то род не подчиниться князьему приговору по тяжбе, не в его пользу кончившейся. Вздумал и отказался выдать обидчика из числа своих же родичей.

— Что он с нами поделает! Мы сами за себя постоять сумеем. Пусть-ка попробует заставить нас! — говорили в непокорном роду.

Посланцы князя были оскорблены, а тут обиженный снова ударил князю челом.

— Коли ты не справишься, за меня не заступишься, так мой род сам управу найдёт, — говорил челобитчик.

Положение было затруднительное. Не удовлетворить обиженного — значило снова

дать возникнуть на Ильмене разным неурядицам, но Рюрик быстро нашёл выход. Он решил пожертвовать одним непокорным родом, чтобы спасти остальные от всех ужасов новой междоусобицы.

Послан был князем сильный отряд, отданы были распоряжения наказать, как можно строже, непокорных. Во главе отряда поставлен был даже брат великого князя — Трувор.

Тот был молодец решительный, медлить он не любил, все окрестные леса и трупобывалки знал превосходно. Как снег на голову, явился варяжский отряд в непокорное селенье; прежде, чем родичи успели вооружиться и дать отпор, их хижины уже запылали...

Кое-кто из мужчин кинулся на варягов, но тех было много, вооружены они были прекрасно, и варяги вмиг подавили сопротивление.

Не удалось спастись и тем, кто попытался укрыться в дремучих лесах. Трувор послал за ними погоню, состоявшую из воинов, которым каждая тропа была известна. Всех настигли, всех истребили княжеские дружины, никому они пощады не дали, самое селение с

лица земли стёрли и, обременённые богатой добычей, вернулись на старое городище...

Так был приведён в исполнение княжеский приговор.

Добычу Рюрик частью разделил между всеми варягами, частью отдал обиженному, а женщины непокорного рода стали жёнами молодых варягов.

Этот пример подействовал.

Увидали в родах, как тяжко карает князь непокорных, и никто уже не осмеливался противиться его приговорам. Поняли родичи, что и в самом деле единая правда воцарилась на Руси, волей-неволей приходилось ей подчиняться...

Впрочем, все этим были довольны... Ясно увидали люди, что и слабому есть на кого надеяться, есть у кого от сильного защиты искать.

Сила на Ильмене перестала быть правом...

Знал обо всех толках и Рюрик, знал и радовался. Понимал он, что доволен им и его правдой народ славянский.

Но, однако, нашлись и недовольные.

Однажды Рюрику сообщили, что к нему

идёт большое посольство от кривичей, веси, мери и дреговичей.

Слух оказался верным: посольство явилось и принесло князю обильные дары. Рюрик встретил его с возможной пышностью, ласково и милостиво.

— Бьём тебе челом, княже великий! — повели свою речь послы, когда Рюрик допустил их к себе.

— Буду вас слушать, — ответил князь, — смело говорите все, чего ищете, и уверены будьте, что поступлю с вами по справедливости... Неправды ищете — вас покараю, за правдой пришли — за вас заступлюсь.

— Правды ищем мы, княже, твоей правды, за ней и пришли к тебе.

— В чём же ваше дело?

— Слушай нас, князь! От лица племён наших говорим мы с тобой. Забыл ты нас, всё с одними ильменцами занят. А не одни они на Руси твоей...

— Знаю, что не одни. Знаю и о вас. Только чего вы от меня хотите?

— Когда уговорил новгородцев Гостомысл направить послов к тебе, и наши старейши-

ны вместе с ильменцами клятву тебе давали, и наши старейшины вместе с их старейшинами на поклон к тебе ходили, стало быть, и нам ты князь, а нет у нас твоей единой правды... Прежние смуты творятся в родах наших, а ты далеко от нас, некому виновных покарать, некому и суд между нами творить. Бьём тебе челом — дай и нам твою правду!..

Рюрик надолго погрузился в глубокую задумчивость. Просьба посланников не удивила его, но заставила искать выход из нового тяжёлого положения. Не удовлетворить посланцев четырёх могучих племён, оставить их без «княжеской правды» было опасно. Если бы эти племена возмутились, они легко увлекли бы за собой ещё не вполне успокоившихся ильменцев.

— Вижу теперь, в чём у вас дело, — заговорил наконец князь, — вижу, что и впрямь вы правды ищете. Только вот как быть с вами, не знаю.

— Раздумай за нас, надежда наша, слёзно молим тебя! — кланялись послы.

— Вот я и думаю... Сам бы я к вам пошёл, да не могу быть среди вас. Лучше вы ко мне при-

ходите.

— Далеко к тебе, княже, и не посмеем мы беспокоить тебя из-за всякой малости...

— И это верно вы говорите! Согласен с вами. Чувствую я, что должен дать вам правду, но как я вам дам её, об этом узнаете после. А теперь покуда пойдите, отдохните с дороги и спокойно ждите моего решения...

Князь приказал по возможности радушнее принять и угостить послов, что и было исполнено. Старого мёду для послов не пожалели. Они осушали кубок за кубком, славя при этом князя — «солнышко красное»...

А пока пировали послы, в советной княжеской собрались вокруг Рюрика его названный брат Олоф, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир и другие ближние советники. Думали они глубокоую думу, как им быть с делом посланцев, какую им правду дать...

— Вот что я тебе скажу, мой Рюрик, — говорил Олоф, — и знаю я, что ты примешь совет мой...

Одни ли кривичи, одни ли весь, мера, дреговичи под твоей властью? Вспомни ты, что есть, кроме них, и ещё другие племена.

— Я понимаю, что хочешь сказать ты, мой Олоф. Знаю, есть ещё поляне, дулебы, древляне, но те не клялись мне в верности и не ищут моей правды...

— Так надо заставить их искать её, — пылко воскликнул норманн, — пусть наши ярлы Аскольд и Дир идут к ним и покорят их под власть твою.

— Но лучше ты сам, Олоф! — воскликнул Дир.

— Я — нет! Я останусь с Рюриком, так как дал клятву никогда не разлучаться с ним... А вы, ярлы, такой клятвы не давали. Идите и исполняйте важное дело.

Долго говорили о предложении Олофа, и наконец решено было, что пойдут к полянам Аскольд и Дир, займут Киев и объявят все приднепровские славянские племена во власти великого князя русского Рюрика.

Надумали, как дать правду и кривичам с весью, мерью и дреговичами.

На другой день призвал послов к себе Рюрик.

— Исполняю я желание ваше, — сказал он им, — дам я вам свою правду! Сами понимаете...

те, нельзя мне самому постоянно быть среди вас, так вот и посылаю я к вам братьев своих Синеуса и Трувора... Синеус пусть сядет в Изборске, а Трувор в Белоозере. И будут они править вами именем моим. Если же ими в чём будете недовольны, тогда мне на них челом ударите...

Послы остались как нельзя более довольны таким ответом.

Спустя немного времени с Ильменя отправились в дальний путь две сильные варяжские дружины. Одна из них сопровождала Синеуса и Трувора к кривичам, другая с Аскольдом и Диром пошла на берега Днепра покорять под власть великого русского князя новые славянские племена.

Мир и спокойствие воцарились на Руси. Не было и помину о прежних смутах, даже о главном виновнике их Вадиме никто не вспоминал...

21. Судьба Вадима

Д е же был всё это время Вадим? Неужели до него не дошли слухи о том, что творится на родных ему ильменских берегах?

Действительно, ничего не знал Вадим о событиях, совершавшихся в народе славянском; не знал он да и знать не мог. Далеко-далеко увёл его старый Мал после того, как Рюрик пощадил ему жизнь.

В последний раз мы видели Вадима на поле битвы, обессиленного от ран, уничтоженного гордым презрением врага-победителя, не пожелавшего даже смерти его.

Это более всего терзало Вадима. Он хотел умереть, проклиная своего врага, а ему оставили жизнь.

Какую жизнь?

Жалкую, позорную жизнь — жизнь из-

гнанника, преследуемого каждый миг вечным страхом за свою безопасность...

О, с какой радостью умер бы тогда Вадим. Смерть была бы ему облегчением. Но около него был старый Мал, и он не позволил умереть молодому старейшине.

С поля битвы вынес болгарский кудесник Вадима. Трудно было бы даже и предположить такую силу, какую выказал при этом дряхлый старик. словно малого ребёнка, почти на руках, нёс он Вадима до берега Ильменя, где у него припрятан был лёгкий челнок. Вадим всё ещё не приходил в себя. Безжизненным пластом лежал он на дне челнока, беспомощный, бесчувственный.

Мал, легко управляясь с веслом, гнал челнок через озеро к дремучему лесу, где была у него берлога.

— Зачем я спасаю его? — тихо бормотал старик. — Какая сила заставляет меня делать то, что я теперь делаю?.. На что ещё нужна его жизнь высшим существам, управляющим всем в этом мире? Или не всё ещё зло, назначенное ему, совершил он?.. Судьба бережёт его. На что? Готовит она ему более ужасное?..

Вадим не приходил в себя даже тогда, когда Мал уложил его в своей избушке. Как ни крепка была его натура, не выдержала она всё-таки перенесённых потрясений и надломилась. Молодой старейшина в беспамятстве метался, стонал, и только снадобья, которые давал больному старый волхв, несколько успокаивали его.

Долго он был между жизнью и смертью.

Но молодость взяла своё и одолела недуг. Мало-помалу Вадим стал приходиться в себя.

Мал без устали ухаживал за ним.

— Вставай, вставай! — говорил он, когда Вадим несколько окреп. — Собери свои силы, мы скоро пустимся с тобой в далёкий трудный путь!

— Мы в путь? Куда?

— Туда, куда зовёт тебя судьба. Идём.

— Но я хочу остаться здесь, старик, я хочу умереть на родимых берегах.

— Нельзя! Высшие существа не желают этого. Здесь жизнь твоя подвергается опасности!

— Какой? Разве не всё ещё миновало для меня! Разве новые удары готовит для меня в

грядущем судьба?

— Почём знать!

— О, старик! Я верю тебе! — вскричал в волнении Вадим. — Всё, что ты предсказывал мне, исполнилось! Умоляю тебя, скажи ещё раз, что ждёт меня в грядущем? Молю тебя!..

Мал усмехнулся и загадочно покачал головою.

— Пожалуй, я могу сказать тебе это!

— О, скорее, не томи меня!

— Мне не надо даже спрашивать судьбу, чтобы ответить тебе на этот вопрос... Всё ясно и так. В грядущем ждёт тебя то же самое, что и всех других.

— Но что?

— Смерть!

Ответ был прост, но на Вадима он произвёл ужасное впечатление. Со стоном опрокинулся он на своё ложе, бешенство отразилось на его лице.

— Или ты хочешь быть вечным? — спросил, заметив его волнение, Мал. — Напрасно! На земле всё смертно!

— Не то, Мал, не то! — закричал Вадим. — Совсем не то! Но скажи мне, неужели я погиб-

ну от руки заклятого моего врага?

Кудесник снова покачал головой.

— Нет, высшие существа не судили тебе этого! Твой враг будет неповинен в твоей смерти.

Вздых облегчения вырвался из груди Вадима.

— О, тогда я не боюсь умереть! — произнёс он. — Тогда я уверен, что найду случай отплатить врагу за всё и насладиться его предсмертными мучениями...

— Не надейся на это! Не забывай, что я уже однажды сказал тебе. Твой враг — любимец судьбы, и она свято будет хранить его от всех несчастий... Не удастся тебе тронуть и волоса на его голове... Но перестанем говорить об этом. Помни, что мы должны уйти отсюда; остался кое-кто на Ильмене из преданных тебе, и с ними уйдём мы из этой страны...

На этом разговор прекратился.

Старый Мал подолгу исчезал из своего убежища, но никогда не возвращался туда один. Он всякий раз приводил кого-либо из славян, решившихся покинуть родину и искать счастья в других местах. Скоро около Вадима со-

бралось много таких молодцов. Все они знали старейшину, видели в нём способного храброго человека, а потому и не задумались избрать его своим вождём.

Вадим охотно принял над ними начальство. После непродолжительных разговоров было решено, что все они уйдут на Днепр и останутся там до тех пор, пока не представится возможность вернуться в родные места. Каждый из них прекрасно понимал, что оставаться на Ильмене было опасно. Господствовавшие тогда над приильменскими родами норманны не оставили бы в живых ни прославившегося отчаянной храбростью Вадима, ни кого-либо из его дружинников.

Старейшина быстро поправлялся. Силы его восстановились, и наконец было назначено время их ухода.

Тяжело было покидать молодцам родные берега. Будто навек, прощались они с Ильменем. Но делать было нечего, надлежало уходить в далёкий путь — искать в неведомом краю нового счастья...

Точно так же, как много лет назад покидал родную страну другой изгнанник, так уходил

теперь и Вадим... Уходил он с сердцем, полным ненависти.

И он также дал клятву...

Однако клялся он жестоко отомстить не родине своей, а врагу.

— Клянись, клянись! — кивал Мал, читавший точно по открытой книге всё, что происходило в сердце молодого человека. — Знаю я, что и на самом деле вернёшься ты сюда... Только не так вернёшься, как тот вернулся... Не слава, не почёт ждут тебя здесь... Северный сокол за это время обратится в могучего орла. Тебе ли, жалкому ворону, тягаться с могучим орлом? Но ты вернёшься, вернёшься для того, чтобы исполнилась над тобой воля судеб... Тебе суждено умереть на родине, и ты умрёшь здесь...

На предсказания Мала не обращали внимания.

22. В Киеве

аленькая дружина Вадима благополучно вышла из Ильменя и спустилась по великому водному пути из варяг в греки до Днепра. Путь их не сопровождался никакими приключениями. Норманны вглубь страны не заходили, ограничиваясь покорением только ближних к Ильменю родов, поэтому дружине Вадима и удалось беспрепятственно проскользнуть по рекам на юг.

Рассчитывал Вадим поднять южных славян на помощь северным и освободить этих последних от ига норманнов.

С этой целью он и стремился к Киеву, главному центру союза южных славян.

Но ему пришлось жестоко разочароваться...

Нечего было и надеяться на помощь юж-

ных славян их северным братьям. По своему устройству южные племена жили в ещё большей розни между собой, чем северные, а кроткие, тихие поляне сами были покорены хазарами и платили им немалую дань.

Однако в родах Полянских ласково приняли пришельца с Ильменя. Узнали здесь о несчастье Новгорода и, ради сочувствия к чужому горю, позволили Вадиму с его дружиной поселиться на свободных местах.

Вадим после всего пережитого чувствовал себя настолько уставшим, что решил отдохнуть и ничего пока не предпринимать.

Сколько бы времени провёл он в бездействии, сказать трудно, но совсем неожиданное обстоятельство встряхнуло Вадима, напомнило прежнее, разбередило его незажившие раны.

Пронёсся среди родов, живших при Днепре, слух, что и к ним идут норманны!..

Встрепенулся бывший старейшина при одном только известии о близком появлении тех, кого он считал своими заклятыми врагами.

«Кто такие? Зачем? Нет ли его с ними?» —

вот вопросы, взволновавшие душу Вадима.

Он стал приглядываться к тому, как готовятся в родах ко встрече неожиданных, незваных гостей.

Но всё было тихо кругом и спокойно. Никто в родах кротких обитателей днепровского побережья и не думал встречать пришельцев с оружием в руках.

На Днепре даже были, как будто, довольны приходу варяжской дружины.

Скоро и новые вести пришли о ней. Варягов было много, они все были прекрасно вооружены, шли в днепровский край под начальством ярлов своих Аскольда и Дира; где добром да лаской их встречали, там никому обид не делали.

Вступив в днепровский край, Аскольд и Дир сразу же изменили свои намерения. Из Новгорода выходили они с тем, чтобы при помощи оружия присоединить к владениям Рюрика и эти земли. Но чем дальше отходили они от Ильменя, тем всё резче изменялись их замыслы...

— У Рюрика и так земли и народа много! — говорил более энергичный Аскольд Диру. —

Лучше постараемся для себя... Он будет конунгом ильменским, а мы станем владеть здешними землями...

— Тесно не будет! И ему, и нам места хватит.

Счастье благоприятствовало молодым ярлам. Они помогли полянам освободиться от власти хазар и укрепились в их земле.

Но здесь Вадим узнал то, что вновь пробудило в его сердце бешенство...

Узнал он, что его враг заклятый стал единственным владыкой всей страны приильменской.

Ненависть глодала его.

«Настал, наконец, час моей мести!» — решил он и вскоре после этого исчез из приднепровского края.

23. Снова тревога

Юрик, между тем, в своих постоянных заботах о вверившемся ему народе совсем забыл о существовании Вадима. Ему казалось, что он уже покончил все счёты со своим врагом и более никогда не встретится с ним.

Представлялось, что положение нового князя на Ильмене упрочилось, что народ доволен его правлением и, под влиянием отрадного покоя после пережитых неурядиц, отдыхает, вступив в новую жизнь...

Первые твёрдые начала нового правления были заложены, оставалось только идти далее намеченным путём. Князь теперь имел возможность гораздо более, чем прежде, посвящать времени себе, и часто теперь, когда не требовали его дела правления, оставался в покоех Эфанды.

Дочь старого Белы всеми силами стремилась помогать своему супругу в его трудах по управлению разрозненным буйным народом. В то самое время, когда Рюрик занимался с ильменскими старейшинами, Эфанда собирала около себя их жён, вела с ними продолжительные беседы, старалась вселить в них любовь к их князю, привлечь к нему их сердца.

Как нежно Рюрик любил её в это тревожное для него время!.. Всё прежнее было забыто, одна только, одна Эфанда существовала для него... С какой отрадой проводил Рюрик немногие часы отдыха в её покоях. Он даже как будто перерождался. Морщины на его челе распрямлялись, из грозного воина, величавого правителя он становился простым, нежно любящим человеком...

Даже Олоф замечал эти перемены и добродушно посмеивался над своим названным братом.

Так шло время.

Однажды пришли вести с далёкого Днепра... Они поразили Рюрика и наполнили его душу смятением. Узнал он, что любимцы его, те, кого он считал преданнейшими своими

друзьями, ярлы Аскольд и Дир, изменили ему...

Таким, по крайней мере, он считал их поступок.

Объявляли они русскому князю, что только для себя овладели они Полянской землёй, осели там и будут княжить в Киеве, как он, Рюрик, в Новгороде...

«Ты будешь конунгом на севере, а мы на юге, — уведомили ярлы Рюрика. — Друг другу мы не помешаем. Если же понадобится тебе наша помощь — можешь на неё рассчитывать, готовы мы вступить с тобой в союзы... Изменниками нас не считай, потому что не давали мы тебе клятвы в верности, и ярлы мы свободные, ни от кого не зависимые...»

Но в это время совсем новое обстоятельство отвлекло внимание русского князя от далёкого юга.

В один из светлых, счастливых часов, которые Рюрик посвящал исключительно одному себе, он находился в покоях своей супруги. Был вечер. Горница великой княгини была погружена в полумрак. Последние лучи солнца слабо освещали обширное пространство

богато убранного покоя.

Рюрик и Эфанда были они.

Это был один из редких моментов в их настоящей жизни, когда положительно никто не мог помешать их счастью. Вокруг всё было тихо — никто не приходил к Рюрику «за судом и правдой», даже Олоф со своими любимцами умчался в леса на охоту.

Рюрик нежно обнимал приникшую к нему супругу, смотревшую на него полным самой искренней любви взглядом.

— Счастлива ли ты, Эфанда? — спрашивал её Рюрик. — Боги были к нам до сих пор милостивы и даровали нам то, что многим и пригрезиться не могло... Так скажи же искренно: счастлива ли ты?

— Я счастлива твоим счастьем! — ответила Эфанда. — Разве твоя радость — не моя радость в то же время? Разве твоё счастье — не моё счастье?.. Но только...

— Что, моя Эфанда?

— Сама я желала бы, чтобы ты остался прежним... Ты тогда принадлежал бы мне одной, а теперь я принуждена делить тебя с твоим народом...

— Зато помни, что мы своим личным счастьем жертвуем для блага многих... Сами боги указали на нас, чтобы мы даровали этим многим новую жизнь.

— Верю и знаю. Но то, что я сейчас сказала тебе, касается одной меня. Мне всегда так хорошо с тобой... но очень редки эти мгновения...

— Но как они зато отрадны и сладки!

— Правда, правда, милый! — прошептала Эфанда и нежно приникла к его могучей груди.

Рюрик крепко обнял её и осыпал дорогое ему лицо бесчисленными поцелуями. В этот миг он забыл всё на свете: и заботы свои, и измену любимцев своих Аскольда и Дира — он весь отдался сладкому чувству любви...

Вдруг некий неясный шорох, слышавшийся в покое, вернул Рюрика к действительности. Шорох раздавался совсем близко, как будто какое-то крупное и беспокойное животное забралось сюда и ломилось в двери, чтобы помешать счастью возлюбленных.

— Кто там? Эй! — крикнул Рюрик, не выпуская Эфанды из объятий.

Дверь тут бесшумно отворилась, и в покое очутился старый Мал. Он остановился у порога и залился тихим смехом.

— Воркуют голубки, воркуют, — прохрипел он. — Воркуют и не знают того, что кровожадный волк рыщет около их гнезда, что пришёл он в родные места и щёлкает крепкими зубами. Он полон лютой злобы и жаждет крови своего врага... Берегитесь, голубки! Берегите своё гнездо! Горе грозит князю, и тебе, слабая женщина. Готовится тяжкое испытание!

— Мал, зачем ты здесь? — воскликнул Рюрик.

Он хорошо знал Мала, которого все боялись на Ильмене.

— О каком волке говоришь ты, вещей старик? — снова, с тревогой в сердце, спрашивал князь. — Какое новое несчастье пришёл ты возвестить мне?

— Ты не знаешь того, голубок, ослеплённый любовью своей голубки! — насмешливо заговорил чаровник. — Ты не хочешь понять! Но я не вправе сказать этого тебе яснее... По воле высших существ я ничего не могу вам,

простым смертным, говорить прямо. Но довольно и того, что я сказал... Понимай сам и готовься: волк близко. Трепещи ты, кроткая овечка!

При этом он так взглянул на Эфанду, что бедная женщина невольно почувствовала ужас.

— Мой Рюрик! Что говорит этот старик? — вскричала она. — Мне страшно за будущее, за тебя!

— Поясни же нам, Мал, о каком кровожадном волке ты говоришь? — потребовал Рюрик.

— Довольно, вы предупреждены... берегитесь... но не пугайтесь нового горя... всё так идёт на этом свете... За радостью следует горе, а горе сменяется счастьем... — тихо молвил Мал.

Он отступил к двери и бесшумно исчез.

Не успели Рюрик и Эфанда прийти в себя, как на дворе хором раздался шум. Послышались громкие крики.

С мрачным предчувствием в сердце подошёл Рюрик к окнам покоя и увидел толпу вооружённых воинов, среди которых узнал

нескольких из дружины его брата Синеуса...

«Что? Что такое случилось?» — волновался Рюрик, ожидая, когда к нему поднимутся с вестью его приближённые.

Тревожное предчувствие сжимало ему сердце...

24. Кровожадный волк

Овора Рюрику о кровожадном волке, Мал подразумевает Вадима. Бывший старейшина с очень немногими преданными ему людьми вернулся на берега Ильменя и скрывался в дремучих лесах, готовясь к мести своему заклятому врагу.

Прежняя неведомая сила влекла его к жилищу Мала.

Старый болгарский волхв один из первых узнал о возвращении бывшего старейшины на берега Ильменя. Вадим ещё не приходил к

нему, когда Мал являлся к Рюрику возвестить ему о появлении «волка». Теперь, вернувшись от князя к себе в лесную чащу, Мал пребывал в уверенности, что Вадим очень скоро явится.

И он не ошибся.

Вадим пришёл один — тихий, покладистый, ищущий совета.

— Старый Мал! — заговорил он. — Быть может, в последний раз мы видимся с тобой.

— Не в последний! — возразил кудесник. — Но уже близко то время, когда кончится наше дело в этом мире.

— О чём говоришь ты?

— Тебе и самому должны быть полезны мои слова. Ты хочешь знать, о каком нашем деле я говорю? Изволь, я готов сказать. Посмотри кругом — на весь этот мир. Посмотри на этот лес, на этих птиц, на людей, наконец, — чем они живут... Чем живёт мир?.. Ты хочешь знать, и я скажу тебе: борьбой, вечной непрерывной борьбой добра со злом живут они, живёт весь мир... Всё борется, вечно борется, и кто сильнее, тот побеждает. Жизнь — это борьба!.. Не будь борьбы, не бы-

ло бы и жизни. В этой борьбе и наше дело. Вспомни, ты приходил ко мне заговаривать нож на него; вспомни, ты искал его всюду, искал и не находил. Знаешь ли, что в лице твоём и его боролись зло и добро ильменского народа? Ты был сильнее, ты гнал этого человека, преследовал его, лишил его родины. Но ты сам же его привёл обратно таким, какой он есть теперь... Он — добро твоих братьев; ты — зло их. Ты разрушал благо множества людей, он созидает его. Что же ты сделал?..

Мал смотрел вопросительно. Вадим слушал его, затаив дыхание. Старый кудесник никогда ещё не говорил с ним так.

— Но постой, старик! — воскликнул Вадим наконец. — Я не то узнать хочу от тебя. Ты говоришь, что между нами борьба. Но ты должен знать тогда, кто из нас выйдет победителем.

— Добро всегда было и будет сильнее зла.

— Стало быть, я должен оставить свою месть, преклониться перед врагом, молить у его ног о прощении?.. Нет, нет, никогда!

— Ты не можешь уже остановиться теперь. Ты должен довести своё дело до конца.

— Чтобы пасть в этой борьбе?

— Да, чтобы пасть.

— Но ты? Ты зачем берёг меня?

— Я должен был поступать так. С той самой минуты, как ты явился на этот свет, я знал уже, что ждёт тебя в этой жизни и должен был вести тебя к этому концу. Наши поступки не в нашей воле, высшие существа управляют нами, а они хотели, чтобы было то, что было.

— Нет, нет, ты не прав. Ты выжил из ума, старик! Весь Ильмень восстанет по моему слову и пойдёт за мной. Мы свергнем этого пришельца, этого предателя, и ты услышишь, что я скоро займу его место. Не он, а я должен быть князем славянским!

— Безумец! Ослеплённый! — усмехнулся Мал. — Ты сделаешь, что говоришь. Но это будет последним твоим делом.

— Я не верю тебе! Слышишь — не верю.

— Ты не верил и раньше. А между тем всё вышло так, как говорил я. Но об одном я прошу тебя, Вадим... Слышишь? Я прошу... Делай скорее своё дело. Устал я уже... Поднимай Ильмень, волнуй его, но только скорее, ско-

рее...

Мал тяжело дышал. Слабым, дряхлым, беспомощным казался он в это время. Вадим теперь сам едва не с сочувствием смотрел на него.

— Иди же, иди, куда толкает тебя судьба. Время как нельзя лучше благоприятствует твоему замыслу. Не до того теперь князю русскому, чтобы вспоминать о тебе! — молвил чаровник. — Иди и подымай Ильмень, а меня пока оставь. Жду с нетерпением я желанного отдыха и знаю, что скоро дождусь его.

С великим смущением в сердце оставил Вадим болгарского кудесника. Слова его не могли не породить в нём сомнение. Бывший старейшина задумался над своей жизнью.

«Неужели в самом деле судьба бережёт моего врага, неужели он её избранник, тогда как я отвергнут ею? — думал он. — Что, если прав Мал? Но тогда что мне делать? Разве могу я оставить свою месть? Ведь для неё одной и живу я, ею одной и дышу... Но ежели всё, всё напрасно, ежели и впереди меня ждёт неудача?.. О, тогда смерть будет для меня желанным утешением... Всё равно! Пусть смерть! Я

сумею умереть. Но если он и на самом деле избранник судьбы, то пусть эта борьба станет последней борьбой. Если и тут мне не будет удачи, то что же...

зачем мне жить? Я умру, умру сам или паду в битве за свободу родины!»

Одолеваемый мрачными мыслями, выбрался Вадим из лесной чащи, где была избушка Мала, на берег Ильменя. Там у него был припрятан лёгкий челнок. Задумчивый, полный грустного предчувствия, сел он в него и направился к волховскому истоку. Вадим намеревался побывать в Новгороде, а для этого ему необходимо было миновать островок, на коем стояли хоромы Рюрика.

Он уже подплывал на своём челноке к этому островку, когда заметил около него большое скопление ладей. Особенно выделялась роскошно убранная ладья, причаленная к самому берегу.

Вадим, на которого никто не обращал внимания, пробрался на своём челноке по возможности ближе к берегу. Народ на ладьях был весел. Все с нетерпением чего-то ожидали.

— Что здесь? Кого ждут? — спросил Вадим у старика, сидевшего на корме соседней лодки и вглядывавшегося в ворота крепости.

— А князя нашего, солнышко красное, ждём, — обронил старик. — В Новгород на вече он отправляется перед отъездом к кривичам. Вот и собрались мы поприветствовать его...

Кровь ударила в голову Вадима. Сейчас он увидит своего врага. Сейчас он увидит того, кого старый Мал да и сам он теперь в глубине души считал избранником судьбы.

Вадим даже закрыл глаза под наплывом охвативших его противоречивых чувств. Для него очень многое решалось в это мгновение. Может быть, эта встреча должна повлиять на него таким образом, что откажется он от заветной мысли — от мести; может быть, найдёт он в ней силу для будущего...

Радостные крики заставили Вадима поднять голову.

Из ворот городка, окружённый толпой дружинников, выходил Рюрик. Он нежно вёл под руку провожавшую его до ладьи Эфанду. Восторженные приветствия неслись со всех сто-

рон.

Да! Это он! Заклятый враг Вадима. Даже своей милостью нанёсший ему тяжкое оскорбление! Как он статен, величав, могуч! Как радуется при виде его народ! Как ласково, с какой любовью смотрит на него эта красавица!..

Кто она?

Супруга князя!.. Значит, прошлое забыто! Любуша исчезла из памяти. Другая заняла её место... Ах! Когда так, то теперь Вадим знает, чем и как отомстить врагу... Прочь все сомнения, прочь все мрачные думы... Эта женщина дорога врагу... С какой любовью глядит он ей в очи! Сполна отомстит ему Вадим. Этой женщиной рассчитается он с врагом. Смерть, так смерть! Но перед тем он оскорбит самое нежное чувство в сердце врага. Горе ему!.. Эта красавица должна принадлежать Вадиму и будет принадлежать!

Такие мысли вихрем пронеслись в голове у Вадима, с мучительными злобой и завистью смотревшего на прощание князя с его дорогой княгиней.

Крепко стиснув зубы, Вадим отогнал в сто-

рону свой челнок. Новая тяжесть легла ему на сердце.

Теперь образ красавицы-княгини пробудил в нём самые низменные чувства.

А Рюрик, не подозревая, что кровный враг его находится так близко, сажился в ладью. Нехорошие вести принесли ему, пришедшие после ухода Мала, послы от кривичей. Совсем неожиданно умер в Изборске брат его Синеус, и кривичи звали к себе князя, опасаясь, что, оставшись без правителя, они снова начнут страдать от родовых раздоров.

Рюрик решил не медлить и отправиться в путь, объявив только о своём внезапном отъезде новгородскому вечу.

Вадим видел, как поплыли по Волхову ладьи с князем и его дружиной, и скрипел зубами, слыша громкие крики провожавшего своего князя народа.

25. Последняя вспышка

«

В

адим вернулся», — эта весть с быстротою молнии пронеслась по всему Ильменю.

Такого известия было вполне достаточно, чтобы поселить надежду в сердцах недовольных.

Заволновался, зашумел Ильмень, зазвенели мечи в родах славянских. И время для возмущения было как нельзя более удобное. Князь отсутствовал, уехал он с дружинами своими к кривичам. Горе нежданно подкралось к Рюрику. Узнал он теперь, что умер почти одновременно с братом Синеусом и другой его брат — Трувор.

Волей-неволей пришлось князю оставить Ильмень...

Отправившись в далёкий путь, Рюрик сделал ошибку, взяв с собой и единственного

своего друга, который бы мог его заменить в его отсутствие, — Олофа. Впрочем, мог ли предвидеть он, что опасность для молодого государства была так близка?..

Во главе оставшейся небольшой дружины был поставлен храбрый на поле битвы, но малоопытный в делах правления воин по имени Руар. По его мнению, всё было спокойно на Ильмене, опасаться было нечего, а потому Руар с дружиной после отбытия князя повёл довольно беспечный образ жизни.

Вадим, между тем, делал своё дело.

Один, без дружины, без всякого приготовления являлся он в роды и повсюду говорил так горячо, так убедительно, что не только юноши, но и старики заслушивались его.

Заслушивались и вспоминали прежнее.

Как прежде-то жилось привольно!.. Каждый сам себе старший был и знать ничего не хотел, а теперь вот прислушивайся к тому, что на Рюриковом городище скажут...

Поэтому-то и находили себе отклик и сочувствие в сердцах славянских пылкие речи Вадима.

— Веди нас! Все за тобой пойдём, — слыша-

лись восторженные возгласы.

— Будь нам князем, дай нам правду не варяжскую, а родную, ильменскую.

Вадим, конечно, знал цену этим словам. Понимал он, что, свергнув одного князя, ильменцы не задумаются прогнать и другого, но какое ему было до этого дело? Образ красавицы-княгини не давал ему покоя, волновал, мучил его так же, как некогда мучил образ Любуши.

Страсть снова ослепляла его...

Он чувствовал, что идёт на отчаянное дело, что очень и очень мало у него средств для борьбы, но всё-таки шёл, шёл напролом.

Рюрик ничего не знал о том, что происходило на Ильмене. Он был далёк от мысли о возможности мятежа и спокойно устраивал дела кривичей, пришедшие в беспорядок после смерти Синеуса. У веси и мери всё было хорошо, и кончина Трувора не вызвала среди них никаких волнений.

Сам Рюрик был очень огорчён кончиной братьев. В их преданности он никогда не сомневался, теперь же у него оставался один Олоф, а Олоф нужен был ему и на Ильмене.

Как ни удачно начал своё правление Рюрик, а существовало нечто такое, что мучило его и заставляло тревожиться за дальнейшую участь избравшего его народа. Эфанда была бездетна, и в будущем некому было передать великого дела объединения всех славян.

Некому, кроме Олофа.

Поэтому-то Рюрик не отпускал от себя своего названного брата, желая приучить ильменцев к мысли, что после него их правителем явится Олоф, и никто другой.

Молодой викинг знал о намерениях своего князя, понимал их значение для славянского народа, а потому и готов был принять на себя трудное дело правления.

Думая обо всём этом, Рюрик вместо Синуса и Трувора поставил в подвластных ему землях кривичей, веси и мери наиболее преданных ему отдельных начальников варяжских дружин, поручив им и сбор дани, и суд его именем над виновными.

Весть о возникшей на Ильмене смуте, как громом, поразила и Рюрика, и Олофа.

Эфанда решила отправить гонца к своему супругу.

Снова пришлось Рюрику услышать о Вадиме.

То, что он всеми силами старался забыть, изгнать навсегда из памяти, снова встало, как неумолимый упрёк минувшему...

— Вадим, Вадим! Опять он встал на моём пути! — воскликнул Рюрик, получив весть от Эфанды. — Он не послушался меня, не вспомнил моего добра и снова идёт мне навстречу.

— Надо было тогда раздавить эту гадину! — заметил Олоф. — Разве можно было ждать от него какого-либо добра...

— Но теперь поздно вспоминать об этой ошибке!..

— Однако не поздно наказать негодяя!

— Да, надо спешить. Кто знает, что может там случиться!..

Рюрик и Олоф поспешно собрали дружину. Они даже взяли с собой тех, кто должен был бы оставаться с наместниками князя, но дело выглядело настолько серьёзно, что мог пригодиться каждый человек.

Действительно, Ильмень взволновался не на шутку...

Вадима окружала многочисленная дружи-

на — главным образом, молодёжь и недовольные князем.

Ликовал бывший старейшина.

Он не сомневался, что теперь исполнится задуманный им план, тем более, что среди его сторонников царило полное единодушие.

— Прогоним князя, не бывать над нами ничьей воли, кроме нашей! — кричали сторонники Вадима.

— Пусть Вадим будет нашим князем, его хотим!

— Веди нас, князь наш! Веди! Мы все пойдём за тобой.

— С тобой мы и Новгород разгромим!

Но главной целью Вадима был не Новгород, а Рюриково городище. Там жила Эфанда, ставшая недавно предметом всех его мечтаний.

Никто в толпах мятежников и не подозревал о затаённой цели своего вождя. Для всех он являлся поборником прежних вольностей. За ним шли не только те, кому терять было нечего, но также люди, действительно помнившие старый порядок и дорожившие им.

Собралось достаточное количество воинов,

и Вадим решил начать мятеж.

— Что мы будем ждать, братья, — говорил он, — пойдём и прежде всего разорим гнездо залётного сокола, не оставим там камня на камне, а тогда уже легче станет закончить остальное.

— Идём! Идём все за тобой!

Мятеж вспыхнул.

Руар понял теперь, что дело нешуточное. Приходилось уже думать не о том, чтобы подавить восстание, а о том, как бы сохранить свою жизнь и продержаться до прибытия свежих дружин во главе с князем.

Рюриково городище, согласно тогдашним требованиям фортификационного искусства, являлось хорошо укреплённой крепостью, и взять её трудно было, но охраняла её лишь небольшая дружина, а вольница Вадима была многочисленна и воодушевлена жаждой норманнской крови и грабежа.

Медлить Вадим не любил. Он быстро окружил Рюриково городище. Руар, Эфанда и все варяги были отрезаны от Новгорода, где они могли бы искать защиты.

А Новгород повёл себя во время мятежа

очень странно. Он не примкнул к мятежникам, но и не пошёл против них. По крайней мере, он и не подумал оказать помощь осаждённым. Это было своего рода уловкой. Если бы победителем оказался Вадим, тогда новгородцы, отчасти сочувствовавшие ему и возникшему движению, спокойно перешли бы на его сторону, если же сила оказалась бы на стороне князя, то новгородцы оказались бы ни в чём перед ним не повинны...

Таким образом, осаждённым неоткуда было ждать помощи.

Положение их было почти критическое. Съестных припасов осталось очень мало и не приходилось думать о том, чтобы отсидеться за крепкими стенами городища.

Да и осаждающие не ждали. Вадим понял, что борьба с княжескими дружинами ему не под силу, и торопился кончить своё дело до прибытия Рюрика.

Тёмной ночью повёл он своих людей на приступ. Защитники городища тоже не дремали. Они решили дорого продать свою жизнь, защищая и молодую княгиню, и семьи отсутствующих товарищей...

Вадимовым людям только под утро удалось пробраться на островок. Отчаянный бой — бой не на жизнь, а на смерть — закипел при первых лучах восходящего солнца.

Сам вождь мятежников, казалось, забыл о грозившей ему опасности. Он оказывался там, где более всего гибло его людей. Как будто ничего не видя перед собой, шёл он на верную смерть и не находил её. Судьба всё ещё щадила его...

Один за другим гибли защитники крепости. С глубоко прорубленной головой лежал на главном валу Руар, так дорого поплатившийся за свою беспечность. Вот уже полегли и последние бойцы...

Вадим вышел из боя победителем. С несколькими самыми отчаянными из своих воинов ворвался он в княжеские хоромы. Там, окружённая толпой беззащитных женщин и детей, ждала врага Эфанда.

Она готова была умереть. Смерть не пугала её, а на случай позора в складках одежд припасён был острый кинжал.

Но Вадим так быстро кинулся к ней, что она не успела выхватить своё оружие. Один

миг, и обезумевший старейшина подхватил несчастную женщину и с диким рёвом выско-чил с ней из княжеских хором.

Отчаянный крик Эфанды на мгновение заглушил вопли других несчастных...

26. Смерть Вадима

редчувствие чего-то ужасного не оставляло Рюрика во всё время обратного пути. Как он жалел теперь, что не оставил на Ильмене Олофа, но сделанной ошибки уже нельзя было исправить...

Но ещё более он был перепуган, перепуган первый раз в жизни, когда, совсем уже близко от Новгорода, узнал о дерзком нападении Вадима на его городище.

Эти вести принесли Рюрику посланные ему навстречу из Новгорода вестники.

Некогда было раздумывать о том, виноват

ты или не виноваты новгородцы в этом мятеже, а приходилось спешить туда, где так необходима была его помощь.

Вихрем понеслись первые конные дружины к истоку Волхова; Рюрик и Олоф были впереди их.

Сердца обоих витязей так и замерли, когда они увидели столб густого дыма, поднимавшийся над городищем.

— Поздно... Неужели поздно? — терзался Рюрик.

Наконец они близко... Да, кровожадный волк посетил уже гнездо голубков. Стены крепости были разрушены. С островка доносились громкие крики избиваемых и стоны раненых.

Налетела дружина, врезалась в толпу не ожидавшей нападения вольницы... Закипел отчаянный бой.

Появление князя со свежими, отборными силами сразу же нагнало ужас на мятежников. С громкими криками кинулись они было к Волхову, ища на его волнах спасения, но оттуда подоспели уже ладьи с остальной дружиной князя.

Никому не дали пощады, всех истребили ожесточённые дружинники.

Как раненый лев, со стонами и проклятьями Рюрик искал Эфанду.

Искал и не находил...

— Эфанда! Эфанда, откликнись! — напрасно звал он её.

Наконец от одного из мятежников удалось узнать, что их вождь с лишившейся чувств княгиней переправился через Волхов и на лихом коне умчался по направлению к дремучему бору.

— Он увёз её к Малу, — воскликнул Олоф, — там живёт этот проклятый чарошник! Скорей туда!

Рюрик и Олоф, не дожидаясь даже дружинников, вихрем помчались туда, где надеялись найти Эфанду.

Олоф не ошибся. Вадим действительно увёз похищенную им княгиню в лачугу Мала. Там он рассчитывал быть в полной безопасности.

Мал как будто ждал его.

— Видишь ты, старик, — кричал ему Вадим, — судьба ещё не совсем оставила меня!..

Победа на моей стороне и в моих руках то, что заставит моего врага смириться предо мной.

— Да, ты быстро идёшь к своему концу!..

— Скажи — к моей мести! — захохотал Вадим и направился к Эфанде.

Но та как будто ожидала этого и быстро отскочила в сторону.

— Прочь от меня, презренный убийца! — воскликнула она. — Погляди, на тебе кровь беззащитных женщин и детей... Будь проклят!

— Пусть так! Но всё-таки ты будешь моей!

— Никогда — гляди!

Перед глазами Вадима сверкнуло лезвие кинжала. Он не успел удержать руки Эфанды, и она ударила кинжалом себя в грудь.

— Я в самом деле проклят! — дико закричал Вадим. — Судьба и тут помешала моей мести.

Он кинулся к телу Эфанды и, как малое дитя, разрыдался.

— Проклят, проклят! — говорил он. — О, хотя бы смерть теперь!

— Ты зовёшь смерть, сейчас придёт к те-

бе, — прохрипел над ухом безумца Мал, — слышишь?

Конский топот и бряцание оружия раздалось совсем близко.

— Что это? — с ужасом вскричал Вадим.

— Это орёл спешит на помощь к своей орлице, — ответил Мал. — Готовься, настало твоё время, ты сейчас умрёшь.

— Да, да! Я умру, но умру не от руки его! — иступлённо закричал Вадим и, схватив кинжал, которым ранила себя Эфанда, высоко взмахнул им.

В этот миг двое всадников вихрем внеслись на прогалину. Это были Рюрик и Олоф.

— Вот они! — закричал Рюрик и, забыв о Вадиме, кинулся к Эфанде.

— А я к тебе, ты не уйдёшь теперь от меня, презренный убийца! — бросился с поднятым мечом Олоф на мятежного старейшину.

— Поздно! — крикнул тот и что было сил ударил себя кинжалом в левую сторону груди и несколько раз повернул его в ране. — Ты на самом деле опоздал, проклятый враг, я умираю не от чужой руки.

Удар нанесён был верно.

— Прав ты, Мал, — произнёс Вадим, слабея, — они сильнее.

— Добро всегда сильнее зла, — сказал Мал и обратился к Олофу: — Оставь его, витязь, для него всё кончено на этом свете. Он был злом для народа славянского и заслужил свой конец.

— Собаке собачья и смерть! — закричал Олоф.

— Всё-таки он умер как храбрец, — возразил кудесник, — но вместе с ним кончено и моё дело!.. Высшие существа связали его судьбу с моей судьбой... Он умер, теперь и я могу отдохнуть. Прощай, Вадим! Воля судьбы свершилась.

Старец наклонился над трепетавшим ещё телом Вадима и нежно поцеловал его. Потом поднял голову и с радостной улыбкой устремил взор на небо.

— Да, да, сладкий миг наступает... И для меня всё кончается здесь. Всё, всё... Как хороша смерть, как отрадна после стольких лет!..

Он снова взглянул на Вадима. Тот в последний раз вздрогнул всем телом и вытянулся.

— Всё кончено, — прошептал Мал и опу-

стился, уже бездыханный, на труп последнего поборника ильменской вольности.

Когда Олоф на миг отвёл взгляд от Эфанды и посмотрел на них, — оба они уже были мертвы.

Рюрик, между тем, пришёл в себя. Рана Эфанды оказалась не опасною. Молодая княгиня пришла в себя и открыла глаза.

— Ты, ты здесь? — прошептала она. — Ты спас меня от этого ужасного человека!

— Он сам наказал себя! — кивнул Рюрик. — Но ты, моя Эфанда... Ты страдаешь?

— Я? Нет... ничего... Мне хорошо около тебя!

— Теперь мы с тобой никогда не разлучимся! — воскликнул Рюрик.

Вскоре дружина нашла своего князя.

Прежде всего, конечно, дружинники занялись Эфандой. Быстро соорудили носилки, на которые положили раненую княгиню, и все тронулись к городищу.

Перед уходом Рюрик подошёл к трупу своего врага и долго-долго глядел на него.

— Вместе умерли, и пусть они гниют здесь, — сказал Олоф, — пусть их тела станут

добычей воронов.

— Нет, Вадим был храбр, — ответил Рюрик и велел дружинникам: — Зарыть оба трупа там, где они лежат...

Со смертью Вадима мятеж потерял свою прежнюю силу. Подавить восстание не представляло более никакого труда. Все виновные подверглись жестокому наказанию, и это послужило всем хорошим уроком на будущее.

Полное, ничем не нарушаемое спокойствие воцарилось на берегах великого славянского озера...

Повествование наше подошло к концу...

Насколько автор выполнил свою задачу — представить по возможности интересный рассказ о давно минувших временах, — пусть судит сам читатель... Его суд самый верный и беспристрастный, перед которым бледнеют все нападки и похвалы критиков.

В заключение приходится сказать ещё несколько слов о действующих лицах повествования...

После того, как подавлено было поднятое Вадимом возмущение, Рюрик княжил около

17 лет и умер, как говорят некоторые хронологические данные, в 879 году в Новгороде. За четыре года до кончины Рюрика Эфанда порадовала его рождением сына, которого назвали в честь брата матери Ингваром.

Славяне, которым очень трудно давались скандинавские имена, переделали имя Ингвар на свой лад и стали называть его Игорем. Точно так же и имя названного брата Рюрика — имя Олофа было переделано ими для удобства произношения в Олега (мы уже знаем, что Сигура они звали Синеусом, а Триара — Труволом, или, как написано в летописях, Трувором).

Рюрик до конца своей жизни не мог понять, о каком владычестве над полумиром говорила ему ворожея. Если бы он мог встать теперь из-под своего кургана и оглядеться вокруг, то убедился бы, что ворожея была права. Страна, первым единодержавным правителем которой он был, действительно занимает полмира почти, и солнце никогда не заходит в её пределах...

Эфанда очень немногим пережила своего супруга, и малютка Игорь остался на попече-

нии своего двоюродного дяди, сурового Олега, ещё более расширившего пределы призывавшей Рюрика страны и соединившего в неразрывное целое два великих славянских союза — северный и южный...

Если читателю не совсем наскучило повествование о давно минувших временах, то в следующем романе того же автора — в романе под названием «Гроза Византии» — он может встретиться кое с кем из героев настоящего повествования...

Примечания

В Скандинавии ярлы представляли собой сословие, соответствующее дворянству. Богатые ярлы водили отряды на войну, делались викингами, а в мирное время не брезговали и торговлей.

[^^^]

Особенно много споров возбуждено было по поводу слова «варяг». Одни толкователи видели в нем какое-то отдельное племя; другие под этим названием подразумевали вообще наемного воина; третьи настаивают, что «варяг» — слово русское, корень которого сохранился до настоящего времени в слове «предва-ря-ть». Вообще же, по мнению последних, название «варяг» означало человека смелого, предприимчивого. Наконец есть указания на производность слова «варяг» от корня «вар» — «варить». Есть данные, по которым можно заключить, что у славян ильменских были свои собственные варяги. Так назывались отщепенцы и изгнанники разных славянских родов, поселившихся на берегах впадающей в Ильмень речки Варяжки и занимавшихся там солеварением. Многие из них уходили за Нево к скандинавам и поступали там в дружины викингов, сохраняя, однако, свое славянское наименование. С течением времени у скандинавов так стали называться вообще пришельцы, и так образовались ва-

ряжские дружины на скандинавском Севере. Очень может быть, что к общему названию для отличия одних пришельцев от других, то есть для различия их по национальностям, прибавлялось еще какое-нибудь особое прозвище и так образовались в Скандинавии варяго-россы, иначе говоря, выходцы с Руси — с Ильменя, которые потом были призваны для устройства порядка на Ильмени, так легко укоренившиеся там благодаря своему славянскому происхождению.

[^^^]

До сих пор еще у истока Волхова сохранился остров, на котором, по преданиям, основан был первоначально Новгород. С течением времени население выросло, и город перенесен был на новое место, где он и стоит до сих пор. По преданиям, в конце княжения Рюрика на месте старого Новгорода была устроена этим князем крепостца, отчего в настоящее время этот островок называется «Рюриковым городищем».

[^^^]

Купцов.

[^^^]

Чума или холера.

[^^^]

Слова «Наказа».

[^^^]

Есть указания, что славяне омывали свое тело только три раза: сразу после рождения, перед свадьбой и после смерти.

[^^^]

8

Сохранился и до настоящего времени. На нём
теперь Перынский скит.

[^^^]

Славяне всегда ставили своих кумиров на высоких холмах. Это соблюдалось особенно в отношении главного из славянских богов — Перуна.

[^^^]

Балтийское море.

[^^^]

Каспийское море.

[^^^]

12

Древнее название Астрахани.

[^^^]

Займствовано.

[^^^]

Ратный подвиг.

[^^^]

Финский залив.

[^^^]

Kwenedyr — двери, предназначенные для прихода мужчин, у древних скандинавов располагались в западной стене покоев и назывались *Karldyr*.

[^^^]

Hindragsgaef от *hindragher* — брачная ночь, то есть то, что дарили утром после брачной ночи.

[^^^]

Славяне того времени Ладожское озеро, или Нево, считали морем.

[^^^]

Нынешний Валаам.

[^^^]